

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav

5448.11

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЕЛЕНА ІОАННОВНА

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЛИТОВСКАЯ, РУССКАЯ, КОРОЛЕВА ПОЛЬСКАЯ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЙ ТОГО ВРЕМЕНИ.

Е. ЦЕРЕТЕЛИ.

И хоти будеть тебѣ дочка про то и до крови
пострадати и ты бы пострадала, а того бы еси
(измѣны греческому закону) не учинила.

Слова Іоанна III.

Нолны меня въ животѣ не будеть, тожъ
отца своего наказъ забуду.

Отвѣтъ Елены Іоанновны.

ВЪ ПОЛЪЗУ О-ВА ВСПОМОЖЕНІЯ ОКОНЧИВШИМЪ КУРСЪ НА
С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1898.

Slav 5448.11
✓

Nova 11

Дорогой матери

посвящаю

свой трудъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	1
I. Москва XV в.	14
II. Положеніе великихъ княгинь XV—XVI вв.	28
III. Время дѣтства и юности великой княжны Елены Ивановны (1471—1493 гг.).	57
IV. Сватовство, сговоръ и выѣздъ изъ Москвы (1493—1495).	82
V. Литва.	110
VI. Вильна	121
VII. Пріѣздъ въ Литву. Свадьба.	138
VIII. Семья Ягеллоновъ.	156
IX. Первые годы замужества (1495—1499).	179
X. Гоненія. Разрывъ съ Москвою (1498—1499).	213
XI. Война. Избраніе въ польскіе короли. Замиреніе. (1500—1503).	227
XII. Участіе Елены Ивановны въ политическихъ событіяхъ. Письмо ея.	249
XIII. Хозяйственная дѣятельность Елены Ивановны.	266
XIV. Участіе въ церковныхъ дѣлахъ.	282
XV. Послѣдніе годы замужества. Смерть Александра. (1503—1506).	296
XVI. Вдовство (1506—1513).	313
XVII. Кончина Елены Ивановны (1513).	328
XVIII. Заключеніе.	338
Замѣтка	
Приложеніе. А. Переводъ отрывка изъ Monumenta Poloniae historica. (Pomniki dziejowe polski), т. V. Lwow. 1888. Memoriale ordinis fratrum Minorum, a fr. Ioanne de Komogowe compilatum	339
Б. Письмо Елены Ивановны къ отцу.	345
Примѣчанія.	349

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый біографическій очеркъ касается политическихъ событій XV и XVI вѣковъ, въ которыхъ принимала участіе Елена Іоанновна, дочь геніальнаго политика—великаго князя Московскаго Іоанна III, жена Александра Казиміровича великаго князя Литовскаго и короля Польскаго.

Эти знаменательныя событія составляютъ эпизодъ изъ вѣковой борьбы Московскаго государства съ Литовскимъ.

На фонѣ политической и внутренней жизни народа выступаетъ не малое число выдающихся русскихъ историческихъ дѣятелей, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ великая княгиня Елена Іоанновна. Трудно было положеніе Московской княжны, ставшей государыней Литвы и Польши—тѣхъ странъ, съ которыми ея родная Москва вела непрерывную борьбу. Искусство, съ которымъ Елена Іоанновна вышла побѣдительницей изъ своего труднаго положенія, выказанныя ею твердость, энергія и выдающіяся дарованія обрисовываютъ въ ней личность замѣчательную, достойную дочь великаго отца. Дѣятельностью своей на пользу русской на-

родности и православной церкви великая княгиня заслужила благодарную память со стороны русских людей.

Вопросъ о дѣятельности великой княгини, источники для біографіи ея общеизвѣстны въ исторической литературѣ. Въ предлагаемомъ очеркѣ я пыталась сгруппировать всѣ свѣдѣнія, до нея касающіяся, и воспользовалась, между прочимъ, новымъ матеріаломъ, который даютъ изданныя въ Львовѣ записки ордена Миноритовъ (*Monumenta Poloniae historica. Lwow, t. V*).

Отъ души благодарю своего учителя, проф. С. Θ. Платонова за его совѣты, указанія и за ту любезность, съ какой онъ принялъ на себя трудъ прочесть мою работу въ корректурѣ.

I.

Москва XV вѣка.

Москва... какъ много въ этомъ словѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отоввалось!

А. Пушкинъ.

Москва—храмъ Россіи, а Кремль—ея
алтарь.

Слова Императора Александра III.

Москва—одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые носятъ отпечатокъ долгой исторической жизни. Вся исторія собирательнаго періода Руси отразилась въ ней и придала городу своеобразныя черты. Много городовъ живописнѣ Москвы, много и въ нихъ памятниковъ старины, но ни одинъ не производитъ такого цѣльнаго впечатлѣнія. Здѣсь не только вѣетъ стариной,—здѣсь чувствуется связь съ этой старинной, преемственность жизненныхъ явленій. Эти самобытныя черты поражаютъ самихъ иностранцевъ *).

*) Яркимъ примѣромъ тому служить взглядъ, высказанный знаменитымъ ученымъ, кардиналомъ Питроу, посѣтившимъ Москву въ 1859 году.

«Видъ на Москву, на Замоскворѣчье поразилъ его; по словамъ Питры, самъ Римъ не можетъ произвести такого грандіознаго впечатлѣнія. Самое суровое отцовское проклятіе сыну, говоритъ ученый путешественникъ, будетъ то, если отецъ покажетъ съ горы сыну въ послѣдній разъ Москву и запретить ему болѣе возвращаться, чтобы хотя еще разъ взглянуть на священный городъ». (Васильевъ, «О греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ» въ «Визант. Временникѣ» 1896 г.).

Но памятники московской старины относятся къ разнымъ эпохамъ, пережили измѣненія, самъ городъ представляетъ собой рядъ наслоеній тѣхъ вѣковъ, что были имъ прожиты. Попробуемъ дать картину Москвы и ея жизни, преимущественно въ княжескомъ сословіи, во время дѣтства и юности княжны Елены Ивановны, дочери великаго собирателя русской земли Юанна III.

То время было переходное. Удѣльный строй русской жизни былъ сломанъ и подавленъ. Москва восторжествовала и стала на развалинахъ удѣльнаго быта, но эти развалины еще дымились, еще были живы... съ ними приходилось считаться, шадить и терпѣть ихъ до времени.

За скудостью русскихъ источниковъ приходится пользоваться отзывами и описаніями иностранцевъ XV и XVI вѣковъ. Русскіе источники могутъ служить лишь для провѣрки точности и достовѣрности иностранныхъ.

* * *

Москва XV вѣка широко раскинулась по берегамъ рѣкъ Москвы и Яузы и своей обширностью и раздольемъ поражала иностранныхъ путешественниковъ, глазъ которыхъ привыкъ къ скученности и замкнутости западно-европейскихъ городовъ. Они находили ее вдвое больше Кельна; даже Флоренція и Чешская Прага уступали ей въ величинѣ. Особенно обширна казалась Москва издали и съ высокаго Кремлевскаго холма. Этотъ холмъ, врѣзываясь полуостровомъ при впаденіи рѣчки Неглинной въ Москву-рѣку, представлялъ собой естественно-укрѣп-

ленное мѣсто, съ трехъ сторонъ омываемое водой. Такое важное и выгодное положеніе холма сдѣлало его, съ самаго основанія города, главнымъ центромъ, къ которому радіусами сходились главныя улицы и части города.

Въ тѣ времена (XV вѣкъ) Кремлевскій холмъ былъ гораздо выше; обрывистѣе спускался онъ къ Москвѣ рѣкѣ, и особенно круты были его спуски со стороны Неглинной. Бѣлыя каменные стѣны, построенныя еще Дмитріемъ Донскимъ, приходили уже въ ветхость. Онѣ опоясывали Кремль, но пространство, ими охваченное, было меньше пространства нынѣшняго Кремля. По склону холма, къ Москвѣ-рѣкѣ, былъ раскинутъ садъ. Одинъ изъ иностранцевъ (Барбаро) пишетъ даже, что Кремль былъ окруженъ рощами. Такое впечатлѣніе иностранцевъ не должно смущать насъ и вводить въ недоумѣніе. До Ивана III къ стѣнамъ Кремля тѣсно примыкали деревянные торговые ряды, частныя постройки и масса небольшихъ деревянныхъ церквей; всѣ они, въ совокупности, представляли собой живые костры, зачастую пожираемые грозными московскими пожарами, и постоянно угрожали самому Кремлю. Иванъ III, наконецъ, рѣшился положить предѣлъ частному своеволю въ постройкахъ и оградить, по возможности, Кремль съ его святынями и драгоценностями. По его повелѣнію вокругъ стѣнъ были снесены всѣ частныя и общественныя зданія и запрещено строиться по близости Кремля на извѣстное разстояніе. Не пощажены были и церкви. Большинство изъ нихъ великій князь перенесъ на дальнее разстояніе отъ центра. На очищенномъ обширномъ простран-

ствѣ были разбиты площади и разведены сады и огороды; даже противоположный берегъ, Замоскворѣче, насупротивъ Кремля, и тотъ былъ очищенъ отъ построекъ и обращенъ въ государевъ Красный Садъ. Правда, эта мѣра стоила казнѣ и частнымъ людямъ не малыхъ средствъ, многихъ разорила и возбудила страшный ропотъ, но была несомнѣнно полезна и послужила къ красотѣ и оздоровленію мѣстности, къ безопасности Кремля. Слѣдовательно, въ княженіе Ивана III мѣстность вокругъ Кремля дѣйствительно утопала въ зелени; въ зелени тонула и вся древняя Москва. По словамъ иностранцевъ, (Ювій) большинство построекъ были деревянные; при каждомъ домѣ зеленѣлъ садъ и огородъ съ плодовыми деревьями; немудрено, что при такомъ обиліи растительности вокругъ Кремля и въ самомъ городѣ издали получалось впечатлѣніе, будто бѣлыя стѣны Кремля высятся подобно острову среди моря зелени. Обиліе зелени, скрывая отъ глазъ невзрачность большинства построекъ, служило не мало къ украшенію города, къ его обширности и раздолью въ жизни.

Съ сѣверо-востока, съ сухопутья, къ Кремлю примыкали центральныя части города: Китай-городъ и Бѣлгородъ съ ихъ торговыми рядами, лавками и площадями, кипѣвшіе сутолокой торговой жизни. Ко времени дѣтства Елены Ивановны эти два центра не были еще обнесены каменными стѣнами; ограда ограничивалась рвами и земляными валами съ частоколомъ. У самой подошвы Кремлевскаго холма, на узкой береговой полосѣ, лѣпился торговый посадъ. За Неглинной виднѣлся рядъ княжескихъ мельницъ;

дальше за Москвой—рѣкой разстигалось Замоскворѣчье съ его невзрачными постройками, но роскошной зеленью, которую прорѣзывали золотыя маковки церквей и колоколенъ; а еще дальше, во всѣ стороны отъ Кремля разбѣгались по узкимъ улицамъ и переулкамъ невысокія деревянныя постройки частныхъ лицъ; онѣ то прерывались площадями, то примыкали къ монастырямъ, которые, сами по себѣ, подходили на цѣлыя амостовительные городки. Городскія улицы незамѣтно переходили въ слободы, и городская зелень сливалась, наконецъ, на горизонтѣ съ зеленью полей, лѣсовъ и сельскихъ угодій. Определенной черты, гдѣ кончался бы городъ, нельзя было найти; такая черта существовала лишь для городского центра: Кремля, Китай-города и Бѣлгорода. Москва въ этомъ отношеніи являлась прообразомъ Московскаго государства, центръ котораго былъ твердо заложенъ, но границы еще не опредѣлились. Но несмотря на свою обширность, красоту, выгодное центральное положеніе, которое оцѣнивалось иностранцами и сознавалось самими русскими ¹⁾). Москва въ половинѣ XV вѣка еще не первенствовала вполне. Владиміръ и Тверь еще соперничали съ ней; не уступали ей и Великій Новгородъ, и Псковъ; только послѣ княженія Ивана III Москва по своимъ постройкамъ далеко оставила за собой другіе, прежніе центры удѣльнаго періода.

Обозрѣвъ старую Москву, вернемся къ древнему Кремлю Дмитрія Донскаго. Средоточіе политической жизни, религіозный центръ, лучшее украшеніе Москвы—онъ невольно приковывалъ взоры

русскихъ людей и иностранцевъ, но, какъ мы сказали выше, бѣлыя стѣны Кремля Дмитрія Донского и его златоверхій теремъ во дни дѣтства Елены Ивановны доживали свои послѣдніе дни.

Въ Кремлѣ заключалось не мало зданій. Однѣхъ церквей насчитывалось 16, по большей части деревянныхъ, и только три каменныхъ собора: Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій. Высоко на взгорѣ, надъ Москвой рѣкой, блестя купола этихъ соборовъ и дворцовыхъ церквей; блестя также кровля великокняжескаго златоверхаго терема. Каменные стѣны стараго Благовѣщенскаго собора примыкали къ деревяннымъ княжескимъ палатамъ, которыя представляли собой группу отдѣльныхъ построекъ различной формы и величины, соединенныхъ между собою крыльцами и крытыми переходами. За палатами великаго князя стояли дворы: Житный, Поваренный и другіе. Но не одвѣ святыни и великокняжескій теремъ наполняли все пространство Кремля: тутъ же были расположены палаты: митрополита и другихъ духовныхъ лицъ, всѣ, такъ сказать, казенныя зданія, въ которыхъ сосредоточивалось управленіе Московскимъ государствомъ. Княгиня, мать великаго князя, имѣла свой собственный отдѣльный дворъ; точно такіе же дворы были тутъ же у младшихъ братьевъ, удѣльныхъ князей. Были на лицо: Чудовъ монастырь, основанный митрополитомъ Алексѣемъ на мѣстѣ ханскаго двора, и Вознесенскій женскій монастырь, построенный великой княгиней Евдокіей, женой Дмитрія Донского, на мѣстѣ ея собственнаго терема. Допускались въ Кремлѣ постройки и частныхъ лицъ; у многихъ бояръ были участки земли,

застроенные домами; дворъ одного изъ нихъ, князя Патрикѣева, стоялъ у самыхъ Боровицкихъ воротъ. Наряду съ боярами проживали въ Кремлѣ простые, незнатные люди: такъ подлѣ дворца великаго князя стоялъ домъ иностранца-мастера, знаменитаго Аристотеля Фіоравенти. Находили себѣ мѣсто въ Кремлѣ пріѣзжіе греки. Впрочемъ, частные земельные участки и постройки, эти слѣды удѣльнаго быта и боярскаго самовластія, были далеко не по душѣ великому князю; онъ пользовался всякимъ случаемъ скупать ихъ. Тяжелымъ пятномъ Кремля были ханское подворье и дворы ханскихъ пословъ—послѣдніе слѣды татарскаго ига. Они исчезли окончательно за время Ивана III. Софія Ѳомишишна всѣми силами старалась о томъ: такъ она выжила татарскихъ пословъ; она же выпросила у ханши, жены Ахмата, ханское подворье и освятила его, перестроивъ въ церковь святаго Николая Лынянаго. Многихъ лицъ, особливо иностранцевъ, безъ церемоніи выпроваживали вонъ. Случилось это и съ Контарини, посломъ Венеціи: онъ было расположился въ домѣ своего земляка, Аристотеля, но ему пришлось выгнать изъ Кремля на городскую квартиру.

При такомъ обиліи въ Кремлѣ всякаго рода зданій, въ большинствѣ деревянныхъ, при массѣ челяди при дворахъ княжескихъ и боярскихъ, которая не отличалась осторожностью съ огнемъ,—немудрено, что частые опустошительные пожары бушевали въ Кремлѣ и вынуждали не разъ князей со всѣмъ ихъ семействомъ выбираться за городъ или на его окраины.

Если и нынѣ, въ XIX вѣкѣ, Кремль—святыня для русскаго человѣка, то въ XV вѣкѣ это значеніе его уси-

ливалось еще другимъ чувствомъ. Собираемый періодъ русской исторіи, какъ въ фокусѣ, отразился въ Кремлѣ: туда были перенесены святыни удѣльныхъ княжествъ и вѣчевыхъ городовъ; тамъ постройкой, украшеніемъ церквей знаменовалось каждое историческое событіе Московской Руси. «Глубокая была мысль соединить въ одномъ святилищѣ мѣстную святыню удѣльныхъ княжествъ; жители ихъ, разставаясь со своимъ завѣтнымъ сокровищемъ, невольно привязывались къ мѣсту его будущаго храненія... Такъ изъ Владиміра, Новгорода, Пскова, Устюга, Смоленска собрался иконостасъ Успенскаго Собора.» (слова митрополита Филарета). А когда на ночь заперлись ворота Кремля, разставлялась стража на его стѣнахъ и Кремль обособлялся отъ остальнаго города,—въ переключкѣ часовыхъ слышался отзвукъ былой исторіи Русской земли и ея городовъ: каждому городу воздавалась подобающая ему честь, какъ бы вспоминались заслуги каждаго изъ нихъ! «Послѣ молитвенныхъ возгласовъ, часовые переключались слѣдующимъ характернымъ образомъ:—«Славенъ городъ Москва»; другой отвѣчалъ: «Славенъ городъ Кіевъ»; третій—«Владиміръ» и т. д., пока не будутъ перечтены важнѣйшіе города Московскаго государства».

Теперь попытаемся возстановить отчасти видъ великокняжескаго дворца, того дворца, въ которомъ протекли годы дѣтства и юности княжны Елены Ивановны; для этой картины воспользуемся описаніемъ каменнаго дворца, постройка котораго была начата Иваномъ III и закончена при сынѣ его Василіи III.

При устойчивости русской жизни XV и XVI вѣковъ, при живучести формъ быта, онъ долженъ былъ сохранить въ себѣ внутренній планъ и видъ старыхъ княжескихъ палатъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе достовѣрно, что въ названіяхъ комнатъ княжескаго каменнаго дворца встрѣчаемся съ названіями комнатъ XV вѣка.

Старыя деревянныя великокняжескія палаты сохраняли во все время княженія Ивана III видъ свой временъ Дмитрія Донскаго и Василя Темнаго, то есть: архитектуру, характеръ и внутреннее расположеніе построекъ конца удѣльнаго времени. Онѣ были деревянныя и расположены лицомъ къ Москвѣ-рѣкѣ, по линіи на западъ отъ каменнаго Благовѣщенскаго собора почти до Боровицкихъ воротъ (то есть занимали мѣсто нынѣшняго кремлевскаго дворца). Онѣ представляли собой обширную группу разнообразныхъ зданій самыхъ причудливыхъ, оригинальныхъ формъ. Хоромы въ три яруса съ теремами, чердаками, вышками, съ башенками по угламъ соединялись переходами съ зданіями въ два этажа. Деревянныя стѣны изъ роскошнаго лѣса обращали на себя вниманіе иностранцевъ; онѣ были прорѣзаны множествомъ оконъ и крылецъ своеобразныхъ формъ и украшены художественной рѣзбой. Рѣзное дѣло издавна славилось на Руси; его стиль перешелъ въ орнаментуку каменныхъ палатъ и подвергся вліянію иноземному, но на великокняжескихъ палатахъ, разукрашенныхъ еще дѣдомъ и прадѣдомъ Ивана III, сохранялись украшенія старыхъ русскихъ мастеровъ. Разнообразной формы крыши хоромъ, теремовъ и башенъ

блестѣли золотомъ: не даромъ «Златоверхимъ» называли теремъ еще во дни Дмитрія Донского. На одной изъ угловыхъ башенъ виднѣлись башенные часы чудной работы мастера Серба.

Фасадъ дворца выходилъ на площадь лицомъ къ Успенскому собору, точно такъ же, какъ это было и позже. Здѣсь были расположены парадныя комнаты или, какъ говорилось, горницы и гридницы; эти же парадныя комнаты и ихъ расположеніе отчасти сохранились донынѣ. Парадное крыльцо, которое впоследствии называлось Краснымъ, вело съ площади во второй ярусъ княжескихъ хоромъ; внизу, въ первомъ этажѣ, находились подклѣти, занятыя кладовыми и помѣщеніями служилыхъ людей. Съ крыльца, подымаясь по лѣстницѣ, посѣтитель вступалъ въ переходы, то-есть коридоры, откуда двери вели во всѣ стороны въ гридницы. Если посѣтитель, войдя съ лѣстницы въ коридоры, поворачивалъ направо, то вступалъ въ сѣни, которыя предшествовали Большой Грановитой Палатѣ, наоборотъ, — если онъ, войдя съ лѣстницы, поворачивалъ влѣво, то входилъ въ обширную горницу, которая примыкала къ западной стѣнѣ Благовѣщенскаго собора; эта горница выходила окнами на Москву-рѣку и носила названіе Малой Грановитой палаты. (Въ настоящее время она вошла въ составъ южной половины Георгіевской залы и частью Александровской.) Она была каменная и перестроена въ 1487 году на мѣстѣ Набережнаго деревяннаго терема Дмитрія Донского, который, въ свое время, вѣроятно тоже служилъ парадной пріемной комнатой, но только меньшаго

размѣра. Малой Грановитой палатѣ тоже предшествовали сѣни. Наконецъ, если посѣтитель, войдя съ парадной лѣстницы, шелъ въ прямомъ направленіи, то вступалъ въ большую комнату; она звалась Средней гридницей, къ ней тоже примыкали сѣни. Въ этой Средней гридницѣ не разъ происходили приемы, задавались торжественные обѣды. За Средней гридницей шла Столовая изба: изъ ея оконъ виднѣлись купола церкви Спаса на Бору, находившейся въ центрѣ дворцоваго двора. За Столовой избой шли опять переходы; они вели къ такъ называемому Постельному крыльцу: оно выводило на внутренній дворъ.

Таковы были парадныя комнаты, мѣсто коихъ можно опредѣлить, но упоминаются и другія. Такъ великій князь принималъ иногда пословъ (вѣроятно въ частной аудіенціи) въ своей повалушѣ (приемной гридницѣ). Знаемъ о приемной гридницѣ великой княгини и о ея Набережномъ сѣнникѣ; судя по названію—«Набережный»—онъ долженъ былъ выходить лицомъ къ Москвѣ-рѣкѣ, а если былъ сѣнникъ, то есть просторная холодная комната, то тутъ же, лицомъ къ рѣкѣ, должны были находиться и терема.

Жилыя внутреннія комнаты великокняжеской семьи были расположены въ отдѣльныхъ постройкахъ съ подклѣтями, горницами и теремами. Такія хоромы и жилыя комнаты тянулись по линіи Москвы-рѣки приблизительно отъ Малой Грановитой до Боровицкихъ воротъ, гдѣ стояла церковь святаго Іоанна Предтечи; тянулись, вѣроятно, и по двору параллельно набережной линіи и заканчивались

церковью Рождества. Эти послѣднія хоромы, выходяшіе фасадомъ во дворъ, соединялись широкой площадкой Постельнаго крыльца съ переходами Столовой избы парадной половины. Отсюда же былъ ходъ въ Среднюю повалушу великой княгини. Юго-западный уголъ дворца занимали хозяйственныя постройки: дворы Житный, Поваренный и прочіе (нынѣ здѣсь Оружейная палата).

У церкви Рождества въ подклѣткахъ хранилась казна великаго князя, а у церкви святаго Іоанна Предтечи—казна великой княгини.

Въ рѣшетчатые переплеты оконныхъ рамъ вставлялись кусочки слюды. Стѣны комнатъ были затянуты матеріей, разукрашены рѣзьбой или, наконецъ, расписаны. Стѣнопись была развита въ Москвѣ и была наслѣдіемъ Кіевской Руси, но какова была она во времена Дмитрія Донского и его преемниковъ—трудно сказать; интересно только, что библейская приточная стѣнопись, въ началѣ XVI вѣка казалась новизной и соблазномъ. Дубовые полы блестяли отдѣлкой или же были покрыты сукномъ; въ углахъ красовались изразцовыя печи—принадлежность чистыхъ комнатъ даже въ простомъ быту; вдоль стѣнъ тянулись лавки, крытыя сукномъ, и рундуки, то-есть лавки со шкапчиками; переносныя скамьи, столы дополняли убранство комнатъ, не говоря уже о неизмѣнной принадлежности всякой комнаты—о переднемъ углѣ съ образами. Въ парадныхъ комнатахъ стояли горки съ золотой и серебряной посудой; въ жилыхъ комнатахъ укладки съ одеждой, столы съ зеркалами, постели и прочее. Новинкой въ великокняжескомъ те-

рему былъ выписанный изъ-за границы музыкальный инструментъ на западный ладъ и, какъ забава, въ комнатахъ Софіи Ѳомишишны встрѣчались заморскія птицы, напримѣръ, рѣдкая въ то время птица по-пугай.

Пособіями къ этой главѣ служили:

Извѣстія иностранцевъ: Контарини, Барбаро, Іовій, въ «Библиотекѣ иностранныхъ писателей», томъ I и Мѣховскій у Замысловскаго: «Герберштейнъ»; данныя лѣтописей (VII и VIII томы); у Карамзина—описаніе пріемовъ; Забѣлинъ, «Бытъ русскихъ царей»; Костомаровъ, «Очерки быта XVI и XVII вѣковъ»; «Изъ Исторіи Москвы». Очерки В. Н. 1896 г.

II.

Положеніе великихъ княгинь XV—XVI вѣка.

При словѣ «теремъ» рисуется уже опредѣленный, знакомый намъ типъ московской жизни, вспоминаются условія, подъ вліяніемъ коихъ сложились понятія, создавшія и надолго закрѣпившія теремную жизнь и съ ней затворничество женщинъ, вспоминаются тѣ идеалы и та дѣйствительность, которые окружали русскую женщину XVII вѣка; но эта картина вполнѣ вѣрна только для XV вѣка. Напрасно будемъ вызывать ее въ памяти, говоря о времени Ивана III. Еще не были отстроены каменные великокняжескія палаты, не выросли еще и не окрѣпли тѣ умственные и нравственные перегородки, которыя позже отдалили теремъ отъ жизни и общества. У терема XV вѣка былъ совсѣмъ другой характеръ. Положеніе московской княгини XV вѣка далеко не то, что положеніе московской царицы XVII вѣка; и если московскій царь одинокъ на своемъ престолѣ, то въ XV вѣкѣ даже личность Ивана III не заслонила собой его знаменитой супруги Софіи Ѳомишишны. Личныя свойства играли, конечно, значительную роль въ томъ положеніи, какое занимала та или другая княгиня. Вліяли въ хорошую или дурную сторону обстоятельства и многія случайно-

сти (напримѣръ, бракъ Іоанна III съ Софіей),—но нельзя объяснить ни личными свойствами, ни одной случайностью разницу въ жизни русскихъ княгинь XV вѣка, сравнительно съ жизнью московскихъ царицъ XVII вѣка, нельзя уже потому, что даже юридическіе памятники,—рядъ духовныхъ завѣщаній отъ Івана Калиты до Івана III, показываютъ, какое положеніе для княгинь допускала практика московской Руси XV вѣка. Правда, это положеніе—остатокъ удѣльнаго быта и его созданіе. Москва XV вѣка только снисходительно терпѣла его и уже стала накладывать свою суровую руку.

Въ XIV и XV вѣкахъ Русская земля представляла сѣть крупныхъ и мелкихъ волостей, которыя лишь постепенно примкнули къ Москвѣ; нѣкоторыми изъ нихъ владѣли княгини. Въ тѣ времена частное право смѣшивалось съ государственнымъ, и княгиня владѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управляла своими волостями на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, что и князья. По крайней мѣрѣ въ духовныхъ завѣщаніяхъ князь-завѣщатель не дѣлалъ различія между удѣлами княгини и удѣлами своихъ сыновей. Значительная недвижимая собственность княгини, по праву владѣнія, была тройкаго рода. Земли, такъ называемыя пошлыя, принадлежали, по традиціямъ, исключительно княгинѣ—женѣ князя и уступались княгиней-вдовой — снохѣ. Другія, по духовному завѣщанію, отдавались княземъ-завѣщателемъ ей, княгинѣ, пожизненно. Третьи приобрѣтались покупкой, мѣной или же отходили по завѣщанію князя на всю ея волю и составляли собственность княгини, которой она могла распорядиться и завѣщать по своему же-

ланію на случай своей смерти. Разбросанная, а не округленная, какъ и большинство волостей того времени, волость княгини состояла изъ городовъ съ тянувшими къ нимъ округами, изъ селъ съ угодьями. Съ этихъ владѣній княгиня получала доходъ деньгами и натурой и, сверхъ того, всю сумму государственныхъ повинностей въ ихъ разнообразныхъ формахъ: дань, тамгу, и т. д. Рядъ слугъ и холоповъ заправлялъ имѣніями: мытники, и тому подобные собирали соответствующія пошлыны, намѣстники и волостели управляли землями. Въ удѣлѣ княгини проживали всѣ классы населенія, встрѣчались всѣ разнородныя условія землевладѣнія и общежитія; можно прослѣдить всю податную зависимость населенія, наконецъ, и весь механизмъ администраціи и суда.

Одинаковыя причины ведутъ за собой одинаковыя слѣдствія: право владѣнія повело за собой образованіе около княгини собственнаго двора, поставило ее въ такія же общественныя отношенія, какъ и любого удѣльнаго князя. Но была ли княгиня тѣмъ центромъ, къ которому сходились нити управленія? и мы увидимъ, что была. Управленіе волостью всецѣло въ рукахъ княгини; князя не вмѣшивались и постоянно повторяли въ завѣщаніяхъ, что 'княгиня сама владѣетъ свой удѣлъ, что сыновья не смѣютъ вступаться въ него, что отъ княгини зависятъ ея волостели, судьи и тиуны. Княгиня сама разбирала жалобы и споры служилыхъ людей; ея бояре не подчинены даже великому князю. Дѣйствительность подтверждаетъ то, что признаютъ юридическіе акты и памятники: княгини входили во всю суть управленія, обяза-

жали свои удѣлы, назначали своихъ намѣстниковъ. Преслѣдуя хозяйственныя выгоды, онѣ пускались въ обороты: пользуясь доходами и движимою собственностью, зачастую не малою, онѣ скупали земли, обмѣнивали однѣ на другія, входили въ долговыя обязательства. Княгиня Софія Витовтовна строила, на примѣръ, Житный дворъ въ Кремлѣ. Но княгини не ограничивались одними хозяйственными распоряженіями: онѣ, въ силу управленія волостью, должны были знать ходъ дѣлъ и событій, знать взаимныя отношенія населенія и администраціи, иначе нельзя объяснить, какъ могла Софія Витовтовна издать распоряженіе о приставахъ, о судѣ по душегубству, а княгиня Марья Ярославна — давать льготную грамоту Киржачскому монастырю.

Духовныя завѣщанія идутъ дальше: они говорятъ о положеніи княгини уже не матеріальномъ, а, такъ сказать, нравственномъ. Современниковъ не смущало то обстоятельство, что Симеонъ Гордый всю движимость и недвижимость оставляетъ женѣ. Слова: «даю рядъ княгинѣ и дѣтямъ» — стали формулой. Въ большинствѣ грамотъ предписывается дѣтямъ слушаться матери «въ отца мѣсто». Въ XVII вѣкѣ эти слова и выраженія потеряли свой внутренній смыслъ и были только извѣстными унаслѣдованными шаблонами, но въ XV вѣкѣ они сохраняли всю свою жизненность и силу. На это есть указанія: Дмитрій Донской ясно и опредѣленно передалъ княгинѣ, своей женѣ, право передѣлять своихъ сыновей въ случаѣ необходимости, даетъ ей право распредѣлять удѣлы. Василій II Темный поручаетъ тоже самое Марьѣ Ярославнѣ.

Итакъ, особенности княжескаго быта XIV—XV вѣ-

ковъ, эти обломки удѣльнаго быта, отражались на жизни великокняжескаго терема. Практика московской жизни допускала княгинѣ право владѣть самостоятельно и независимо движимою и недвижимою собственностью, допускала право самостоятельно управлять волостями. Матеріальные интересы составляли, конечно, цѣль и источникъ всей дѣятельности, но важно то, что они поддерживали самостоятельность княгини и возбуждали къ дѣятельности. Эта дѣятельность сталкивала княгиню съ людьми всѣхъ классовъ и достатковъ, ставила въ общественныя отношенія съ ними и была лучшей школой для выработки характера. На этой почвѣ личныя свойства и благопріятныя условія помогли не одной княгинѣ и не въ одномъ Московскомъ княжествѣ приобрести значеніе. Такими же благопріятными условіями, такими же традиціями сумѣли воспользоваться и тѣ женщины, которыя явились представительницами терема XV вѣка, въ княженіе великаго собирателя русской земли. Изъ нихъ особенно выдѣлялась княгиня Рязанская Анна, родная сестра Ивана III; онъ питалъ къ ней глубокое уваженіе и щадилъ, по возможности, ея гордость.

Княгиня Марія Ярославна, мать Ивана III, внучка Владиміра Андреевича Храбраго, раздѣляла всѣ печали и невзгоды, выпавшія на долю ея мужа Василія Темнаго. Упоминаемая вскользь лѣтописью, упоминаемая въ актахъ по случаю своихъ распоряженій въ волостяхъ, она ярче выдвигается по смерти мужа, хотя и по духовному завѣщанію можно видѣть, съ какимъ уваженіемъ относился къ ней Василій II. Владѣя не малыми землями и половиной го-

рода Ростова, Марья Ярославна скупила другую часть города. Распожаясь своими угождями, княгиня часто уѣзжала изъ Москвы, такъ что однажды великому князю пришлось отложить, за ея отсутствіемъ, чествованіе святыхъ мощей. Въ Москвѣ княгиня жила отдѣльно отъ семьи великаго князя, на своемъ собственномъ дворѣ и здѣсь, въ Кремлѣ, построила церковь Вознесенія. Не мало нравственныхъ заботъ доставляли ей сыновья. Ей приходилось сталкиваться съ такимъ крутымъ человѣкомъ, какимъ былъ Иванъ Васильевичъ, вліять на него и смягчать его гнѣвъ. Княгиня не безъ борьбы подчинялась желѣзной волѣ старшаго сына. Любя своего сына Андрея Большого, она, опираясь на завѣщаніе Василия II, которое давало ей это право, отдала ему городъ Романовъ, что не могло быть пріятнымъ Ивану Васильевичу. Она умѣла хранить ту слабую нить, на которой висѣла участь удѣльныхъ князей, и ея вліянію обязаны младшіе сыновья тѣмъ, что до 1485 года, то-есть до смерти матери, не испытывали всей тяжести руки великаго князя. Самъ Иванъ Васильевичъ признавалъ значеніе матери: съ нею совѣщался передъ своимъ вторымъ бракомъ, съ нею—передъ походомъ на Новгородъ, передъ битвой съ татарами. Новгородцы, зная силу вліянія старой княгини на сына, присылали бить челомъ митрополиту и княгинѣ-матери, чтобы заступились за нихъ—похлопотали бы о назначеніи епископа Теофила. Когда интересы государства требовали особыхъ усилій, княгиня не оставалась безучастной: ея воевода съ ея полкомъ ходилъ на помощь великому князю подъ Новгородъ. Слѣдовательно, она, какъ любой удѣльный

*

князь, имѣла свою военную силу. Дьякъ великой княгини Бородатый славился, какъ знатокъ лѣтописей и Иванъ Васильевичъ бралъ его съ собой въ Новгородъ. Въ 1480 году, за пять лѣтъ до смерти, особенно ярко выдвинулась дѣятельность Маріи Ярославны. Около этого времени младшіе братья поссорились съ Иваномъ Васильевичемъ и собирались отъѣхать въ Литву, а великому князю угрожало въ ту минуту нашествіе Ахмата. Княгиня-мать употребила всѣ усилія, чтобы примирить сыновей: ѣздила къ нимъ сама, уговаривала лично и, по зову матери, младшіе братья явились на помощь великому князю. Когда же Иванъ Васильевичъ, колеблясь вступить въ битву съ татарами, пріѣзжалъ съ Угры на Москву, княгиня-мать раздѣляла общее волненіе и негодованіе народа на робость великаго князя. Софья Ѳомишишна съ дѣтьми уѣхала изъ Москвы, «находилась въ бѣгахъ»; Марія же Ярославна, негодуя на сноху, осталась въ Москвѣ, ободряя жителей, и «сѣла съ ними въ осаду». Она слѣдовала примѣру удѣльныхъ княгинь, которыя выдерживали не разъ осаду, въ отсутствіи мужей: Евдокія, жена Дмитрія Донского; гибли въ пламени пожара: семейство Георгія Всеволодовича во Владимірѣ; бросались съ башенъ, защищая свою честь: княгини Рязанская и Черниговская; принимали мученичество: Ульянія Вяземская. И этотъ порывъ старой княгини вполнѣ оцѣнили современники: восхваляя ее въ лѣтописи, еще болѣе корили княгиню-римлянку, Софію Ѳомишишну.

Первой женѣ Ивана Васильевича, болѣзненной и рано умершей, конечно нельзя было равняться съ такой личностью, какою была княгиня-мать, но во

второй женѣ Иванъ Васильевичъ нашелъ человѣка, способнаго занять выдающееся мѣсто въ княжеской семьѣ. Рядомъ съ княгиней Маріей Ярославной стала Софія Ѳомишишна.

Проектъ брака Ивана III на греческой царевнѣ возникъ въ Римѣ и былъ одной изъ утопій римскаго престола, одной изъ неудавшихся попытокъ подчинить себѣ Восточную церковь. Этотъ проектъ былъ встрѣченъ на Москвѣ съ удовольствіемъ и, когда осуществился, принесъ Москвѣ большую выгоду. Передъ Московскимъ государемъ, передъ русскими людьми раскрылся широкій кругозоръ: государственныя задачи Москвы коснулись не только объединенія русскихъ земель, національнаго единства, — ея задачей стала отнынѣ руководящая роль въ жизни православнаго Востока, и чѣмъ труднѣе, недостижимѣе, отдаленнѣе былъ идеалъ, тѣмъ больше вдохновлялъ онъ русскихъ людей, тѣмъ сильнѣе поддерживалъ въ нихъ вѣру въ себя.

Однимъ словомъ второй бракъ Ивана III, заключенный по глубокимъ политическимъ соображеніямъ, имѣлъ, по своимъ послѣдствіямъ, громадное значеніе и занимаетъ исключительное мѣсто на страницахъ исторіи Москвы; но, конечно, не того ожидалъ отъ него Римъ.

Софія Ѳомишишна (въ Греціи и Италіи—Зоя) вышла замужъ за Московскаго государя 20-ти слишкомъ лѣтъ. Она многое уже пережила и испытала. Москва узнала греческую царевну тогда, когда она была уже женщиной съ вполнѣ сложившимся характеромъ.

Рѣдко дѣтскіе и юные годы могутъ быть столь богаты испытаніями и тяжелыми впечатлѣніями,

какъ то случилось съ греческой царевной. Ребенкомъ пріѣхала она въ Италію, при самыхъ несчастныхъ условіяхъ. Паденіе Константинополя, бѣгство родителей, участь старшей сестры—красавицы Сербской, униженія ея отца Ѳомы, деспота Морейскаго, при папскомъ дворѣ, его смерть, вызванная нравственными потрясеніями... вотъ какія воспоминанія связаны съ золотой порой дѣтства. Оставшись круглой сиротой, греческая царевна проживала вмѣстѣ со своими братьями, Андреемъ и Мануиломъ, въ Италіи, на иждивеніи папскаго двора, въ тѣсномъ кругу греческой колоніи эмигрантовъ. Воспитаніе царевны, образъ ея жизни и обстановка были созданиемъ грека-кардинала Виссаріона. Пирлингъ хочетъ видѣть въ этомъ грекѣ-католикѣ вѣрнаго сына римской церкви, одного изъ сочинителей проектовъ въ пользу главенства папы, владычества его надъ Востокомъ. На самомъ дѣлѣ Виссаріонъ, оказавшій, между прочимъ, не малую услугу западнымъ гуманистамъ своими познаніями въ греческомъ языкѣ и литературѣ, былъ ни что иное, какъ страстный до фанатизма, грекъ-патріотъ. Его единственной мечтой было изгнаніе турокъ изъ Европы и восстановленіе имперіи на Востокѣ. Ради славы Византіи, ради прославленія греческаго имени, ради одного хотя бы внѣшняго успѣха и почета для греческаго царскаго рода, онъ жертвовалъ всѣмъ.

Онъ отдавалъ въ приданое Софіи Ѳоминишны всѣ свои деньги; онъ постоянно руководилъ воспитаніемъ и жизнью малолѣтнихъ Палеологовъ; во имя патріотизма онъ прибѣгалъ къ уловкамъ, къ двуличностямъ въ своихъ наставленіяхъ. Виссаріонъ совѣ-

туетъ своимъ царственнымъ воспитанникамъ быть осторожными, тихими, скромными... выказывать глубочайшее внѣшнее почтеніе папѣ, ибо отъ него получаютъ они деньги на содержаніе; совѣтуетъ присутствовать чаще при католическомъ богослуженіи, но... сквозь строки такъ и сквозить его молчаливый совѣтъ глубоко въ душѣ хранить идеалъ православія до лучшихъ временъ!.. Скудныя средства совѣтуетъ онъ употреблять на внѣшнюю пышность, дабы поддержать достоинство сана и не ударить лицомъ въ грязь передъ итальянскимъ обществомъ. Понятно, что и кардиналъ, и греки, окружавшіе греческую царевну, и такія личности, какъ ея тетка Анна Палеологъ, мечтавшая создать въ своихъ владѣніяхъ въ Италіи маленькій сколокъ съ Византіи, весь этотъ тѣсный кружокъ греческихъ эмигрантовъ имѣлъ цѣлью знакомить Зою не съ Италіей и не съ ея исторіей и жизнью, а напротивъ—пропитать ее византійскими традиціями и познакомить ее съ исторіей ея отечества, царскаго ея рода, съ его историческими притязаніями. Но такъ какъ большинство окружавшихъ ее грековъ были люди преимущественно придворнаго быта, то они и внушили царевнѣ страсть къ этикету и къ придворной пышной обстановкѣ, а равно благоговѣніе къ значенію, власти и силѣ бывшихъ Византійскихъ императоровъ—ея предковъ.

Вотъ причина, почему Зоя, проживая въ Италіи, въ тѣсномъ кругу греческой колоніи, въ ея спертomъ воздухѣ, осталась чуждой Италіи и не чувствовала къ ней влеченія. Унизительная денежная зависимость, насмѣшки итальянскаго общества надъ

обычаями и нравами греческой колоніи возбуждали жгучее чувство непріязни. Греки смотрѣли съ презрѣніемъ на итальянцевъ, какъ на западныхъ варваровъ, которые заимствовали у нихъ, грековъ, все знаніе. Взаимныя непріязнь и недовѣріе помѣшали Зоѣ познакомиться ближе съ идеальной стороной эпохи возрожденія въ Италиі, оцѣнить то, что въ ней было лучшаго, цѣннаго и отчасти возвышеннаго; она испытала лишь ея изнанку, которая для нашихъ глазъ уже ступевалась, а ей была видна, какъ на ладони, и внушала отвращеніе. Если она что и оцѣнила, то лишь утилитарную сторону: успѣхи техники. Это самое сообщила она впослѣдствіи и мужу своему.

Итальянцы платили ей тою же монетой. Намѣшки острыхъ на слова итальянцевъ надъ наружностью царевны, карриатура, нарисованная Луиджи Пульчи, объясняется отчасти и тѣмъ, что красота греческой царевны, красота южныхъ и восточныхъ женщинъ, рано наклонныхъ къ полнотѣ, соответствуя вкусу русской старины, не пришлась по вкусу современнымъ итальянцамъ, падкимъ въ то время и до манерности, что замѣтно на нѣкоторыхъ Мадоннахъ того времени. Другіе же писатели говорятъ, что царевна была величественна и красива, что вполне правдоподобно, если вспомнимъ про всѣмъ извѣстную красоту ея отца. Къ довершенію всѣхъ этихъ уколовъ самолюбія присоединились еще личныя обиды: оба жениха князь Карачіолло и Іаковъ Лузиньянъ отказались отъ нея и предпочли ей другихъ невѣсть. Такимъ образомъ, для Зоіи бракъ съ Московскимъ государемъ былъ желаннымъ выходомъ изъ тяже-

лаго положенія. Но замѣчательно, до какой степени наставленія Виссаріона пошли ей впрокъ: Софія Ѳомишишна за все время ея пребыванія въ Италиі безмолвствуетъ... Она такъ глубоко скрываетъ свои чувства и желанія, что является загадкой для римскаго двора, и мы даже въ описаніяхъ современниковъ не можемъ уловить ея личности.

Только покинувъ навсегда Италію и переваливъ черезъ Альпы, Софія Ѳомишишна впервые проявила свою волю, свое личное я въ нѣмецкомъ городѣ Нюренбергѣ, гдѣ она отказалась участвовать въ танцахъ. Говорить и дѣйствовать она начала на русской почвѣ, за рубежомъ и тутъ, неожиданно оказалось, что греческая царица намѣтила и образъ дѣйствія, и свое отношеніе къ Москвѣ, вполне противоположныя надеждамъ Рима. Во Псковѣ Софія Ѳомишишна властно приказываетъ папскому легату подчиниться требованіямъ псковичей, заявляетъ себя ревностной православной, благодаритъ псковичей за радушный приемъ и общается имъ быть ихъ ходатайницей передъ великимъ княземъ (что выполнила впоследствии). Въ Москву царица вѣхала, какъ православная, какъ наслѣдница Византіи, а посолъ Рима былъ униженъ на первыхъ же порахъ.

Въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ Зои мы можемъ видѣть плоды воспитанія Виссаріона, а эти плоды воспитанія обнаруживаютъ затаенныя глубоко мысли, чувства и надежды кардинала. Въ Софіи этотъ грекъ отмстилъ Риму за униженіе.

Ставъ Московской великой княгиней, Софія Ѳомишишна довольно скоро освоилась съ обстановкой двора, вошла въ положеніе Московскихъ княгинь.

Бѣдная бывшая изгнанница, на иждивеніи Рима, имѣла теперь и волости, и слугъ, и деньги, и скоро начала копить и приумножать свою казну. Московская жизнь XV в., далекая еще отъ замкнутости, дала ей возможность жить открыто, окружила ее царственнымъ ореоломъ: она принимала пословъ въ торжественныхъ аудіенціяхъ, давала инструкціи посламъ своего мужа. Иванъ Васильевичъ и русскіе люди могли быть ею довольны: она дѣйствительно оказалась православной. Римъ былъ ей такъ же ненавистенъ, какъ и имъ самимъ. Но при всей своей приверженности ко всему греческому, она была настолько тактична и умна, что выказала искреннее уваженіе къ русскимъ народнымъ святынямъ: подобно всѣмъ русскимъ княгинямъ предшественницамъ, она часто ходила на богомолья, жертвовала на монастыри и особенное уваженіе оказывала лаврѣ святого Сергія. Главной же задачей Софіи Ѳомишиной было привить къ московской почвѣ византійскія традиціи, дорогія ея сердцу, — а какъ изъ нихъ всего лучше ей были извѣстны придворная жизнь и обстановка, то Софія Ѳомишина и создала своему мужу пышную обстановку, ввела этикетъ, чины и превратила княжескій теремъ времени удѣловъ въ великолѣпный дворецъ византійскаго монарха, отдѣленного отъ своихъ подданныхъ сонмомъ придворныхъ чиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она внушила мужу новый взглядъ на себя самого, какъ на самодержавнаго государя. Недаромъ, много лѣтъ спустя, бояре говорили: «Какъ пришла сюды великая княгиня Софья съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалася»... Но, конечно, Софія Палеологъ,

будучи до мозга костей греческой царевной, была гречанкой времени упадка ея народа, что неблагоприятно отозвалось на нравственной сторонѣ ея характера: она заимствовала византійскій и итальянскій способъ дѣйствія—интригу.

Недаромъ Герберштейнъ говоритъ: «*Aiunt, Sophiam hanc fuisse astutissimam cujus impulsu Dux multa fecit.*» («Говорятъ, что эта Софія была весьма хитра и подъ вліяніемъ ея князь многое дѣлалъ»).

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособиямъ:

Собраніе госуд. Грамотъ и Договоровъ т. I; Лѣтописи, т. VII и VIII; Чичеринъ «Опытъ по исторіи русскаго права»; Пирлингъ «*Mariage d'un tsar au Vatican*», Paris, 1891; Герберштейнъ «Записки о Московіи»; Карамзинъ, т. 6.

III.

Время дѣтства и юности великой княжны Елены Ивановны. (1474—1493 г.)

Была весна 1474 года ²). 18 апрѣля зазвонили въ Кремль къ ранней заутренѣ, когда въ великокняжескомъ терему, у великаго князя Ивана III родилась дочь. Надежды князя и княгини имѣть сына-наслѣдника не оправдались. Маленькая княжна получила имя Елены, имя греческое, которое носила сестра Софїи Ооминишны—несчастливая кралица Сербская.

Самыми первыми впечатлѣніями ея ранняго дѣтства были обстановка великокняжескаго терема съ цѣлой свитой нянюшекъ и мамушекъ, далѣе—княгиня бабушка и, наконецъ, въ почтительномъ разстояніи, строгія лица отца и матери.

Контарини, посолъ Венеціанской республики, проживавшій около этого времени въ Москвѣ, сохранилъ намъ любопытныя черты и подробности о личностяхъ знаменитыхъ родителей нашей княжны, а по русскимъ лѣтописямъ мы узнаемъ, что занимало преимущественно Ивана Васильевича въ дѣлахъ внутренней политики около времени рожденія дочери.

Иванъ Васильевичъ былъ въ то время поглощенъ новгородскими дѣлами. Семидесятыя годы поставили на очередь судьбу Великаго Новгорода и на

ней сосредоточилось все вниманіе великаго князя. Въ 1475—1476 году онъ провелъ въ Новгородѣ всю зиму отъ октября до февраля; тогда же, великимъ постомъ, Москва увидѣла въ своихъ стѣнахъ новгородскихъ пословъ; видѣла ихъ въ слѣдующемъ 1477 году, а въ 1478 исчезла самая тѣнь новгородской вольности. Господинъ Великій Новгородъ сошелъ съ исторической сцены, Москва стала колонизовать новгородскія области³⁾, и лишь слабые отголоски бывшей бури раздавались изрѣдка и въ послѣдующіе годы. Проводя цѣлые мѣсяцы въ Новгородѣ, Иванъ Васильевичъ не забывалъ другихъ областей своего государства, и многіе сѣверныя города видѣли его въ своихъ стѣнахъ. Онъ почасту объѣзжалъ свои владѣнія, заѣзжая иногда въ гости къ своимъ вѣрнымъ слугамъ—боярамъ и князьямъ. Между ними встрѣчаемъ татарскихъ князей, когда-то столь грозныхъ и надменныхъ, а нынѣ они, полубрусѣлые, проживали на Руси, на пограничной службѣ великаго князя.

Контарини оставилъ намъ любопытныя черты и свѣдѣнія объ Иванѣ Васильевичѣ, котораго не разъ видѣлъ, и обрисовалъ двумя-тремя штрихами его наружность. По словамъ итальянца великому князю можно было дать на видъ 35 лѣтъ (ему дѣйствительно было 36 лѣтъ). Онъ былъ красивъ, высокаго роста, но худощавъ. Съ Контарини обращался очень милостиво и держался чрезвычайно просто и непринужденно. Приѣмы происходили безъ официальной пышности, почти наединѣ, при 2—3-хъ близкихъ совѣтникахъ. Онъ внимательно выслушивалъ рѣчи посла и самъ говорилъ много и долго: не да-

ромъ совѣщаніе длилось около часу. Иванъ Васильевичъ такъ мало обращалъ вниманія на этикетъ, такъ былъ чуждъ важности и чопорности, что, когда почтительный итальянецъ отступалъ назадъ при разговорѣ, великій князь постоянно придвигался къ нему и приводилъ этимъ посла въ полное смущеніе. Обѣды, на которые былъ званъ Контарини, также носили непринужденный характеръ. Только въ послѣдній разъ, на прощальномъ приѣмѣ, итальянецъ могъ видѣть образецъ княжескаго званаго обѣда; видѣлъ богатство Московскаго государя, его горницы, столы, ломившіеся подъ тяжестью яствъ на дорогой посудѣ; видѣлъ богатые парчевые кафтаны Ивана Васильевича, подбитые мѣхомъ. Соболя шуба, червонцы, обеспечивавшіе отъѣздъ, и серебряная чаша со стола—были знакомъ вниманія и щедрости Московскаго князя къ послу.

Этотъ разсказъ Контарини чрезвычайно важенъ для насъ по многимъ причинамъ: онъ рисуетъ намъ великаго князя въ ту пору молодости, когда вліяніе Софіи Омнинишны было еще слабо, когда въ великокняжескомъ быту мало еще замѣтны черты придворнаго византійскаго этикета. Иванъ Васильевичъ жилъ богато, могъ жить пышно, но держался обычаямъ удѣльной старины: жилъ непринужденно, просто и патріархально. Еще, повидимому, не приобрѣлъ орлиный взоръ его того выраженія, которое позже ставляло трепетать окружающихъ. Читая Контарини видишь передъ собой Ивана Васильевича не тѣмъ величаво спокойнымъ, какимъ онъ рисуется въ нашемъ воображеніи въ послѣдующіе годы, а подвижной, порывистой личностью. Заинтересованный

разказомъ Контарини, онъ придвигается къ нему, забывая всякій этикетъ; при первомъ свиданіи, прерывая его рѣчь, съ тревожнымъ лицомъ спѣшить жаловаться на предшественника его, Венеціанскаго же посла Тревизана... Все это черты характера, слегка напоминающія живость и непринужденность Петра Великаго. Въ одномъ оставался себѣ вѣренъ Иванъ Васильевичъ и не измѣнялъ себѣ даже въ молодости— въ осторожности и долгомъ обдумываніи любого дѣла.

Видѣлъ Контарини и Софію Ѳомишишну—Деспину—какъ онъ ее называетъ. Великій князь пожелалъ представить ей посла. Прошло уже 4 года со времени пріѣзда греческой царевны въ Москву. Софія Ѳомишишна могла вполне познакомиться съ московской жизнью; она успѣла освоиться со своимъ положеніемъ великой княгини. Представленіе пословъ великимъ княгинямъ было въ обычай Московской Руси XV вѣка, но, думается, Иванъ Васильевичъ руководился здѣсь еще особыми соображеніями. Ему хотѣлось блеснуть передъ итальянцемъ и католикомъ той пышной обстановкой, какая окружала теперь греческую царевну—нѣкогда изгнанницу на иждивеніи гордаго Рима, и отзывъ Контарини объ этомъ пріемѣ показываетъ, что Софія Ѳомишишна вполне удовлетворила тщеславію своего супруга. Когда Контарини вошелъ въ пріемную горницу и увидѣлъ великую княгиню, онъ сразу почувствовалъ, что попалъ въ иную атмосферу, болѣе ему понятную и сродную. Съ «приличными» низкими поклонами и привѣтствіями представился онъ Софіи Ѳомишишнѣ. Последняя обошлась съ нимъ съ достоинствомъ, но ласково; просила передать поклонъ отъ нея Свѣтлѣй-

шей республикѣ. Распростившись, Контарини удалился. Къ сожалѣнію, онъ не описалъ наружности великой княгини, и мы можемъ только предполагать, что неподвижная уже въ Италіи Софія Палеологъ пріобрѣла въ Россіи еще большую важность и медленность въ движеніяхъ и, конечно, сумѣла придать величавость осанкѣ.

Познакомившись съ родителями нашей княжны и съ грозными событіями, глубоко взволновавшими съверную Русь ко времени ея рожденія, вернемся къ описанію времени ея дѣтства.

Съ той самой минуты, какъ княжна стала сознавать окружающее, она видѣла вокругъ себя обстановку княжескаго терема, и на этомъ фонѣ рисовались ей впоследствии картины дѣтскихъ лѣтъ. По небольшимъ горницамъ терема бѣгала и рѣзвилась княжна-ребенокъ; вокругъ себя она видѣла довольство, роскошь, расписныя стѣны, мягко устланные полы, дорогія одежды. Когда княжнѣ случалось забѣгать на половину матери или въ пріемныя комнаты-палаты, ея вниманіе останавливали красота и богатство обстановки, дорогая утварь, драгоценности княгини-матери, ея диковинныя заморскія вещи. Изъ оконъ высокихъ свѣтлицъ открывался чудный видъ на Кремль, на городъ, на вьющуюся лентой Москворѣку, на Замоскворѣчье, а вдаль, на небосклонѣ—ширь полей и синѣющей лѣсъ. Отъ этой картины вѣяло ширью русской равнины, красотой русскаго ландшафта и, вѣроятно, эта картина не разъ рисовалась въ памяти княжны, когда, будучи уже королевой Польской, она вспоминала далекую родину.

Ребенокъ игралъ и рѣзвился, а во дворцѣ кипѣла

жизнь большого хозяйственного центра, шла чередомъ домашняя, будничная жизнь, сновало множество слугъ; служилые люди великаго князя и его жены являлись съ донесеніями или за приказаніями; во дворъ ввозили доходы съ княжескихъ волостей. И чѣмъ старше становилась княжна, тѣмъ пышнѣе становилась окружающая ее обстановка, разрастался придворный штатъ. Росла и семья Ивана Васильевича: появились сестры и братья погодки, товарищи игръ. Какъ бы мала ни была княжна, какъ бы смутно ни сознавала происходящаго кругомъ, но и до ея слуха доносился отзвукъ общественныхъ событій. Все выходящее изъ ряда обыденной жизни возбуждало интересъ и оживленные толки: крестины, освященіе церквей, крестные ходы, пріѣзды удѣльныхъ князей и княгинь, пріемы иностранныхъ пословъ, пріѣзды родственниковъ Софіи Ѳомины изъ-за границы... Каждое такое событіе сопровождалось то пиромъ, то молитвой, давало пищу толкамъ, разговорамъ и пересудамъ. А вотъ княгиня собирается на богомолье въ Троице-Сергіеву Лавру... идутъ сборы... Съ возвращеніемъ княгини, вмѣстѣ съ ароматомъ полей, въ теремъ врывается струя поэзіи: идутъ рассказы о дорогѣ, о всемъ видѣнномъ и слышанномъ; со страхомъ, съ глубокой вѣрой передаются чудныя легенды и сказанія о таинственномъ явленіи великой княгини самого святого Сергія почти у вратъ обители. Такія сказанія глубоко западали въ впечатлительную душу ребенка, волновали, будили умъ и воображеніе. Великая княжна съ ранняго дѣтства пріучалась смотрѣть на свой родъ, какъ на Богомъ избранный, предназначенный къ высшимъ цѣлямъ,

находящійся подъ особымъ покровительствомъ Самого Господа и Его святыхъ угодниковъ.

Не одними радостными событіями разнообразилась жизнь. Порой зловѣщій звонъ набатнаго колокола извѣщалъ о пожарѣ: то горѣла отдаленная часть Москвы, то Замоскворѣчье, то пламя гуляло у самыхъ стѣнъ Кремля. По этому звону не одинъ разъ великій князь спѣшилъ на мѣсто пожара и собственными усиліями старался положить предѣлъ бѣдствію. Но каковъ же былъ переполохъ во дворцѣ и на дѣтской половинѣ, когда пожаръ вспыхнулъ въ самомъ Кремлѣ, когда загорѣлась церковь Рождества близъ терема. Пожаръ удалось скоро потушить, но казна великаго князя не мало пострадала.

До 1480 года жизнь въ терему шла довольно гладко, безъ особыхъ тревогъ, но въ семь году произошли знаменательныя событія, которыя надолго выбили великокняжескую семью и дворъ изъ обычной колеи. Въ 1480 году великій князь былъ сильно озабоченъ и, всегда сдержанный, теперь волновался. Предстояла борьба съ Ахматомъ. Иванъ Васильевичъ выслалъ войско на рѣку Угру, но тревожимый, озабоченный ссорой съ братьями, съ безпокойствомъ оглядывался на Литву и Крымъ. Въ эти минуты опасеній, не увѣренный въ судьбѣ столицы, великій князь рѣшилъ обезопасить положеніе семьи. Софія Ѳоминашна съ дѣтьми, съ обширнымъ дворомъ, сопровождаемая боярами, двумя дьяками, захвативъ имущество и великокняжескую казну, выѣхала изъ Москвы и поспѣшила на сѣверъ, по направленію къ Балтійскому морю. Этотъ малодушный, непатріотичный поступокъ возбудилъ негодованіе современни-

ковъ всѣхъ классовъ общества, и безъ того раздраженныхъ на Ивана Васильевича и громко роптавшихъ. Онъ возбудилъ осужденіе въ княгинѣ-свекрови, которая, наоборотъ, уступая горячимъ просьбамъ жителей, согласно старымъ традиціямъ, осталась въ Москвѣ, какъ говорится, «сѣла въ осаду» и старалась, по возможности, утишить волненіе, ободрить жителей и помочь сыну, способствуя его примиренію съ братьями. Негодованіе современниковъ на «римлянку» отразилось на страницахъ лѣтописи, гдѣ иронически называется пребываніе Софіи Ѳоминышны на сѣверѣ «нахожденіемъ въ бѣгахъ».

Великая княгиня, оставивъ Москву, скиталась съ мѣста на мѣсто; повидимому, довольно долго находилась она въ Чельмскомъ монастырѣ на берегу Бѣло-озера³⁾ Бѣдная, небольшая обитель представляла, повидимому, какія-то удобства, которыя заставили, еще въ началѣ XV вѣка, остановиться здѣсь же Софію Витовтовну. Пребываніе Софіи Ѳоминышны на сѣверѣ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ тяжело отозвалось на жителяхъ. Лѣтописецъ жалуется на тягости, испытанныя ими, на разореніе отъ податей и отъ корыстолюбія бояръ и слугъ княжескихъ. Ея дворъ сравнивался съ татарами.

Княжнѣ Еленѣ шелъ седьмой годъ, когда она, благодаря событіямъ 1480 года, очутилась въ новой обстановкѣ. Безпокойство родителей, поспѣшные сборы, внезапный отъѣздъ, длинные переѣзды, остановки то въ селѣ, то въ монастырѣ,—вся эта бивуачная жизнь, какъ не похожа она была на спокойную жизнь дома! По собственному опыту познакомились княжна съ ужасами татарскаго нашествія;

*

испытала весь страхъ и трепетъ передъ неумолимымъ врагомъ ея родины и вѣры. А сколько страшныхъ разсказовъ, народныхъ сказаній, преданій и пѣсень могла наслушаться дѣвочка изъ устъ самихъ очевидцевъ и окружающихъ ее лицъ; сколько могла наслушаться воспоминаній отъ самой матери! Такія впечатлѣнія не проходятъ безслѣдно.

Почти цѣлый годъ провела Софія Ѳоминышна на сѣверѣ и, когда вернулась въ столицу, ее встрѣтилъ великій князь уже не данникомъ татаръ, а свободнымъ, независимымъ государемъ. 1480 годъ можно считать поворотнымъ пунктомъ въ жизни Ивана III, когда, послѣ ряда политическихъ успѣховъ, онъ отдался вліянію жены и проникся взглядомъ на себя, какъ на наследника Византійскихъ императоровъ. Съ этихъ поръ онъ рѣшительно разстался съ простотой и непринужденностью удѣльнаго быта; стряхнулъ съ себя прежнюю робость татарскаго данника и сталъ настойчиво проводить новыя начала въ русскую жизнь, начиная со своего двора. Результатъ этого новаго направленія сказался въ стремленіи придать Москвѣ видъ, соотвѣтствующій ей, какъ столицѣ могущественнаго государства. Закипѣла лихорадочная строительная дѣятельность. Еще въ 1470 году началась работа надъ Успенскимъ соборомъ, но тянулась медленно и только въ 1479 году закончилась его освященіемъ. Зато съ 1481 года строительная дѣятельность Ивана III приняла грандіозные размѣры и двигалась не по днямъ, а по часамъ.

Архангельскій соборъ уже перестраивался и былъ близокъ къ окончанію, когда противъ него стали

разбирать каменную церковь Благовѣщенія и закладывать на ея мѣстѣ новую, тоже каменную. Постройкой этой домовою церкви Московскихъ князей началъ Иванъ III украшеніе своего дворца, и вскорѣ за Благовѣщенскимъ соборомъ, въ 1484 году, разобравъ часть златоверхаго терема Донского, выходившаго на набережную, заложилъ каменную Малую Грановитую палату, а въ 1491 году, закончивъ постройку въ томъ же стилѣ другой, тоже каменной Большой Грановитой, соединилъ ее переходами съ Малой Грановитой. Строителями обѣихъ палатъ были итальянцы Маркъ Руфъ и Петръ Антоній Селярій. На ряду съ постройкой церковей и палатъ Иванъ III, руководясь хозяйственными соображеніями, заложилъ на площади, между соборами Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ, кирпичный казенный дворъ для храненія государевой казны, а спустя три года устроилъ тамъ же бѣлокаменный погребъ. На противоположномъ углу Кремля строили въ Чудовомъ монастырѣ каменную трапезу и возлѣ каменныя церкви Михаила Архангела и Космы и Даміана, послѣднюю—русскими мастерами изъ Пскова. Жившіе въ Кремлѣ бояре тоже кой-гдѣ затѣвали постройку каменныхъ домовъ, а митрополитъ давно слѣдовалъ примѣру великаго князя. Уже въ 1485 году каменныя стѣны Кремля временъ Дмитрія Донского стали по частямъ разбираться и замѣняться новыми, и съ каждымъ годомъ выросли стрѣльницы, башни надъ воротами, тайники и прочее. Строителями обновленныхъ и расширенныхъ стѣнъ Кремля были итальянцы Маркъ Руфъ и Петръ Селярій, имя котораго сохранилось до-

нынѣ на Спасскихъ воротахъ. Обновителемъ же трехъ лучшихъ памятниковъ Кремля, соборовъ Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго, былъ знаменитый Аристотель Фіоравенти, извѣстный въ Италіи и Западной Европѣ, какъ выдающійся художникъ XV вѣка; онъ же былъ главнымъ руководителемъ всѣхъ работъ. Во всѣхъ постройкахъ того времени сказалось вліяніе Запада, преимущественно— Венеціи. Образцы зодчества Венеціи всего болѣе прилились по вкусу и по сердцу русскимъ людямъ XV вѣка, потому, конечно, что на нихъ, на этихъ образцахъ, наиболѣе ярко сказалось византійское вліяніе, примѣръ тому—знаменитый соборъ святого Марка. Однако, въ Москвѣ, не было одного рабскаго подражанія. Иностранныхъ мастеровъ, не исключая самаго Аристотеля, посылали во Владиміръ, Суздаль, Ростовъ и другіе города изучать древнія русскія каменные постройки. Планы и проекты иностранцевъ подвергались просмотру великаго князя, близкихъ ему лицъ, русскихъ мастеровъ, а главное—духовенства. Ихъ вкусу и вліянію надо приписать тѣ самобытныя черты, которыя сказываются въ русскомъ зодествѣ XV и XVI вѣковъ. Оно—результатъ взаимодействія двухъ умозерцаній и вкусовъ, русскаго и западнаго. Но если архитектура была подъ сильнымъ вліяніемъ запада, если имена Аристотеля, Алевиза, Селярія и прочихъ составляютъ эпоху въ исторіи нашего зодчества, то русскіе живописцы твердо удержали въ живописи пальму первенства и старыя традиціи. Имъ всецѣло принадлежитъ внутренняя отдѣлка зданій. Пока кипѣла работа снаружи, внутри расписывались стѣны собо-

ровъ и дворцовъ, писались иконы и прочее. XV вѣкъ— эпоха процвѣтанія русской иконописи и имена Діонисія, Ушакова, Андрея Рублева и другихъ должны сохраниться на ряду съ именами иностранцевъ.

Строительная горячка охватила не одинъ Кремль, она сообщилась и всему городу: частные люди соперничали со своимъ государемъ, перестраивая деревянные церкви въ каменные, обнося монастыри каменными стѣнами, и даже появились мѣстами въ городѣ каменные палаты у бояръ и именитыхъ людей (напр. строили бояринъ Образецъ и княжой слуга Ховринъ). Здѣсь не мѣсто входить во всѣ подробности, скажемъ только, что давно уже, лѣтъ десять, какъ и богатый купецъ Тараканъ вывелъ близъ Кремля, у Фроловскихъ воротъ (нынѣ Спасскія) обширныя кирпичныя палаты; онѣ, повидимому, занимали то мѣсто, гдѣ нынѣ красуется церковь Василя Блаженнаго.

Никогда, ни раньше, ни позже, не была Москва свидѣтельницей такой кипучей строительной дѣятельности. На нѣсколько лѣтъ интересъ къ искусству занялъ въ умѣ великаго князя мѣсто на ряду съ политикой. Эта лихорадочная дѣятельность благотворно отразилась на русскихъ людяхъ, пробудила ихъ отъ долгой умственной спячки, дала толчокъ развитію вкуса и совершенства въ технику. Народное самолюбіе и гордость, подавленные гнетомъ татарскаго ига, къ концу XV вѣка стали пробуждаться и сознавать все яснѣе и яснѣе, что не только военная сила, но и искусства сообщаютъ блескъ государствамъ, что и зодчество, въ видѣ храмовъ и дворцовъ, и живопись, въ видѣ иконъ и стѣнописи,— дѣло первостепенной важности, что могуществен-

ному народу надо уметь воплотить въ памятникахъ искусства свою силу и славу. По всей справедливости XV вѣкъ можно считать русской эпохой Возрожденія; она счастливо совпала съ Возрожденіемъ наукъ и искусствъ на Западѣ. Поэтому, какъ историки, изучающіе начала государственной и народной жизни, такъ и изслѣдователи русской старины не могутъ миновать этой эпохи: въ ней корень всего послѣдующаго.

Думаю, не ошибемся, если скажемъ, что такое время подъема народнаго духа не могло пройти безслѣдно для людей, соприкасавшихся съ нимъ близко; поэтому, не могло оно пройти безслѣдно для умственнаго развитія подроставшей княжны: на ея глазахъ выросли величественные памятники, которые поражаютъ даже наши пресыщенные взоры; до слуха ея долетали толки, рѣчи и сужденія о нихъ. Въ умной, способной дѣвушкѣ все это должно было развить вкусъ и любовь къ изящному, что и сказалось въ Еленѣ Ивановнѣ впослѣдствіи на чужбинѣ. Данный ею толчокъ къ строительной дѣятельности въ Вильнѣ и собственное участіе въ ней показали, что она не даромъ была дочерью Ивана III и съ пользою прожила въ Москвѣ замѣчательные 80—90-ые годы XV вѣка.

Къ 1490 году готовы были соборы; Кремль почти опоясался стѣной съ ея причудливыми башнями и стрѣльницами; на Кремлевской площади красовались обѣ Грановитыя палаты,—когда великій князь задумалъ увѣнчать постройки созданіемъ жилого каменнаго дворца. Въ 1492 году онъ приступилъ къ разборкѣ остальныхъ деревянныхъ теремовъ Донского и заложилъ каменный дворецъ, въ итальян-

скомъ стилѣ, по образцу паллацо дожей въ Венеціи, а самъ, выѣхавъ изъ теремовъ, переселился временно въ палаты боярина князя Патрикѣева, что у Боровицкихъ воротъ; за Архангельскимъ же соборомъ приказалъ строить себѣ временный деревянный теремъ, но и тутъ пробылъ не долго. Въ 1493 году вспыхнулъ страшный пожаръ на Замоскворѣчѣ; сильнымъ вѣтромъ перекинуло огонь на домъ Патрикѣева въ Кремлѣ; погорѣло не мало зданій и въ томъ числѣ оба дворца великаго князя. Великокняжеская семья вынуждена была покинуть Кремль и временно переселиться «за городъ въ крестьянскіе дворы» на Яузѣ-рѣкѣ. Такъ-то волею судебъ наша княжна вторично, уже въ юношескомъ возрастѣ, была перенесена въ убогую обстановку престоляродья, гдѣ жилось не такъ роскошно, зато свободнѣе и не такъ обособлено. Здѣсь больше было случаевъ и возможности соприкасаться со всѣми классами народа; могла занять уличная жизнь Москвы, ея торговая сутолока. Гревожная, неустановившаяся жизнь XV вѣка, когда даже княжескія семьи не спасались отъ всякихъ случайностей и превратностей судьбы, имѣла ту хорошую сторону, что не давала коснѣть и замыкаться за стѣнами, выводила на улицу, въ народную среду, знакомила съ превратностями и невздами, приучала къ роскоши, но зато учила переносить лишенія, закаляла нравственно. Все это княжна испытала на себѣ лично и видѣла примѣры на отцѣ, матери и бабушкѣ.

Послѣдняя была живой образъ русской княгини XIV—XV вѣковъ, умерла, когда внучкѣ было 12 лѣтъ, и она могла запомнить образъ старушки-княгини.

Живя отдѣльно, на своемъ собственномъ дворѣ, Марья Ярославна мало вмѣшивалась въ ежедневную жизнь сына, но какъ мы видѣли выше, во всѣхъ важныхъ семейныхъ обстоятельствахъ, въ мирѣ и на войнѣ, ея голосъ часто имѣлъ рѣшающее значеніе. Но бабушка не была исключеніемъ изъ ряда вонъ: остальные удѣльные княгини оживляли въ памяти княжны ея образъ. Онѣ часто приѣзжали къ великому князю по дѣламъ и по семейнымъ обстоятельствамъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр., Анна Рязанская, родная тетка, были принимаемы съ почетомъ и уваженіемъ и пользовались вліяніемъ при дворѣ. Княжна подмѣчала въ нихъ тѣ самыя черты самостоятельности, независимости, дѣловитости и чувства собственного достоинства, что и въ бабушкѣ и въ матери; ихъ примѣръ училъ ее тому, какъ должна вести себя русская княгиня, знакомилъ ее воочію съ ихъ правами, съ ихъ хозяйственной дѣятельностью. Настойчивость, съ какою она впоследствии добивалась въ Литвѣ волостей и правъ, связанныхъ съ ними, умѣніе управлять ими, хозяйственныя способности, ею выказанныя — все это доказываетъ, что она была отличной ученицей, многое подмѣтила и многому научилась въ Москвѣ.

Таково было вліяніе туземной русской среды, но мы имѣемъ еще нѣкоторыя данныя, что и западное вліяніе коснулось отчасти великой княжны. Конецъ XV вѣка ознаменовался сильнымъ наплывомъ иностранцевъ съ Запада въ Россію. Съ греческой царевной потянулись въ Москву не одни греки, но также итальянцы, нѣмцы и др. искать дѣла, счастья и денегъ. Обновленіе и украшеніе столицы послу-

жило поводомъ къ призыву иностранныхъ мастеровъ. Правда, не всегда и не всѣ находили искомое—деньги, но большинство устроивалось удачно. Дѣла было вдоволь: требовались зодчіе, художники, рѣзчики, золотыхъ дѣлъ мастера, чеканщики, литейщики, аптекаря, врачи и другіе. Золотыхъ дѣлъ мастерство, финифть, филигрань, чекань стояли и на Руси высоко, но иноземцы тѣмъ были полезны, что давали толчокъ впередъ, вносили новыя формы и приемы техники. Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ принимали православіе, женились на русскихъ и русѣли. Это случилось съ Иваномъ Сальваторомъ, капелланомъ, монахомъ ордена августиновъ: онъ пріѣхалъ съ братомъ великой княгини, Андреемъ Палеологомъ, принялъ православіе, женился на русской: «понялъ за себя Алексѣевскую жену Сѣринову, и князь великій пожаловалъ его селомъ». Много жило въ Москвѣ иноземцевъ, а нѣкоторые и въ самомъ Кремлѣ, примѣръ чему мы видѣли выше на Аристотелѣ. Съ послѣднимъ Иванъ Васильевичъ велъ тѣсную дружбу: бывалъ у него и принималъ у себя запросто во дворцѣ. Такіе люди, какъ Аристотель и другіе выдающіеся и принятые ко двору, были проводниками западно - европейскихъ идей, понятій и обычаевъ; ихъ рисунки, снимки, планы, чертежи, модели знакомили великаго князя и его домашнихъ съ выдающимися памятниками Западной Европы—ея архитектурой, скульптурой, гравюрой и проч., и способствовали развитію вкуса, пониманія и оцѣнки въ дѣлахъ и вещахъ художественныхъ. Иванъ Васильевичъ имѣлъ понятіе о стиляхъ западно-европейскихъ зданій и самъ выбралъ себѣ въ

образецъ для своего дворца палаццо дожей. Музыка тоже не ускользнула отъ вниманія многосторонняго пытливаго ума великаго государя. Онъ любилъ духовное пѣніе, былъ знатокъ въ немъ и обучилъ ему своихъ дочерей. Въ 1490 году, когда Еленѣ было 16, а Θεодосіи 15 лѣтъ, былъ выписанъ изъ-за границы ко двору музыкальный инструментъ. Если Иванъ Васильевичъ и Софія Ѳоминишна мечтали выдать своихъ старшихъ дочерей за иностранныхъ государей, они вынужденны были позаботиться о томъ, чтобы придать имъ нѣкоторый внѣшній лоскъ; поэтому мы можемъ безошибочно предположить, что этотъ инструментъ не остался мертвымъ украшеніемъ комнатъ: Московскія княжны получили понятіе о свѣтской инструментальной музыкѣ. Въ Россіи врядъ ли могли найтись учителя и вѣроятнѣе, что таковыя были выписаны изъ Италіи. Сама Софія Палеологъ, прожившая всю свою молодость въ Италіи, и Елена Молдавская, ея сноха, обѣ жительницы юго-запада Европы, вносили свою долю разнообразія въ жизнь терема. Не меньшее значеніе имѣли греки, пріѣхавшіе въ свитѣ Софіи Палеологъ, и ея родственники. Братъ ея, Андрей Палеологъ пріѣзжалъ дважды въ Россію. Племянница ея Марія вышла замужъ за князя Верейскаго, осталась въ Россіи и пользовалась щедротами тетки. Греки Траханіоты: Дмитрій и Юрій Малые, Іоаннъ Палеологъ-Рало и сыновья его, Θεодоръ Ласкиръ (Ласкарисъ), Микула Ангеловъ поступали на службу къ великому князю и употреблялись имъ, преимущественно, какъ послы. Всѣ они и многіе другіе поселились въ Россіи и, пользуясь удобной почвой, помогали Софіи

оживлять на Руси старыя историческія традиціи падшей имперіи. Въ нихъ Софія нашла ревностныхъ сотрудниковъ и сама, въ свою очередь, поддерживала ихъ къ великому ропоту русскаго боярства. Собственно научнаго, просвѣтительнаго значенія греки не могли имѣть. Лучшіе изъ нихъ были хорошими экономами, администраторами; послами, переводчиками; большинство же изъ нихъ были авантюристы, жадные до наживы. Единственное блестящее исключеніе среди нихъ составилъ впоследствии Максимъ Грекъ, но одна ласточка не дѣлаетъ весны, а сама погибаетъ отъ мороза.

Въ чемъ преимущественно проявили свое вліяніе греки и Софія Палеологъ—это въ созданіи пышной придворной обстановки Московскому государю. Удѣльная старина не знала придворщины; обстановка ея была военная, дружинная, и въ главныхъ своихъ чертахъ она сохранилась до Ивана III. Василій II оставилъ сыну два придворныхъ чина и свиту изъ 5 бояръ. Контарини описалъ простоту княжескаго быта и доступность государя въ первые годы княженія Ивана III. Уважая мать, щадя ея привычки, онъ до самой ея смерти не вводилъ никакихъ измѣненій, только увеличилъ число бояръ съ 5 до 15; но, послѣ смерти Маріи Ярославны, въ обстановкѣ двора совершился крутой переворотъ. Были введены новыя придворныя чины, и въ эту придворную сѣть были хитро уловлены удѣльные князья и строптивое боярство: не имѣя возможности ссориться изъ-за удѣловъ, они заспорили изъ-за мѣстъ при дворѣ и войскѣ.

Ломка удѣльнаго быта не обходилась безъ тяж-

нихъ минутъ и потрясающихъ сценъ. Пока была жива Марія Ярославна, семейныя отношенія были сносны: старушка умѣла примирять непримиримое; она умѣла внушать къ себѣ уваженіе даже въ такой хитрой, гордой женщинѣ, какою была Софія Палеологъ, умѣла сдерживать ее; она обуздывала честолюбіе, эгоизмъ и своеволіе младшихъ сыновей, пробуждала въ нихъ лучшія чувства самоотверженія и любви къ отечеству и въ то же время отстаивала ихъ интересы передъ Иваномъ Васильевичемъ. Ея смерть тяжело отозвалась на судьбѣ младшихъ ея сыновей, и вскорѣ княжнѣ Еленѣ пришлось быть свидѣтельницей трагическихъ событій. Она была подросткомъ, когда ея родная тетка Анна Рязанская выносила на своихъ плечахъ судьбу своего сына Ивана. Ей было 18 лѣтъ, когда разразилась гроза надъ ея дядей княземъ Андреемъ Большимъ: онъ былъ схваченъ, осужденъ пристрастно, томился долго и умеръ мучительной смертью въ заключеніи, подлѣ стѣнъ великокняжескаго терема. Она не могла не знать, что многіе и многіе на Москвѣ громко осуждали ея мать и считали ее виновницей и подстрекательницей.

Была еще личность, которая должна была внести свою долю разнообразія, но и не мало столкновений въ семью. То была сноха великаго князя, молодая княгиня Елена, дочь господаря Стефана Молдавскаго, жена старшаго сына и наслѣдника, Ивана Ивановича. Отношенія отца къ сыну были холодныя, но рожденіе внука Дмитрія смягчило ихъ. Борьба изъза дѣтей отъ перваго и втораго браковъ кончилась въ послѣдствіи, какъ извѣстно, трагически, но ко

времени юности княжны и въ послѣдній годъ ея жизни въ Москвѣ, отношенія Ивана III къ внуку и снохѣ, уже овдовѣвшей, были очень хороши. Скорѣе натянуты были отношенія его къ Софїи, что, при наружномъ якобы согласїи, приводило къ глухой борьбѣ и подпольнымъ интригамъ. Къ семейнымъ несогласїямъ вскорѣ присоединились религіозныя распри—усиленіе и распространеніе ереси жидовствующихъ.

По словамъ лѣтописей, ее занесъ изъ Кіева въ Новгородъ ученый еврей Схарїя. Въ Новгородѣ она имѣла большой успѣхъ и нашла благопрїятную для себя почву: случаи злоупотребленій и издоимства духовенства давали поводъ критиковать господствующее вѣроисповѣданіе, а множество лицъ, раззоренныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ паденіемъ роднаго города, было, что солома для огня. По словамъ тѣхъ же лѣтописей, приверженцы ереси подвергали критикѣ самые основные догматы христіанства, давали преимущество Ветхому Завѣту передъ Новымъ. Изъ Новгорода ересь проникла и въ Москву, и здѣсь она заразила многихъ, даже среди самого духовенства; она проникла въ самый дворецъ, и здѣсь нашлись у ней послѣдователи и слушатели. Федоръ Курицынъ, часто отправляемый посломъ за границу, считался современниками главнымъ виновникомъ ея распространенія и усиленія. По всей вѣроятности, ересь походила на рачіоналистическія ученія, заносимыя и теперь къ намъ съ Запада такими же путями. Пока ересь имѣла характеръ чисто религіозный—Иванъ Васильевичъ относился къ ней снисходительно и самъ интересовался богословскими спорами: на него

вліяли также Ѳеодоръ Курицынъ и духовникъ его протопопъ Алексѣй—все люди начитанные и бывалые, близкіе къ нему, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ. Только въ Новгородѣ, въ виду политической опасности, были, наконецъ, въ концѣ 80-хъ годовъ разрѣшены мѣры строгости противъ еретиковъ. Однако Иванъ Васильевичъ, по сознанию самого Іосифа Волоцкаго, запретилъ употреблять противъ нихъ смертную казнь, а только церковныя увѣщанія, эпитиміи, а въ случаяхъ упорства—тѣлесное наказаніе и тюремное заключеніе. Въ Новгородѣ ересь стала ослабѣвать, но въ Москвѣ, ничѣмъ не сдерживаемая, продолжала усиливаться и приняла опасный оборотъ, когда къ ней примкнула даже сноха великаго князя Елена Молдавская.

По словамъ самого Ивана Васильевича, ее совратилъ въ жидовство нѣкій Иванъ Максимовъ; слухи ходили, что Елена смущала самого свекра, по крайней мѣрѣ, ей приписывали необъяснимое потворство государя. Съ Еленой Молдавской къ религіозной ереси примѣшались политическія тенденціи и страсти. Всѣ недовольные самовластіемъ Ивана III и новшествами Софіи Палеологъ и ея грековъ, всѣ вздыхавшіе по удѣльной старинѣ желали видѣть преемникомъ Іоанна III его внука Дмитрія. Они группировались около Елены и тѣмъ самымъ заражались ересью; въ свою очередь люди, примкнувшіе къ ереси изъ чисто-религіозныхъ побужденій, невольно втягивались въ политическій водоворотъ. По сознанию самого Іосифа Волоцкаго и другихъ современниковъ, умственное броженіе общества было очень сильно; и немудрено: споръ шелъ о самыхъ основныхъ дог-

матахъ, о самой сути христіанства, а къ этому еще примѣшивались политическія симпатіи и антипатіи. Вездѣ—во дворцѣ, въ притворахъ церквей, на площадяхъ, даже среди рынка и въ баняхъ шли толки и споры о самыхъ жгучихъ вопросахъ. Москва въ миниатюрѣ имѣла видъ Константинополя и Александри, гдѣ нѣкогда народонаселеніе волновалось также по поводу подобныхъ же лжеученій ⁴).

Русскіе православные люди были сильно смущены такимъ соблазномъ, и гдѣ же?!.. въ центрѣ православія, въ Москвѣ, среди пастырей церкви, у самаго престола царскаго! Вначалѣ они не знали, что дѣлать, къ кому примкнуть, въ виду неопредѣленнаго отношенія великаго князя, но тутъ Софія Палеологъ оказалась на высотѣ своего призванія и положенія: она одна, проведенная всю свою молодость въ Италіи среди соблазновъ, осталась и тамъ и здѣсь, въ Москвѣ, тверда въ православіи, за которое пострадалъ весь ея царскій родъ. Ея примѣръ ободрилъ смущенныхъ и, несмотря на нелюбовь къ ней лично, защитники православія въ народѣ и духовенствѣ, найдя въ ней точку опоры и сильную помощь, стали невольно группироваться около нея.

Такъ между двумя женщинами, которыя невольно, въ силу стеченія обстоятельствъ, стали представительницами двухъ религіозно-политическихъ направленій, закипѣла борьба не на животъ, а на смерть; эта борьба выступила наружу много позже и кончилась кроваво въ началѣ XVI вѣка—гибелью Елены Молдавской съ ея сыномъ и со всѣми приверженцами, кончилось торжествомъ Софіи Палеологъ. Эта борьба, отравила горечью послѣдніе годы жизни Ивана III

омрачила его характеръ и придала его взору то грозное выраженіе, отъ котораго, по словамъ современниковъ, женщины падали въ обморокъ. Но, какъ мы уже сказали выше, конецъ трагедіи, ея заключительная сцена перешли въ начало XVI столѣтія. Время отъ 90—95 года, проведенное княжной на родинѣ, было еще только началомъ, завязкой и, слѣдовательно, самымъ интереснымъ моментомъ, когда участвующія лица были на свободѣ и, опираясь на сильныхъ защитниковъ, высказывали вслухъ свои мнѣнія, въ своихъ же взаимныхъ общеніяхъ держались строго приличія и родственности. Елена Молдавская была въ постоянныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ со свекровью и золовками; протопопъ Алексѣй былъ духовникомъ Іоанна и былъ вхожъ во дворецъ, равно какъ Ѳеодоръ Курицынъ и другіе. Мы имѣемъ прямыя данныя, что царевны, дочери Алексѣя Михайловича, принимали горячее участіе въ религіозныхъ спорахъ своего времени; обитательницы же терема XV вѣка были куда свободнѣе въ своей жизни и привычкахъ. Возможно ли допустить, чтобы княжна оставалась безучастной ко всему, что вокругъ нея происходило: ничего бы не видѣла и не слышала? У насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ, но мы, основываясь, на поведеніи княжны впоследствии въ Литвѣ и Польшѣ, можемъ заключить, какъ отразились на ея характерѣ 80-ые и особенно 90-ые годы XV вѣка, замѣчательные по умственному и нравственному броженію русскаго общества и народа, и какой она вынесла опытъ. Какъ дочь Софіи Палеологъ, она оказалась на сторонѣ матери въ религіозной распрѣ и раздѣляла ея симпатіи и антипа-

тѣмъ; стойкость, съ которою она выдержала борьбу за свои религіозныя убѣжденія, будучи одинока и предоставлена собственнымъ силамъ, доказываетъ, что ея вѣра была горяча и сознательна, а не пассивна; но выказанное ею отвращеніе ко всякимъ политическимъ интригамъ и кознямъ доказываетъ, съ другой стороны, гдѣ лежали ея симпатіи и кѣмъ она руководилась. Въ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ ей служила примѣромъ бабушка Марья Ярославна, а не мать Софія Палеологъ.

Кромѣ года рожденія Елены Ивановны у насъ нѣтъ иныхъ данныхъ объ ея дѣтствѣ, юности и воспитаніи, а между тѣмъ чрезвычайно интересно было узнать, что за человекъ была дочь Ивана III, которой предстояло дѣйствовать на Западной Руси. Въ виду этого пришлось намъ воспользоваться бытвыми данными о Московской Руси XV в., чтобы нарисовать картину жизни великокняжескаго терема, сообщить свѣдѣнія о родителяхъ княжны, семействѣ и о приближенныхъ лицахъ, т. е. о тѣхъ личностяхъ, которыя могли имѣть вліяніе на образованіе ея характера, познакомить съ тѣми идеалами и умственнымъ броженіемъ московскаго общества, которые могли повліять на развитіе ума Елены Ивановны, ея симпатій и антипатій.

Почти въ такомъ же положеніи находимся мы и по вопросу о томъ образованіи, какое получила Елена Ивановна. Всѣ прямыя данныя заключаются въ томъ, что она была грамотна, любила чтеніе, музыку, но что именно читала и кто былъ учителемъ ея—неизвѣстно. Мы должны довольствоваться свѣдѣніями о состояніи Московской образованности XV в., ко-

*

торыя и покажутъ намъ, какую умственную пищу могла получить великая княжна ⁵⁾).

Образованность московскихъ людей XV в. заключалась въ грамотности, но мы должны понимать эту грамотность въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ понимаютъ ее теперь. Грамотность XV в. соединялась съ большею или меньшею начитанностью и имѣла широкое распространеніе не только въ высшихъ, но и въ низшихъ слояхъ общества. О количествѣ грамотныхъ людей наглядно свидѣтельствуютъ документы. Упала грамотность на Руси уже въ XVII вѣкѣ, послѣ Смутнаго времени и послѣ полного закрѣпощенія народа. Школы съ ея выдержкой, съ ея дисциплиной ума Московская Русь не знала; образованіе находилось въ рукахъ приходскаго духовенства, частныхъ лицъ, сосредоточивалось въ монастыряхъ, а учителями были монахи, священники, дьяки. Тѣмъ не менѣе, при столь скудныхъ средствахъ къ образованію, отдѣльныя лица достигали зачастую высокой степени развитія, знавали греческій и латинскій языки, чему примѣромъ служить дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ, Герасимовъ, кн. Курбскій и др.

Точно такое же образованіе и такимъ же путемъ получали дѣти великаго князя, и Елена Ивановна, научившись грамотѣ, могла, подобно каждому грамотному человѣку XV в., дополнить свои знанія, благодаря обширной, хотя и односторонней по своему направленію, литературѣ. Обширная письменность XV в. была для нея тѣмъ болѣе доступною, что великокняжескій дворецъ хранилъ не малое число книгъ. Сверхъ того и богатство народной поэзій

было въ старину одинаковымъ достояніемъ какъ послѣдняго бѣдняка, такъ и великокняжеской семьи. Быть можетъ, тѣмъ интересомъ къ пѣснѣ, къ сказкѣ и былинѣ, какой выказывали всѣ русскіе люди допетровской Руси, объясняется то обстоятельство, что на Москвѣ народная поэзія развивалась и сохранялась въ противоположность, напр., аристократической и воспитанной на схоластикѣ Польшѣ.

Къ XV в. запасъ произведеній чисто духовнаго характера—проповѣди, слова, поученія, всѣ сочиненія полемическія, какъ переводныя, такъ и самостоятельныя, дошедшія отъ предыдущихъ вѣковъ,—пополнялся произведеніями современниковъ, къ числу которыхъ принадлежали и Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій. Въ этой духовной литературѣ почерпали русскіе люди знаніе православнаго вѣроученія, проникали въ тонкость догматовъ и обрядовъ. Но любимѣйшимъ чтеніемъ того времени, замѣнявшимъ, можно сказать, беллетристику нашего времени были житія святыхъ. Этотъ неистощимый и никогда не теряющій своего значенія источникъ оказывалъ разнообразное вліяніе. Помимо своего религіознаго и нравственнаго значенія, житія сообщали историческія свѣдѣнія о Византіи и Римѣ, знакомили съ прошлой жизнью православнаго востока, русской церкви, русскаго общества и давали, наконецъ, богатую пищу воображенію. Не забудемъ, что житія XV в. сохраняли свои индивидуальныя черты, не получивъ еще однообразной обработки подъ перомъ митрополита Макарія: въ нихъ было несравненно больше и бытовыхъ чертъ и поэтическихъ особенностей. Но, конечно, не одни житія знакомили русскихъ людей съ

отечественной исторіей и, говоря своей дочери, что она знает о минувшихъ событіяхъ страны, Иванъ III, конечно, имѣлъ въ виду знакомство ея съ лѣтописями. Нельзя не упомянуть цѣлаго ряда историческихъ сказаній, повѣстей, когда среди нихъ встрѣчаются такія произведенія какъ «Слово о полку Игоревѣ», «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ», или переводныя въ родѣ «Александрія», «Сказанія о Троянской войнѣ». Нельзя не упомянуть тѣхъ многочисленныхъ «Изборниковъ», въ которыхъ на ряду съ изреченіями отцовъ церкви, встрѣчаются отрывки изъ древнихъ классическихъ авторовъ. Многочисленныя же повѣсти о путешествіяхъ то въ Святую Землю (хожденіе Даниила), то на востокъ (въ Индію—Никитина XV в.), то на западъ (въ Италію) вносили въ чтеніе уже новый интересъ, который удовлетворялся и переводными географіями. Наконецъ, къ концу XV в. появляются сказанія о гибели Царьграда и др.; въ литературу проникаетъ идея означенія Москвы—третьяго Рима, и эти политическія утопіи вводили въ сознаніе русскихъ людей того времени понятіе о міровомъ значеніи Московскаго государства и Московскаго государя.

Таковы были условія жизни, въ которыхъ росла и развивалась княжна Елена Ивановна съ 1474 по 1494 г., когда ей исполнилось 20 лѣтъ, пошли толки объ ея замужествѣ и она стала предметомъ искательства Литовскаго великаго князя. Эти условія жизни, какъ мы видѣли, были благопріятны для умственнаго и нравственнаго развитія княжны, несравненно благопріятнѣе условій терема XVII вѣка, въ которыхъ росли царевны дома Романовыхъ. Въ

XV вѣкѣ и воздуха, и свѣта въ теремѣ было больше; общество разнообразнѣе, болѣе свободно и не зависимо по своему положенію; было меньше замкнутости, раболѣпства, обособленности и больше общительности. Оглянемся на всѣ пройденныя нами 20 лѣтъ жизни княжны въ Москвѣ. Посмотримъ, что она вынесла оттуда и какимъ человѣкомъ явилась въ Литву.

Отъ своихъ знаменитыхъ родителей княжна наслѣдовала нѣкоторыя черты ихъ характера: стойкость, энергію, практическій складъ ума, скопидомство и расчетливость Московскихъ князей, чувство собственного достоинства. Отецъ, мать и бабушка внушили ей домовитость, умѣнье распорядиться самостоятельно своимъ имуществомъ, дворомъ и подвластными ей людьми. Къ родителямъ она сохранила искреннюю привязанность, а къ отцу еще глубокое уваженіе, преклоненіе передъ его умомъ, опытностью и значеніемъ, какъ Московскаго государя. Въ Москвѣ она получила недожинное, для своего времени, образованіе — твердое, основательное и осмысленное знаніе догматовъ православной вѣры, на столько обширное, что она впоследствии могла вынести давленіе такого сильнаго элемента, какъ латинство; семья и мать внушили ей твердыя нравственныя правила и убѣжденія, которыя дали ей силу противостоятъ всѣмъ искушеніямъ и соблазнамъ распущеннаго двора Ягеллоновъ. Она была грамотна, свободно читала и писала, любила чтеніе и выписывала книги изъ Россіи не единицами, а десятками, какъ свидѣтельствуесть ея переписка съ отцомъ; она интересовалась религіозными вопросами, которые

и легли въ основаніе всей ея дѣятельности въ Литвѣ, и вела переписку съ московскимъ митрополитомъ Симономъ. Мы находимъ указанія изъ устъ самого Ивана Васильевича, что она хорошо знала русскую исторію, была имъ посвящена въ политику. Съ дѣтства получила она привычку къ роскоши и любовь къ изящному. Польскіе историки отмѣчаютъ ея любовь къ искусству; она раздѣляла со своимъ мужемъ и любовь къ музыкѣ; она пѣла, играла, и любила пѣніе, особенно духовное.

Итакъ, мы видимъ, что княжна Елена Ивановна явилась въ Литву не неопытной затворницей терема, но русской женщиной XV вѣка, съ вполне сложившимся характеромъ, съ опредѣленными, твердыми убѣжденіями и идеалами. Въ ея душѣ скопился богатый запасъ впечатлѣній и воспоминаній.

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ: Библіотека иностранныхъ писателей т. I. 1836 г. (Жонтарини); Лѣтописи т. VII, VIII и Новгородскія; Житія святыхъ, составл. Филаретомъ 1892 г. т. XII; Карамзинъ (его примѣчанія къ VI т.); Вестужевъ-Рюминъ «Русская исторія» т. II; Забѣлинъ «Бытъ русскихъ царей» М. 1895 г.; Иловайскій «Исторія Россіи» т. III; «Изъ исторіи Москвы». Очерки В. Н. 1896 г.; «Обзоръ духовной литературы» Филарета 1834 г. Порфирьевъ, «Исторія русской словесности» и др.

IV.

Сватовство, сговоръ и выѣздъ изъ Москвы. 1492—1495 г.

Бракъ Ивана Васильевича, его ловкая политика и военные успѣхи обратили на себя вниманіе Запада и оживили дипломатическія сношенія съ Западной Европой. Среди многочисленныхъ посольствъ, побывавшихъ за это время въ Москвѣ, нѣкоторые имѣли прямое отношеніе къ судьбѣ княжны Елены.

Еще въ 1486 году пріѣхалъ въ Москву имперскій рыцарь Поппель ознакомиться съ обширнымъ русскимъ государствомъ. Недовѣрчиво встрѣченный русскимъ правительствомъ, онъ однако явился снова въ 1488 году, уже какъ официальный посолъ императора Фридриха III. Поппель сообщалъ о желаніи императора быть въ дружбѣ съ могущественнымъ Московскимъ государемъ, предлагалъ въ женихи для дочерей великаго князя маркграфа Баденскаго и герцога Бургундскаго; заявилъ наконецъ, что великій князь можетъ хлопотать у императора о королевскомъ вѣнцѣ, такъ какъ де императоръ имѣетъ право жаловать въ короли, принцы и рыцари. Послѣднія слова вызвали, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ, достойный Ивана III: «Государь наследовалъ державу Русскую отъ предковъ и

поставленіе имѣеть отъ Бога». На первыя же два предложенія, великій князь рѣшилъ отвѣтити черезъ своего посла Юрія Траханіота, грека, котораго и отправилъ къ императору.

Русскій посолъ выразилъ полную готовность своего государя вступить въ дружескія отношенія съ германскимъ правительствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ понять императору, каково достоинство Московскаго государя. Великій князь — это Божіей милостью Государь всея Руси, наслѣдникъ Византіи, и сватовство герцоговъ не соотвѣтствуетъ такому его значенію. Траханіотъ намекнулъ, что единственнымъ достойнымъ женихомъ для московской княжны, можетъ быть лишь самъ король римскій.

Траханіотъ, возвратясь въ Москву, сообщилъ о чрезвычайномъ почетѣ, съ какимъ былъ принятъ императоромъ и римскимъ королемъ, и результатомъ его переговоровъ былъ пріѣздъ Делатора.

18 Іюля 1490 года состоялся приѣмъ имперскаго посла. Иванъ III захотѣлъ оказать ему такую же честь, какую императоръ выказалъ Траханіоту. На лѣстницѣ дворца Делаторъ былъ встрѣченъ окольничимъ и дьякомъ, а при входѣ въ палату — бояриномъ Плещеевымъ. Приѣмной палатой служила только что выстроенная и богато-украшенная Малая Грановитая. Великій князь, послѣ рѣчи посла, всталъ со своего мѣста и подаль руку, спрашивая о здоровьи короля (онъ копировалъ приѣмъ Траханіота), а затѣмъ приказалъ поставить послу скамейку близъ себя. Делаторъ подаль грамоту вѣрительную, поднесъ дары великому князю: кусокъ «Венедитцакаго» синяго бархата, и былъ званъ на обѣдъ, на которомъ присут-

ствоваши всѣ бояре. Посольство Делатора имѣло двоякую цѣль: Максимилианъ предлагалъ Ивану III вступить съ нимъ въ союзъ противъ польскаго короля и являлся претендентомъ на руку княжны. Оба предложенія пришились по душѣ великому князю. Въ отвѣтъ Ивана III такъ ярко рисуются и политическая его программа и приемы его политической дѣятельности, что мы не можемъ не остановиться нѣсколько дольше. Великій князь заключалъ договоръ съ Максимилианомъ о взаимной помощи противъ польскаго короля; онъ, великій князь, обѣщалъ помощь въ томъ случаѣ, если Максимилианъ захочетъ вернуть себѣ Венгрію, а римскій король обязуется помогать великому князю, если послѣдній станетъ добывать себѣ Кіевъ и русскія области, отошедшія къ Литвѣ. Вотъ она, конечная цѣль въ отношеніи Литвы и Польши, какъ понималъ ее великій представитель Рюрикова дома! Не даромъ вездѣ въ сношеніяхъ съ императоромъ онъ называлъ себя: Государь (а иногда и Царь) всея Руси.

Посылая съ Делаторомъ своего посла къ Максимилиану, великій князь наказывалъ сперва кончить дѣло о союзѣ, а потомъ завести рѣчь о сватовствѣ. Во время переговоровъ о бракѣ дочери съ Максимилианомъ, Иванъ III выказалъ твердость своихъ убѣжденій: онъ требовалъ прежде всего обезпеченія для дочери свободнаго исповѣданія православной вѣры; требовалъ, чтобы у нея была своя церковь и свои священники. Делаторъ, пробывшій въ Москвѣ всего мѣсяць, представлялся и великой княгинѣ Софіи Фоминишнѣ. Она приняла посла въ средней повалушѣ, своей приемной палатѣ и получила отъ не-

го дары Максимилиана: сѣрое сукно и попугая. На прощальной аудіенці великій князь съ женой послали отъ себя римскому королю: 80 соболей, камку и птицу кречета. Одарили они и посла: золотой цѣпью съ крестомъ, атласной горностаевою шубой, и... здѣсь интересная подробность: великій князь «учинилъ его Золотоносцемъ», прибавивъ къ подаркамъ серебряныя золоченыя шпоры («остроги»). Другими словами, великій князь пожаловалъ Делатора въ рыцари! Не косвенный ли это намекъ на слова Поппеля, что императоръ имѣетъ право жаловать въ рыцари, и не хотѣлъ ли Иванъ III доказать, что и онъ можетъ дѣлать то же самое?

Прошло всего 10 лѣтъ послѣ приѣма Контарини и какую мы видимъ уже перемѣну въ обстановкѣ московскаго двора, какъ она далека отъ простоты и непринужденности семидесятыхъ годовъ! Но не одни греки способствовали перемѣнѣ; какъ видимъ, западно-европейскій церемоніаль тоже имѣлъ свою долю вліянія.

19 Августа 1490 г. Делаторъ уѣхалъ; уѣхалъ съ нимъ и русскій посолъ. Вскорѣ стали доходить слухи о перемѣнѣ въ политикѣ Максимилиана, объ его помолвкѣ на принцессѣ Бретанской. Эти слухи подтвердились приѣздомъ Делатора въ 1492 году. Великій князь досадовалъ на перемѣну въ отношеніяхъ Максимилиана къ Польшѣ, выражалъ готовность сѣсть на коня противъ наслѣдниковъ Казимира. Втайнѣ Иванъ III сожалѣлъ о несостоявшемся сватовствѣ и думалъ, не разстроится ли помолвка Максимилиана... Но миръ, заключенный послѣднимъ съ Польшей, и женитьба, прервали сношеніе съ австрійскимъ до-

момъ. Такъ судьба не судила Еленѣ Ивановнѣ быть германской императрицей, но возможность для нея выйдти замужъ за иностраннаго государя не исчезла.

Уже въ 1492 году, когда затихали оживленные переговоры съ римскимъ королемъ, начались толки о томъ, что великій князь литовскій сильно желаетъ завести рѣчь о сватовствѣ. Это обстоятельство приводитъ насъ къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ политики Ивана III. Отношенія Москвы къ Польшѣ и Литвѣ представляютъ знаменательную страницу въ русской исторіи, полны глубокаго интереса и во всемъ блескѣ рисуютъ государственный умъ Ивана III. Великій собиратель русской земли, почти окончивъ объединеніе Руси на востокѣ, сталъ продолжать это дѣло и въ отношеніи къ тѣмъ областямъ, которыя попали подъ власть Литвы. Онъ ясно сознавалъ неизбежность наступательнаго движенія на Литву, продолженнаго Алексѣемъ Михайловичемъ и почти законченнаго Екатериной II; онъ глубоко понималъ конечную цѣль этого движенія, и временный успѣхъ не могъ затемнить для него смысла взаимныхъ отношеній Литвы и Руси. Въ настоящее время сами польскіе историки поняли глубокій смыслъ политики Ивана III, но раньше, а тѣмъ болѣе въ XV вѣкѣ, польско-литовское правительство не доросло до его пониманія. Литва чувствовала опасность, которая грозила ей со стороны могущественнаго союзда, но для спасенія своего хваталась за соломинки. Въ 1492 году взаимное положеніе государствъ было враждебное; этимъ враждебнымъ положеніемъ объясняется многолѣтняя ловкая политика Ивана III

съ Менгли-Гиреемъ, ханомъ крымскимъ. Ареной для постоянныхъ столкновений служили границы между Литвой и Москвой. Еще при Казимирѣ постоянно происходили отъѣзды служилыхъ людей и князей изъ Литвы на Москву, захваты пограничныхъ городовъ русскими войсками. Тѣмъ менѣе Иванъ III могъ считать за опаснаго врага молодого великаго князя Александра, при которомъ Польша временно отдѣлилась отъ Литвы. Великій князь Московскій настойчиво напиралъ на Литву, а литовское правительство упорно отказывалось считать этотъ натискъ за серьезныя военныя дѣйствія и продолжало видѣть въ нихъ одни пограничныя споры и ссоры. Дипломатическія сношенія велись съ перерывами: то вяло, то оживленнѣе; наконецъ Александръ Литовскій задумалъ рѣшить все дѣло сватовствомъ.

Осенью 1492 года, когда воеводы великаго князя овладѣли нѣсколькими городами и когда отношенія къ Литвѣ были очень враждебны, пріѣхалъ въ Москву воевода и намѣстникъ Ивана III въ Великомъ Новгородѣ, бояринъ Яковъ Захаревичъ—одинъ изъ родоначальниковъ рода Романовыхъ — пріѣхалъ съ важнымъ сообщеніемъ: онъ только что получилъ письмо, отъ 14 іюня 1492 года, трокскаго воеводы Якова Заберезинскаго и выслушалъ рѣчи его посла. Литовскій панъ просилъ узнать, возможно ли начать переговоры о сватовствѣ его государя къ дочери великаго князя, о сватовствѣ, которое должно было помочь установленію добрыхъ отношеній между государями. Иванъ III не торопился дать наказъ новгородскому воеводѣ, какъ поступить въ этомъ случаѣ, и Заберезинскому долго и тщетно при-

шлось ждать отвѣта. Наконецъ въ октябрѣ Иванъ III написалъ Якову Захаревичу въ Новгородъ, что онъ, бояринъ, можетъ состоять въ вѣжливой перепискѣ съ литовскимъ паномъ, но на его запросъ долженъ отвѣтить, что рѣчи о сватовствѣ неумѣстны, пока между государями нѣтъ «любви и единачества», что раньше надо толковать объ установленіи лучшихъ взаимныхъ отношеній. Между тѣмъ Заберезинскій, нетерпѣливо ждавшій отвѣта, успѣлъ уже вторично послать письмо къ новгородскому воеводѣ и сверхъ того послалъ съ такимъ же точно порученіемъ своего посла въ Москву къ боярину князю Патрикѣеву. Въ то же самое время и великій князь литовскій снарядилъ посольство съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на престолъ и для разбора пограничныхъ дѣлъ. Литовскіе паны пріѣхали въ Москву въ ноябрѣ, когда панъ Заберезинскій едва ли могъ получить отвѣтъ отъ Якова Захаревича. Исполнивъ свое дипломатическое порученіе, они на веселомъ пиру у боярина Патрикѣева, подъ хмѣлькомъ, проговорились о сущности своего посольства, о сокровенномъ своемъ желаніи: послы завели рѣчь о сватовствѣ. На слѣдующій день, извѣщенный о томъ Иванъ Васильевичъ поручилъ боярамъ разузнать, насколько эти рѣчи серьезны. Когда же бояре услышали, что дѣло о сватовствѣ задумано литовской радой и бискупами, то отвѣтили, что подобные переговоры нельзя вести, пока не существуетъ пріязни и добрыхъ отношеній, что первая забота должна быть объ этомъ послѣднемъ. Такъ ясно и опредѣленно Иванъ Васильевичъ показалъ литовскому правительству, что онъ не любитъ смѣшивать съ политикой брачныхъ

переговоровъ, что онъ отдѣляетъ переговоры о мирѣ и о бракѣ. Въ свою очередь Литовское правительство показало, какъ цѣпко хваталось оно за мысль о бракѣ, какой видѣло въ этомъ политическій успѣхъ и, затѣявъ дѣло о сватовствѣ, не побоялось даже холоднаго приѣма со стороны русскихъ.

Уже въ декабрѣ возвратился человекъ, посланный къ пану Заберезинскому съ подобнымъ же отвѣтомъ, что и посламъ. Вернулся онъ съ отвѣтомъ, что панъ Заберезинскій проситъ бояръ содѣйствовать успѣху посольства, которое пріѣдетъ толковать о мирѣ; но этому посольству не удалось собраться. Едва мысль о мирныхъ переговорахъ была заявлена Литовскимъ правительствомъ, какъ Иванъ Васильевичъ нашелъ удобнымъ раскрыть свою политическую программу. Въ январѣ 1493 года онъ отправилъ въ Литву свое посольство по поводу приѣма на службу въ Москвѣ нѣкоторыхъ отбѣзжихъ изъ Литвы князей,—и въ этомъ 1493 году Литовское правительство впервые услышало на торжественномъ посольскомъ приѣмѣ титулъ великаго князя Московскаго, которымъ онъ уже давно пользовался въ сношеніяхъ своихъ съ другими государями... услышало знаменательныя слова Ивана III: «государь всея Руси»!.. Но въ то же время посланецъ боярина князя Патрикѣва передавалъ частнымъ образомъ пану Заберезинскому готовность своего боярина содѣйствовать заключенію мира и совѣтъ свой литовскому пану хлопотать о томъ же. Литовское правительство потерялось. Думало послать посольство, но вернуло его съ дороги за дополненіями къ наказу и наконецъ вовсе не послало.

Такимъ образомъ официальные сношенія на время прекратились, но переписка Заберезинскаго съ намѣстникомъ новгородскимъ Яковомъ Захарьевичемъ продолжалась. Въ февралѣ 1493 года, когда посольство вернули съ дороги, Заберезинскій прислалъ въ Новгородъ за покупкой кречетовъ. Иванъ Васильевичъ увидѣлъ въ этомъ тайное желаніе возобновить переговоры и приказалъ Якову Захарьевичу намекнуть троцкому воеводѣ: «зачѣмъ де стало дѣло о мирныхъ переговорахъ и къ чему де великій князь литовскій дѣлаетъ зацѣпки?» Въ маѣ 1493 года получился отвѣтъ Заберезинскаго, что «зацѣпки» дѣлаетъ Московскій государь, наступая войскомъ на отчину Литовскаго князя. Подобное заявленіе встрѣтило гордое молчаніе. Якову Захарьевичу не было приказано на счетъ отвѣтной грамоты, а приказано ему лишь передать на словахъ, что московскіе бояре не прочь хлопотать о заключеніи мира; но въ это время, въ маѣ мѣсяцѣ 1493 года, находилось въ Москвѣ посольство неожиданнаго союзника Московскому государю противъ Казиміровыхъ дѣтей и новаго претендента на руку княжны. Этимъ женихомъ былъ никто иной, какъ одинъ изъ польскихъ князей, потомокъ рода Пястовъ, князь Конрадъ Мазовецкій. Его выдвинулъ Тевтонскій орденъ, который, опасаясь тѣснаго союза Литвы съ Москвой, старался разстроить тѣмъ мирные переговоры и самое сватовство.

Посоль мазовецкаго князя передалъ Ивану Васильевичу грамоту, въ которой его государь официально просилъ руки Московской княжны, на словахъ же объявилъ, что князь Конрадъ обязуется

записать известное число городов на имя невесты и предлагает заключить союзъ противъ дѣтей Казимира, обѣщая содѣйствіе магистра Тевтонскаго ордена. Мазовецкій князь употреблялъ приемы литовско-польскаго правительства: онъ хотѣлъ устроить свои политическія дѣла путемъ брачнаго союза и послы его тѣсно связываютъ вопросъ о союзѣ противъ Ягеллоновъ съ согласіемъ великаго князя на бракъ его дочери.

Подобныхъ политическихъ приемовъ былъ чуждъ Московскій князь, и онъ рѣзко отдѣлялъ вопросъ о бракѣ и о союзѣ. Всегда осторожный, всегда вѣрный себѣ, Иванъ Васильевичъ не далъ окончательнаго отвѣта и снарядилъ въ Мазовію посольство, которому поручилъ разузнать политическое положеніе князя Конрада, его отношенія къ польскому королю и къ его братьямъ, къ магистру Тевтонскаго ордена, осмотрѣть его владѣнія. (Инструкціи Ивана Васильевича посламъ интересны тѣмъ, что показываютъ, чѣмъ интересовался великій князь и чему придавалъ значеніе). Мазовецкому же князю Иванъ Васильевичъ писалъ, что согласенъ на заключеніе политическаго союза, но желаетъ знать, въ какихъ отношеніяхъ находится князь Конрадъ къ польскому королю. Прямого согласія на бракъ онъ не давалъ, но желалъ узнать, что за города сулитъ Конрадъ его дочери? По всему видно, что великій князь относился недовѣрчиво къ новому союзнику; вмѣстѣ съ тѣмъ Иванъ Васильевичъ не преминулъ показать Конраду, что Московскій государь — «государь всея Руси», и сомнѣвается въ правахъ мазовецкаго князя на русскія земли, которыя и выкинулъ изъ титула

Конрада. Переговоры дальше не пошли, какъ и почему—неизвѣстно. Толки объ этомъ сватовствѣ также быстро замолкли, какъ неожиданно возникли. Судьба видимо рѣшила быть Еленѣ Ивановнѣ литовской великой княгиней.

Литовское правительство, обезпокоенное происками Тевтонскаго ордена и князя Конрада, рѣшило немедленно имъ противодѣйствовать и, несмотря на неблагоприятныя условія, послало въ Москву, въ июнѣ 1493 года, посольство хлопотать о заключеніи мира. Но какъ не бились литовскіе послы, они не достигли никакого успѣха въ переговорахъ. Въ Москвѣ твердо и неуклонно стояли на томъ, что города, захваченные великимъ княземъ Московскимъ, суть его отчина, во время невзгоды попавшая подъ власть Литвы; стояли на томъ, что отъѣхавшіе князья издавна служили Московскимъ государямъ. Робко дѣлали литвины намеки на прибавку въ титулѣ, но бояре заявили туманно, но твердо, что великій князь Московскій не вводитъ ничего новаго, а дѣйствуетъ по старинѣ и по праву своихъ предковъ. Иванъ Васильевичъ ни на шагъ не отступилъ отъ своей программы и литовскому правительству пришлось крѣпко подумать и поразмыслить надъ своими отвѣтами.

Въ сентябрѣ 1493 года литовскіе паны-рада надумались, попросили опасныхъ грамотъ и, получивъ ихъ (въ нихъ между прочимъ красовался титулъ «Государя всея Руси»), отправили въ январѣ 1494 года великое посольство.

Январь 1494 года имѣлъ рѣшающее значеніе въ судьбѣ Елены Ивановны. До сихъ поръ переговоры

шли неопредѣленно, и великая княжна могла думать, что и это сватовство кончится ничѣмъ, подобно сватовству Максимилиана и Конрада. Пріѣздъ великаго посольства рѣшилъ дѣло. Послы явились въ Москву съ наказомъ не скупиться на уступки, только бы достигнуть желаннаго результата. Бракъ Александра на великой княжнѣ казался такимъ политическимъ успѣхомъ, что изъ за него литовское правительство проглядѣло многое. Иванъ Васильевичъ оставался вѣренъ своимъ взглядамъ и долгіе переговоры (мѣсяць) пословъ съ боярами касались только пограничныхъ дѣлъ. Только окончивъ это дѣло съ громадной выгодой для Московскаго государя, литовскіе послы получили позволеніе завести рѣчь о сватовствѣ. Такъ Иванъ Васильевичъ достигъ того, чего желалъ: миръ былъ заключенъ на выгодныхъ условіяхъ; титулъ «Государя всея Руси» не былъ оспариваемъ, и тѣмъ самымъ великій князь очистилъ себѣ путь къ дальнѣйшей дѣятельности по отношенію къ Литвѣ. Теперь онъ согласился выслушать пословъ и принялъ предложеніе Литовскаго государя: «стать ему зятемъ».

Послы были приглашены на торжественный пріемъ и вручили грамоту Александра съ просьбой руки княжны Московской; въ тотъ же день они были званы на обѣдъ. Черезъ два дня послы явились за отвѣтомъ и бояре въ горницѣ, сосѣдней съ горницею великаго князя, завели переговоры. Сперва составили договорную грамоту о мирѣ; затѣмъ бояринъ Патрикевъ, выйдя отъ великаго князя, объявилъ, что Московскій государь согласенъ выдать дочь за Литовскаго великаго князя, и немедленно высказалъ и

то условіе, безъ котораго его Государь не считалъ бракъ возможнымъ,—требованіе, которое ставилось безусловно и Максимилиану, и Конраду: свободное, непринужденное исповѣданіе княжной православной вѣры, и это обѣщаніе Александръ обязывался скрѣпить клятвенной грамотой въ томъ, что не будетъ принуждать Елену Ивановну къ переходу въ латинство. Вполнѣ понятно требованіе Ивана Васильевича и понятно, что онъ тѣмъ самымъ дѣлалъ шагъ ко вмѣшательству въ внутреннія дѣла Литовскаго государства,—непонятна поспѣшность, съ какой литовскіе послы согласились на всѣ условія. Можно объяснить отчасти тѣмъ, что положеніе дѣлъ въ Литвѣ было очень тяжелое; съ другой стороны, панырада и бискупы мечтали, можетъ быть, также заманить въ свои сѣти Московскую Русь съ помощью брака Александра съ Еленой, какъ удалось Польшѣ, въ свое время, хитро провести ихъ самихъ, при заключеніи брака Ягайла съ Ядвигой. Однако, Московская Русь и ея боярство оказались дальновиднѣе, тверже и патріотичнѣ Литвы и ея пановъ, а Иванъ III былъ не чета Ягайлу. Что касается клятвъ и договоровъ, то ими мало стѣснялись въ концѣ XV вѣка и началѣ XVI,—вѣка Александра, Цезаря и Лукреціи Борджіа и ихъ истолкователя Николая Макиавелли.

6 февраля 1494 года назначенъ былъ день смотринъ и обрученія. Въ приѣмныхъ палатахъ великой княгини было особенно торжественно. Множество бояръ и боярынь наполняло ихъ. Изъ богато убранной палатѣ было поставлено тронное мѣсто для великаго князя и великой княгини. Пословъ провели на поло-

вину Софіи Ѳомишишны. Они вошли въ приемную палату. Здѣсь увидѣли они Ивана Васильевича и Софію Палеологъ со всей ихъ семьей, Елену Молдавскую съ сыномъ Дмитріемъ и тутъ же присутствовала среди нихъ сама княжна-невѣста. Впервые увидѣли литовскіе послы свою будущую государыню, впервые и Елена Ивановна свидѣлась съ послами своего жениха. Великое посольство было первымъ нагляднымъ впечатлѣніемъ тѣхъ людей и той страны, которая должна была стать ея вторымъ отечествомъ, а великіе послы заглядѣлись на красоту княжны-невѣсты, сіявшей молодостью въ драгоценномъ уборѣ. Главную красоту всякаго женскаго наряда составлялъ головной уборъ. Символомъ дѣвчества и вмѣстѣ съ тѣмъ уборомъ «царственнымъ» считался вѣнецъ: онъ украшалъ голову широкимъ золотымъ обручемъ, оставляя волосы открытыми. Какъ говорилось въ старину, этотъ царскій вѣнецъ дѣлался «съ городами да съ яхонтами, съ лалами, съ зернами великими», былъ низанъ жемчугомъ. Особенно украшалась передняя налобная часть; по бокамъ спускались рясы — жемчужныя нити. Такой царскій вѣнецъ требовалъ много украшеній, много драгоценныхъ камней, и далеко не всѣ князья могли оставлять въ наслѣдство подобные вѣнцы своимъ дочерямъ. Волосы заплетались въ одну косу, перевитую жемчугомъ и золотыми нитями и украшенную косникомъ (родъ кисти, вплетенной въ конецъ косы). При богатомъ нарядѣ привѣшивалась золотая или серебряная цка (пластинка), увязанная жемчугомъ. Серьги съ яхонтами, лалами или жемчугомъ довершали блескъ головного убора. Вос-

хищенные послы поклонились невѣстѣ и передали ей поклонъ отъ ея жениха, Александра Казиміровича. Согласно этикету княжна отвѣчала не сама лично, но, обратясь къ боярину - окольничему, приказала ему спросить о здоровьѣ пословъ. Тогда послы поднесли дары своего государя родителямъ невѣсты и ей самой и затѣмъ удалились въ сосѣдную горницу, гдѣ спросили бояръ: состоится ли обѣщанное на этотъ день обрученіе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, великій князь велѣлъ позвать бояръ, занявъ вмѣстѣ съ великой княгиней приготовленное мѣсто, позвалъ священниковъ и, когда все было готово, послалъ за великимъ посольствомъ. Началось обрученіе. Замѣстителемъ жениха былъ посолъ, панъ Станиславъ Глѣбовичъ. Княжна-невѣста обмѣнялась съ нимъ перстнями и крестами на золотыхъ цѣпяхъ. Съ той минуты она стала официально невѣстой Литовскаго великаго князя. Иванъ Васильевичъ предполагалъ назначить свадьбу лѣтомъ и указывалъ срокъ приѣзда за княжной—на Ильинъ и даже на Петровъ день. Посламъ были переданы договорныя грамоты о мирѣ, передана и та грамота относительно свободы вѣроисповѣданія княжны, которую литовскій государь долженъ былъ скрѣпить своей подписью, и во всѣхъ грамотахъ красовался титулъ «Государя всея Руси», на что послы не промолвили ни слова. Приглашенные на прощальную аудіенцію, они получили богатые подарки шубами и золотомъ. Послѣ неоднократныхъ пировъ во дворцѣ, великое посольство выѣхало изъ Москвы. Слѣдомъ за ними въ мартѣ 1494 года Иванъ Васильевичъ выслалъ свое посольство на Литву присутствовать при крест-

номъ дѣлованіи литовскаго государя на договорной грамотѣ.

Александръ Казиміровичъ принималъ московское посольство съ торжествомъ, не скупясь на пиры и подарки; въ Вильнѣ ликовали по случаю успѣха посольства, но вдругъ вышли недоразумѣнія и недоразумѣнія крупныя. Когда Александръ передалъ посламъ грамоту за своей подписью и печатью, относительно вопроса о православіи княжны, московскіе послы отказались ее принять. Дѣло въ томъ, что литовскій государь задумалъ устроить себѣ лазейку; въ грамотѣ очутилась замѣчательная строчка: «принуждать де къ переходу въ римскій законъ не будетъ, но княжна вольна перейти по своей волѣ». Московскіе послы поняли, что Ивану Васильевичу не полюбится такая оговорка, и удалились изъ Литвы, не взявъ грамоты. Снова наступило время перерыва въ сношеніяхъ обоихъ государствъ. Пересылались о пограничныхъ дѣлахъ. Иванъ Васильевичъ продолжалъ титуловаться «Государемъ всея Руси», называлъ Александра своимъ зятемъ, но ни слова не говорилъ о свадьбѣ. Молчали и въ Литвѣ. Не сирота видно сдѣлалъ лазейку литовскій государь!

Прошло лѣто, прошла осень. Видя, что хитрость не удастся, Литва поколебалась. Въ ноябрѣ 1494 года явились литовскіе послы для переговоровъ о грамотѣ. Видя твердое рѣшеніе Ивана Васильевича получить грамоту по его образцу, а не по чужому, измѣненному, — рѣшеніе «грозившее иначе рушитъ дѣла», — послы заявили наивно, что ихъ государь думалъ де: «не полюбится ли великому кня-

зю Московскому прибавленная строчка?», въ противномъ же случаѣ Александръ велѣлъ выдать подписанную имъ грамоту по тексту Ивана Васильевича. Получивъ, наконецъ, въ руки исправленную по его желанію грамоту, Московскій государь назначилъ время пріѣзда за невѣстой—январь 1495 года, около Крещенія.

Вся эта исторія съ грамотой должна была служить Еленѣ Ивановнѣ зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Княжна видѣла, какое значеніе въ дѣлѣ ея брака имѣлъ религіозный вопросъ. Твердость отца и его рѣшимость скорѣе разорвать бракъ, чѣмъ уступить должны были произвести сильное впечатлѣніе на воспитанную въ этихъ взглядахъ и понятіяхъ княжну. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ семейномъ тѣсномъ кругу княжна наслушалась не мало внушеній и наставленій отъ своихъ родителей пребыть твердой въ вопросѣ вѣры, даже до смерти. Въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни въ Москвѣ, она получила, такимъ образомъ, новое подкрѣпленіе своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Съ другой стороны, поведеніе Литовскаго государя могло подсказать ей, какая борьба ждетъ ее впереди на чужбинѣ. Все это время долгаго сватовства могло сильно повліять на выработку характера княжны, пріучило относиться сознательно къ своему положенію, перечувствовать не мало, обдумать многое и подготовиться исподволь къ предстоящей ей задачѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ она могла внимательнѣе и сознательнѣе присмотрѣться къ окружавшей ее съ дѣтства русской обстановкѣ, съ которой предстояло ей скоро разстаться навѣки. Что наши предположенія не голословны, доказываетъ

ея поведеніе при обрученіи и впослѣдствіи, въ январѣ 1495 года. Беззаботная и спокойная при обрученіи, она годъ спустя при подобной же обстановкѣ выказала, какъ увидимъ далѣе, всѣ признаки сильнаго нервнаго возбужденія и напряженія. Прорвавшись внезапно наружу, оно доказало, какъ тяжело пришлось ей 1494 годъ, какъ много ей пришлось переживать и перечувствовать!

Въ Москвѣ только что отпраздновали святки, послѣднія, проведенныя Еленой Ивановной дома, на родинѣ, когда въ Крещенье 1495 года, въ самый праздникъ, явилось великое посольство отъ Александра Казиміровича за невѣстой. Въ числѣ пословъ были три пана намѣстника: Виленскій, Полоцкій (Янъ Заберезинскій, столь усердно хлопотавшій о сватовствѣ) и Бреславльскій; еще былъ нѣкій Георгій Ляхъ съ Волини и два полочанина Корсаковича, какъ бы напомнить о присутствіи на Литвѣ Западной Руси. Послѣдующая недѣля, время пребыванія пословъ, возбуждала, конечно, не мало любопытныхъ толковъ и пересудовъ въ городѣ и особенно среди кремлевскихъ обитателей. Ивану Васильевичу она дала удобный случай повеличаться, а для княжны эти дни разлуки и ожиданія были полны самыхъ жгучихъ думъ и сильныхъ впечатлѣній. Великій князь назначилъ день официального торжественнаго приѣма. Вручивъ вѣрительную грамоту, произнеся официальныя рѣчи, выражавшія просьбу Александра Казиміровича выдать за него княжну Елену и отпустить ее съ посольствомъ въ Литву, послы поднесли отъ имени Александра богатые дары Ивану Васильевичу, Софіи Ѳомишишнѣ и самой невѣстѣ. Сверхъ того они

поднесли подарки и лично отъ своего имени. Иванъ Васильевичъ остался очень доволенъ всѣмъ—и рѣчами и подарками и, вставъ со своего мѣста, выразилъ лично свою благодарность. Не оставила безъ отвѣта и княжна невѣста. Присланный отъ нея бояринъ передалъ посламъ, что княжна чрезвычайно благодарить ихъ. Въ тотъ же день послы пировали во дворцѣ у великаго князя. Присутствовало множество бояръ и князей; обстановка была и богата и пышна; сохранившееся описаніе даетъ очень живую картину пира. Поднявъ кубокъ романей, великій князь выпилъ за здоровье Литовскаго государя и, вспомнивъ про подарки, полученные утромъ, обратился къ посламъ съ вопросомъ: «Чѣмъ могу я отдарить Александра Казиміровича?» Паны, вставъ со своего мѣста, ударили челомъ Ивану Васильевичу, какъ царю, и отвѣчали: «Дары эти требуютъ единственно—великой пріязни Московскаго государя къ литовскому великому князю». Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, въ чемъ дѣло; «Какой пріязни?» спросилъ онъ; и снова низко кланяясь, отвѣчали послы: «Нашъ великій князь просить твою царскую милость быть ему вторымъ отцомъ и отдать въ супружество свою дочь Елену». Тогда великій князь замѣтилъ съ достоинствомъ: «То дѣло оставимъ до утра, а теперь прошу веселиться въ палатахъ нашихъ». Съ этими словами онъ всталъ и, поручивъ боярамъ дальнѣйшее угощеніе пословъ, удалился во внутренніе покои дворца. Весь этотъ разговоръ, съ одной стороны, напоминаетъ свадебные обычаи русской старины, а съ другой—характеризуетъ намъ величавый образъ Ивана Васильевича

и обычную утонченность польско-литовских пановъ.

На слѣдующее утро послы слушали обѣдню въ Успенскомъ соборѣ. Служилъ митрополитъ; присутствовалъ и великій князь. Изъ собора они отправились во дворецъ. Тамъ бояре, отъ имени государя, спрашивали, какъ чувствуютъ себя послы послѣ угощенія, и послы отвѣтили на это благодарностью; затѣмъ они снова били челомъ о княжнѣ и получили желанный отвѣтъ. Эту отвѣтную рѣчь Иванъ Васильевичъ говорилъ самъ лично. Онъ соглашался на просьбу Литовскаго великаго князя и выдавалъ за него свою дочь, подтверждая свое безусловное требованіе относительно ея свободнаго вѣроисповѣданія. Затѣмъ онъ велѣлъ передать Александру Казиміровичу свое желаніе, чтобы великій князь любилъ, берегъ жену и жаловалъ ее; велѣлъ передать и личную свою просьбу—построить во дворцѣ православную церковь для княгини; наконецъ, Иванъ Васильевичъ далъ порученіе къ епископу и панамъ-радѣ способствовать доброму отношенію между супругами и закрѣпленію дружбы между государями. Последнее замѣчаніе показываетъ, какъ хорошо былъ освѣдомленъ Иванъ Васильевичъ о положеніи дѣлъ въ Литвѣ, о значеніи пановъ-рады, и какъ вѣрно предугадалъ онъ ту роль, которую суждено было играть въ жизни Елены Ивановны и панамъ-радѣ, и епископамъ. Пока происходили официальные приемы, въ великокняжескомъ терему шли спѣшныя приготовления къ отъѣзду и къ свадьбѣ. Иванъ Васильевичъ посылалъ къ посламъ дьяка Федора Курицына переговорить о чинѣ вѣнчанія и было рѣ-

шено, что великаго князя литовскаго будетъ вѣнчать бискупъ, а княжну митрополитъ. Между тѣмъ послы еще не были у Софіи Ѳоминишны, которая привыкла принимать у себя иноземныхъ гостей. 12 января и былъ назначенъ приѣмъ у великой княгини. Пословъ провели сначала къ великому князю; онъ принялъ ихъ въ палатѣ, смежной съ Грановитой, и оттуда уже повелъ двухъ старшихъ пословъ въ покои Софіи Ѳоминишны. Тамъ уже находились на лицо митрополитъ и бояре и вся многочисленная великокняжеская семья. Ударивъ челомъ, послы-паны просили отъ имени литовскаго князя согласія великой княгини на бракъ ея дочери и этой просьбой оказали должную честь ей, какъ матери. Софія Ѳоминишна отвѣтила: «если на то дѣло будетъ воля Божія, великій князь порѣшитъ его». Эти рѣчи пословъ и отвѣтныя слова матери слышала Елена Ивановна: она присутствовала на приѣмѣ пословъ скрытно отъ нихъ. Послѣ словъ матери, она вышла къ родителямъ и стала нѣсколько впереди, поодаль, въ сторонѣ. Послы, увидѣвъ неожиданно свою будущую государыню во всемъ блескѣ пышнаго царственнаго наряда, остолбенѣли; такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на нихъ неожиданнымъ появленіемъ самой невѣсты. Любуясь ея красотой, паны думали, по ихъ словамъ, что передъ ними ангелъ въ образѣ человѣческомъ; наконецъ, прійдя въ себя, опомнясь, паны пали ницъ и просили Елену Ивановну любить и жаловать ихъ государя. Княжна заплакала... и думается—не одно напряженіе нервъ за пережитые дни вызвало эти слезы: лаконическая литовская замѣтка: «а она заплакала»... говорить

краснорѣчиво о многомъ. Сознательно относилась Елена Ивановна къ своему положенію, понимала трудность его и смутно предчувствовала много тяжелаго и горькаго впереди. Великій князь между тѣмъ пожелалъ видѣть портретъ своего будущаго зятя. За нимъ тотчасъ же послали въ помѣщеніе посольства. Принесенный портретъ разсматривалъ Иванъ Васильевичъ, Софія Ѳомишишна и всѣ бывшіе въ палатѣ. И былъ Александръ Казиміровичъ нарисованъ весьма красивымъ: «лицо бѣлое, щеки румяныя, очи черныя, усы едва пробивались».

— «Настоящій королевичъ Польскій», — замѣтилъ Иванъ Васильевичъ, а затѣмъ добавилъ:—«пусть же нарисованный останется у меня въ покояхъ, а тебѣ, дочь моя, Елена, живой великій князь литовскій на всю жизнь милымъ другомъ будетъ». Съ этими словами онъ благословилъ княжну; послы снова ударили челомъ и цѣловали руку у родителей и невѣсты. Этотъ неожиданный эпизодъ съ портретомъ внесъ струю задушевности въ чопорное торжество и какъ бы смягчилъ суровыя черты Ивана Васильевича.

На слѣдующее утро, во вторникъ, 13 января былъ назначенъ часъ отъѣзда. Въ Успенскомъ соборѣ слушали обѣдню. На ней присутствовали Иванъ Васильевичъ и Софія Ѳомишишна «съ дѣтьми», слѣдовательно братья и сестры Елены Ивановны, Елена Молдавская, князья, бояре и литовскіе послы. По окончаніи службы великій князь отошелъ къ правымъ боковымъ дверямъ собора (выходившимъ на площадь) и подождалъ пословъ. Въ виду массы народа, наполнявшаго площадь, въ присутствіи всего двора, духовенства, всей семьи, а главное въ присутствіи самой дочери,

торжественно повторилъ Иванъ III свою прежнюю рѣчь посламъ. Елена Ивановна слышала весь наказъ отцовскій; мало того, точный и осмотрительный во всемъ до мелочей, Иванъ Васильевичъ вручилъ дочери самый списокъ съ этихъ рѣчей. Такимъ образомъ, онъ мастерски ознакомилъ дочь со всѣмъ ходомъ переговоровъ, съ ея положеніемъ и со своимъ отношеніемъ къ ея будущему мужу, а торжественность обстановки, когда весь народъ былъ какъ бы взятъ во свидѣтели словъ отца, должна была оставить въ душѣ княжны потрясающее впечатлѣніе навѣки. Эта сцена еще разъ доказала, какъ умѣлъ Иванъ Васильевичъ дѣйствовать на умъ, чувства и воображеніе окружающихъ. Этой способности своей и искусству онъ во многомъ обязанъ успѣхами своей политики и вѣрной службѣ своихъ подданныхъ, какъ доказали мастерски проведенные переговоры съ Литвой. Въ заключеніе великій князь еще разъ благословилъ княжну и она, поклонившись въ послѣдній разъ московскимъ святынямъ и гробу святого Петра митрополита, покровителя Москвы и ея княжескаго рода, вышла на церковную паперть. Тутъ уже стояла тапкана. Милостиво подавъ руку посламъ на прощанье, великій князь отпустилъ ихъ и паны выѣхали изъ Кремля, опережая невѣсту. Оставшись наединѣ съ дочерью, Иванъ Васильевичъ еще разъ, въ виду всѣхъ и всего народа, на паперти далъ ей наставленіе о томъ, какъ держать себя по приѣздѣ въ Литву, и вновь подкрѣпилъ наставленіе памятной запиской. Елена Ивановна сѣла въ тапкану. Въ послѣдній разъ ея взору представился Кремль: храмы,

строившіеся на ея глазахъ, великокняжескія палаты, въ которыхъ она провела годы дѣтства и юности. Въ послѣдній разъ зимнее солнце освѣщало родную картину. Тапкана тронулась... Выѣхавъ изъ Кремля, Елена Ивановна переѣхала Неглинную и двинулась по московскимъ улицамъ къ Дорогомилову. Дорога была прямая, по теперешнимъ Воздвиженкѣ и Арбату. Елена Ивановна переѣхала мостъ черезъ Москву-рѣку и остановилась въ Дорогомиловской слободѣ, гдѣ ждало ее литовское посольство. Прекрасенъ видъ съ этого берега на городъ, Кремль и Москву-рѣку, которая вьется среди живописныхъ крутыхъ береговъ! Мать, Софія Палеологъ, невѣстка, Елена Молдавская, и старшій братъ, Василій, сопровождали княжну. Князь Василій задалъ пиръ, угощая пословъ на славу. Послы ночевали въ посадахъ по подворьямъ и въ среду двинулись въ путь, опережая невѣсту. Елена Ивановна оставалась еще въ Дорогомиловѣ. Въ этой слободѣ, въ виду Москвы, она провела весь день среды и переночевала двѣ ночи. Мать и невѣстка оставались при ней безотлучно все время, а въ четвергъ пріѣхалъ къ дочери самъ Иванъ Васильевичъ и, конечно, много наставленій слышала Елена Ивановна отъ родителей. Много наказовъ давалъ ей отецъ, возлагавшій на дочь большія надежды въ своемъ вѣковѣчномъ спорѣ съ Литвой! Въ четвергъ Елена Ивановна простилась съ отцомъ и матерью, съ родными и... простилась навсегда: ей не суждено было больше видѣть родной Москвы! Тапкана великой княжны тронулась въ путь; ее сопровождалъ громадный поѣздъ.

Провожая дочь, не вспомнила ли Софія Ооминишна своего отъѣзда изъ Италіи? Но какъ различна была ихъ судьба! Мать ѣхала изъ подъ тяжелой римской опеки въ православную единовѣрную ей Москву, дочь—обратно съ востока на западъ.

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ: Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 35; Акты Западной и Южной Россіи т. I; Лѣтописи т. VI, VII, VIII; Древняя руссійская Вивліоенка т. XIV (описание отъѣзда Елены Ивановны); Карповъ, «Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ М. 1867 г.»; Забѣлинъ «Быть русскихъ царицъ»; Нарбутъ, «Dzieje narodu litewskiego» т. 8; частью Стрыйковскаго, «Хроника», частью Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ въ «Жизнеописаніяхъ».

У.

Литва.

Взглянувъ на карту Русско-Литовскаго государства, видимъ обширныя земли, которыя, занимая западную часть восточной равнины, тянутся отъ Балтійскаго моря до Чернаго, сосѣдять съ Польшею, пролегаютъ на очень близкомъ разстоянїи отъ Москвы. Но взглядемся въ эти земли по-пристальнѣе и что же увидимъ? Старый Кіевъ, Воынь, земли Черниговская, Смоленская, а тамъ дальше Полоцкъ—родина Всеслава, а далѣе въ глубь страны пойдутъ удѣлы князей минскихъ, пинскихъ, русскіе—Гродно, Новогродокъ, куда ходилъ когда то ратью Владиміръ Мономахъ, и только на сѣверо-западѣ, вдоль рѣки Вили, находится собственно Литва. Здѣсь въ мѣстности, гдѣ лежатъ Троки и Вильна, пробудилось національное самосознаніе литовцевъ подъ давленіемъ и напоромъ Тевтонскаго ордена, и отсюда ихъ завоевательное стремленіе подчинило себѣ юго-западную Русь, раззоренную и обезсиленную татарскимъ нашествіемъ. Такимъ образомъ большая часть территорїи, можно сказать три четверти ея, составляли исконныя русскія области, отчасти только колонизованныя литовцами; поэтому Елена Ивановна за рубежомъ Москвы не должна была чувствовать себя на чуж-

бинѣ, а знакомясь ближе съ новымъ своимъ отечествомъ, она могла найти, подъ внѣшней чуждой оболочкой, много чертъ ей родныхъ, близкихъ съ дѣтства.

Если благоприятное стеченіе политическихъ обстоятельствъ и вымираніе многихъ русскихъ княжескихъ родовъ, напримѣръ, Галича, Полоцка и другихъ, облегчили подчиненіе русскихъ областей власти Литовскаго князя, то племенной перевѣсъ и превосходство культуры помогли широкому распространенію въ Литвѣ русскаго вліянія. Воспринимая языкъ, обычаи, образованность, наконецъ вѣру, Литва русѣла и грозила стать опасной соперницей Москвѣ въ дѣлѣ объединенія русской земли. Даровитые первые государи, Гедиминъ и Ольгердъ, поддерживая внутри общественный порядокъ, обуздывая сильною рукою зарождавшуюся олигархію, сумѣли привлечь къ себѣ всѣ классы русскаго населенія, которое приучалось смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ прирожденныхъ государей и покровителей; тому же содѣйствовали частые браки литовскихъ княжатъ на русскихъ православныхъ княжнахъ, дѣти коихъ зачастую принимали вѣру матерей. Духовенство, получивъ свой самостоятельный духовный центръ, успокоилось и примирилось понемногу съ совершившимся фактомъ. Неудивительно, что среди русскихъ въ Литвѣ и даже среди самихъ литовцевъ, какъ въ княжескомъ родѣ, такъ и среди нѣкоторыхъ магнатовъ, стала зарождаться мечта создать на Литвѣ центръ объединенія для всѣхъ русскихъ областей и земель. Сѣверо-востокъ въ то время мало подавалъ надежды къ тому: унижительное татарское иго и разореніе, внутрен-

*

нія смуты, усобицы и своеволие князей представляли картину анархїи, близкой къ разложенію. И дѣйствительно,—литовскіе эмиссары всюду появились на сѣверо-востокѣ: не только Новгородъ, Псковъ и Тверь были тревожимы ихъ происками, даже отдаленная Рязань не укрылась отъ ихъ вліянія; сама Москва, въ лицѣ великаго князя Василя I Дмитріевича, явилась на поклонъ къ Витовту. Такъ продолжалось многіе годы, но съ конца XIV и начала XV вѣка бракъ великаго князя Ягайла съ польскою королевою Ядвигой, соединивъ Литву съ Польшей, сталъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Литвы. Въ новомъ союзѣ вся выгода была на сторонѣ Польши и ея вдохновителя — римской куріи, которыя получили матеріальную поддержку для своей борьбы съ сосѣдями, Литвѣ же достались одни затрудненія и невзгоды. Во внутренней жизни Русско-Литовскаго государства наступилъ разладъ: началась борьба двухъ противоположныхъ вліяній—православно-русскаго и польско-католическаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ перемѣнилась роль Литвы во внѣшней исторіи и политикѣ. Потерявъ въ глазахъ русскихъ людей нравственное обаяніе, она перестала быть соперницей Москвы въ дѣлѣ объединенія русскихъ земель, а явилась вѣчнымъ врагомъ всему русскому племени, и съ той поры возможность возвращенія юго-западнаго края къ Москвѣ ясно обозначилась и стала для послѣдней вопросомъ лишь времени.

• Ко времени Елены Ивановны Москва уже ясно сознала эту благоприятную для себя перемѣну во взаимныхъ отношеніяхъ, и дальновидный политикъ Иванъ III, раздѣлавшись съ Ахматомъ, началъ

исподволь наступательное движеніе на Литву. Литовцы почувствовали опасность, но не поняли ея причины, не поняли еще всего значенія совершившихся фактовъ, а между тѣмъ въ русско-литовскомъ православномъ населеніи проявились уже разочарованіе, недовольство правительствомъ, боязнь за вѣру и національность; начались все чаще и чаще отъѣзды удѣльныхъ князей въ Москву. Впрочемъ еще теплилась надежда на лучшія времена у себя дома, еще вспыхивали попытки измѣнить нежелательный порядокъ вещей. Вѣдь не даромъ же прошло столѣтіе преобладанія русскаго вліянія; не даромъ прошли княженія Гедимина и Ольгерда: русское начало и вѣра пустили глубокіе корни; три четверти всей земли населялъ русскій народъ, имѣвшій за собой блестящую исторію Кіевскаго періода, четверть только занимала Литва съ ея вымиравшимъ язычествомъ,—отчаяваться было еще рано. Но и римскій папизмъ не дремалъ; въ союзѣ съ Польшей, увлекши въ свои сѣти Литву, онъ сильной атакой, не разбирая средствъ, подъ знаменемъ западно-европейской культуры, пробилъ вскорѣ сильную брешь въ старомъ порядкѣ: окатоличилась литовская знать, окатоличилась и большая часть литовскаго народа. За католицизмомъ слѣдомъ стала проникать польская культура, языкъ, обычаи, нравы. Конечно, количественно эти чуждыя начала не были сами по себѣ грозны, но они были грозны правительственной поддержкой; грозны были близостью чужеземной силы Рима, Польши, благодаря которымъ въ самомъ русско-православномъ населеніи могли вспыхнуть и вспыхнули сословные интересы въ ущербъ государственнымъ и религіознымъ.

Рисуя картину жизни Русско-Литовскаго государства въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, невольно вспоминаешь Москву и сравненіе между ними напрашивается само собою. Сильная своей централизацией Москва стягивала властною и подчасъ жесткою рукою удѣлы и сумѣла ихъ скрѣпить воедино столь крѣпкимъ цементомъ, что даже смутное время не могло разорвать единства русской земли. Другое дѣло—Литва: въ ней вѣчно, особенно со времени брака Ягайла съ Ядвигой, дѣйствуетъ не центростремительная, а центробѣжная сила. Литовцы завоевали постепенно русскія области и притомъ области, привыкшія къ обособленной государственной жизни, съ богатымъ историческимъ прошлымъ. Казалось, литовское правительство могло бы объединить ихъ,—но этой именно силой оно не обладало. «Политическая неразвитость и этнографическая слабость этого племени, отсутствіе государственнаго творчества» въ преемникахъ Гедимина и Ольгерда, скрытый зародышъ олигархій и постоянное вмѣшательство во внутреннія дѣла страны чужеземной силы, подрывая авторитетъ верховной власти, способствовало децентрализации Русско-Литовскаго государства и оно вылилось въ расплывчатую форму. Ядро его составляла собственно Литва, колыбель литовскаго племени, но и эта Литва не была сплочена: Жмудь сохраняла обособленное положеніе; рано завоеванныя русскія земли, сильнѣе другихъ колонизованныя — Черная Русь, Полѣсье, Берестье, Могилевъ, Минскъ—прочнѣе примкнули къ Литвѣ и вошли въ составъ Трокскаго и Виленскаго воеводствъ; остальные русскія земли, нѣкогда богатые и могу-

щественныя—Кіевъ, Волинь, Полоцкъ, Витебскъ, Смоленскъ—слабо тяготѣли къ центру. Привыкшія къ самостоятельной жизни, онѣ стремились единственно къ тому, чтобы сохранить свои мѣстныя особенности, свое устройство. Рядъ «привилеевъ» литовскихъ государей подтверждаетъ эти особенности: эти русскія области управлялись по русскимъ старымъ обычаямъ. Наконецъ, ближе къ рубежу Русско-Литовскаго государства лежали области, не только не тяготѣвшія къ центру, но постоянно колебавшіяся между Москвою и Литвою; отъѣзды были тамъ дѣломъ обычнымъ. Измѣнить такое положеніе дѣлъ литовское правительство было бессильно и отыскать цемента для сплочиванія государства не сумѣло; введеніемъ католичества оно внесло только элементъ къ разладу. Столь же бессильной (въ политическомъ смыслѣ) была и Польша въ дѣлѣ государственнаго объединенія: она сама не могла сплотиться политически, но она дала иное средство къ объединенію: она стала объединять путемъ религіозной уніи и распространенія польской культуры; здѣсь она черпала богатые средства—умственные, нравственные и матеріальныя—у Западной Европы и ея вдохновителя и руководителя—Рима.

Отсюда начало борьбы двухъ культуръ, двухъ вѣроисповѣданій и роковая зависимость польско-литовскихъ государей отъ Рима. Эта борьба усложняетъ знакомство съ внутренней жизнью страны и затемняетъ настоящее положеніе вещей. Ислѣдователи направляются отъ двухъ пунктовъ, отъ двухъ полюсовъ: съ русской и польской стороны. Углубляясь въ разсмотрѣніе документовъ Западной Руси, встрѣчаясь

повсюду съ русскимъ языкомъ, русскими нравами, терминами, чувствуешь себя среди русскаго элемента и трудно бываетъ различать значеніе, силу, величину надвигающейся съ запада тучи папизма и польщизны; но кто изучаетъ именно эту грозovou тучу, тотъ за раскатами грома и блескомъ молніи не слышитъ и не видитъ біенія пульса русской жизни, тотъ склоненъ преувеличивать значеніе польскаго начала.

Елена Ивановна раньше всего и ближе всего познакомилась съ высшимъ классомъ русскаго общества. Великаго князя окружали паны-рада. Съ радой совѣтовался Александръ Казиміровичъ во всѣхъ дѣлахъ вѣдшей политики, съ радой рѣшалъ вопросы законодательства, суда и управленія; паны-рада многое клонили на свою сторону, многое рѣшали въ пользу своихъ интересовъ и въ ущербъ государству. Сильные по своему вліянію при Ягайлѣ и Казимірѣ, они окончательно возобладали при молодомъ, неопытномъ Александрѣ. Далеко отошла рада отъ своего начала: отъ думы князей съ дружиной въ удѣльное время! И это значеніе пановъ-рады, эта сила олигархіи должны были поразить дочь властнаго Ивана III, помнившую московскихъ бояръ и князей и ихъ отношенія къ ея отцу—государю.

Только приблизительно можно опредѣлить составъ рады. Въ нее входили главнѣйшія свѣтскія и духовныя должностныя лица: епископы-католики—виленскій, луцкій, брестскій—воеводы—виленскій, трокскій, подляшскій—староста жмудскій, канцлеръ литовскаго государства, подскарбій дворный... Какъ видимъ, въ рукахъ пановъ-рады были главнѣйшія

государственные должности-уряды. Они были воеводами и старостами, то-есть первыми представителями великаго князя въ областяхъ. Они же были канцлерами, подскарбіями и гетманами. Въ этихъ названіяхъ звучить нѣчто чуждое для русскаго уха, и дѣйствительно, эти наименованія возникли подѣ польскимъ вліяніемъ, замѣнивъ древнерусскія наименованія намѣстника, державца, тиуна и такъ далѣе. Вначалѣ дѣло не пошло дальше наименованій и компетенція лицъ осталась прежней. Русско-литовскій воевода не походилъ на своего польскаго коллегу; однако, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи послѣдній типъ сталъ подчинять себѣ первый, и ко времени пріѣзда Елены Ивановны это направленіе уже значительно обозначилось. Но кто были эти паны-рада, эти первыя лица государства? По своему происхожденію это были знатные литовцы, паны и князья собственно Литвы и очень-очень рѣдко среди нихъ встрѣчаются русскіе бояре (напримѣръ, Глинскій). По своему положенію это были богатые вотчинники—землевладѣльцы: они владѣли многими землями, получали хорошіе доходы и жили то въ Вильнѣ, гдѣ у нихъ были свои дома, то въ своихъ имѣніяхъ и замкахъ. Эта старинная литовская знать, когда-то обрусѣлая, теперь окатоличилась и подпала подѣ польское вліяніе. Хотя большинство пановъ-рады были католики и воспринимали кое-что изъ польскихъ идеаловъ и воззрѣній, но прежнія традиціи не вполне еще вымерли въ нихъ: они крѣпко стояли за свое общественное положеніе и, опасаясь польской шляхты, являлись даже тормазомъ иногда для польскаго вліянія. Правда, паны-рада

потеряли уже чутье государственной пользы своего отечества, подпавъ подъ сильное вліяніе папизма,—а папизмъ былъ синонимомъ польщизны; однако они еще способны были дать на время ожить народному элементу при Сигизмундѣ I Старомъ, помочь впоследствии и протестантской пропагандѣ.

За панами-радой слѣдовали другіе крупные вотчинники—боярство русскихъ земель: Полоцка, Волыни, Кіева и другихъ. У нихъ земель было не меньше, если не больше, и они ревниво оберегали право исключительнаго землевладѣнія въ своихъ областяхъ. Въ ихъ рукахъ были также уряды, но только второстепенные: они были намѣстниками, державцами, тиунами, каштелянами. Среди этой русской православной знати попадались и княжескія фамиліи—потомки прежнихъ удѣльныхъ князей. Впрочемъ, удѣлы еще не исчезли окончательно: не мало ихъ было въ Чернигово-Сѣверской области, пограничной съ Москвой; удѣльные князья, на правахъ великокняжескихъ намѣстниковъ, владѣли Кіевомъ, Пинскомъ, Смоленскомъ; они управляли почти самостоятельно, писались Божіей милостью и заключали договоры съ великимъ княземъ; въ сущности же ихъ власть была значительнѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Гедиминъ и Ольгердъ еще раньше Москвы провели въ Литвѣ идею о непосредственномъ подчиненіи удѣльныхъ князей великому князю, превращая ихъ изъ независимыхъ властителей въ своихъ намѣстниковъ. Эта идея пришлась по душѣ русскому населенію страны, которое ненавидѣло удѣльныя усобицы; оно поддержало начинанія Гедимина и Ольгерда; ихъ преемникамъ оставалось только не упускать начатаго, по-

этому и Александръ Казиміровичъ зорко слѣдилъ за удѣлами, особенно на югѣ, гдѣ многіе изъ нихъ могли быть опасны. Такіе центры, какъ Кіевъ, не разъ проявляли наклонность къ обособленію; не разъ поддерживалъ Кіевъ то Олельковичей, то Глинскаго и, тѣмъ больше слабѣло въ Литвѣ русское вліяніе и усиливалось польско-католическое, тѣмъ ярче выступала на югѣ Руси мечта создать свой обособленный центръ, тѣмъ чаще отъѣзжали князья въ Москву.

Теперь подведемъ итогъ общему составу верхняго слоя общества. Его составляли потомки удѣльныхъ князей русскихъ и литовскихъ, Рюриковичей и Гедиминовичей, знатные русскіе и литовскіе люди—бояре и паны, крупные вотчинники. Всѣ они располагали средствами и держали въ своихъ рукахъ остальное населеніе (горожанъ и крестьянъ). Занимая видныя государственныя должности, они руководили политическими дѣлами и управленіемъ страны. Хотя между панами-католиками и православными боярами шла уже тяжелая религіозная борьба, хотя литовская знать помогала католической пропагандѣ и способствовала правительственнымъ мѣрамъ противъ православія и его исповѣдниковъ, тѣмъ не менѣе справедливость заставляетъ признать, что глубокой розни между литовскими и русскими панами еще не существовало. Долго еще въ сознаніи общества Литва и Русь казались нераздѣльны. Литовцы и русскіе вмѣстѣ требовали отъ своихъ государей править ими по русско-литовскому праву, одинаково боялись Польши и опасались вторженія въ Литву польскаго вліянія; вмѣстѣ восхища-

лись Сигизмундомъ Старымъ за его нелюбовь къ полякамъ. Русскій языкъ былъ языкомъ государственнымъ и языкомъ общества. Кругомъ себя во дворцѣ Елена Ивановна слышала русскую рѣчь: по русски говорилъ ея мужъ, Александръ; по русски говорила знать и, несмотря на усилія правительства распространить польскій языкъ, несмотря на ропотъ нѣкоторыхъ изъ литовцевъ на пренебреженіе къ ихъ литовской рѣчи, русскій языкъ—языкъ гѣтописи, законовъ, судопроизводства, священныхъ богослужебныхъ книгъ, литургіи, народныхъ пѣсень и преданій,—продолжалъ процвѣтать, и долго было справедливо изреченіе: «Литва квітнетъ (цвѣтетъ), русщизной».

Мы имѣемъ прекрасную характеристику жизни пановъ-бояръ времени Елены Ивановны и Сигизмунда I, преемника Александра, характеристику, сдѣланную однимъ изъ ихъ потомковъ, спустя полстолѣтія. «Паны этого времени, говоритъ Мелешко, жили богато, строили себѣ каменные замки; домъ ихъ былъ полная чаша и въ деньгахъ имѣли всегда избытокъ. Они одѣвались просто, кто какъ хотѣлъ, и въ богатыхъ платьяхъ не хаживали; ихъ жены и они сами не гонялись за модой, носили прадѣдовскую одежду и обычаевъ польскихъ не перенимали. Къ столу у нихъ подавался борщъ, утка съ перчикомъ, полотокъ съ грибами, а на праздничныхъ банкетахъ подавалась рисовая каша съ шафраномъ, но тортовъ и сластей заморскихъ не знали; пили мальвазію, пили домашній медъ и водку, а о венгерскомъ винѣ и не слыхивали; за нѣмецкими и польскими обычаями не гонялись. Эти паны не любили

нѣмцевъ; они не жаловали, за ихъ хитрости, и поляковъ и эти чувства раздѣлялъ съ ними драгоцѣнной памяти Сигизмундъ I. Умѣли эти паны сказать королю золотую правду; хорошо дрались на войнѣ, хорошо выдерживали поле» 8).

За высшимъ классомъ слѣдовалъ классъ наиболѣе многочисленный—шляхта. Каждый землевладѣлецъ, обязанный военной службой за землю, былъ шляхтичь. Его помѣстье, его достатокъ—различны; разнообразны его занятія, разнообразны жизнь и средства къ ней; различны занимаемыя должности отъ самыхъ низшихъ до высокихъ; одинакова лишь повинность ратной службы. Несмотря на свое польское названіе, русско-литовская шляхта носила еще древне-русскій характеръ и не гнушалась занятій ремесломъ и торговлей. Служили также шляхтичи при дворахъ богатыхъ и знатныхъ пановъ; занимали должности при намѣстникахъ и каштелянахъ. Этотъ многочисленный, неопредѣленный классъ былъ почти весь русскимъ по происхожденію, по языку, по вѣрѣ, по обычаямъ. Навѣрно уже шляхтичь не перенималъ польской моды, не ѣлъ тортовъ и не пилъ венгерскаго вина, если и у богатыхъ пановъ это было на рѣдкость. Но у шляхтича была другая большая приманка къ ополяченію. Русско-литовская шляхта съ завистью смотрѣла на права польской шляхты и стремилась добыть себѣ такое же положеніе. Этому стремленію пока еще противились паны-рады, но великіе князья уже присматривались къ нему, думая найти опору въ шляхтѣ для обузданія пановъ. И желаніе шляхты осуществилось впоследствии на Люблинской униі.

Городская жизнь переживала въ концѣ XV вѣка много измѣненій. Города Литовскаго государства были главнымъ образомъ древне-русскіе; литовскіе образовались по тому же образцу. Какъ всякій русскій городъ, они владѣли землями и не порывали связи съ земледѣліемъ и съ сельскимъ бытомъ. Въ теченіе всего XV вѣка въ города, число которыхъ увеличилось и торговля въ нихъ расширилась, сталъ уже проникать чуждый элементъ: появилось много поляковъ, еще больше нѣмцевъ, кое-гдѣ попадались татары, наконецъ Литву заволокли евреи. Гедиминъ и Ольгердъ давали защиту городамъ отъ своеволя пановъ; къ русскому торговому населенію они относились безпристрастно, но, начиная съ Ягайла, дѣло приняло другой оборотъ: слабые преемники были плохой защитой; города понемногу стали терять свои земли; послѣднія переходили въ руки окрестныхъ пановъ, шляхты, иноземцевъ и даже евреевъ; городская черта суживалась; городъ приближался къ типу западно-европейскаго мѣщанскаго города; связь съ землей порвалась, и создавался понемногу классъ мѣщанъ-горожанъ, который, въ свою очередь, началъ уступать мѣсто чуждому элементу: нѣмцамъ и евреямъ. Изъ ненависти къ православію короли и великіе князья относились къ русскому населенію городскому и торговому скорѣе враждебно, чѣмъ покровительственно, думали ослабить его, а не усилить, то-есть держались политики, какъ разъ противоположной политикѣ Гедимина и Ольгерда. Не имѣя силъ обратить русскихъ въ латинство, они принимали косвенныя мѣры, дабы ослабить ихъ количественно по городамъ, и съ этой цѣлью покровительствовали наплыву нѣмцевъ и евре-

евъ. Паны-католики, будучи зачастую городскими вотчинниками, по той же причинѣ дѣйствовали въ унисонъ съ правительствомъ; къ тому же съ евреями ихъ связывали также корыстолюбивые расчеты. Не мало терпѣли горожане, особливо русскіе, отъ намѣстниковъ; еще унизительнѣе была зависимость ихъ отъ пановъ-вотчинниковъ. Потеря земельныхъ угодій привела русскихъ горожанъ къ обѣднѣнію; нѣмцы подъ покровительствомъ власти стѣсняли ихъ въ ремеслахъ, евреи по той же причинѣ оттирали ихъ отъ торговли. Оторванные отъ ихъ сельскихъ собратій, замкнутые въ стѣнахъ города, окруженные враждебными элементами, лишенные поддержки, русскіе должны были неминуемо убывать и ступшевываться. Конечно, какъ туземная династія, связанная съ населеніемъ историческими воспоминаніями, Ягеллоны не могли безпощадно, послѣдовательно дѣйствовать противъ русскихъ: годы притѣсненій смѣнялись годами льготъ и благоволенія; указы, издаваемые подъ давленіемъ Рима, вяло приводились въ исполненіе, а то и просто предавались забвенію; но, когда Ягеллоновъ смѣнила чуждая изувѣрная династія Вазы, русскому православному населенію нельзя было ждать пощады. Самое введеніе Магдебургскаго права послужило скорѣе ко вреду русскихъ горожанъ, чѣмъ на пользу: оно было имъ чуждо, они не умѣли имъ пользоваться. Примѣромъ тому служатъ смоленскіе жители: они, получивъ Магдебургское право, пришли въ недоумѣніе, не зная на кого его распредѣлить и какъ имъ пользоваться? Другое дѣло нѣмцы: тѣмъ оно было сродни, свое національное; они имъ воспользовались вполне и употребили съ выгодой; евреи

же, лишенные правъ номинально, умѣли обходить запрещенія и фактически стали царить въ русскихъ городахъ на смѣну русскаго элемента. Самый яркій примѣръ тому представляетъ Вильна: она ожидалась въ царствованіе Сигизмунда III Вазы; за династією Ягеллоновъ она продолжала быть русскимъ городомъ и по количеству русскаго населенія, и по обширности русской торговли. Княженіе Александра богато задачаей Магдебургскаго права. Ягеллоны думали задачаей этого права городамъ усилить городское сословіе для того, чтобы по примѣру западно-европейскихъ государей, опираясь на городское сословіе, обуздывать аристократію, но въ своемъ ослѣпленіи не видѣли, что дѣлаютъ какъ разъ обратное. Изъ ненависти къ православію разлагая русскій элементъ въ городахъ, они тѣмъ самымъ подорвали тотъ источникъ, который имъ передала по наслѣдству древняя Русь, и гдѣ они нашли бы элементы для развитія національныхъ ремеслъ и торговли и чувства мѣстнаго патріотизма. Преслѣдованіе туземнаго элемента изъ-за близорукаго религіознаго фанатизма обезличило города и сдѣлало ихъ не расадниками національной силы, опоры и богатства, а гнѣздами чуждаго пронырливаго племени, лишеннаго всякаго патріотическаго народнаго чувства. Всѣ эти пагубныя послѣдствія близорукой политики принесли свои плоды позже; въ XVII вѣкѣ, ко времени же Елены Ивановны русскій элементъ въ городахъ еще здравствовалъ, дѣйствовалъ, хотя былъ уже подъ давленіемъ и шелъ на убыль.

Но если города подъ вліяніемъ Польши получили хотя нѣкоторое устройство,—то въ то же время

и подъ тѣмъ же вліяніемъ быстрыми шагами ухудшалось положеніе крестьянъ. Кіевская Русь передала въ наслѣдіе Литвѣ многочисленное сельское свободное населеніе, подсудное самому государю. Гедиминъ и Ольгердъ понимали выгоду поддерживать этотъ классъ народонаселенія, для безопасности и устойчивости своего государства. До самаго Ягайла крестьяне сохранили свое исконное наслѣдіе—личную свободу, общинное устройство, и большого развитія достигъ копный судъ и крестьянское самоуправленіе; но, начиная съ Ягайла, ко времени Александра община крестьянская стала распадаться, будучи поглощаема владѣніями магнатовъ, съ которыми ей не по силамъ было тягаться при слабыхъ преемникахъ Гедимина и Ольгерда. Право свободнаго перехода стало теряться крестьянами съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе; объ этомъ говорятъ уже грамоты Казимира. Ко времени прибытія въ Литву Елены Ивановны обширныя земли пановъ обрабатывались подневольною челядью и остатками еще свободныхъ крестьянъ. Послѣдніе дѣлились на множество разрядовъ: крестьяне тяглые, крестьяне данники, крестьяне-ремесленники и такъ далѣе. Сохранился еще высшій разрядъ свободныхъ крестьянъ, болѣе зажиточный, владѣвшій земельной собственностью и обязанный за нее военной службой—такъ называемые слуги; они имѣли доступъ къ низшимъ должностямъ (они сходны съ однодворцами московской украины). Изъ ихъ рядовъ пополнялась шляхта; въ дальнѣйшемъ историческомъ ходѣ этотъ разрядъ былъ поглощенъ рабствомъ. Такъ подъ вліяніемъ Польши, гдѣ крестьяне уже давно утратили

свои права, и на Литвѣ, въ процессѣ закрѣпощенія крестьянъ, вызванномъ также экономическими соображеніями, явились особыя черты, не свойственныя ни кievской, ни московской Руси, измѣнился взглядъ на личность крестьянина—онъ сталъ разсматриваться, какъ подданный землевладѣльца, а не князя. То же польское вліяніе нанесло ударъ общинѣ и копному суду; послѣдній теряетъ свое значеніе, община распадается, и появляется типъ крестьянина мызника. Вообще, польская культура и государственное устройство, потворствуя высшимъ классамъ и своему излюбленному дѣтищу—шляхтѣ, тяжело ложится на низшіе.

Таково было Русско-Литовское государство, когда познакомилась съ нимъ Елена Ивановна. Много говорило ей, что Москву она перемѣнила на такую же русскую землю, только съ другою окраскою; много напоминало ей далекую родину, но... не мало было новаго и чуждаго. Особенно выдѣлялась разница во власти великаго князя литовскаго и московскаго. Присмотрѣвшись къ своему отцу и его дѣйствіямъ, Елена Ивановна не могла не замѣтить политической слабости своего мужа. Александръ Казиміровичъ находился въ трудномъ положеніи, которое усложнилось съ выборомъ его въ польскіе короли; ему приходилось соблюдать противоположные интересы: католикъ по вѣрѣ и по воспитанію, литвинъ по происхожденію и по симпатіямъ, онъ государствовалъ надъ православнымъ русскимъ населеніемъ. Эта двойственность, даже тройственность положенія ухудшалась ограниченностью власти. Польскіе паны тянули его къ Польшѣ, туда же тянуло

его римское духовенство, а паны-рада литовскіе знали лишь свои себялюбивые интересы; православное же русское населеніе смотрѣло съ неудовольствіемъ на многія правительственныя мѣры и... оглядывалось на Москву. Не довѣряя сельскому населенію, въ большинствѣ русскому и православному, раздѣляя относительно его всѣ предразсудки своего времени, великій князь обратилъ вниманіе на шляхту. Въ ней онъ думалъ найти опору въ борьбѣ съ олигархіей, съ этой цѣлью онъ сталъ ей покровительствовать и награждать привилегіями, а разъ ступивъ на этотъ скользяій путь, великій князь литовскій сталъ государемъ не всенароднымъ, а сословнымъ! Здѣсь корень слабости великокняжеской власти!

Изъ обзора Русско-Литовскаго государства мы могли видѣть смѣшеніе народностей, культуръ, вѣроисповѣданій. Эти разнородные элементы не легко уживались и приходили въ столкновеніе между собой.

Православное населеніе Литвы и Руси подавляло своею многочисленностью другіе элементы и дѣлало для путешественника XV вѣка незамѣтнымъ присутствіе латинства. Православіе, считавшее за собой столѣтія, пустило глубокіе корни не только среди русскихъ, но и среди самихъ литвиновъ, и показанія современниковъ единогласно говорятъ о приверженности народа къ своей отеческой вѣрѣ. Въ XV вѣкѣ много говорилось объ упорствѣ русскихъ въ религіозномъ вопросѣ, и факты изъ исторіи церкви того времени подтверждаютъ бесплодность усилій римскаго духовенства. Приверженностью къ православію и опасеніемъ за его неприкосновенность объясняется и тотъ восторгъ,

*

съ которыми рускіе люди встрѣчали единовѣрную невѣсту великаго князя Александра, объясняются и дальнѣйшія политическія событія. Въ 1500 году каноникъ Иванъ Скаринъ жаловался, что нѣтъ ни одного народа, который былъ бы такъ непоколебимъ въ защитѣ своихъ схизматическихъ заблужденій, какъ народъ русскій. Черезъ четверть вѣка въ 1524 году итальянецъ Кампензе въ томъ же духѣ извѣщалъ папу: «Россія, находящаяся подъ властью короля польскаго, равно какъ Лембергъ и вся часть Польши, простирающаяся на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ горъ Сарматскихъ, слѣдуетъ съ непоколебимостью греческому закону»⁹⁾). Наконецъ, въ концѣ XVI вѣка, когда стали распространяться въ Польшѣ и Литвѣ лютеранство, кальвинизмъ, и ряды католиковъ рѣдѣли,—Циховскій писалъ, что въ то время, какъ едва ли осталась отъ католиковъ тысячная часть, «русины бдительно охраняютъ свою святыню»¹⁰⁾).

Извѣстно, что низшіе классы населенія оказали особенную устойчивость въ религіозномъ дѣлѣ и даже послѣ уніи остались опорой православія, но въ XV—XVI вѣкахъ вліяніе польско-католическое не проникло еще въ высшіе слои русско литовскаго общества, и богатая знать дружно стояла заодно съ народомъ на стражѣ православной церкви. Въ рядахъ своихъ православные видѣли всѣ княжескіе и боярскіе роды Руси и Литвы... Тутъ и Острожскіе, и Глинскіе, и Слуцкіе, и Сапѣги, и Ходкевичи, эта львиная, какъ ее называютъ, порода Литвы, и Кобринскіе и масса другихъ. Стоитъ только взглянуть на списокъ ихъ въ любой исторіи церкви.

Внѣшнимъ образомъ сила православія выражалась

въ обилии церквей и монастырей. Въ то время, какъ католическихъ приходо́въ, по свидѣтельству самихъ католическихъ писателей, было до 700, православныхъ въ одномъ Новгородскомъ воеводствѣ 650, въ владѣнiяхъ Острожскихъ 600, и даже передъ введенiемъ унiи Львовское братство насчитывало до 11,000 священниковъ и немногимъ менѣе церквей. Монастырей въ XV вѣкѣ было приблизительно 30, а къ половинѣ XVI это число возросло до 50 ¹¹⁾, но очень немногiе монастыри и церкви были въ хорошемъ состоянiи, не потому, чтобы не находилось достаточно ревнителей и жертвователей, но указы короля Казимира, запрещающаго возобновлять старыя и строить новыя церкви, были причиною, что многiе храмы приходили въ ветхость и являли картину нищеты и запустѣнiя. Въ какомъ печальномъ видѣ былъ Пречистенскiй соборъ въ Вильнѣ! Какъ бѣдны въ то время ризницы Слуцкаго и Супрасльскаго монастырей! Въ развалинахъ лежали святыни Кiева!

Большая часть церквей и монастырей находилась въ исконныхъ русскихъ мѣстностяхъ и говорить объ ихъ архитектурѣ, внутреннемъ видѣ—значить говорить объ искусствѣ кiевской Руси, такъ блестяще выразившемся въ соборахъ Кiева. Подъ этимъ византийско-русскимъ влiянiемъ возникали храмы въ Литвѣ по мѣрѣ того, какъ тамъ насаждалась православная вѣра; но среди позднѣйшихъ церквей были и такiя, которыя по своему внѣшнему виду говорили о влiянiи на нихъ западныхъ католическихъ образцовъ,—таковы нѣкоторыя церкви Вильны (Воскресенская), Гродна, Люблина и Замостья ¹²⁾; особенно характерны церкви Гродна, о внѣшнемъ видѣ которыхъ мож-

но судить по замѣчательной гравюрѣ 1568 года. «Архитектура этихъ церквей представляетъ не мало любопытныхъ подробностей. Ни одна изъ нихъ не имѣетъ характерныхъ русскихъ главъ въ видѣ луковицы и столько употребительной въ до-петровской Руси четырехскатной крыши. Основной формой плана тутъ вездѣ является квадратъ, значительно удлиненный, какъ у церквей католическаго запада; крыша двускатная; надъ входомъ возвышается по меньшей башенкѣ съ маленькимъ куполомъ, иногда имѣющимъ видъ продолговатой дыни...» Колоколни при церквахъ отдѣльныя. Нѣкоторыя церкви Вильны, Люблина и Замостья подходятъ подъ это описаніе. О сельскихъ храмахъ мало что извѣстно; до насъ дошли только рѣдкія случайныя свѣдѣнія о нихъ; такъ мы знаемъ, что въ селѣ Гайнѣ Борисовскаго уѣзда была построена церковь Михайловская во второй половинѣ XV вѣка; тогда же возникли церкви села Николаева Дисненскаго уѣзда ¹³); церковь села Корницы, Сѣдлецкой губерніи основана въ 1518 году, да, по видимому, и большинство ветхихъ храмовъ нынѣшняго XIX вѣка по селамъ нашихъ западныхъ губерній ведутъ свое начало отъ времени XIV, XV и XVI вѣковъ; изъ краткаго описанія ихъ можно замѣтить, что типъ многихъ изъ нихъ напоминаетъ вышеприведенную характеристику Стасова ¹⁴).

Если за первыми литовскими государями Гедиминомъ и Ольгердомъ положеніе православной церкви было сносно, ибо правительство относилось индифферентно, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ проявленія языческаго фанатизма и ярости, то съ переходомъ дома Ягеллоновъ въ католичество, пра-

вославная церковь стала въ XV вѣкѣ лицомъ къ лицу съ правительствомъ, враждебно противъ него настроеннымъ. Съ тѣхъ поръ стремленіемъ литовско-польскихъ государей было распространеніе папизма, а главною заботою православнаго люда отстаиваніе и охрана своей исконной отеческой вѣры. Отсюда начало вѣковой борьбы и тяжелаго положенія западно-русской церкви. Но, если у правительства была опредѣленная тенденція и ясно выраженное стремленіе, то далеко не столь же опредѣленна и послѣдовательна была программа дѣйствій. Въ отношеніяхъ свѣтской власти къ церкви мы видимъ большой хаосъ: на ряду съ папскими буллами, возмутительными грамотами противъ схизматиковъ, встрѣчаемъ дарственные и льготныя въ пользу церкви. Конечно, причина двойственности образа дѣйствій правительства заключается, какъ въ индивидуальныхъ особенностяхъ литовскихъ государей того времени, такъ и въ условіяхъ жизни, которыя часто увлекали правительство въ свое теченіе противъ его воли. Эта борьба и особенныя историческія условія, подъ вліяніемъ коихъ находилась западно-русская церковь, невольно отразились на ея внутренней жизни и обусловили и создали въ ней рядъ самобытныхъ своеобразныхъ чертъ, отличающихъ ее отъ сѣверо-восточной.

Давно уже ослабѣла связь юго-западной церкви съ сѣверо-восточной, но окончательное отдѣленіе литовско-русской митрополіи отъ московско-русской совершилось въ послѣдніе годы княженія Василія II Темнаго, дѣда Елены Ивановны. По своему объему юго-западная церковь не уступала сѣверо-

восточной, а по древности своихъ религіозныхъ центровъ даже превосходила ее. Громадныя епархіи входили въ ея составъ, и какой стариной вѣяло отъ многихъ изъ нихъ! Митрополитъ, въ рукахъ котораго находилось управленіе церковное, носилъ древній титулъ Кіевскаго. Всѣхъ епископскихъ епархій было 8, при чемъ Виленская, управляемая лично митрополитомъ, обнимала Виленское и Трокское воеводства. На сѣверо-востокѣ лежали епархіи: Полоцкая, Смоленская и Черниговская, изъ которыхъ двѣ послѣднія вскорѣ отошли къ Москвѣ. Ближе къ Польшѣ были епархіи: Холмская, Владимірская и Перемышльская. Онѣ переносятъ наши воспоминанія ко временамъ знаменитаго Данила Галицкаго, Ярослава Осмомысла и Ростиславичей: Василька и Володаря; затѣмъ идутъ епархіи Луцкая и Пинская, и многія изъ нихъ, какъ мы видѣли, были и древни и обширны. На избраніе каждаго новаго митрополита имѣли вліяніе: великій князь, духовенство и народъ. Отъ великаго князя зависѣло согласіе на съѣздъ духовенства для избранія владыки; часто зависѣло оказать давленіе на избраніе излюбленнаго кандидата, податливаго на сдѣлки съ совѣстью; напротивъ того, духовенство и народъ при избраніи владыки имѣли въ виду интересы церкви и связанные съ ними свои національные и сословные интересы, — вотъ почему русскіе такъ сильно отстаивали свое право избирать владыку сообща духовенству съ народомъ. Многое зависѣло отъ личности митрополита: пагубныя примѣры двухъ митрополитовъ-уніатовъ должны были держать русскихъ насторожѣ. Избранный митрополитъ считался только «нареченнымъ», пока не

приходило утверждение его Константинопольскимъ патриархомъ. Отдѣлившись отъ Москвы, западно-русская церковь, угрожаемая уніей, дорожила своею слабю, правда, связью съ церковью греческою, и благословеніе далекаго Константинопольскаго патриарха было столь существенно въ нравственномъ отношеніи, что его просилъ даже митрополитъ-уніатъ.

Митрополитъ Кіевскій управлялъ церковью самостоятельно. Хотя митрополичьей кафедрой считался Пречистенскій соборъ въ Вильнѣ, но митрополитъ только временно пребывалъ въ столицѣ государства. Его постояннымъ мѣстопробываніемъ бывали обыкновенно незначительные, сравнительно, города: Новогородокъ и Минскъ, а Кіевъ и вовсе не видалъ въ своихъ стѣнахъ святителей и владыкъ: его святыни лежали въ заустѣвнѣи, и путь къ нимъ былъ небезопасенъ по причинѣ татарскихъ набѣговъ и разбойничьихъ шакъ. Мѣстопробываніе митрополита служило уже, какъ говоритъ митрополитъ Макарій, «осязательнымъ свидѣтельствомъ того, что православная вѣра и церковь въ Литвѣ были только терпимы, а не господствующими». Епископы или владыки епархій, архимандриты и игумены въ монастыряхъ, протопопы, соборяне и священники... все это чины церковной іерархіи, намъ хорошо извѣстные, тѣ же, что и на сѣверовостокѣ. Руководствомъ для церковнаго управленія и суда служили та же Кормчая книга, что и въ Москвѣ, затѣмъ такъ называемый свитокъ Ярославовъ и мѣстные обычаи изъ церковной практики. Велось церковное управленіе подобно тому, какъ и на Москвѣ, при помощи намѣстниковъ, десятниковъ, бояръ, подскарбіевъ, маршалковъ. Источникомъ для содержанія пра-

вославнога духовенства служили владычныя и церковныя имѣнія со всей суммой приносимыхъ ими доходовъ. Но не даромъ западно-русская церковь находилась въ особыхъ историческихъ условіяхъ; благодаря имъ, мы подмѣтимъ не мало своеобразныхъ чертъ, отличающихъ ее отъ церкви сѣверо-востока; онѣ преимущественно сказывались на положеніи духовенства, митрополичьей власти, во вмѣшательствѣ въ дѣла церкви свѣтскихъ лицъ—прихожанъ и на вмѣшательствѣ, наконецъ, свѣтской власти съ ея правами патроната и подаванья.

На власти митрополита боевое положеніе церкви выразилось отрицательно въ томъ отношеніи, что подчиненное ему духовенство держало себя независимо, что ослабило церковную дисциплину и вело часто къ беспорядкамъ внутри самой церкви. Духовенство не всегда подчинялось владыкамъ, вступало въ споръ и тяжбы, обращаясь за поддержкой къ свѣтской власти. Оно стремилось участвовать въ церковномъ управленіи, и причтъ соборной церкви въ Вильнѣ—крылошане—дѣйствительно составляли какъ бы духовный совѣтъ митрополита и вмѣстѣ—органъ управленія церковными дѣлами города ¹⁵⁾. Стоитъ вспомнить споръ виленскихъ крылошанъ съ митрополитомъ Макаріемъ или тяжбу епископа Полоцкаго съ крылошанами Софійской церкви ¹⁶⁾. При боевомъ положеніи церкви эта независимость духовенства имѣла свою хорошую сторону, но иногда, благодаря католическому правительству, приносила и вредъ, подрывая авторитетъ высшей церковной власти. Съ одной стороны духовенство не слѣдовало слѣпо за своими владыками, если тѣ соблазнялись

въ унию, критически относилось къ церковнымъ мѣрамъ и нововведеніямъ, ревниво оберегало чистоту православія; съ другой стороны—темные элементы духовенства съ успѣхомъ преслѣдовали личныя матеріальныя выгоды; прибѣгая къ интригамъ и подкупамъ, получали каѳедры и монастыри и управляли ими въ угоду свѣтской власти и во вредъ церкви.

Другою особенностью въ жизни западно-русской церкви было вмѣшательство въ дѣла церковныя самого населенія, создавшее одно изъ свѣтлыхъ явленій церковной исторіи — дѣятельность братствъ. Міряне чутко относились къ религиознымъ вопросамъ, слѣдили за церковными дѣлами. Цѣлый рядъ документовъ свидѣтельствуетъ о щедрыхъ пожертвованіяхъ, объ отказахъ въ духовныхъ завѣщаніяхъ на пользу церкви. Богатые и знатные люди поддерживали и возобновляли церкви, основывали, какъ, напримѣръ, Ходкевичъ, новые монастыри. Вся эта многосторонняя дѣятельность православной знати, какъ въ фокусѣ, отразилась въ дѣятельности знаменитаго ревнителя православія—князя Константина Ивановича Острожскаго и его сына. Прихожане въ свою очередь тѣсно сплачивались и старательно охраняли церковное достояніе: слѣдили за тѣмъ, чтобы церковное имущество не расхищалось и очень часто имѣли у себя ключи отъ церкви, которые и передавали вновь назначенному священнику. Этотъ контроль надъ церковнымъ имуществомъ распространился затѣмъ и на дѣятельность самихъ священно-служителей. Мало-по-малу участіе прихожанъ въ дѣлахъ церкви все болѣе и болѣе оформилось и получило права гражданства. Горожане принимаютъ

сторону софійскихъ крылошанъ противъ полоцкаго владыки и король рѣшилъ дѣло по ихъ желанію; виленискимъ мѣщанамъ Константинопольскій патріархъ присылаетъ переносный антимиансъ и митрополитъ даетъ свое благословеніе на совершившійся уже фактъ¹⁷⁾. Особенно полно и ярко выразилась дѣятельность мірянъ въ пользу православія съ помощью братствъ. Главную роль суждено было сыграть братствамъ позже, но въ XV вѣкѣ они уже стали возникать и къ пріѣзду Елены Ивановны существовали въ самой Вильнѣ.

Большой вредъ и безпорядокъ причиняло церкви вмѣшательство свѣтской власти, власти чуждой и враждебной. Великій князь, основываясь на владѣльческомъ правѣ, имѣлъ право патронатства и подаванья надъ архіерейскими кафедрами, монастырями и церквами въ своихъ собственныхъ земляхъ и государственныхъ территорияхъ. Онъ считалъ себя «ихъ патрономъ и подателемъ столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ, оборонителемъ церквей Божіихъ». Это право патронатства и подаванья распространялось затѣмъ на всѣхъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, которые слѣдовали примѣру великаго князя. Наконецъ, послѣдній очень часто передавалъ свое право патронатства частнымъ лицамъ. Можно себѣ представить, какая неурядица вносилась въ жизнь церкви! Одни хлопотали о патронатствѣ ради личныхъ выгодъ—пользовались церковными доходами. Другіе домогались ради личныхъ счетовъ и споровъ. Недовольные своимъ владыкой крылошане просили короля взять церковь на свое подаванье. Хорошо еще, когда патронатство нахо-

дилось въ рукахъ православныхъ людей, но когда иной панъ-католикъ, разсчитывая на церковныя имѣнія, достигалъ патронатства,—можно себѣ представить, каково бывало патронатство пана-католика!

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ:
 Акты западной Россіи т. I и II; Акты Южной и Западной Россіи т. I и II; Документы, объясн. исторію сѣверо-западнаго края 1865 г.; Библиотека иностр. писателей о Россіи т. I. 1836 г.; Бестужевъ-Рюминъ Русская исторія т. II; Иловайскій Исторія Россіи т. II и III; Любавскій Областное дѣленіе... Литовско-русскаго госуд. (Чтенія Моск. Ист. Общ. 1892 и 1893 г.); Макарій Исторія церкви т. IX; Филаретъ Исторія церкви изд. 6-е; Чистовичъ Очеркъ исторіи западно-русской церкви; Антоновичъ Монографіи т. I. 1885 г.; Кояловичъ Лит. церковн. унія т. I. 1859 г.; Киприановичъ Истор. очеркъ православія и католицизма. В. 1895 г., Дашкевичъ Замятки...; Бершадскій Литовскіе евреи. Спб. 1883 г. и др.

VI.

Вильна.

У Виліи, нашихъ потоковъ царицы
Дно чисто, а волны румянѣй денницы...

* * *

Вилія, по ковенскимъ милымъ поля-
намъ,
Струится въ нарцисахъ, бѣжитъ по
тюльпанамъ...

* * *

Вилія не любитъ цвѣточки долины:
Не ихъ, она Нѣмана ищетъ родного..

* * *

Поднявши Вилію къ себѣ на рамена,
Несется въ даль Нѣманъ на дикомъ
просторѣ,
И держитъ подругу у влажнаго лона,
И гибнетъ съ ней вмѣстѣ въ невѣдо-
момъ морѣ.

Мицкевичъ.

Рѣка Вилія, въ своемъ стремленіи на западъ къ Нѣману и Балтійскому морю, пробѣгаетъ по живописнымъ мѣстностямъ Литвы. Въ одномъ изъ такихъ живописныхъ уголковъ, расположилась столица Литовскаго княжества. Окрестности Вильны представляютъ собой рядъ холмовъ, мѣстами горъ. Густо поросшія лѣсомъ, пронизанныя кой гдѣ лощинами, онѣ живописно тѣсняются по лѣвому берегу Виліи

и какъ бы сжимають съ трехъ сторонъ,—съ востока, юга и запада,—узкую долину, съ восточной стороны которой вьется серебристой лентой, быстрая Вилейка и двумя рукавами впадаетъ въ широкую многоводную Вилию, образуя такимъ образомъ островъ при своемъ впаденіи. Поверхность долины сильно понижается съ юга на сѣверъ, къ берегу Вилии, и самый островъ при устьѣ Вилейки представляетъ собой низменное мѣсто; только съ востока возвышается на островѣ песчаная гора; одиноко стоитъ она, словно сторожъ долины, и оригиналенъ видъ ея склоновъ, крутыхъ и точно срѣзанныхъ. Въ началѣ XV вѣка эта гора слегка осыпалась, но еще до XVI вѣка сохранила свой оригинальный видъ высокаго кургана (на планѣ Брауна). Нѣкогда на этотъ островъ обратилъ вниманіе Гедиминъ и положилъ здѣсь начало городу. На песчаной горѣ, по названію Замковой, построилъ онъ великокняжескій замокъ, а у подошвы горы, въ низменной долинѣ, знаменитой долинѣ Свенторога, приютилась святыня языческой Литвы: жертвенникъ священнаго огня, жилища жрецовъ и башня, гдѣ содержались священные гады и змѣи.

Такимъ образомъ исторія Вильны начинается почти одновременно съ исторіей Москвы: къ XIII столѣтію относятся первыя извѣстія о ней, а въ XIV вѣкѣ она дѣлается значительнымъ городомъ. Но Вильна, та Вильна, которая предстала взору русской княжны, не была уже древнею Вильною: языческую Литву смѣнила сперва полурусская, полуправославная, а затѣмъ стали первенствовать польская и католическая. Русское вліяніе потеряло свое первенствующее

щее значеніе; православіе было въ загонѣ. Набѣги враговъ и пожары въ концѣ XIV вѣка уничтожили старую Вильну и замки Гедвмина. Витовтъ возстановилъ городъ изъ пепла; этотъ князь, «богатырь Литвы», отстроилъ Вильну и возобновилъ великокняжескій дворецъ. Послѣдующіе великіе князья, увлеченные въ орбиту Польши, мало думали о своей литовской столицѣ: Казиміръ озаботился лишь о нѣкоторыхъ костелахъ да издалъ указъ, запрещающій строить новые и возстановлять старые православныя храмы. Вильна ждала Александра и Сигизмунда! Въ 1494 году, то-есть ко времени прибытія русской княжны, на песчаной Замковой горѣ выселись три каменные башни: это и былъ верхній замокъ. Стѣны и валъ окружали его; построекъ въ немъ было не много и, собственно говоря, не здѣсь было мѣстопробываніе великокняжескаго двора. Въ развалинахъ лежалъ въ верхнемъ замкѣ даже костель св. Мартина, выстроенный на мѣстѣ православной церкви временъ Ольгерда. Двѣ деревянныя галереи, спускаясь по западному склону горы, вели къ подошвѣ горы и соединяли верхній замокъ съ нижнимъ. Нижній замокъ (при Витовтѣ его называли «кривой») былъ расположенъ въ низменной части города и занималъ такъ называемую долину Свенторога, то-есть дельту рѣки Вилейки. Широкій земляной валъ опоясывалъ его. Насколько пустыненъ былъ верхній замокъ, настолько многолюденъ былъ нижній: онъ включалъ цѣлый рядъ разнообразныхъ построекъ. Самымъ главнымъ зданіемъ былъ великокняжескій дворецъ, построенный еще Витовтомъ у подошвы Замковой горы. Онъ состоялъ изъ массы

разнохарактерныхъ каменныхъ и деревянныхъ зданій, мѣстами увѣнчанныхъ башнями. Среди дворцовыхъ службъ разстился обширный дворъ и заканчивался дворцовымъ садомъ; вдоль юговосточнаго берега Вилейки, по ея набережной тянулись великокняжескія конюшни. Многія части дворцовыхъ зданій были только что отстроены: Александру Казиміровичу показалось тѣсно старое помѣщеніе дворца и онъ расширилъ его къ прїѣзду своей невѣсты. Каковъ былъ характеръ виленскихъ замковъ—трудно сказать. Быть можетъ, Витовтъ построилъ ихъ въ готическомъ стилѣ или, быть можетъ, они напоминали собой замки князя Любарта, современника Кейстута, которые сохранились въ городѣ Луцкѣ до нашихъ дней. Къ западу отъ дворца находилась главная святыня католической Вильны—соборъ святого Станислава, построенный на мѣстѣ древняго языческаго капища. Подлѣ него возвышалась колокольня, хранящая доселѣ въ своемъ основаніи и въ своихъ стѣнахъ остатки языческой башни. Сгорѣвшій въ началѣ XV в. соборъ этотъ былъ возобновленъ Витовтомъ и, вѣроятно, въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ томъ видѣ, описаніе котораго оставилъ намъ иностранецъ Кибургъ. «Зданіе каеэдры, пишетъ онъ, поражаетъ своею громадностью; оно представляетъ продолговатый четырехугольникъ, выстроенный изъ кирпича. Огромная крыша, отвѣчающая слишкомъ большой ширинѣ зданія, опирается на рядъ пилястровъ; по угламъ ея четыре башенки, по двѣ съ каждаго бока, и еще три другія на ребрѣ крыши. Лицевая сторона въ верхней части зданія трехугольная и ничѣмъ не украшена кромѣ оконъ, въ кото-

рыхъ висятъ небольшіе колокола. Внутри три ряда толстыхъ пилястровъ раздѣляютъ соборъ на четыре придѣла; главный алтарь на мѣстѣ неугасавшаго огня; кромѣ того много алтарей въ глубинѣ придѣловъ и около пилястровъ... Сумракъ, господствовавшій въ этой святынѣ, произвелъ на насъ какое-то меланхолическое впечатлѣніе»¹⁸). Дома епископа и духовенства стояли невдалекѣ отъ собора и занимали приблизительно жилища древнихъ жрецовъ. Остальное пространство нижняго замка было застроено тѣсно и беспорядочно невзрачными домами частныхъ лицъ; среди нихъ рѣзко отличался своей величиной и красотой обширный дворъ вельможи Монивида; надъ Виліей находился посольской дворъ, показавшійся Кибургу темницей; затѣмъ шли дарственныя владѣнія многихъ костеловъ и монастырей и земли католическаго духовенства. Все это, взятое вмѣстѣ, придавало скучный и неопрятный видъ центру столицы и грозило не малой бѣдой въ случаѣ пожара, тѣмъ болѣе что строенія въ замкѣ, кромѣ собора, епископскаго дома, башни, магазиновъ—всѣ были изъ дѣрева. Трое воротъ вели къ берегу Вилейки, ея западному рукаву, нынѣ уже несуществующему (онъ давно пересохъ, какъ Неглинная въ Москвѣ), а перекинутые черезъ рукавъ мосты соединяли великокняжескіе замки съ остальнымъ городомъ и его предмѣстьями.

Если изъ нижняго замка не далеко былъ кругозоръ—онъ въ сравненіе не могъ итти съ видомъ изъ кремлевскихъ палатъ на Москву—то съ Замковой горы, къ сожалѣнію мало обитаемой, взору было раздолье во всѣ стороны. Съ Замковой же горы получалось общее впечатлѣніе отъ города и его окрестно-

стей. Къ сѣверу разстигалась широкой водной полосой Вилия, красавица-рѣка, столь часто воспѣваемая литовско-польскими поэтами, а за ней—за рѣкой—на противоположномъ берегу, уходила въ даль, на сѣверъ, песчаная гладкая равнина, единственная въ окружности Вильны; на ней и на островахъ рѣки, кое гдѣ, сѣрѣли кучки предмѣстныхъ лачужекъ. Къ востоку отъ Замковой горы, у ея подножія шумѣлъ восточный рукавъ Вилейки—главное ея русло. Вилейка быстро текла узкой серебристой лентой въ крутыхъ берегахъ, сползавшихъ обрывами и густо поросшихъ купами кустовъ и деревьевъ. Повсюду—и къ югу, и къ востоку и къ западу тянулись вдали холмы, опоясывая городъ кругомъ съ трехъ сторонъ; ихъ прорѣзывали долинки и овраги, гдѣ шумѣли ручьи и родники. Обиліе воды и влажный воздухъ способствовали роскошной зелени, а пирамидальные тополи продавали южный видъ ландшафту. На этомъ фонѣ, въ узкой долинкѣ, стѣсненной холмами, и былъ расположенъ городъ. Потому то путешественнику XV вѣка, французу Ланноа, онъ казался узкой длинной полосой, сбѣгающей сверху внизъ къ Вилии и Вилейкѣ. Въ противоположность Москвѣ, которая широкими полукружіями опоясывала Кремль, какъ свой центръ, Вильна вытянулась длинной неправильной полосой, безпорядочно расширяясь то къ югу, то къ западу, и образуя какъ бы наростъ или придатокъ къ замку. Такое расположеніе города замѣтно и на современномъ планѣ, на которомъ трудно уловить формы городскихъ границъ. Такъ обѣ столицы—Москва и Вильна служили живыми, яркими прообразами своихъ государствъ и ихъ исторической жизни.

Во всю длину города, отъ главныхъ воротъ замка до южныхъ воротъ города, Мѣдницкихъ—впослѣдствіи извѣстныя Остробрамскія—тянулась главная улица города—Большая. Отъ нея въ обѣ стороны, къ востоку и западу, переплетаясь и пересѣкая другъ друга, разбѣгались узкія улицы и переулки; лишь кое гдѣ попадались незастроенные плацы. Сады и огороды—какъ то было въ каждомъ старинномъ русскомъ городѣ—окружали дома и монастыри и своей зеленью скрашивали, по словамъ Ланноа, плохія деревянныя постройки. Къ востоку отъ Большой улицы, по направленію къ Вилейкѣ, блестяли кресты православныхъ церквей: то была русская часть города, центръ русскаго населенія и этотъ характеръ она сохранила до настоящаго времени. Искони эту часть города заселяли русскіе люди; ихъ было много здѣсь еще до временъ Гедимина. Здѣсь русскій человѣкъ «чувствуетъ себя окруженнымъ родной святыней». Почти у самаго берега Вилейки возвышался Пречистенскій соборъ, уже приходившій въ ветхость, но его древняя архитектура не была еще обезображена, какъ то случилось позже. Каменный, съ четырехскатной кровлей, съ большимъ куполомъ посрединѣ, съ полу-кружіемъ алтарнаго мѣста, онъ напоминалъ храмъ святой Софіи въ Кіевѣ и, дѣйствительно, Пречистенскій соборъ, подобно многимъ постройкамъ западной Руси и Литвы, былъ созданіемъ кіевскихъ мастеровъ, которые строили соборъ во времена Ольгерда, по образцу своей родной святыни. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Пречистенскаго собора находились впослѣдствіи двѣ небольшія церкви: Спасская и Рождественская, и на разстояніи всего двухъ, трехъ улицъ

расположилось не малое число православныхъ церквей. Однѣ изъ нихъ приходили уже въ ветхость и теряли свой прежній видъ, другія же, будучи каменными, принадлежали къ числу лучшихъ построекъ города, но всё говорили о живучести и силѣ русскаго элемента. Одинъ переченьъ церквей—краснорѣчивое тому доказательство: ихъ было тогда 16, больше чѣмъ католическихъ. Ближе всѣхъ къ Нижнему замку, на Покровской улицѣ стояла церковь Покрова—ей суждено было стать дворцовой церковью Елены Ивановны,—а дальше къ югу взоръ встрѣчалъ куполь Троицкаго монастыря. Если о Покровской церкви мало свѣдѣній, то исторія Троицкаго монастыря хорошо извѣстна и полна злоключеній. Въ концѣ XV вѣка Троицкій соборъ лежалъ въ развалинахъ, и монастырь имѣлъ плачевный видъ. Напротивъ Пречистенскаго собора, за рѣкой Вилейкой, приютилось сильно застроенное предмѣстье Зарѣчье, откуда и совершался въѣздъ въ городъ на пути изъ Полоцка. Зарѣчье примыкало къ русской восточной части города, и оба вмѣстѣ были центрами русскаго населенія.

Если восточная сторона города была православною, русскою, то на сѣверо-западѣ, въ углу, образуемомъ берегомъ Вилии и западнымъ рукавомъ Вилейки, расположился главный центръ литовской части города, и оттуда литовскій элементъ распространился къ югу. Ближе къ нижнему замку примыкали дворцы литовскихъ пановъ. Вольготно жили паны среди садовъ, парковъ; тутъ были палаты Сапѣги, Гаштольда и другихъ. То тамъ, то здѣсь возвышались католическіе храмы и монастыри. Все лучшее, что

сохранилось до нашихъ дней, было уже на лицо въ XV вѣкѣ. Существовалъ уже костель св. Анны, окруженный садами и группами деревьевъ по берегу Вилейки; верхушки его башенъ и золото его крестовъ особенно живописно выступали изъ роскошной зелени; построенная женою Витовта Анною, бывшей княжною смоленской, святыня эта, «какъ мысль женщины, отличается красотою и стройностью» (слова Кибурга). Существовали и древній костель Св. Николая, и костелы, и монастыри разныхъ орденовъ, какъ то францисканцевъ и бенедиктинцевъ, владѣвшіе крупными участками земли. Построенные въ чисто западномъ стилѣ, эти костелы воочію говорили о западномъ вліяніи, объ иной чуждой культурѣ.

Подобно тому какъ къ восточной русской части города примыкало Зарѣчье, тоже русское, такъ къ литвинамъ съ запада примкнули поляки, увеличивая такимъ образомъ католическую часть города; названія же нѣкоторыхъ улицъ: Жидовская, Нѣмецкая и другія—они сохранились до нашихъ дней—говорятъ и о другихъ пришлыхъ элементахъ, постепенно наводнившихъ Вильну, подобно тому какъ наводняли они же Литовское государство; то были элементы нѣмецкій и еврейскій. Еще далѣе на западъ, за польской частью, одиноко у берега Вилии, въ Лукишкахъ пріютились татары; они успѣли воздвигнуть тамъ свой полумѣсяцъ.

Собственно говоря, Лукишки не считались городскою частью Вильны, а ея предмѣстьемъ, но такихъ предмѣстій было не мало. Какъ Лукишки стояли на западъ по лѣвому берегу Вилии, такъ на востокъ, по тому же берегу Вилии, но уже по ту сторону

Замковой горы, за Вилейкой, расположилось древнее поселение литвиновъ—Антоколь. Оно сосѣдило съ русскимъ Зарѣчьемъ, о которомъ мы упоминали выше, и говорило о древней связи литвиновъ съ русскими. Наконецъ, на правомъ пустынномъ берегу Вилии, на ея песчаной сѣверной равнинѣ сѣрѣли невзрачные Свипишки и Рыбаки; одни промышляли рыбачествомъ, а другіе—выдѣлкой кирпичей. Предмѣстья то врѣзывались въ городъ, то отступали отъ него, распозаясь въ разныя стороны, и придавали городу еще болѣе неопредѣленный безпорядочный видъ.

Вильна временъ Александра Казиміровича была вполне незащитна отъ враговъ. Верхній и нижній замки со своими стѣнами и башнями только съ виду могли казаться укрѣпленіями; ихъ значеніе давно миновало, ограды же у города не было. Прежняя каменная стѣна города или лежала въ развалинахъ, или была разобрана жителями на постройки. Въ ея сохранившихся кое-гдѣ башняхъ гнѣздились совы и ютились разныя темныя личности и бродяги; отъ деревянной же ограды или тына не осталось уже и слѣда, а земляной валъ—главная охрана Вильны—былъ почти уничтоженъ и даже застроенъ; такимъ образомъ городъ былъ открытъ со всѣхъ сторонъ. Ворота тѣмъ не менѣе уцѣлѣли; одни—Спасскія—великъ мосту черезъ Вилейку въ Зарѣчье, откуда былъ путь на Полоцкъ, Троцкія—указывали дорогу на Троки, древнѣйшую резиденцію великаго князя. На югѣ находились Мѣдницкія ворота, нынѣ Остробрамскія—отъ нихъ путь лежалъ во всѣ стороны, между прочимъ въ Лиду.

Бѣглый взглядъ, брошенный нами на Вильну

конца XV вѣка, даетъ лишь приблизительно впечатлѣніе отъ той картины, которая развернулась предъ взорами русской княжны, невѣсты великаго князя. Вышній видъ города и замка оставлялъ желать многого и не могъ удовлетворить вкусу княжны, избалованной изящными созданіями Аристотеля Фіоравенти, Алевиза, Салерія и другихъ. Мы увидимъ далѣе, какъ отнеслась къ этому недостатку дочь Ивана III.

Первое же мимолетное знакомство съ литовской столицей говорило уже объ ея особенностяхъ. Смѣшеніе народностей, культуръ и вѣроисповѣданій, ихъ взаимное враждебное отношеніе чувствовалось съ перваго взгляда.

Первые шаги княжны Елены Ивановны были на Зарѣчье и русскую православную часть Вильны,—но далѣе въ нижнемъ замкѣ, ее встрѣтило—въ боевомъ всеоружіи—латинство.

Глава составлена по слѣдующимъ пособіямъ: Статья въ Актахъ, изд. Виленской Археографической комиссіей, т. XX; Васильевскій, «Очеркъ Вильны» въ изданіи Батюшкова 1872 г.; Крашевскій «Wilno»; Смирновъ «Ягелло...» 1865; отчасти «Wiżniczki», Вильна и окрестности 1883 года, планы.

VII.

Пріѣздъ въ Литву. Свадьба.

Путешествіе Елены Ивановны изъ Москвы въ Вильну продолжалось очень долго. Цѣлый мѣсяцъ пробыла она въ дорогѣ, многое видѣла, много получила впечатлѣній; но, если путешественникъ Барбаро считалъ отъ Москвы до Польши 22 дня пути, то мы должны признать, что княжна, сопровождаемая громаднымъ поѣздомъ, иногда останавливавшаяся на день, на два, ѣхала довольно скоро. Поѣздъ княжны растягивался на большое пространство. Если литвины не преувеличиваютъ, то съ княжной было болѣе 2.000 человѣкъ. Сама Елена Ивановна ѣхала въ богато-украшенной тапканѣ, столь просторной, что въ ней помѣщалось человѣкъ 5 — 6. Ближайшими лицами къ княжнѣ были жены главныхъ пословъ: княгиня Ряполовская, жена боярина Русалки и боярыня Скуратова. Послы ѣхали за тапканой въ саняхъ. Все имущество Елены Ивановны, дары, посылаемые въ Литву Иваномъ Васильевичемъ, расходная казна—все это составляло громадный обозъ и находилось на рукахъ дьяка и казначея Кулешина. Дьякъ по записи казеннаго двора получилъ на руки платья и наряды княжны, ея казну, дары, всѣ вещи, необходимыя для путешествія и свадьбы; онъ же

завѣдывалъ расходной казной въ количествѣ 50 копѣ грошей и распоряжался всею хозяйственною стороною поѣздки. Иваѣъ Васильевичъ не мало далъ памятныхъ записей дочери и боярамъ; не забылъ даже составить запись, когда въ какихъ платьяхъ быть княжнѣ. Дворецкій Пѣшковъ особливо долженъ былъ блюсти приказы Ивана Васильевича. Не мало саней потребовалось для остальной свиты; ѣхало 2 окольничихъ, 2 конюшихъ, 4 постельничихъ; за ними слѣдовали истопники, дѣти боярскіе, число коихъ было болѣе 60. Литвины пишутъ, будто съ княжной ѣхало два епископа, но это невѣрно; съ ней ѣхалъ священникъ о. Фома и при немъ находились діаконъ и пѣвчіе. Все это громадное число воевъ, саней для поѣзжанъ, множество верховыхъ лошадей подъ дѣтьми боярскими—требовало не малаго количества слугъ всякаго рода и обозной прислуги; прибавимъ, наконецъ, войско, служившее для охраны,—и мы не удивимся числу 2.000.

Миновавъ Звенигородъ, Можайскъ, эти издавна московскіе городки, отслуживъ вездѣ молебны, Елена Ивановна очутилась вскорѣ у литовской границы. Здѣсь князя Вяземскіе, недавно еще по договору признанные за Москвой, поднесли ей дары. Но и за рубежомъ русская княжна не могла считать себя на чужбинѣ: ее окружали тѣ же родныя картины, встрѣчались русскія лица, звучала русская рѣчь, а впереди ждалъ Смоленскъ, этотъ извѣстный русскій городъ, лишь въ минуты невзгодъ попавшій въ руки Литвы! Путь Елены Ивановны лежалъ на Смоленскъ, Витебскъ, Полоцкъ, Криво; тою же дорогою ѣздили путешественники-иностранцы XV вѣка

и описывали ее слѣдующими словами: «Мы постоянно ѣхали», говорить Контарини «по ровному лѣсистому мѣсту и лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе холмы. Иногда попадались по дорогѣ маленькія деревушки, въ которыя мы заѣзжали для отдыха; чаще же проводили ночи въ лѣсу. На снѣгу почти всегда находили остатки разведеннаго огня, забытаго, вѣроятно, путешественниками, прежде насъ тутъ бывшими, а также проруби во льду для лошадей и разные другіе признаки недавняго ночлега». Январь мѣсяць, конечно, далъ себя почувствовать, и многочисленная обозная прислуга московской княжны не разъ, вѣроятно, грѣлась у костра, подобно Барбаро и Контарини. Въ каждомъ городѣ устраивались торжественныя встрѣчи, и каковы онѣ были, покажетъ описаніе вѣзда въ Смоленскъ. Чины великаго посольства, уѣхавшіе раньше княжны изъ Москвы, приготовляли въ каждомъ городѣ пріемъ и для этого спѣшили напередъ княжескаго поѣзда. Уже за 5 версть отъ Смоленска ждали Елену Ивановну массы народа: тутъ былъ и простой людъ, и горожане, и бояре, тутъ же находился панъ намѣстникъ и паны-послы. Едва поровнялась съ ними тапкана княжны, какъ бояре и паны, представленные княземъ Ряполовскимъ, били Еленѣ Ивановнѣ челомъ. По мѣрѣ приближенія къ городу тапкана ѣхала медленнѣе; дѣти боярскіе, сойдя съ коней, окружали ее, а отъ городского моста ее сопровождали дѣшкомъ сами бояре-послы. Первымъ дѣломъ Елены Ивановны было направиться къ собору, гдѣ ее встрѣтилъ смоленскій владыка Іосифъ Болгариневичъ и отслужилъ молебенъ. Затѣмъ уже направилась княжна на приготовленный для нея

дворъ и здѣсь приказала поднести вина сопровождавшимъ ее панамъ и боярамъ. На слѣдующій день, послѣ обѣдни, въ свѣтлицѣ княжны происходилъ приемъ. Явился ударить челомъ и съ подарками въ рукахъ владыка; пришли паньи, между прочимъ, жена намѣстника; тамъ же находились и многія лица изъ свиты княжны. Елена Ивановна просила паней и владыку сѣсть на лавку направо отъ себя и велѣла принести угощенія. Княгиня Ряполовская налила вино въ кубки; князь Семень Ряполовскій поднесъ кубокъ владыкѣ, а паньямъ поднесла сама княжна. И когда читаешь сухое, но точное донесеніе бояръ Ивану Васильевичу, чувствуешь живую личность Елены Ивановны и словно видишь ее передъ глазами. Она напоминаетъ въ эти минуты скорѣе своего отца, какимъ его писалъ Контарини, чѣмъ чопорную Софію Ѳоминишну. Подобнымъ же образомъ происходили встрѣчи и въ Витебскѣ, и въ Полоцкѣ, но только въ Витебскѣ пребываніе княжны было короче, а въ Полоцкѣ она оказала особенное вниманіе женѣ и дочери пана Яна Заберезенскаго, полоцкаго намѣстника. Эти паньи поднесли княжнѣ подарки. Елена Ивановна поцѣловалась съ ними, ѣздила вмѣстѣ съ ними къ обѣднѣ, звала ихъ къ себѣ два раза на обѣдъ, не преминувъ угостить виномъ изъ собственныхъ рукъ. Быть можетъ то была благодарность за хлопоты, оказанныя паномъ Яномъ по поводу сватовства. По всему пути православное населеніе края встрѣчало православную княжну съ искренней и шумной радостью. Сколько надеждъ возлагалось на нее, сколько зарождалось мечтаній о лучшихъ дняхъ! Иванъ Васильевичъ могъ остаться

вполнѣ доволенъ тѣмъ почетнымъ пріемомъ, какой оказали его дочери русскіе и литвины, но приходило ли ему въ голову, что его дочь, будущая православная великая княгиня Литвы, можетъ стать предметомъ тѣхъ упованій западной Руси, которыя возлагались только на него, московскаго государя!

Отъ Полоцка до Вильны тянулись дремучіе лѣса; мѣстность становилась гористѣй. Княжна ѣхала медленно и часто останавливалась въ мѣстечкахъ. Русскихъ и литовскихъ пословъ озабочивало неполученіе отвѣта отъ Александра Казиміровича—гдѣ будетъ происходить вѣнчаніе? Въ костелѣ или въ православномъ соборѣ? Между тѣмъ отъ жениха пріѣзжали одинъ посолъ за другимъ—править поклонны и передать подарки. Княжна отдаривала въ свою очередь пословъ. Навстрѣчу ей выѣзжали литовскіе паны и княжата, встрѣчало войско. Въ Марковѣ встрѣтили Елену Ивановну знатнѣйшіе и знаменитѣйшіе православные представители западной Руси: князь Константинъ Ивановичъ Острожскій и Глинскіе. Встрѣчавшія въ Кревѣ паньи были любезно приглашены по очереди въ тапкану.

Панъ Янъ предупреждалъ задолго, что въ Марковѣ встрѣтятъ великую княгиню зватныя паньи: жена виленскаго воеводы Николая (Радивиля), жена Гаштольда,—последняя и встрѣтила Елену Ивановну въ Кревѣ, про первую же мы ничего не знаемъ. Но еще интереснѣе вопросъ—выѣзжала ли навстрѣчу княгиня слущкая Анастасія, жена Омельковича. Судя по молчанію пословъ, она не присутствовала при встрѣчѣ, но ее ожидала великая честь: Московскій государь приказалъ дочери встать при встрѣчѣ съ княгиней.

До Вильны оставалось уже всего нѣсколько верстѣ. Княжна остановилась переночевать въ господарскомъ дворѣ Немежѣ или Мемижѣ (теперь селеніе Немежѣ къ югу отъ Вильны) и стала дожидаться окончанія переговоровъ о мѣстѣ вѣнчанія, для чего Янъ Заберезенскій уѣхалъ впередъ, въ Вильну, къ великому князю на совѣщаніе. Тѣмъ временемъ отъ Александра Казиміровича привезли роскошно-убранный возокъ, запряженный восьмеркой лошадей.

Тревога и волненіе русскихъ бояръ все возрастала. Наконецъ, Янъ Заберезенскій вернулся изъ Вильны и привезъ озабоченнымъ боярамъ окончательный отвѣтъ великаго князя: по пріѣздѣ въ городъ княжна будетъ слушать молебень въ Пречистенскомъ соборѣ, а вѣнчаться поѣдетъ въ костель святого Станислава. Хотя Иванъ Васильевичъ далъ приказъ боярамъ не настаивать на томъ, соглашаться даже на то, чтобы княжна ѣхала прямо въ костель, чтобы она надѣла, въ случаѣ требованія Александра, польское платье — но бояре сочли долгомъ противиться и спорить съ панами. Только исчерпавъ все свое краснорѣчіе, согласились они на требованіе литовскаго государя. Заберезенскій кромѣ того сообщилъ, что Александръ Казиміровичъ выѣдетъ на встрѣчу невѣсты за городъ.

15 февраля 1495 года, въ воскресенье, рано утромъ, Елена Ивановна тронулась въ путь. Паны начали уговаривать княжну сѣсть въ экипажъ, посланный женихомъ. И дѣйствительно, возокъ этотъ обитый краснымъ сукномъ и зеленымъ аксамитомъ, запряженный 8 сѣрыми жеребцами въ золотѣ и бархатѣ — былъ великолѣпенъ, но княжна наотрѣзъ от-

казалась и предпочла ѣхать въ собственной московской тапканѣ. Съ ней сѣли боярыни жены Ряполовскаго и Русалки.

Пока Елена Ивановна медленно приближается къ Вильнѣ, познакоимся съ ея нарядами.

Нельзя не пожалѣть, что до насъ не дошла та запись нарядамъ Елены Ивановны, тотъ подробный наказъ боярамъ, который былъ выданъ Иваномъ Васильевичемъ при отѣздѣ дочери изъ Москвы; нельзя не поспѣвать и на краткость донесенія бояръ: они, конечно, не имѣли въ виду нашего любопытства и ограничивались свѣдѣніями, важными для ихъ государя. Но мы постараемся, тѣмъ не менѣе, ознакомиться съ одеждой русскихъ великихъ княгинь и княженъ XV вѣка, съ тѣмъ нарядомъ, въ которомъ могла быть Елена Ивановна при вѣздѣ своей въ Вильну.

По замѣчанію Забѣлина, русская княжеская женская одежда имѣла своимъ первообразомъ византійскую одежду, и это сходство особенно замѣтно въ парадныхъ одѣянїяхъ и головныхъ уборахъ. Вѣяніемъ Византіи вообще объясняется сходство въ одеждѣ народовъ востока (и запада до XIII вѣка), заимствовавшихъ культуру изъ Царьграда. Корона византійскихъ императрицъ, кика или вѣнецъ русскихъ княгинь и княженъ, головной уборъ грузинской царицы, даже короны западно-европейскихъ королевъ до XII вѣка, всѣ онѣ — одинаковой формы съ одинаковыми жемчужными нитями-рясами. То же самое можно сказать и про широкій покрой платья съ откидными рукавами.

Большинство изъ разнообразныхъ видовъ жен-

ской одежды XVII вѣка упоминаются уже въ XV вѣкѣ, о чемъ можно судить по духовнымъ грамотамъ князей. Насъ должна интересовать та одежда, въ которой Елена Ивановна, вѣроятно, вѣзжала въ Вильну, и та, въ которой она шла къ вѣнцу.

Осеннею и зимнею порою, въ путешествіяхъ и богомольныхъ поѣздкахъ великія княгини и княжны носили обыкновенно мѣховыя шапки. Верхъ шапки, въ началѣ XVI вѣка, богато украшался золотомъ и жемчугомъ по бархату и только опушка была мѣховая, — въ торжественныхъ случаяхъ всегда соболья.

Выходной верхней одеждой служили: опашень и кортель. Опашень, шитый изъ золотной или шелковой матеріи, съ подкладкой чаще всего тафтяной, изрѣдка на мѣху, былъ въ XVII вѣкѣ любимой выходной одеждой царицы. Его носили и въ XV вѣкѣ, но, повидимому, скорѣе какъ лѣтнюю и осеннюю одежду. Покрой его былъ широкій; узкіе рукава доходили до подола. Подолъ и полы опашня украшались золотымъ кружевомъ. Воротъ дѣлался широкимъ и скашивался къ поламъ. Круглыя пуговицы изъ дорогихъ камней и узорчатые петли служили для застежки. На шею надѣвался отдѣльно высокій воротникъ; онъ украшался дорогимъ шитьемъ и драгоценными камнями.

Въ XV же вѣкѣ болѣе употребительной и, повидимому, любимой зимней одеждой служилъ кортель. Онъ былъ всегда на мѣху—соболемъ, горностаевомъ и такъ далѣе,—покрывался шелковой матеріей или камкой. Покрой его отличался тою особенностью, что онъ надѣвался съ головы и не былъ

распашнымъ. Оригинальны были его рукава: они дѣлались длинными, но сшивались только до половины—слѣдовательно имѣли видъ откидныхъ—но за тѣмъ украшались вошвами, то есть полотнищами, перекинутыми на руку и расширяющимися къ низу. Эти вошвы, равно какъ и заплечье, изобиловали жемчужнымъ шитьемъ. Пуговиць у кортеля не полагалось.

Таковы одежды, которыя могла употреблять Елена Ивановна при своемъ путешествіи, но по свадебному чину нарядъ невѣсты былъ иной. Главную красоту всякаго женскаго наряда составлялъ головной уборъ. О царственномъ вѣнцѣ, символѣ дѣвничества, роскошью и блескомъ котораго Елена Ивановна въ Москвѣ ослѣпила литовскихъ пословъ, мы уже говорили; о кикѣ, вѣнцѣ замужнихъ женщинъ, скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь скажемъ объ одеждѣ невѣсты, по свадебному чину. Она должна была состоять изъ лѣтника и шубки. Исподней же одеждой была шелковая сорочка—родъ длинной туники со сборчатыми длинными рукавами до кистей рукъ, гдѣ они украшались дорогимъ запястьемъ.

И лѣтникъ и шубки были вообще въ большомъ употребленіи въ XV и XVI вѣкахъ и имѣли значеніе парадныхъ платьевъ.

Лѣтникъ дѣлался, изъ легкой шелковой матеріи и принадлежалъ къ одеждамъ накладнымъ, то-есть надѣвался съ головы. Откидные его рукава, называемые накапками, равнялись по длинѣ всему платью, но сшивались до половины только, а затѣмъ украшались пришивнымъ вошвами, то-есть полотнищами. Эти послѣднія дѣлались изъ болѣе тяжелой ма-

теріи и украшались шитьемъ и жемчужнымъ съ дорогими каменьями низаньемъ. Кромѣ вошвъ лѣтникъ украшался по подолу каймой, иногда опушался дорогимъ мѣхомъ. Изъ подъ рукавовъ-накапокъ лѣтника виднѣлись сборчатые шелковые рукава сорочки, украшенные у кистей рукъ дорогимъ запытьемъ.

По свадебному чину лѣтникъ обыкновенно дѣлался желтый, то-есть изъ золотой матеріи—парчи.

Поверхъ лѣтника надѣвалась шубка, которая въ великокняжескомъ и царскомъ быту приобрѣтала значеніе одежды царственной—порфиры.

Она дѣлалась распашной, шилась изъ тяжелой матеріи—парчи и бархата, съ широкими греческими рукавами по кисть руки. По запястью, по подолу и по поламъ она украшалась золотымъ кружевомъ. На плечи одѣвалось ожерелье—родъ пелерины,—украшенное золотымъ кружевомъ и камнями. Грудь украшало монисто. Оно не только имѣло значеніе украшенія, но было обыкновенно благословеніемъ матери; на немъ носили образки и кресты.

Драгоценные камни сверкали на монистѣ, на ожерельѣ, на серьгахъ, на запястьяхъ, на широкомъ воротникѣ, на перстняхъ, которые большею частью назывались жуковинами, по формѣ своей напоминая лапки жука (скарабей у египтянъ). Даже обувь—черевички и сапожки шились золотомъ и частымъ жемчугомъ по бархату и сафьяну.

Уже по приведеннымъ нами образцамъ можно судить о роскоши, богатствѣ и пышности приданого княжны Елены Ивановны. Иванъ Васильевичъ въ наказѣ своемъ предусмотрѣлъ встрѣчу жениха и

приказалъ, чтобы великая княжна при этомъ случаѣ была «въ нарядѣ». Эти слова указываютъ намъ, что Елена Ивановна при встрѣчѣ съ женихомъ была въ лѣтникѣ, шубкѣ-порфирѣ и въ вѣнцѣ и въ такомъ нарядѣ въѣхала въ Вильну.

За три версты отъ города выѣхалъ навстрѣчу невѣсты литовскій князь—женихъ. Онъ былъ въ богатой національной одеждѣ: На головѣ—мѣховая шапка съ бархатнымъ верхомъ, шитымъ золотомъ, украшенная дорогимъ перомъ и драгоценнымъ аграфомъ. Образецъ ея виденъ на портретѣ Казимира, его отца (смотри у Нарбута)¹⁹). Онъ ѣхалъ верхомъ на богато-разукрашенномъ конѣ, окруженный многочисленной блестящей свитой изъ русскихъ и литовскихъ пановъ, князей и бояръ... но не было ни одного государя западной Европы въ гостяхъ у Александра Казимировича, не было никого изъ братьевъ, не выѣхала навстрѣчу невѣсты старая королева-вдова, мать великаго князя. Иначе обстояло дѣло во время свадьбы Казимира Ягеллоновича, отца Александра. Тогда навстрѣчу Елизаветы австрійской выѣзжала въ злаченой повозкѣ старая королева Софія, мать Казимира. По всему видно было, что бракъ литовскаго государя съ московской православною княжною, казавшійся столь выгоднымъ для литовскаго правительства, столь желанный русскимъ населеніемъ, былъ не по душѣ роднѣ Александра Казимировича и на католическомъ западѣ возбуждалъ удивленіе (какъ говорятъ современники)²⁰). Но зато громадно было стеченіе народа!

Тапкана остановилась. Поспѣшно раскинули червленое сукно, приготовленное на сей случай по

*

наказу предусмотрительнаго Ивана Васильевича, а сверхъ сукна, со стороны тапканы положили бурскую камку. Великій князь сошелъ съ коня и ступилъ на сукно; княжна вышла изъ тапканы и стала на камку; за ней слѣдовали боярыни.

Женихъ подошелъ, подалъ руку невѣстѣ и спросилъ о здоровьѣ, она же поклонилась ему; затѣмъ обратился къ стоящимъ за невѣстой боярынямъ и тоже любезно подалъ имъ руку, онѣ же отвѣтили ему низкимъ поклономъ. Въ эту минуту литвины и русскіе, привѣтствуя невѣсту, грянули изъ мушкетовъ и громко крикнули: «Слава Господу Богу за такой даръ! за то, что даровалъ дочь московскаго государя намъ въ государыни!».

Великій князь проводилъ свою невѣсту до тапканы, сѣлъ на коня и поѣхалъ рядомъ. Своей свитѣ онъ приказалъ ѣхать по правую сторону экипажа, а московской—по лѣвую, соответственно этикету польско-литовскаго двора.

Елена Ивановна не могла не замѣтить, что портретъ жениха, привозимый нѣкогда въ Москву, не вполне соответствовалъ дѣйствительности. Насколько помнимъ, Александръ Казиміровичъ былъ нарисованъ: лицо бѣлое, щеки румяныя, глаза черныя, усъ только что пробивался. Въ дѣйствительности—великому князю было уже 34 года. Средняго, скорѣе высокаго роста, плечистый и сильный, онъ не отличался подвижностью. Темно-русые волосы, болѣе свѣтлые на бородѣ и усахъ, отгѣняли его довольно пасмурное лицо. Современники говорили, что на его лицѣ отпечатлѣлась вялость его характера, и если мы взглянемъ въ сохранившійся (у Нарбута) портретъ Александра, то не можемъ не замѣтить не то

печальнаго, не то вялаго выраженія его глазъ. Въ чертахъ его—чертахъ Ягеллонова рода—не видно живости и остроты, какими свѣтились лицо и глаза отца его Казиміра.

Время стояло теплое, несмотря на февраль мѣсяцъ. По словамъ современниковъ, дни стояли весенніе и, благодаря отсутствію морозовъ, трава зазеленѣла и на деревьяхъ тронулись почки. При такой теплой, ясной погодѣ прекрасныя окрестности Вильны должны были произвести сильное впечатлѣніе и представляли яркій контрастъ съ закутанной въ зимнюю одежду—Москвою. Елена Ивановна выѣхала въ Зарѣчье, встрѣчаемая густой толпой жителей города. Александръ Казиміровичъ, опережая невѣсту, направился прямо къ нижнему замку, а княжна, переѣхавъ мостъ черезъ Вилейку, выѣхала въ Вильну съ восточной стороны, такъ что будущая ея столица предстала передъ нею той стороною, которая была преимущественно заселена русскимъ людомъ; а когда она миновала Спасскія ворота, «то могла, какъ православная, чувствовать себя окруженной родной святыней». Повсюду передъ ея взоромъ блестяли кресты православныхъ церквей, которыя группировались преимущественно около Пречистенской и Покровской улицъ, и только вдали Замковая гора да ратуша являли новую невиданную картину западной жизни. Княжна, наконецъ, подъѣхала къ Пречистенскому собору, этому памятнику кievскихъ мастеровъ, но увы! соборъ имѣлъ печальный видъ запустѣнія *). Миновавъ соборъ, Александръ

*) Интересно отмѣтить слѣдующее соображеніе: Иванъ Васильевичъ въ наказѣ своемъ говорилъ: «ѣхать къ церкви къ

проѣхалъ дальше, къ костелу святого Станислава, тапкана же княжны остановилась у дверей собора, гдѣ съ крестомъ въ рукахъ дожидался ея нареченный въ митрополиты архимандритъ Макарій, окруженный сонмомъ виленскаго духовенства. Приложившись ко кресту, Елена Ивановна вошла въ соборъ. Обѣдня уже отошла. Митрополитъ и духовенство начали молебень. Такъ, молитвою въ Пречистенскомъ соборѣ начала Елена Ивановна свою новую жизнь на новой родинѣ, и Пречистенскій соборъ, свидѣтель ея первыхъ молитвъ, былъ свидѣтелемъ ея снаряженія къ вѣнцу.

Между тѣмъ, вѣрные исполнители велѣній Ивана Васильевича спѣшили приготовить все необходимое для соблюденія, насколько возможно, обычаевъ свадебнаго чина.

Елена Ивановна сѣла на приготовленное для нея мѣсто, покрытое поверхъ зголовья подушки сорока соболями. Боярыни-свахи сняли вѣнецъ съ головы ея, расплели косу, затѣмъ надѣли кичу.

Кика, имѣвшая видъ царской короны, отличалась отъ вѣнца тѣмъ, что была вся закрытая; волосъ изъ подъ нея не было видно; она была залита драгоценными камнями, жемчугомъ, жалами; по бокамъ

соборной къ Пречистой или къ иной къ которой». Послы въ отвѣтъ своемъ и доносили, что великая княжна ѣдила къ русской церкви Рождества Пречистой. Въ большинствѣ историческихъ трудовъ здѣсь разумѣютъ Пречистенскій соборъ, но это еще сомнительно. М. Макарій пишетъ по этому поводу слѣдующее: «Достойно замѣчанія, что церковь называется Рождества Пречистой. Это значить, что существовала въ Вильнѣ другая церковь, гдѣ и встрѣчена была Елена. И дѣйствительно, въ началѣ XVI в. въ Вильнѣ упоминается церковь городская». Она могла быть очень близко отъ замка. (Макарій. Исторія церкви, т. IX, стр. 85, прим. 76).

спускались жемчужныя рясы; на лобъ — поднизь, родъ жемчужной сѣтки; сзади покрывалъ волосы кусокъ бархата, спускавшійся до плечъ.

Наконецъ, боярыни навѣсили покровъ, вѣроятно, прозрачную фату, но неизвѣсто закрывали ли ею лицо, какъ это дѣлали позднѣе русскія царицы и царевны ²¹).

Все время священникъ Фома, пріѣхавшій съ княжной, читалъ молитвы на покрытіе главы. Когда ей убрали голову и сваха осыпала ее хмелемъ и опахивала соболями, отецъ Фома благословилъ крестомъ и Елена Ивановна, въ предшествіи священника, вышла изъ собора.

Улицы были полны народомъ. Радость литвиновъ и русскихъ была неподдѣльна. Для однихъ княжна была порукой прочнаго мира, для другихъ—будущей защитницей. «Народъ усыпалъ путь ея цвѣтами», говоритъ литовская замѣтка.

Съ вала и съ замковой стѣны гремѣли выстрѣлы салюта. Сопровождаемая отцомъ Фомой съ крестомъ въ рукахъ и всею своей свитой Елена Ивановна шла пѣшкомъ къ костелу св. Станислава.

Въ дверяхъ костела ее встрѣтилъ бискупъ Войтѣхъ и ксендзы, но не рѣшились благословить ее крыжемъ. Съ минуты вступленія въ костелъ началось безпокойство Елены Ивановны и тревога бояръ. Надо было зорко смотрѣть за тѣмъ, чтобы какая нибудь оплошность со стороны бояръ не подала повода панамъ и ксендзамъ толковать впослѣдствіи, что Елена Ивановна признала католичество, надо было въ точности совершить таинство по обряду православной церкви. Частые примѣры случайныхъ обращеній въ католичество объясняютъ

страхъ бояръ, и намъ становится понятно, почему они ревниво оберегали каждый шагъ своей княжны.

Едва Александръ Казиміровичъ и Елена Ивановна заняли свое мѣсто, какъ бояре успѣли положить подъ ноги Еленѣ Ивановнѣ камку и сорокъ соболей тѣ самыя, на которыхъ она сидѣла во время чесанія головы. Началось вѣнчаніе. По уговору съ Иваномъ Васильевичемъ вѣнчаніе со стороны Елены Ивановны должно было происходить по православному обряду, но архимандритъ Макарій не смѣлъ приступить къ совершенію таинства безъ согласія Александра, своего государя. Видимо литовскій великій князь рассчитывалъ обмануть бдительность пословъ. Но послѣдніе не дремали и не дали себя обойти. Отецъ Тома, видя замѣшательство Макарія, тотчасъ приступилъ къ вѣнчанію, и началъ произносить молитвы, княгиня Ряполовская взяла вѣнецъ, чтобы держать надъ головой невѣсты, а дьякъ Кулешинъ приготовилъ стекляницу съ виномъ. Великій князь и бискупъ стали противорѣчить, но князь Семень Ряполовскій вступилъ въ пререканія и поставилъ на своемъ: бискупъ вѣнчалъ Александра, а отецъ Тома — Елену Ивановну. Затѣмъ онъ подалъ стекляницу съ виномъ княжнѣ, и ее растоптали потомъ, а княгиня Ряполовская все время держала вѣнецъ. Вѣнчаніе кончилось... Тяжелая минута все же миновала, и Елена Ивановна и бояре могли вздохнуть свободно: московская княжна обвѣнчена по православному обряду. Ничего не забыли вѣрные слуги и исполнители наказа Ивана Васильевича. Всѣ свадебные обычаи московской старины были соблюдены ими въ точности.

Изъ костела Александръ отправился къ себѣ въ

гридно въ верхнемъ замкѣ, а Елена Ивановна въ свои покои въ нижнемъ замкѣ. Вскорѣ послѣ вѣнца у Александра состоялся приемъ посольства. Бояре говорили привѣтственную рѣчь, поднесли подарки отъ имени тестя и были приглашены къ обѣду. Незвѣстно присутствовала ли Елена Ивановна на этомъ пиру. Ничего не знаемъ о послѣдующихъ празднествахъ. На другой день Александръ принялъ даръ тестя—золотой крестъ съ такой же цѣпью и дорогое платье, которое по обычаю дарилось молодому. Литвины говорятъ, что въ Вильнѣ ликовали двѣ недѣли что было много празднествъ, угощеній для народа, что во дворцѣ много веселились.

Великая княгиня все время красовалась въ русской одеждѣ: въ кикѣ, бѣломъ лѣтникѣ, накладной шубкѣ. Невольно вспоминается отзывъ иностранца-грека о томъ впечатлѣннѣи, какое, спустя сто лѣтъ, произвелъ на него нарядъ русской царицы Ирины, жены Федора Ивановича: «тихий ужасъ» отъ массы драгоценностей и ослѣпительнаго блеска. Не испытали ли нѣчто подобное и литовско-русскіе люди?

Наступившій Великій постъ положилъ конецъ веселью и жизнь Вильны, равно какъ и великокняжескаго дворца, вошла въ свою обычную колею.

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ: Сборникъ Русскаго Императорскаго Историческаго Общества т. 35, 1882; Акты Южной и Западной Россіи т. II; Библіотека иностранныхъ писателей т. I, (Контария и Варбаро); Древняя Россійская Вивлюеика т. XIII и XIV; Собраніе Грамотъ и Договоровъ т. I; Забѣлинъ, «Бытъ русскихъ царицъ»; Савваитовъ «Описаніе старинныхъ русскихъ утварей...» 1896 г.; Нарбутъ, «Dzieje narodu litewskiego», т. 8; Пирлингъ, «Mariage d'un tzar au Vatican» 1891 г.

VIII.

Семья Ягеллоновъ (1495 г.).

Ближе ознакомившись съ мужемъ, Елена Ивановна могла провѣрить свое первое впечатлѣніе. Личность Александра Казиміровича представляетъ и для насъ большой интересъ по отношенію къ дѣятельности въ Литвѣ московской княжны.

Четвертый сынъ Казиміра Ягеллоновича и Елизаветы австрійской, Александръ не былъ любимцемъ своихъ родителей, подобно старшему своему брату Яну Альбрехту. Онъ не обладалъ его блестящими способностями, но и не былъ столь развратенъ, какъ его младшій братъ Фридрихъ. Наслѣдственные черты рода Ягеллоновъ сказались какъ въ наружности великаго князя литовскаго, такъ и въ его характерѣ: въ немъ было и литовское упорство, чаще выражавшееся въ упрямствѣ, и чисто литовская мрачность. По природѣ своей Александръ, такъ же какъ и его братъ Сигизмундъ, ближе былъ къ Литвѣ и западной Руси, но идеалы, созданные воспитаніемъ, влекли его къ Польшѣ и къ Западу.

Отецъ его, Казиміръ, предоставилъ воспитаніе дѣтей своей женѣ. Педагогическія воззрѣнія самого короля выразились въ словахъ: «для моихъ ушей нѣтъ лучшей музыки, какъ плачъ дѣтей моихъ подъ

розгами учителей», а тщеславіе родителя вполне удовлетворялось, когда королевичи, въ присутствіи иноземныхъ пословъ, говорили рѣчи на латинскомъ языкѣ. Королева Елизавета лично позаботилась объ одномъ: укрѣпить въ дѣтяхъ преданность католической вѣрѣ, преданность римскому престолу и въ подвижничествѣ сына своего Казимира видѣла награду за свои труды. Воспитанная при австрійскомъ дворѣ, среди гуманистовъ и схоластиковъ, чуждая интересамъ Польши, она не могла внушить сыновьямъ любви къ славянству и Литвѣ, наоборотъ, внушила преклоненіе передъ западной культурой. Зная цѣну науки и образованія, она сумѣла окружить дѣтей лучшими педагогами своего времени и дать имъ воспитаніе, столь прославленное и современниками и учеными нашего времени. Семи лѣтъ отъ роду очутился Александръ Казиміровичъ на рукахъ воспитателей, въ числѣ коихъ были: историкъ Польши Янъ Длугошъ, горячій польскій патриотъ, и довольно извѣстный гуманистъ Филиппъ Каллимахъ Buonaparsi, родомъ изъ Венеціи, хитрый, вкрадчивый итальянецъ, тонкій придворный, любимецъ королевы Елизаветы.

Вдали отъ родительскаго дома, переѣзжая съ мѣста на мѣсто по Польскому государству, королевичи находились въ полномъ вѣдѣніи своихъ наставниковъ; они должны были смотрѣть на нихъ, какъ на вторыхъ отцовъ. Сурова была школа, которую пришлось вынести Александру Казиміровичу. Педагоги находили нужнымъ приучать дѣтей къ холоду и голоду, ко всякаго рода лишеніямъ; жестокія тѣлесныя наказанія почитались душеспасительными и по-

лезными. Дисциплина, царившая во всемъ, царила и при обученіи, но велось послѣднее по своему времени прекрасно. Обращали вниманіе на краснорѣчіе, изучали древніе языки, читали классическихъ писателей, среди коихъ особымъ почетомъ пользовался Ксенофонтъ *). Каллимахъ старался пробудить въ своихъ воспитанникахъ вкусъ и любовь къ умственнымъ занятіямъ, уваженіе къ наукѣ... Польскій патриотъ сумѣлъ внушить преклоненіе передъ интересами Польши, и оба они, конечно, поддерживали связь съ центромъ умственной жизни Польши—съ Краковскимъ университетомъ. А тамъ было время расцвѣта, время, когда жилъ великій астрономъ Коперникъ и писалъ свое замѣчательное сочиненіе о государствѣ Янъ Остророгъ.

Неудивительно, что современники прокричали о томъ замѣчательномъ воспитаніи, какое давалось дѣтямъ польскаго короля, а иностранцы въ описаніи своихъ впечатлѣній польстили польскому обществу.

Контарини, тотъ самый, что оставилъ намъ любопытное описаніе московскаго двора и личности Ивана III и его супруги, побывалъ проездомъ въ Польшѣ и видѣлъ сыновей Казимира. Узнавъ, что послѣдніе, вѣроятно по приказу своего родителя, выразили желаніе видѣть посла Венеціанской республики, Контарини отправился въ городъ Люблинъ, гдѣ находились четыре сына Его Величества. Старшему изъ нихъ казалось не болѣе 15 лѣтъ, а осталь-

*) До нашихъ дней сохранилась книжка, заключающая въ себѣ выборки изъ наилучшихъ классическихъ авторовъ, составленная Яномъ Длугошомъ для королевичей. (Библиотека Оссолинскихъ, см. у Шайнохи «Szkice historyczne», стр. 55).

ные погодки. Они жили тутъ подѣ наблюдениемъ весьма почтеннаго наставника... Одинъ изъ нихъ привѣтствовалъ меня въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно доказывали уваженіе, питаемое ими къ своему наставнику». Въ другой разъ видѣлъ Контарини королевичей на приѣмѣ у короля. «Его Величество... сѣлъ въ приготовленные для него великолѣпныя кресла посреди двухъ юныхъ сыновей своихъ, одѣтыхъ въ алое платье и прекрасныхъ, какъ ангелы». Король позволилъ Контарини пожать сыновьямъ руки... На торжественномъ пирѣ присутствовали сыновья короля, занимая мѣсто по правую руку отца. «Они, подобно отцу, просили Контарини передать ихъ поклонъ Свѣтлѣйшей республикѣ».

Къ 17-ти годамъ воспитаніе королевичей оканчивалось; по крайней мѣрѣ въ этомъ возрастѣ старшій изъ братьевъ, Владиславъ, отправился въ Чехію, по избраніи его въ чешскіе короли. Спустя нѣсколько лѣтъ и венгры предложили ему корону. Подобное отношеніе сосѣднихъ народовъ—поляки толковали, какъ результатъ распространившихся слуховъ о способностяхъ, о рѣдкомъ образованіи польскихъ королевичей. Александру Казиміровичу не пришлось проявить себя въ молодости. Объ его жизни со времени окончанія образованія до избранія въ великіе князья литовскіе намъ ничего неизвѣстно; онъ сталъ государемъ Литвы на 32 году отъ рожденія.

Какъ извѣстно, княженіе Александра Казиміровича не было изъ счастливыхъ. Недальновидная и неудачная политика по отношенію къ Москвѣ, несчастная война съ послѣдней, частые набѣги татаръ — вотъ мрачный фонъ политической исторіи Литовско-Русскаго государства въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка.

Русскому историку Западной Руси приходится отмѣчать двойственное отношеніе великаго князя къ православію и русской народности, тяжелое положеніе православной церкви, отгѣзды русскихъ людей на Москву. Туземный историкъ Литвы укажетъ на болѣе тѣсное сближеніе послѣдней съ Польшей, на проникновеніе польскихъ началъ, столь пагубныхъ для самобытности и для будущности его народа, въ ущербъ самой династїи и монархической власти... И только въ исторїи Польши Александръ занимаетъ почетное мѣсто, какъ законодатель и частью какъ реформаторъ, унаслѣдовавшій широкіе замыслы Яна Альбрехта.

Неудовольствіе многихъ современниковъ, русскихъ и литвиновъ вполне понятно, но его раздѣляли и поляки. Они не понимали смысла борьбы Александра съ можновладствомъ и усматривали въ ней только попытку короля къ деспотизму и къ нарушенію пресловутой вольности шляхетства и панства. Въ зависимости отъ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ какихъ историкъ смотритъ на Александра, находится и его характеристика. Конечно, никто не сомнѣвается, что природа отказала этому государю въ блестящихъ дарованїяхъ, въ стойкомъ характерѣ, въ ясныхъ идеалахъ,—но въ то время, какъ большинство придаетъ Александру кличку «слабохарактернаго», винить его въ несчастїяхъ страны, въ плохой внѣшней политикѣ, въ домашнихъ неурядицахъ, одинъ изъ польскихъ историковъ пишетъ: «въ характерѣ Александра выдавалось чисто литовское упорство, соединявшееся съ наружнымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ».

Въ этихъ отзывахъ о политической дѣятельности Александра для насъ интересно одно: несмотря на то, что родовыя узы связывали короля съ Литвой и западной Русью,—интересы Польши были въ его глазахъ выше. Разорвать унию послѣдней съ Литвою казалось ему немислимымъ; быть королемъ польскимъ было его завѣтной мечтою; въ борьбѣ съ можновладствомъ польскимъ онъ проявилъ политическій смыслъ. Какъ не видѣть здѣсь плодовъ педагогической дѣятельности Длугоша! Въ Литвѣ и на западной Руси Александръ не могъ быть хорошимъ государемъ, потому что воспитаніе въ католическомъ духѣ и преклоненіе передъ западной и польской культурой связало его по рукамъ и по ногамъ. Найти выходъ изъ своего двойственнаго положенія онъ былъ не въ силахъ; руководящей нити для дѣятельности у него не было и, подчиняясь то вліянію духовенства, то литовскихъ пановъ, то вліянію своей жены, Александръ мѣнялъ направленіе ея и, только достигнувъ короны польской, великій князь литовскій проявилъ вдругъ и опредѣленные намѣренія, и энергію въ достиженіи ихъ.

Эта-то неувѣренность Александра, отсутствіе ясно опредѣленныхъ стремленій, ясно намѣченныхъ цѣлей по отношенію къ западной Руси, къ религиознымъ вопросамъ, къ Литвѣ помогли Еленѣ Ивановнѣ въ дѣлѣ вліянія на мужа.

Про Александра, того самаго, который при вѣнчаніи съ московской княжною выказалъ себя ревностнымъ католикомъ и гналъ русскихъ, польскій ученый могъ однако сказать, на основаніи извѣстій современниковъ, что онъ былъ равнодушенъ къ ре-

лигіознымъ вопросамъ; сынъ Елизаветы австрійской, братъ св. Казимира оказался въ концѣ концовъ обоѣтну—холодный, равнодушный.

Въ сущности отличительными чертами характера Александра было упорство въ достиженіи разъ хорошо усвоенныхъ имъ цѣлей, но медленность при ихъ усвоеніи. Долгое колебаніе и нерѣшительность, боязнь личной инициативы, вотъ что способствовало продолжительной неясности и двойственности въ его положеніи и дѣятельности. Отсюда и двойственность въ отзыввахъ о немъ: по мнѣнію однихъ—упоренъ; по мнѣнію другихъ—безхарактеренъ!

Небогато одаренный отъ природы, неспособный къ быстрому соображенію, Александръ, воспитанникъ оратора, не обладалъ даромъ слова и, подобно отцу своему, говорилъ мало. Вялость, замѣчаемая по лицу, выражалась въ медлительности движеній; не любилъ онъ охоты, не любилъ и шумныхъ многолюдныхъ пировъ... Но вялость, которую современники называли лѣнью, и мрачность характера не исключали однако вспыльчивости и раздражительности... Воспитаніе сообщило Александру тонкій вкусъ въ удовольствіяхъ: онъ чрезвычайно любилъ музыку, преимущественно духовую—трубы, а также пѣніе, и устраивалъ во дворцѣ музыкальныя упражненія. Наукѣ, искусству онъ цѣну зналъ и не задумался заплатить дорого за поднесенную ему книжку стихотвореній. Но чего не достигли воспитатели—это не отучили королевича отъ любви къ роскоши; наоборотъ, страсть къ дорогимъ вещамъ, къ богатству, къ комфорту, къ изящному—была развита въ Александрѣ до чрезвычайности: онъ любилъ дорогія

одежды, роскошный столъ, былъ страстный охотникъ до лошадей. Самъ Калимахъ, его старый учитель, зналъ объ этой страсти своего ученика: составляя духовное завѣщаніе, Калимахъ опредѣлилъ большую сумму денегъ своему любимцу Яну Альбрехту, бібліотеку оставилъ Фридриху, Александру же завѣщалъ свои одежды. Не любя шумныхъ пировъ, Александръ былъ непрочь отъ пооекъ и кутежей въ интимномъ кружкѣ. На ряду съ любовью къ роскоши отличительною чертою его была расточительность: онъ щедро дарилъ окружающихъ, не зналъ цѣны деньгамъ и тѣмъ самымъ разстроилъ свою казну.

Родная мать охарактеризовала его въ слѣдующихъ словахъ: «...столъ же общителенъ и щедръ Александръ. На охотѣ ли, въ дорогѣ ли, онъ не минуетъ ни одного крестьянина. чтобы не остановить его и не перемолвиться съ нимъ словечкомъ; не брезгалъ онъ напиться изъ чарки убогой и осушить ее до дна».

Характеристика Александра даетъ намъ возможность предрѣшить вопросъ о томъ — какова будетъ жизнь Елены Ивановны въ Литвѣ? Говоря о немъ, мы должны теперь припомнить и то, какую пріѣхала русская княжна.

Москва дала ей правильное нравственное воспитаніе, но не дала школьнаго образованія и дрессировки. Въ Польшѣ было то именно преимущество, что обществу были уже привиты научныя стремленія, созданы школы и университетъ. Если большинство, въ массѣ, было скорѣе выдрессировано, чѣмъ образовано, то все же тамъ существовала и научная закваска въ видѣ малой, правда, группы лю-

дей, развитыхъ умственно и дѣйствительно ученыхъ, какъ на примѣръ: знаменитый Коперникъ и Янъ Остроорогъ... Но если количествомъ знаній, способомъ пріобрѣтенія этихъ знаній, качествомъ ихъ Александръ былъ выше жены своей, то съ другой стороны Елена Ивановна превосходила его цѣльностью міросозерцанія, что придавало ей характеру нравственную силу; она превосходила его и быстротой соображенія и политическимъ чутьемъ. Благодаря прочному христіанскому воспитанію русская княжна хранила въ душѣ своей ясные идеалы, освящаемые въ ея памяти воспоминаніями о родной землѣ. У нея живы были въ памяти примѣры, изъ которыхъ она почерпала указанія для своей дѣятельности, и потому хотя жизнь ей предстояла не легкая, хотя надо было съ большимъ тактомъ добиваться прочнаго положенія въ новомъ отечествѣ, но добиться этого было возможно, возможно было даже большее—пріобрѣсти вліяніе на Александра.

Вкусы послѣдняго нашли полный отзвукъ въ русской княжнѣ. Дочь Ивана III привыкла сама къ роскоши, пышности, комфорту и умѣла ихъ цѣнить. Доступность Александра къ простонародью была ей, какъ русской, вполне понятна. Она сочувствовала мужу во всѣхъ его предпріятіяхъ для украшенія столицы и дворца. То же самое мы должны сказать и относительно страсти Александра къ музыкѣ: устройство музыкальныхъ развлеченій при дворѣ было по душѣ Еленѣ Ивановнѣ, которая сама обладала музыкальными познаніями. Даже нелюбовь великаго князя къ большому обществу была на руку его женѣ, потому что устраняла лишнее число па-

новъ-католиковъ и тѣмъ самымъ способствовала болѣе тѣсному сближенію ея съ мужемъ. Такимъ образомъ домашняя обстановка, образъ жизни двора сложились очень скоро и ко взаимному удовольствію. Тернія на пути Елены Ивановны были иного рода, посерьезнѣе — они касались политической жизни страны.

Миновалъ Великій постъ, отпраздновали Свѣтлую недѣлю и въ Вильну пріѣхали гости... Прибыла королева-мать Елизавета австрійская съ двумя дочерьми и сыномъ кардиналомъ Фридрихомъ. Великій князь съ княгиней, своей женой, употребили, по видимому, всѣ усилія, чтобы угодить своимъ гостямъ. При дворѣ происходили празднества и угощенія; прибывшихъ окружали почетомъ, одарили богато; даже самъ Иванъ Васильевичъ освѣдомлялся, не надо ли и ему послать дары старой королевѣ. Спустя нѣсколько дней, вдовствующая королева съ дѣтьми вернулась въ Польшу. Елена Ивановна хорошо поняла свою свекровь, и послѣдняя оцѣнила невѣстку по-своему: онѣ разстались въ душѣ непріязненно. Иначе и быть не могло, а почему не могло,—поймемъ, когда познакоимся съ личностью Елизаветы австрійской.

Королева Елизавета окружена въ польской литературѣ особымъ ореоломъ. «Matka Jagellońowa» — мать Ягеллоновъ пользуется, и вполне заслуженно, славой образованной женщины эпохи Возрожденія. Ей принадлежитъ честь воспитанія сыновей въ гуманистическомъ духѣ.

Дѣтство и юность Елизаветы прошли при австрій-

*

скомъ дворѣ. Она испытала и горечь сиротства и волненія политическихъ неурядицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ раннихъ лѣтъ она была окружена учеными схоластиками и гуманистами. Въ числѣ ея воспитателей упоминають Елену Коттанеръ, писательницу XV вѣка, нѣкоего педагога Гинтербаха (Hinterbach) и, наконецъ, знаменитаго Энея Сильвіо Пикколомини, впоследствии римскаго папу Пія II.

Шестнадцати лѣтъ принцесса вышла за Казимира Ягеллоновича. Свадьба была отпразднована съ торжествомъ въ Краковѣ. Жизнь при австрійскомъ дворѣ и вліяніе гуманистовъ оставили глубокой слѣдъ въ душѣ Елизаветы. Она научилась цѣнить науку, ученыхъ, стремилась привлечь ихъ въ Польшу. Обладая природнымъ умомъ, Елизавета отличалась выдающимися познаніями въ классической литературѣ, въ древней исторіи; могла писать на латинскомъ языкѣ не только свободно, но даже витиевато. Памятникомъ образованности польской королевы служить ея педагогическое сочиненіе: «О воспитаніи королевскихъ дѣтей» ²²). Она высоко ставила вопросы педагогическіе, стремилась дать сыновьямъ совершеннѣйшее образованіе и воспитаніе, для чего окружила ихъ сонмомъ выдающихся людей своего времени. Не мѣсто здѣсь и не время разбирать ея взгляды и то, сколько правды въ томъ, что она была авторомъ этого сочиненія (даже въ Польшѣ существовали нѣкоторые сомнѣнія). Читая у нея филиппики противъ роскоши, похвалы простотѣ и невинности, не слѣдуетъ слишкомъ торопливо принимать все за чистую монету: между желаніемъ вмѣстить и дѣйствительной вмѣстимостью

лежала бездна, чему разительнымъ примѣромъ служатъ собственные сыновья королевы. Какъ бы тамъ ни было, нельзя отнять у нея обширности познаній и сильнѣйшей зависимости отъ взглядовъ гуманистовъ XV вѣка; королеву можно даже упрекнуть въ полномъ преклоненіи передъ авторитетами гуманизма, въ полномъ рабскомъ преклоненіи, безъ попытки къ самостоятельности мысли. Вслѣдствіе этого между королевой—авторомъ педагогическаго сочиненія и королевой въ ея личной дѣятельности оказывается даже нѣкоторое различіе и несоотвѣтствіе.

Выйдя замужъ за польскаго короля, съ которымъ прожила много лѣтъ душа въ душу, и котораго оплакивала горько по его смерти, Елизавета осталась тѣмъ не менѣе чужда Польшѣ. Она нашла этотъ край бѣднымъ, ничтожнымъ и не старалась ближе ознакомиться съ нимъ. Политика ея не интересовала и, если она по смерти Казимира вмѣшалась въ политическія дѣла и даже оружіемъ поддержала избраніе Яна Альбрехта, а по его смерти—Александра, то исключительно ради предотвращенія междоусобія между сыновьями.

Въ то время какъ Софія Палеологъ, супруга Ивана III, принимала иноземныхъ пословъ, давала инструкціи своимъ, австрійская принцесса, жена Казимира, проводила дни въ покояхъ дворца, рѣдко показываясь народу. Она избѣгала мужского общества, не присутствовала на приемахъ пословъ. Контарини такъ и не видѣлъ ея въ бытность его въ Польшѣ. «Въ то время какъ мужъ со старшими сыновьями принималъ гостей изъ странъ чужихъ она въ обществѣ придворныхъ женщинъ бдѣла.

надъ воспитаніемъ своихъ дочерей»... и польскія королевны, воспитанныя въ такомъ духѣ, имѣли видъ теремныхъ затворницъ. Плоды такой педагогической дѣятельности королевы мы увидимъ на дочери ея Ядвига.

Вся жизнь Елизаветы прошла въ заботахъ материнскихъ—при чемъ сыновья уже съ семилѣтняго возраста жили далеко отъ нея,—да въ дѣлахъ благочестія. Современники называютъ королеву святою «dziwnie pobozną, świętą». Долгіе дни проводила она въ рукодѣльѣ, въ украшеніи различныхъ предметовъ церковной утвари; большія деньги жертвовала на убранство и постройку костеловъ. Ея стараніями построена каплица св. Креста при Краковскомъ соборѣ, многія зданія въ монастырѣ святого Михаила Архангела. По настоянію Елизаветы и благодаря ей возносимъ устроены были убѣжища для убогихъ, выстроено до 30 монастырей францисканцевъ и бернардиновъ. Особеннымъ уваженіемъ королевы пользовался орденъ святого Франциска. Только эта привязанность къ католической церкви и примиряла Елизавету съ католической Польшей; соединенныя же съ послѣдней православная западная Русь и Литва казались фанатичной королевѣ странами схизматиковъ и язычниковъ. Чуждая Польшѣ, славянству и Литвѣ, всю жизнь свою осталась королева истой нѣмкой, вѣрной поклонницей нѣмецкаго міра. Идеалы, стремленія, вкусы королевы—все это влекло ея сердце къ Западу.

Выдавая безъ разбору своихъ дочерей за нѣмецкихъ князьковъ, Елизавета противилась бракамъ ихъ съ королемъ венгерскимъ Матвѣемъ Корвиномъ

и съ господаремъ молдавскимъ. Востокъ, восточное вѣроисповѣданіе было предметомъ ея глубокой ненависти; все, что было чуждо нѣмецкой культуры, казалось ей презрѣннымъ. Ничтожный, порочный жестокой баварскій князекъ Георгъ, погубившій ея дочь Ядвигу, казался желаннымъ зятемъ, а славный король венгерскій заслужилъ названіе хлопа: «*Iz Matyasъ chlop, kurczek Woloszyn*»—Матвѣй — это хлопъ, курченокъ волошскій! *nie godzien jej*—не годится ей!» А когда Александръ Казиміровичъ желалъ скрѣпить союзъ съ молдавскимъ господаремъ Богданомъ, выдавъ сестру свою, старая королева не дала согласія... и слышать не хотѣла, ибо онъ былъ господарь иной вѣры, то-есть православный, и если дала согласіе на бракъ Александра съ Еленой, то лишь изъ рабскаго послушанія римскому престолу. Но какими глазами она должна была смотрѣть на Елену Ивановну, какія чувства питать къ ней?

Несмотря на всю любовь свою къ мужу, Елизавета не съ большимъ уваженіемъ, скорѣе презрительно, отзывалась о родѣ Ягеллоновъ. Совѣтуя своему сыну Владиславу воспитать во внукѣ «привѣтливость» — она затѣмъ прибавляетъ: «должна тебѣ сказать откровенно, что нашъ родъ больше славы заслужилъ за свою общительность, чѣмъ знаменитыми подвигами». Даже самъ Шайноха нашелъ подобную характеристику черезчуръ... скромной. Но не будемъ слишкомъ строги къ старой королевѣ... Гдѣ ей было понимать богатырей Литвы: Гедимина, Ольгерда, Кейстута, Витовта и ихъ дѣла, когда сами природные литвины не цѣнили ихъ, а старались выводить свой родъ изъ Италіи (смотри со-

чиненіе Михалона). Елизавета и нѣкоторые современные ей литвины признавали исторію Литвы только съ Ягайла, а, конечно, за Ягайломъ кромѣ брака его съ Ядвигой... никакихъ знаменитыхъ подвиговъ «znamięnitych czynow» не оказывается.

За 20 лѣтъ до описываемыхъ нами событій, осенью 1475 года, польская королева Ядвига, сестра Александра Казиміровича, выходила замужъ за баварскаго герцога Георга. Описание ея вѣзда въ Lands-hut—Ландсгутъ, ея свадьбы и свадебныхъ пиршествъ дошло до насъ съ мельчайшими подробностями и даетъ интересныя данныя для сравненія между русской княжной и польской королевой.

Въ приданое польская королева получила 32,000 дукатовъ и выѣхала изъ Кракова, окруженная польской и литовской свитой.

Передъ Ландсгутомъ встрѣтили ее многочисленныя гости, между прочимъ цесаревичъ Максимилианъ, пфальцграфы и другіе. Королева ѣхала въ злаченой повозкѣ, украшенной на верху польской короной, запряженной восемью бѣлыми лошадьми въ шорахъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, и экипажа не мѣняла. На поклонны высокыхъ гостей она отвѣчала наклоненіемъ головы и протянула имъ для пожатія руку изъ окошка. Лицо ея было закрыто густымъ покрываломъ; такими же покрывалами были закрыты лица нѣмецкихъ принцессъ, которыя сопровождали королеву въ кортежѣ. Наша Елена Ивановна и ея боярыни выгодно отличаются въ этомъ отношеніи: нигдѣ не говорится, что онѣ были покрыты—вплоть до уборки къ вѣнцу, когда впервые упомянуто покрывало свадебное.

До города повозка ѣхала тихо, окруженная съ лѣвой стороны польской свитой, а съ правой—баварцами.

Женихъ, его отецъ и самъ императоръ Фридрихъ III верхомъ на коняхъ дожидались поѣзда невѣсты у самаго вѣзда въ городъ, гдѣ паны высадили невѣсту. Наклоненіемъ головы привѣтствовали другъ друга женихъ и невѣста, но руки не подавали, а также и панамъ изъ свиты Ядвиги женихъ не подалъ руки и не привѣтствовалъ ихъ. Маркграфъ Альбрехтъ произнесъ привѣтственную рѣчь по-нѣмецки. Ядвига не понимала и не знала по-нѣмецки, и рѣчь маркграфа была ей переведена по-польски; и впоследствии всѣ привѣтствія гостей и рѣчи ихъ переводились королевнѣ на польскій языкъ, а ея отвѣты—на нѣмецкій. Поѣздъ тронулся къ костелу.

Въ одной изъ капицъ паньи сняли съ невѣсты верхнее платье и головной уборъ, надѣли вѣнецъ и повязку, шитую драгоценными камнями, и прикололи тонкое покрывало; волосы были заплетены въ одну косу. Какъ видимъ, сборъ Ядвиги къ вѣнчанію почти тожественъ со сборами Елены Ивановны и также совершался въ церкви. Устроивъ все по обычаю родины, паньи и паны подвели Ядвигу къ главному алтарю. Все время королевна горько плакала и, идя отъ вѣнца, низко опускала голову и такъ тщательно закрывалась покрываломъ, что присутствующіе не могли разглядѣть ея лица. Въ тотъ же вечеръ и въ послѣдующіе во дворцѣ происходили обѣды и танцы. Молодая танцевала. Елизавета дочь свою нѣмецкому языку не выучила, но

танцамъ выучила и танцамъ нѣмецкимъ. Одѣта она была, по польскому обычаю, въ широкое платье съ откидными рукавами, съ вѣнцомъ и повязкой на головѣ. На слѣдующій день при принесеніи подарковъ молодая снова принуждена была обратиться къ переводчику, чтобы отвѣтить на привѣтственные рѣчи, и въ отвѣтъ своемъ особенно подчеркивала покорность и послушаніе мужу. Когда утромъ на слѣдующій день молодые отправились въ костелъ, Ядвига, одѣтая по-польски, не закрывалась на этотъ разъ покрываломъ, но очи по прежнему держала опущенными долу. Присутствующіе нашли польскую королеву красивой; особенное вниманіе обратили на ея руки и на тоненькіе пальчики; наивныя слова: «dziwne piękna ręce, o długich cienkich palcach»... приводятъ на память слова русской пѣсни «а и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки».

Робкое поведеніе польской королевы, убитый видъ и незнаніе языка нѣмецкаго бросаютъ невыгодный свѣтъ на то, какъ воспитывала своихъ дочерей прославленная королева педагогъ!

Мы уже упомянули, что вмѣстѣ съ королевой Елизаветой и ея дочерьми въ Вильну пріѣзжалъ и братъ Александра, кардиналъ Фридрихъ. Скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Фридрихъ не обладалъ ни способностями, ни умомъ и полную свою несостоятельность въ занятіяхъ государственными дѣлами проявилъ неумѣлымъ правленіемъ въ Польшѣ въ отсутствіе Александра. Кардинальская шапка не заставила его измѣнить излюбленный образъ жизни, и распушенность Фридриха возмущала современниковъ и доставила ему нелестную славу въ потом-

ствѣ. Разгульная жизнь требовала большихъ денежныхъ средствъ, и кардиналъ не пренебрегалъ никакими средствами. Въ Римѣ были недовольны его корыстолюбіемъ, отъ котораго страдала папская казна. Стрыйковскій характеризуетъ Фридриха слѣдующими словами: «былъ онъ роста высокаго, исполненъ важности; разума ничтожнаго; въ пьянствѣ и безобразіяхъ проводилъ жизнь», отчего и умеръ въ 1503 г. — Надменность Фридриха, упомянутая Стрыйковскимъ, очень характерна, потому что ее испытала на себѣ и Елена Ивановна. Положеніе Фридриха, какъ представителя Рима, уже даетъ намъ понятіе объ отношеніи кардинала къ своей невѣсткѣ, какъ къ православной. Мы увидимъ, какую роль сыгралъ Фридрихъ въ жизни Елены Ивановны, а пока удовольствуемся ея же словами, что отъ кардинала она терпитъ не мало «укоризны» за свой греческій законъ.

Глава составлена по слѣдующимъ пособіямъ: Шайноха, *Czki-ce historyczne* т. II, 1876 г., Zeissberg, «Kleinere Geschichtsquellen Polens» 1877 г.; Narbutt «Dzieje narodu litewskiego» т. 8. 1841 г.; Стрыйковскій, «Chronica»; Бобжинскій, «Очеркъ исторіи Польши» т. II; статья Bostel'a въ «Encyklopedya powszechna» на букву A.; см. также у Васильевскаго, «Исторія Вильны»; у Ярушевича, «Ревнитель православія князь К. И. Острожскій» 1897 г.

IX.

Первые годы замужества. 1495—1498.

Елена Ивановна, присматриваясь къ мужу, къ его роднѣ, къ новой обстановкѣ, не могла не почувствовать трудности своего положенія: она не была желанной гостьей въ великокняжескомъ дворцѣ и въ семьѣ Елизаветы австрійской. Православіе Елены Ивановны создало ей иное положеніе чѣмъ то, въ которомъ находились, обыкновенно, литовскія великія княгини католички. Ея жизнь и дѣятельность невольно должны были принять политическую окраску, выйти за предѣлы семейнаго и чисто-хозяйственнаго круга. Много потребовалось такта, осторожности, твердости характера отъ московской княжны, чтобы съ достоинствомъ носить титулъ великой княгини литовской и королевы польской.

На первыхъ порахъ своего пребыванія въ Вильнѣ Елена Ивановна была окружена, можно сказать, тѣсной стѣной московскихъ людей. Съ ней пріѣхали, какъ мы знаемъ, бояре: Ряполовскій, Русалка, ихъ жены; дьяки Пѣшковъ и Кулешинъ; священникъ Ѳома и другія духовныя лица; цѣлый рядъ должностныхъ лицъ какъ-то: околничьихъ, постельничьихъ; множество дѣтей боярскихъ и не менѣе того слугъ. Эта многочисленная свита пробыла въ Вильнѣ, согласно

уговору, около двухъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ позаботился уже 3 февраля послать къ Еленѣ Ивановнѣ новыхъ лицъ: боярина, князя Ромодановскаго съ женой и подьячаго Котова. По уговору съ Александромъ они должны были остаться въ Литвѣ дольше первыхъ—до тѣхъ поръ, пока Елена Ивановна не привыкнетъ къ своей новой родинѣ. Одежда московскихъ людей была русская, ихъ привычки, обычаи—тоже; русскіе повара и хлѣбники вводили русскую кухню. Среди этихъ близкихъ людей отдыхала Елена Ивановна послѣ блестящей, но холодной и чуждой ей атмосферы новаго придворнаго быта. Вліяніе бояръ сказывалось и на первыхъ шагахъ ея дѣятельности. По совѣту Ивана Васильевича она должна была выбрать надежнаго человѣка и первымъ дѣломъ установить возможно скорую и удобную переписку съ отцомъ обо всѣхъ дѣлахъ, ея касающихся. Бояре, съ своей стороны, тоже старались угодить Ивану Васильевичу и потому онъ былъ прекрасно освѣдомленъ обо всемъ. Зная или угадывая враждебныя отношенія къ дочери вдовствующей королевы Елизаветы и кардинала Фридриха, Иванъ Васильевичъ освѣдомлялся, не надо ли ему послать имъ подарки, и допытывался у Александра, въ какихъ отношеніяхъ онъ находится къ своимъ братьямъ *)?

Посольства изъ Москвы и обратно шли за посольствами: съ февраля по май 1495 года ихъ бы-

*) Отдѣльныхъ смысловъ на переговоры Ивана Васильевича съ зятемъ, на его переписку съ дочерью мы не дѣлаемъ. Всѣ данныя взяты изъ Сборника Императ. Русск. Историч. Общества т. 35 1882 г. за 1495, 1496—1500, 1505 годы.

ло 5. Благодаря имъ Елена Ивановна безпрестанно получала вѣсти изъ родительскаго дома, поклонны, подарки и, конечно, тайныя рѣчи отца. Примѣромъ такихъ поклоновъ можетъ служить посольство Миккулы Ангелова въ 1497 г. «А се говорилъ... Иванъ, Божією милостью государь всеа Русіи... тобѣ... дочери своей, велѣлъ поклониться... велѣлъ твое здоровье видѣти... Да поминокъ подати, корабельникъ»... Далѣе слѣдуетъ поклонъ и поминки отъ матери, снохи, брата Василья, брата Дмитрія, племянника Дмитрія; затѣмъ отъ сестеръ: «сестра твоя... велѣла челомъ ударити... да поминокъ подати». Иногда, вмѣсто корабельника, посылалась камка, соболь или не поименовывалось и писалось: «а поминки писаны въ казнѣ», Съ помощью этихъ посольствъ Иванъ Васильевичъ силился удержать дочь подъ своей опекой, руководя ею и зятемъ какъ въ частной жизни, такъ и въ политикѣ, ибо властный Московскій государь не отрицалъ у дочери-княгини права участія въ политическихъ дѣлахъ своего мужа, — фактъ интересный: онъ раскрываетъ намъ собственный взглядъ Ивана Васильевича на Софію Ѳомииншну, какъ на свою жену и помощницу, и на его отношенія къ ней въ вопросахъ политическихъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы представился удобный къ тому случай. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ 1495 года Александръ просилъ помощи у тестя противъ хана Менгли-Гирея, и литовскій посолъ, кромѣ Александровой грамоты, привезъ также грамоту Елены Ивановны, какъ ходатайницы въ пользу мужа. Ивану Васильевичу не показалось страннымъ вмѣшательство дочери и

въ августѣ того же года онъ обстоятельно отвѣчалъ ей и высылалъ ей списокъ съ тѣхъ рѣчей, что далъ послу Александра,—и такъ поступалъ во всѣхъ случаяхъ, извѣщая дочь о каждомъ почти дѣлѣ. Такъ онъ писалъ, что хлопочеть о союзѣ ея мужа съ ханомъ Менгли-Гиреемъ и Стефаномъ молдавскимъ: «тебѣ то да вѣдомо было». Онъ сообщалъ ей свои предположенія о турецкихъ послахъ и поручалъ хлопотать у мужа объ ихъ пропускѣ въ Москву. Мало того,—онъ совѣтуетъ дочерп повліять на мужа, чтобы не давалъ брату Сигизмунду удѣла въ государствѣ, отчего происходятъ нестроенія, и ссылается на примѣры русской земли, о которыхъ Елена Ивановна кое что слышала, а кое что видѣла и помнила лично. «Ино, дочи, слыхалъ язъ каково было нестроенье въ Литовской землѣ, коли было государей много, а и въ нашей землѣ слыхала еси, каково было нестроенье при моемъ отцѣ, а опослѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьею, надѣюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь, и только Жыдимонтъ будетъ въ Литовской землѣ, ино вашему которому добру быти? И язъ приказываю... того дѣла (ради того), что еси дѣтя наше!..

Еленѣ Ивановнѣ вполне была извѣстна переписка отца и мужа съ ханомъ крымскимъ и она сама лично получила грамоту отъ хана Менгли - Гирея. Немудрено, что первое время она сильнѣе подчинялась отцу и боялась дѣйствовать самостоятельно. Эманципація ея отъ отца шла медленно, шагъ за шагомъ, сначала робко, потомъ смѣлѣе.

Мы говорили уже выше, что она носила первое время русскую одежду. Александру это не нравилось и

онъ настаивалъ на томъ, чтобы жена перемѣнила русское платье на литовско-польскій костюмъ. Великая княгиня исполнила желаніе мужа не безъ страха передъ отцомъ и желала прежде списаться съ послѣднимъ—спросить его мнѣніе. Александръ не допустилъ переписки и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствія тестя, а въ маѣ 1495 года литовскій великій князь сталъ уже поговаривать объ отъѣздѣ московскихъ людей. Иванъ Васильевичъ не согласился, и бояринъ князь Ромодановскій пробылъ до августа 1495 года.

Положеніе московскихъ людей, по словамъ Ромодановскаго, было однако незавидное: ихъ старались отдалять отъ великой княгини, замѣняя панамикатоликами, чинили имъ всякія обиды и притѣсненія. Со своей стороны Александръ жаловался на самовольное поведеніе москвичей. Какъ бы то ни было,—но Еленѣ Ивановнѣ выпало на долю не мало хлопотъ примирять непримиримыя стороны! А тутъ еще отецъ поручалъ ей оберегать московскихъ людей, слѣдить за чистотой ихъ вѣры, не позволять имъ родниться съ католиками...

Лѣтомъ 1495 года Елена Ивановна объѣхала съ мужемъ западно-русскія области. Эта поѣздка была ей очень полезна, и оставила въ ней глубокой слѣдъ: она ознакомилась воочію съ новымъ своимъ отечествомъ, приглядѣлась къ русскому обществу, познакомилась съ самыми выдающимися лицами русско-литовской партіи, прислушалась къ ихъ надеждамъ и упованіямъ и могла сама усмотрѣть, насколько эти упованія сходятся съ идеалами Москвы и насколько разнятся; наконецъ она увидала на дѣлѣ положеніе

православной церкви. Великій князь, отказавшись по случаю этой поѣздки отъ приглашенія брата Яна Альбрехта на сеймъ, объѣзжалъ исключительно русскіе города по восточной окраинѣ своего государства, Стрыйковскій говоритъ слѣдующее: «Александръ ѣздилъ съ женою, панами-радой въ объѣздъ по пограничнымъ русскимъ землямъ; былъ въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Минскѣ, Оршѣ» и др. городахъ²³). Быть-можетъ, цѣлью поѣздки Александра Казиміровича былъ осмотръ оборонительныхъ силъ государства.

Вернувшись изъ путешествія по странѣ съ запасомъ новыхъ свѣдѣній и личныхъ впечатлѣній, великая княгиня могла уже нѣсколько ориентироваться и начать дѣйствовать болѣе самостоятельно.

Къ этому времени ей пришлось разстаться со своей московской свитой. Бояринъ князь Ромодановскій въ августѣ мѣсяцѣ уѣхалъ, оставивъ, по наказу Ивана Васильевича, священника отца Ѳому, двухъ дяковъ и двухъ сытниковъ, а хлѣбниковъ и поваровъ Иванъ Васильевичъ хотѣлъ прислать новыхъ изъ Москвы. Но помимо этихъ лицъ оставалось въ Вильнѣ не мало москвичей, частныхъ лицъ, обосновавшихся съ той поры въ столицѣ Литвы, такъ напримѣръ, упоминаются братья Семичевы, не разъ ѣздившіе послами въ Москву отъ лица Елены Ивановны; нѣкоторые и другія лица, родомъ москвичи, устроились въ Вильнѣ и вели дѣятельныя частныя сношенія съ Еленой Ивановной. Официальный же придворный ея штатъ къ концу 1495 года сталъ формироваться изъ числа мѣстныхъ литовско-русскихъ людей. Появились паны и паньи; появились литовскіе слуги; наконецъ, появились и литовскія должностныя лица.

Польско-литовскіе писатели обвиняють московскаго государя въ скарденности и въ томъ, что онъ не далъ за дочерью приданого; въ посольскихъ же бумагахъ мы читаемъ, что съ Еленой Ивановной было отправлено не мало имущества и денегъ, списокъ коихъ былъ переданъ дьяку Кулешину. Противорѣчіе этихъ извѣстій легко согласить.

Иванъ Васильевичъ, конечно, не далъ за дочерью недвижимаго имущества: ни городовъ, ни селъ, ни какихъ-либо земель и волостей; Александръ же Ягеллоновичъ и его паны-рада, повидимому, мечтали о такомъ именно приданомъ, рассчитывая съ помощью его вернуть утерянное войной. Такого рода приданое щедро раздавали на западѣ Европы крупные и мелкіе владѣтели, но, къ великому огорченію Литвы, его-то именно и не далъ за дочерью московскій великій князь. Въ этомъ случаѣ онъ оказался выше своихъ западныхъ сосѣдей! Но трудно повѣрить, чтобы Иванъ Васильевичъ не далъ за дочерью денегъ, нарядовъ, драгоценностей. Великій князь, напротивъ, щедро наградилъ свою дочь и, конечно, онъ-то и положилъ начало громадному имуществу Елены Ивановны, которое оказалось послѣ ея смерти; къ тому же и факты на лицо: не будь у ней своихъ денегъ, не могла бы она въ 1496 году перекупать жемчуга и явиться въ этомъ случаѣ соперницей своего отца? Сами польскіе писатели говорятъ, что дорого заплатилъ впоследствии Сигизмундъ за «драгоценныя черевички» Елены Ивановны, когда изъ-за ея приданого началъ войну съ Василиемъ, ея братомъ. Что у Елены Ивановны было довольно имущества и денегъ по ея приѣздѣ въ Вильну, мы

находимъ доказательства и въ ея перепискѣ съ отцемъ. Напримѣръ: мужъ не спѣшилъ надѣлать ея волостями; мало того, она пишетъ отцу, что онъ даже не даетъ ей денегъ на жалованье боярамъ и паньямъ; она жалуется ихъ сама, слѣдовательно изъ своей приданой казны. «А вѣдь мнѣ не далъ князь великій (т. е. мужъ) еще ничего, чѣмъ кого жаловати, дву ли, трехъ ли пожаловалъ, а иныхъ язъ собою жалую». (Великимъ княземъ называла Елена Ивановна мужа, а отца—отецъ и государь мой или же, въ разговорѣ съ послами, батька мой). Она знала также, что литовскія великія княгини всегда владѣли волостями; тотъ же примѣръ она видѣла и на Москвѣ, въ лицѣ своей матери Софіи Ѳоминышны. Скупость мужа разобидѣла ее; она осталась недовольна поведеніемъ мужа и свое недовольство высказывала отцу въ письмахъ. Такъ осенью 1497 года она жалуется ему, что била мужу челомъ о волостяхъ, которыя были за литовскими княгинями, онъ же отказывалъ, ссылаясь на захватъ ея территоріи отцомъ (ясно о какомъ приданомъ шла рѣчь). Впослѣдствіи она добилась восстановления своихъ правъ на волости, но не вдругъ, а мало-по-малу; до тѣхъ же поръ приобрѣла покупкой нѣкоторыя имѣнія; такъ намъ извѣстно, что въ 1496 году она владѣла, между прочимъ, имѣніемъ Жаторы, приобрѣтеннымъ за деньги. Покупка земельное новое доказательство значительности даннаго ей приданаго деньгами; оно-то дало ей возможность на свои собственные средства пережить первые трудные годы замужества.

Иванъ Васильевичъ письменнымъ документомъ

*

обеспечилъ свободу вѣроисповѣданія своей дочери; Александръ обязался не нудить ее въ римскій законъ и, будучи связанъ присягой, относился къ этому вопросу болѣе серьезно; другое дѣло—вопросъ о постройкѣ церкви въ переходахъ дворца: здѣсь дѣло ограничилось одними словесными рѣчами, просьбами и обѣщаніями, и литовскій великій князь не счелъ себя связаннымъ ими. Церковь и не думали строить, а тѣмъ временемъ шла исподволь замѣна московской свиты лицами польско-литовскаго происхожденія и римскаго закона. Понятно, какъ отнесся Иванъ Васильевичъ къ такому презрительному отношенію къ его личнымъ желаніямъ и просьбамъ и какъ глубоко оскорбился поведеніемъ зятя, который, въ довершеніе всего, отказался признавать за нимъ титулъ «Государя всея Руси».

Политическій барометръ сталъ быстро падать и предвѣщалъ наступленіе бури.

Какъ же отнеслась къ этимъ вопросамъ сама Елена Ивановна? Они видимо озабочивали ее и она вела по поводу ихъ дѣятельную переписку съ отцомъ, отъ коей дошли до насъ только письма Ивана Васильевича, отвѣты же Елены Ивановны намъ извѣстны лишь постольку, поскольку они просвѣчиваютъ изъ писемъ отца. Переговоры насчетъ постройки церкви велись съ февраля 1495 года вплоть до 1499 года, но безъ всякаго результата въ пользу великой княгини. Между прочимъ, въ 1499 году, она писала отцу, что давно бьетъ мужу челомъ о церкви, о панахъ и паньяхъ, била ему челомъ еще въ августѣ 1495 года, но что Александръ отвѣтилъ ей то же, что Ивану Васильевичу, ссылаясь на указы преды-

дущихъ государей, и дѣло съ тѣхъ поръ не подви-
нулось впередъ. Отговорки Александра сводились
преимущественно къ ссылкѣ на указы Казимира, его
отца, не позволявшіе строить и поправлять право-
славные храмы. Эта отговорка была несостоятельна
уже потому, что указы не всегда исполнялись: въ
Вильнѣ Солтанъ, при Казимирѣ, построилъ придѣлъ
Благовѣщенія къ Пречистенскому собору, князья
Слупскіе—у себя въ монастырѣ, а къ 1500 году Ход-
кевичи основали даже новый монастырь. Иванъ Ва-
сильевичъ прекрасно зналъ эти факты и выста-
вилъ ихъ на видъ зятю,—узналъ же такъ быстро
(въ томъ же году), конечно, чрезъ посредство дочери.

Вопросъ о придворной церкви былъ не пустой
вопросъ: не даромъ обѣ стороны такъ упорно стояли
на своемъ. Ясно, почему добивался его рѣшенія
Иванъ Васильевичъ, почему хотѣла того же Елена
Ивановна: постройкой церкви въ замкѣ, литовское
правительство открыто признало бы православіе ве-
ликой княгини, сдѣлало бы воочію православную цер-
ковь равноправной съ римской. Для русскихъ людей
это было бы побѣдой! Пока же церкви для великой
княгини не строили, литовское правительство только
какъ бы мирилось молча съ существующимъ фак-
томъ, но не узаконяло его.

Обѣ стороны понимали политическое значеніе дан-
наго вопроса и упорно стояли на своемъ.

Другимъ вопросомъ, причинявшимъ не мало хлоп-
потъ, былъ вопросъ о составѣ придворнаго штата.

На замѣчанія Ивана Васильевича, что Александръ
окружилъ жену преимущественно католиками, зять
двусмысленно отвѣтилъ, что не придаетъ вѣроиспо-

вѣдному вопросу большого значенія, выбирая людей надежныхъ и смышленныхъ. Александръ продолжалъ дѣлать по своему, тещь сердился, Елена Ивановна била челомъ мужу, но изъ всего этого ничего не вышло. Тогда, въ 1497 году, Иванъ Васильевичъ предложилъ дочери прислать ей старую боярыню изъ Москвы. До слуха его дошло, что одна изъ пань досаждаеть великой княгинѣ; онъ и предложилъ замѣнить ее русской изъ Москвы. Елена Ивановна, должно быть, отвѣчала уклончиво (къ сожалѣнiю этого письма нѣтъ), потому, что Иванъ Васильевичъ, негодуя на нее, ворчалъ: я тебя спрашивалъ про старую боярыню: прислать ли? «а ты ко мнѣ отказала ни такъ, ни сякъ». Припертая къ стѣнѣ, великая княгиня отвѣтила рѣшительно, что, если отецъ желалъ ей прислать эту боярыню, то долженъ былъ это сдѣлать раньше, когда имѣлъ на то право по уговору, а теперь уже поздно. «Великій князь, мужъ мой, говоритъ: пришлетъ батька боярыню и попа не уговорившись со мной—назадъ отошлю. Да наконецъ, чѣмъ мнѣ боярыню эту будетъ жаловать? Вѣдь великій князь, мой мужъ, ничего еще мнѣ не давалъ, чѣмъ бы мнѣ жаловать приближенныхъ; пожаловалъ двухъ, трехъ, остальныхъ я сама жалую (слѣдовательно, изъ своей казны приданой, и лишнихъ особъ не могу держать). А пришлетъ отецъ мой боярыню, то какъ ее держать и какъ ей съ здѣшними сидѣть?» Гдѣ было Еленѣ Ивановнѣ мирить боярыню съ паньями, когда и безъ того у нея были паньи и боярыни восорки, то есть озорницы. Но, успокаивая отца, увѣряя, что ничего серьезнаго нѣтъ, она прибавила про одну изъ такихъ особъ

съ несноснымъ сварливымъ характеромъ, что была «одна восорка посажена», но и она уже «тишаетъ».

Это любопытное письмо отъ ноября 1497 года, по счастью удѣлѣвшее, живо рисуетъ трудность положенія Елены Ивановны между двухъ огней и ея старанія согласовать, по возможности, требованія отца съ желаніями мужа. Несмотря на всю свою любовь къ русскому племени и приверженность къ греческому закону, она хорошо понимала, что будучи великой княгиней литовской, то-есть въ странѣ, гдѣ жили бокъ о бокъ два племени и вѣроисповѣданія, она должна была имѣть представителей отъ обоихъ и должна была ухитряться ладить со всѣми. Она такъ и поступала всегда: не чуждалась католиковъ, была терпима и проста въ обхожденіи. Тѣмъ не менѣе въ главномъ вопросѣ о своемъ личномъ вѣроисповѣданіи она высказала впослѣдствіи такую несокрушимую твердость, что передъ нею спасовалъ самъ римскій престолъ.

Тогда же, въ ноябрѣ 1497 года, Иванъ Васильевичъ, обезпокоенный перемѣнами при дворѣ дочери и ея податливостью на просьбы мужа, поручилъ послу своему Микулѣ Ангелову справиться: «Коли поють у великія княгини у Олены, и она на пѣтьѣ стоитъ ли?» То-есть: бываетъ ли богослуженіе у Елены Ивановны? Посѣщаетъ ли она церковныя службы?

Видя, какъ тревожится отецъ на ея уступки и послабленія, какъ боится и не довѣряетъ ея твердости въ вѣрѣ, она отвѣчаетъ: «А что отецъ мой говоритъ, што я наказъ его забываю, иво бо то себѣ отецъ мой *и на сердце не держалъ*, што мнѣ наказъ его забыть; вольны (развѣ) меня въ животѣ не бу-

детъ, тожь (только тогда) наказъ отца своего забуду». Въ этихъ сжатыхъ словахъ искусно соединяется твердость и сила убѣжденія съ нѣжностью чувствъ и выраженій.

Но тому же Микулѣ Ангелову она прибавила словесно: «Язь хотѣла великому князю говорити, ино отецъ мой ко мнѣ листы присылаеть тайно, а мнѣ великому князю сказывати».

Отсюда можно видѣть, что Елену Ивановну тяготила тайная переписка съ отцомъ, что она считала ее вредной для самого дѣла; другими словами, она желала болѣе самостоятельности въ дѣйствіяхъ и болѣе довѣрія къ себѣ со стороны отца. Эти слова даютъ выгодное понятіе объ умѣ великой княгини, но они же благопріятны и для ея отца, который безъ раздраженія выслушивалъ смѣлыя сужденія дочери, выслушивалъ даже критику своихъ дѣйствій. Недаромъ бояре говорили о немъ впоследствии, что съ нимъ весело было служить, ибо онъ не боялся чужого ума, любилъ споръ и противорѣчіе ²⁴).

Въ заключеніе, выгораживая мужа передъ отцомъ, великая княгиня прибавила: «а вѣдь поваровъ ко мнѣ прислалъ и я ихъ приняла, а князь великій (то-есть мужъ мой) и про то не говорилъ ничего».

Съ этимъ же посольствомъ Микулы Ангелова, въ ноябрѣ 1497 года, были ей присланы многочисленныя поклонны отъ всѣхъ лицъ великокняжеской семьи и значительныя подарки, которымъ былъ приложенъ списокъ. Но всего любопытнѣе это то, что съ Ангеловымъ было прислано 13 книгъ изъ Москвы. «Да книги явити, а молвити: отецъ твой, госпоже, послалъ тебѣ 13 книгъ». Какія же то были книги, мы

можемъ видѣть отчасти изъ приводимой ниже описи Супрасльскаго монастыря, отчасти изъ слѣдующихъ словъ историка церкви м. Макарія: «Въ литовской духовной семинаріи находятся въ спискахъ XV в..... Сборникъ (№ 14)... въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ въ первой содержатся житія святыхъ, преимущественно русскихъ, а во второй службы Святымъ... русскимъ. Сборникъ писанъ въ 1461—1465 г. и присланъ Еленѣ Ивановнѣ въ числѣ 13 книгъ». Житія были: напр., св. Петра, св. Алексія, Варлаама Хутынскаго и др.²⁵).

До сихъ поръ Софья Ѳоминишна ограничивалась только тѣмъ, что въ письмахъ мужа присоединяла свои поклоны и подарки дочери и зятю. Здѣсь же, въ ноябрѣ 1497 года впервые встрѣчаемся съ ея письмомъ къ дочери. Насколько письма Ивана Васильевича обширны, подробны, задушевные, наполнены думами и заботами о судьбѣ дочери, объ ея отношеніяхъ къ мужу, полны тревогъ и сомнѣній насчетъ твердости ея въ вѣрѣ — съ каждымъ посылствомъ шлются горячія заклинанія не забывать отцовскаго наказа, — настолько письмо Софьи Ѳоминишны коротко и, если нельзя сказать, чтобы совсемъ холодно, то все же очень спокойно и невозмутимо. Ее видимо интересуетъ одинъ лишь вопросъ: не беременна ли дочь? Объ этомъ узнала она отъ братьевъ Семичевыхъ, посланцевъ Елены Ивановны. Однако по письму нельзя окончательно рѣшить, сама ли Елена Ивановна поручила Семичевымъ сообщить объ этомъ матери, или Семичевы передали Софьи Ѳоминишнѣ только слухи, ходившіе при дворѣ. «Да сказывали, дочка, твои робята Семичевы, что ты,

далъ Богъ, беременна, и язъ къ тебѣ приказывала съ тѣми же твоими робятаы, чтобы еси ко мнѣ о томъ отписала; а ты ко мнѣ и до сѣхъ мѣстъ (до сихъ поръ) не отписывала; и ты бы нынѣча ко мнѣ о томъ отписала, беременна ли еси, и какъ свое время чаешь, о которыхъ днехъ, о томъ бо еси дочка, о всемъ отписала; да и о иныхъ о своихъ дѣлехъ... А что ти будетъ пригоже (хорошо) и свое приказати, и ты бы ко мнѣ и своимъ приказала съ Никулою съ Ангеловымъ».

Отвѣтъ отъ Елены Ивановны къ матери, какъ и большинство другихъ, до насъ не дошелъ.

Въ это время при Еленѣ Ивановнѣ московскихъ людей уже не было: они давно уѣхали; за ними вскорѣ послѣдовалъ священникъ. По словамъ Ивана Васильевича у дочери его оставалась только одна «женка» греческаго закона, пріѣхавшая съ нею въ Литву, слѣдовательно москвичка, можетъ быть, нѣчто въ родѣ старой мамушки или няни, воспитавшей ее съ дѣтства и послѣдовавшей за своей питомицей на чужбину; сверхъ того были низшіе служителя какъ то: повара, сытники, хлѣбники. Въ канцеляріи ея числились подьячій великой княгини Федоръ Шестаковъ, православный бѣлоруссъ—онъ сыгралъ, какъ увидимъ далѣе, значительную роль въ трудное для нея время,—братья Семичевы, москвичи, для дипломатическихъ порученій, а изъ крупныхъ должностныхъ лицъ, охмистръ Войтехъ Ключко; ко времени своего назначенія въ 1495 году онъ былъ холостъ, почему и забракованъ Иваномъ Васильевичемъ, но тщетно.

Изъ этой обстановки видимъ, что Александръ на

первыхъ порахъ, несмотря на давленіе католической партіи, жалѣя молодую жену, шадилъ ее и дѣлалъ снисхожденіе. Великая княгиня, видѣвшая во очію весь неукротимый фанатизмъ полонофиловъ и католическаго духовенства, видѣвшая, сколько самъ Александръ лично терпѣлъ отъ нихъ изъ за нея, чрезвычайно цѣнила вниманіе къ ней мужа и защищала его передъ отцомъ. Въ 1497 г. писала «А князь великій меня жалуетъ государь мой. А отецъ бы мой собѣ на сердцѣ не держалъ ничего, доколѣ дай Богъ здоровъ онъ былъ, никоторая ми рѣчь отъ него... а о чемъ ему бію челомъ, и онъ жалуетъ». Однако, опасаясь вліянія тестя на свою жену, Александръ приставилъ къ ней канцлеромъ Ивана Семеновича Сапѣгу, литвина родомъ, православнаго исповѣданія, но склоннаго къ униі: ему поручено было завѣдывать канцеляріей великой княгини и слѣдить за ея сношеніями съ отцомъ. Кромѣ этихъ лицъ упоминается еще Янъ, «сынъ Николаевъ, Меншой», вѣроятно, сынъ виленскаго воеводы Николая Радивила. Ему было поручено состоять при особѣ великой княгини: обѣдъ ставить и пить подавать. Его отецъ былъ одинъ изъ главарей католической партіи, которая въ сынѣ имѣла своего представителя при особѣ великой княгини.

Женскій придворный штатъ могъ составиться изъ боярынь и пань, встрѣчавшихъ ее при вѣздѣ въ Вильну, то были: жена виленскаго воеводы Радивила, Софія, урожденная княжна Заславская, жена князя Александра Отоксты, жена Мартина Гаштольда, жена Богданова—не Богуша ли Боговитиновича? Послѣдняя была православная. Тѣмъ удоб-

нѣе имъ было состоять при великой княгинѣ, что ихъ мужья имѣли собственные дворцы въ Вильнѣ и жилали тамъ по-часту и по-долгу. И Иванъ Васильевичъ и полонофилы остались недовольны составомъ придворнаго штата.

Итакъ всѣ усилія Ивана Васильевича и Елены Ивановны оказались безуспѣшными: литовское правительство было настроено боевымъ образомъ противъ православной церкви, которая нереживала трудное время. Дѣло въ томъ, что рѣшеніе вопроса зависѣло не отъ Александра и даже не отъ пановъ-рады; они сами были лица второстепенныя, зависимыя; ихъ настоящіе владыки и истинные вершители вопроса обрѣтались въ Римѣ; о неумолимый «*pop rossimus*» послѣднихъ разбились всѣ усилія даже лучшихъ гуманныхъ польскихъ королей!

Римъ не оставлялъ своей завѣтной мечты призвать въ лоно католической церкви русскихъ, и XV—XVI вѣка изобилуютъ проектами римской куріи. Если для восточной Руси папы прибѣгали къ утопіямъ, подобнымъ браку Софіи Омнинишны, то къ западной Руси они примѣняли другія мѣры: прямое воздѣйствіе на государей Литвы. Подъ такимъ давленіемъ папъ Казиміръ издалъ два указа, оскорбительныхъ для православной церкви и русскихъ людей: поселилъ въ Литвѣ, въ 1468 году, орденъ бернардиновъ. Александръ, его сынъ, видѣвшій въ бракъ съ московской княжной спасеніе своего государства, самъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своего брата, кардинала Фридриха; онъ велъ дѣятельную переписку съ Римомъ по дѣлу о бракѣ и, только получивъ разрѣшеніе папы, подписалъ грамоту о свободѣ вѣроисповѣданія жены. Но въ то

время, когда Александръ сватался за православную княжну, папа въ буллѣ къ шведскому королю даетъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто участвуетъ въ походѣ противъ схизматиковъ русскихъ; въ то же самое время братья минориты вносятъ въ свои записки, что они находятся въ Литвѣ для апостольской миссіи ²⁴). Со дня пріѣзда московской княжны возникаютъ долгіе споры среди католическаго духовенства: надо ли или нѣтъ перекрещивать схизматиковъ, присоединя ихъ къ католичеству? ²⁵). Указы Казимира, если не *de facto*, то *de jure* оставались въ силѣ; самъ Александръ въ 1495, 1496 и 1497 годахъ издавалъ указы, неблагопріятные для русской церкви. Онъ взялъ нѣсколько церквей и монастырей на свое великокняжеское подаванье и на подаванье частныхъ лицъ—католиковъ; онъ подыскивалъ среди русскаго духовенства людей, склонныхъ къ униі, и щедро награждалъ землями Іосифа Болгариновича, епископа смоленскаго, своего клеветы. Власть митрополита Макарія и его авторитетъ подрывались настолько, что съ нимъ, не стѣсняясь, спорило само духовенство виленскихъ церквей.

Митрополитъ Макарій не долго святительствоваъ. Архимандритъ Свято-Троицкаго монастыря, онъ въ 1494 единодушнымъ избраніемъ духовенства и народа былъ нареченъ митрополитомъ. Онъ встрѣтилъ Елену Ивановну при въѣздѣ ея въ Вильну; онъ былъ свидѣтелемъ ея вѣнчанія; онъ изрѣдка навѣщалъ Вильну, разъѣзжая по своей обширной митрополіи. Какъ ни были бѣдны церкви сѣвера, но онъ находилъ богатыхъ покровителей: Слуцкіе, Ходкевичи, Солтаны и прочіе вносили за эти годы свои

не малыя лепты. Иначе обстояло на югѣ. Опустошаемая набѣгами татаръ, южная Русь долго не могла оправиться и храмы ея лежали, большею частью, въ развалинахъ; никто изъ святителей въ нее и не заглядывалъ. Найдя въ православной княгинѣ поддержку и щедрую жертвовательницу, митрополитъ рѣшилъ воспользоваться наступившими благопріятными обстоятельствами и началъ хлопотать о возстановленіи разоренныхъ тамъ церквей. Очень можетъ быть, что съ вѣдома и съ согласія Елены Ивановны, которую не могла не интересовать судьба Кіева, онъ вознамѣрился лично посѣтить древнюю столицу, поклониться ея святынямъ и принять мѣры къ ихъ возстановленію, но къ несчастію, на пути къ югу принялъ отъ руки татаръ мученическую кончину. «Никогда бо сіе случися въ Руской земли, яко нынѣ тому Архіерею Божию отъ поганыхъ». Это событіе должно было потрясти умы православныхъ людей; окружило ореоломъ память святителя, ревностно заботившагося о нуждахъ церкви и сложившаго за нее свою голову, а западная Русь получила въ немъ новаго мученика и ходатая за нее передъ Богомъ.

Наступили для церкви времена междуцарствія. Цѣлый годъ со смерти Макарія не выбирали ему преемника, а между тѣмъ этотъ преемникъ былъ уже давно намѣченъ Александромъ: то былъ смоленскій епископъ Іосифъ. Только въ 1498 году лѣтопись глухо отмѣчаетъ, что Александръ далъ митрополита западно-русской церкви—Іосифа. Происходило ли избраніе митрополита законнымъ порядкомъ? Не противилось ли духовенство и народъ желанію великаго князя?.. неизвѣстно. Лѣтопись молчитъ, одна-

ко тонъ разсказа о назначеніи обоихъ митрополитовъ, Макарія и Іосифа, сильно разнится между собою ²⁷). Нареченный митрополитъ не скоро получилъ утвержденіе константинопольскаго патріарха, а до той поры, даже въ 1499 году, онъ былъ въ глазахъ православнаго населенія только епископомъ смоленскимъ.

Около этого времени и обозначились первые робкіе шаги Елены Ивановны по отношенію къ православнои церкви и на пользу русскаго населенія. Ея вліянію можно приписать тотъ фактъ, что вскорѣ послѣ кончины митрополита Макарія, въ маѣ 1497 года, Александръ уже въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года, желая прійти на помощь южному населенію, далъ привилегію кievскимъ мѣщанамъ; въ ней говорилось, что вслѣдствіе частыхъ опустошеній отъ татаръ и разореній кievскіе мѣщане освобождаются отъ платежа мыта повсемѣстно въ Литовскомъ государствѣ, и эта грамота, данная мѣсяцъ спустя послѣ кончины митрополита, скрѣплена охмистромъ великой княгини Войтехомъ Яновичемъ ²⁸). Въ 1496 году она жалуетъ Пречистенскому собору купленное ею имѣніе Жагоры; въ 1497 году выписываетъ изъ Москвы 13 книгъ, вѣроятно, частью для себя, а частью для раздачи по церквамъ западной Руси. Въ 1496 году удерживаетъ у себя крестъ съ животворящимъ древомъ, который турокъ Ахматъ везъ Ивану Васильевичу. Такія святыни съ православнаго востока жертвовались потомъ князьями въ пользу церкви: безъ сомнѣнія и эта святыня получила, благодаря Еленѣ Ивановнѣ, то же назначеніе, но только въ пользу западной церкви. Къ этому же времени

могутъ относиться и болѣе крупныя пожертвованія на пользу церквей. Въ одной изъ стѣнныхъ башенъ нижняго замка находилась Покровская церковь. Широкая аллея вела къ ней. Эту церковь, ближайшую къ замку, избрала Елена Ивановна какъ свою домашнюю, дворцовую, и сюда то приходила она молиться. Первые пожертвованія ея и относятся къ Покровской церкви: великая княгиня богато украсила ее. Къ этому же времени, къ концу XV в., относятся извѣстїе, что Елена Ивановна построила небольшую деревянную церковь св. Духовскую.

Приглядѣвшись къ западно-русскому духовенству, она скоро поняла неудобство держать при себѣ московскаго священника, отца Ѳому. Уже весной 1495 года шли толки объ его отъѣздѣ изъ Вильны, но Иванъ Васильевичъ упорно настаивалъ на томъ, чтобы отецъ Ѳома остался; тѣмъ не менѣе Елена Ивановна удалила его отъ себя, спустя годъ, потому что въ 1497 году отвѣчала отцу, что онъ, Ѳома, «не мойской», то-есть, не по мнѣ, не изъ числа священниковъ ея подданныхъ, что у нея есть: «свой попъ, добре добръ, изъ Вильны». Слѣдовательно къ 1497 году она настолько уже освоилась съ туземнымъ духовенствомъ, что могла выбрать себѣ священника по душѣ изъ ихъ среды. Вызвать другого священника изъ Москвы она не пожелала подъ тѣмъ предлогомъ, что на Москвѣ она никого не знаетъ и, слѣдовательно, выбрать не въ состояніи. Это была, конечно, одна отговорка, а главная причина та, что, желая быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ западно-русскимъ духовенствомъ, она стѣснялась окружать себя одними москвичами; она и

среди западно-русского духовенства сумѣла найти ревностныхъ дѣятелей. Не даромъ польскій историкъ Бартошевичъ говоритъ, руководясь своей точкой зрѣнія: «*na nieszczęscie Litwy poszukala sobie Ianaszu i Makaruch*»²⁹).

Простой здравый смыслъ подсказывалъ великой княгинѣ, что каковы бы ни были ея личные московскіе идеалы и симпатіи, она не могла и не должна была навязывать ихъ насильственно туземному населенію, которое, хотя православное по вѣрѣ и русское по племени, имѣло однако свою мѣстную политическую точку зрѣнія. Она отыскала среди охватившаго ее хаоса точку опоры, набрела на единственную возможную тропу и, разъ найдя ее, держалась твердо, не уступая ни отцу, ни мужу. Одинъ невѣрный шагъ въ ту или другую сторону и... ее бы снесло мутнымъ потокомъ политическихъ страстей и интригъ!

Собственно говоря, она примкнула къ политикѣ западно-русскихъ выдающихся дѣятелей, самымъ яркимъ представителемъ коихъ впоследствии, при Сигизмундѣ I, былъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Она рѣшила свято хранить православную вѣру и, по мѣрѣ силъ и возможности, быть заступницей за русское населеніе, поддерживать добрыя отношенія съ Москвой, не нарушая вѣрности мужу и своему новому отечеству.

Таково было смутное, неопредѣленное положеніе вещей съ конца 1495 года по 1499 годъ, когда обѣ стороны приглядывались другъ къ другу. Но оно не могло долго длиться: накопившееся электри-

чество искало себѣ выхода и разразилось, наконецъ, бурей. Тяжелъ былъ въ жизни Елены Ивановны 1499 годъ. Рѣшался вопросъ, поставленный Римомъ ребромъ: быть ей или не быть православною?

Для составленія этой главы послужили слѣдующіе источники и пособія:

Акты, относ. къ исторіи западной Россіи, т. I; Сборникъ Императ. Русскаго Историч. общества, т. 35, 1882; Theiner, Monumenta Poloniae, т. II В. 1861; Monumenta Poloniae historica (rozminki dziejowe polski) т. V. Lwow, 1888 г.; Стрыйковскій, Chronica (польское изданіе); Археограф. сборникъ (Супрасльская лѣтопись). Маварій, Исторія русской церкви т. IX; Филаретъ, «Исторія церкви», изд. 6-е; Чистовичъ, «Исторія западно-русской церкви»; Bartoszewicz, Szkic dziejow kościoła ruskiego w Polsce. К. 1880; Нарбутъ, «Dzieje narodu litewskiego» т. 8; Карповъ, Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ. М. 1867; Арх. Іосифъ, Островоротная или Остробрамская икона Богородицы. В. 1890 г.

Х.

Гоненія. Разрывъ съ Москвой. 1498—1499.

Что могло побудить литовское правительство сойти съ мирнаго пути, на которомъ оно держалось, хотя бы съ грѣхомъ пополамъ, въ первые годы послѣ брака Александра?

Главная причина кроется въ обычной заносчивости католическаго духовенства и давленіи извнѣ римской куріи: она не могла хладнокровно вынести даже временныхъ уступокъ въ пользу ненавистной и презираемой соперницы. Однако и другія политическія обстоятельства сошлись такъ заманчиво, что, пробудивъ надежду на успѣхъ, привели къ взрыву религиозныхъ страстей.

Скажемъ о нихъ нѣсколько словъ. Удачно пользуясь союзомъ и дружбой хана Менгли-Гирея, Иванъ III обезопасилъ русскія границы отъ разбоевъ крымцевъ и всю силу разбойничьей орды направилъ на Литву и Польшу. Александръ, вступая въ бракъ съ московской княжной, надѣялся, съ помощью тестя, войти въ дружбу съ Крымомъ.

Съ другой стороны крымскій ханъ былъ въ большей обидѣ на московскаго государя: ради дружбы съ нимъ крымцы щадили границы московской украины, а теперь... не смѣй трогать ни Литвы, ни Польши! И ханъ слалъ грамоту за грамотой, полныя упрековъ по адресу коварнаго друга.

*

Если литовское правительство возлагало большія надежды на бракъ своего государя съ русской княжной, то и великій князь московскій не упускалъ случая извлечь изъ него выгоду для своего государства. Тотъ, кто умѣлъ пользоваться даже силами крымской орды, тотъ, конечно, могъ разсчитывать извлечь выгоду изъ мирныхъ отношеній къ Литвѣ. Повидимому, Иванъ Васильевичъ первое время такъ и смотрѣлъ на Литву и западную Русь.

Сдерживая Менгли-Гирея, онъ присматривался къ тому, какое направленіе приметъ политика Александра. Доказательствомъ тому служатъ частыя дипломатическія сношенія, совѣты дочери и зятю, молчаніе на упреки Менгли Гирея, и то обстоятельство, что съ 1495 по 1500 годъ крымская орда воздерживалась отъ массовыхъ опустошительныхъ нашествій. Историкъ Нарбутъ сознается, что Иванъ Васильевичъ настаивалъ у Менгли-Гирея щадить Литву до тѣхъ поръ, пока Александръ вѣренъ союзу съ Москвой. Были, правда, мелкія вторженія на Волынь и Украину, но, судя по малому числу плѣнныхъ, это были просто наѣзды татарскихъ ускоковъ и разбойничьихъ шаекъ на свой страхъ, независимо отъ хана. Въ то время степи кишмя кишели авантюристами всякихъ національностей, которые, подъ прикрытіемъ татаръ, грабили своихъ соотчичей. Въ одинъ изъ такихъ налетовъ погибъ въ 1497 году митрополитъ Макарій ѣхавшій въ Кіевъ не съ пустыми руками.

Кто сумѣлъ сдерживать крымцевъ—сумѣлъ бы умиротворить Александра съ другимъ его сосѣдомъ Стефаномъ молдавскимъ, если бы на то было искреннее желаніе литовскаго государя. Посольскіе списки

доказываютъ, что искренняго желанія къ тому не было. 23 января и 19 мая 1496 года идетъ рядъ жалобъ Ивана Васильевича на то, что Александръ не пропускаетъ его пословъ въ Молдавію и не пропускаетъ изъ Турціи посла турецкаго; послѣдняго не пропустили и вернули назадъ, а ѣхавшаго съ нимъ турка Ахмата отправили въ Вильну, гдѣ Александръ отобралъ у него крестъ съ животворящимъ древомъ, жемчугъ и передалъ Еленѣ Ивановнѣ, которая жемчугъ оставила за собой, заплативъ купцу, что слѣдуетъ. На это обстоятельство Иванъ Васильевичъ не обидѣлся, хотя и припомнилъ впоследствии; но на задержку пословъ сильно огорчился: «И намъ, брате, того велики жалъ стало, что еси того посла къ намъ не пропустилъ»... Мало того онъ обратился съ жалобой къ дочери: я де стараюсь умиротворить твоего мужа съ Менгли-Гиреємъ и Стефаномъ, а онъ мнѣ на зло творить: «То ми, дочи, велики въ досаду стало, что того посла не пропустилъ...» и просилъ ходатайствовать о пропускѣ. Тотъ же Нарбутъ осуждаетъ Александра за безтактный вызывающій образъ дѣйствій, за неумѣніе употребить на пользу и благо Литвы союзъ съ Москвой и приписываетъ ошибки литовскаго государя давленію со стороны Польши и тайному соглашенію Ягеллоновъ. Тогда же, въ маѣ 1496 года, Михайлъ Кляпикъ, одинъ изъ пословъ, самъ видѣлъ, какъ Елена Ивановна при немъ читала грамоту хана Менгли-Гирея на ея имя. Въ грамотѣ ханъ писалъ о своемъ желаніи жить въ дружбѣ съ Александромъ и просилъ ее хлопотать у мужа о томъ же. Приблизительно къ осени 1496 года, Елена Ивановна отправила письмо къ отцу съ Алексѣемъ Семичевымъ, но что именно—неизвѣстно.

Въ посольскихъ книгахъ отъ 29 марта 1498 года есть ссылка на это письмо ея, присланное съ Алексѣемъ Семичевымъ. Иванъ Васильевичъ приводитъ только ея жалобы на мужа, что онъ не даетъ ей волостей за то, что отецъ ея удерживаетъ за собой завоеванные имъ у Литвы области и города: оттого де и мира не можетъ быть...—слова Александра...

И вдругъ 13 іюня 1497 года является къ Ивану Васильевичу въ первый разъ посломъ Иванъ Семеновичъ Сапѣга съ неожиданнымъ извѣстіемъ, что Александръ проситъ тестя прійти на помощь христіанству противъ поганства. Посмотримъ, что было на самомъ дѣлѣ?

Изъ предыдущей главы мы уже видѣли, что въ теченіи 1495 года Александръ искренно дорожилъ союзомъ съ Москвой. Благодаря ходатайству жены и вліянію тестя на Крымъ, ему удалось обезопасить границы своего государства; мало того онъ, подъ предлогомъ своего путешествія съ женой, отклонилъ приглашеніе Яна Альбрехта на сеймъ. Это, вѣроятно, обезпокоило католическую партію и полонофиловъ, опасавшихся возрастающаго вліянія тестя и молодой жены, которую Александръ искренно полюбилъ. Умиротвореніе Москвы, Крыма, Литвы и Молдавіи между собою вовсе не входило въ расчеты римской куріи и Польши; наоборотъ, смуты на востокъ всегда были имъ на руку. Однако благоразуміе Александра продолжалось не долго: съ помощью вліянія на него его учителя Каллимаха удалось, наконецъ, отвлечь его отъ Москвы, и въ 1496 году въ Парчевѣ состоялся съѣздъ Ягеллоновъ, гдѣ Александръ уговорился помогать своему брату

Яну Альбрехту въ его замыслахъ противъ Стефана Молдавскаго. Польскій король мечталъ завоевать Молдавію и престолъ ея былъ уже заранѣе назначенъ Сигизмунду. Положено было дѣйствовать въ секретѣ, официально же былъ объявленъ походъ на турокъ, — самая популярная война въ то время. Идею этой политической интриги внушилъ Каллимахъ Виопакогсі, воспитатель и другъ Ягелмоновъ, руководитель ихъ въ иностранной политикѣ. Онъ вскорѣ умеръ, оставивъ своему любимцу Яну Альбрехту 4,000 по завѣщанію.

Въ Польшѣ всѣ вѣрили искренно тому, что цѣль похода — турки; даже магистръ тевтонскаго ордена, вассалъ Польши, повѣрилъ и выставилъ вспомогательный отрядъ. Только одинъ Иванъ Васильевичъ не былъ одураченъ; онъ живо сообразилъ, что тутъ дѣло не ладно; онъ понялъ, почему, вотъ уже годъ, перехватываютъ пословъ, а на всѣ усилія Ивана Васильевича умиротворить Литву съ Крымомъ и Молдавіей, зять холодно и высокоумно отвѣчалъ, что дружбой съ Менгли-Гиреемъ и Стефаномъ не стоитъ дорожить, ибо де они плохіе союзники.

Хитрому литвину, Ивану Семеновичу Сапѣгѣ, московскій государь выставилъ интересные вопросныя пункты. Ихъ передавали дьяки Ф. Курицынъ и Малко, но обсуждали бояре, а руководилъ князь Патрикѣевъ, самъ родомъ литвинъ, Гедиминовичъ.

1-й вопросъ. Противъ котораго поганства просить помощи Литва? Последняя вѣдь и схизматиковъ равняла на одну доску съ поганствомъ. Отвѣтъ: турки, татары, орда. Венгерскій король Владиславъ самъ лично не можетъ принять участіе въ походѣ, но выставяетъ вспомогательный отрядъ въ 11.000.

2-й вопросъ. Въ какомъ мѣстѣ ожидаютъ турокъ?
 Отвѣтъ: Еще не вѣдомо. Янъ Альбрехтъ будетъ ожидать ихъ къ Каменцѣ. а Александръ въ Луцкѣ.

3-й вопросъ. Отъ кого пришла вѣсть, что доподлинно турки идутъ? Отвѣтъ: отъ польскаго короля... якобы турки переправились черезъ Дунай.

4-й вопросъ, затронувшій больное мѣсто. А съ кѣмъ будетъ Волошскій: съ вами противъ турокъ, или противъ васъ за турокъ, онъ де ихъ вассалъ, человекъ подневольный? Отвѣтъ: надѣмся, что съ нами противъ турокъ.

Иванъ Васильевичъ глухо отвѣтилъ, что будетъ дѣйствовать согласно договору и пришлетъ окончательный отвѣтъ съ посломъ. 29 іюля 1497 года посолъ Ивана Васильевича Дмитрій Загряжскій долженъ былъ узнать доподлинно: куда идутъ турки, дабы московскій государь могъ сообразить какимъ образомъ помочь христіанству. Было приказано Загряжскому зайти къ Еленѣ Ивановнѣ съ поклономъ, если она встрѣтится ему по пути, по близости, а буде она въ Вильнѣ или гдѣ далеко въ сторонѣ, то не отыскивать ея нарочно. Значитъ Иванъ Васильевичъ зналъ, что Александръ выступилъ уже съ войскомъ на югъ и жена его провожала. Если вспомнимъ, что въ іюнѣ 1497 года Александръ далъ льготную грамоту кievскимъ мѣщанамъ и она подписана Войтехомъ Ключко изъ придворнаго штата Елены Ивановны, то можемъ думать, что она провожала мужа въ южную Русь; кievскіе мѣщане могли видѣть ее и лично просить о помощи.

Наконецъ, въ августѣ секретъ обнаружился вполне. Гонецъ Ивана Васильевича Петръ Лобанъ-Забалот-

скій засталъ Александра съ войскомъ въ Подолин на пути въ Молдавію и передалъ ему строгое предостереженіе тестя не впутываться въ этотъ походъ, ибо слухи носятя, что цѣль похода не турки, а свать и союзникъ Ивана Васильевича—Стефанъ молдавскій. Въ то же время паны-рада заволновались и потребовали отъ своего государя категоричнаго отвѣта: куда, зачѣмъ и противъ кого? Ихъ безпокоила таинственность похода и невыясненность его цѣлей, и они отказались слѣдовать за своимъ государемъ. Сами поляки дѣйствовали вяло; среди нихъ уже пронесся слухъ о настоящей цѣли похода; этотъ слухъ подорвалъ въ войскѣ довѣріе и уваженіе къ королю. Мазовшане первые утекли до дому. Магистръ тевтонскаго ордена отказался участвовать въ походѣ, коли онъ ведется не противъ турокъ и, выставивъ приличную отговорку, удалился; а венгры, не желая усиленія Польши насчетъ Молдавіи, оказали даже помощь Стефану.

Предпринятый и веденный такъ легкомысленно и двоедушно, походъ этотъ кончился страшною катастрофой при отступленіи польской арміи черезъ Буковинскій лѣсъ.

Литвины дальше Брацлава не пошли... И здѣсь выручили русскіе люди. На кличъ Александра вызвались князья: Семень Можайскій и Василій Шемичичи; подъ начальствомъ Станислава Кипки, родомъ поляка, они со своими отборными отрядами поспѣшили на выручку Яна Альбрехта и застали польское войско около Чертавиць: молдоване преграждали ему путь. Появленіе русскихъ ободрило поляковъ и помогло имъ спастись отъ окончательной

гибели. Мы увидимъ далѣе, какъ отблагодарилъ Александръ русскихъ князей³⁰).

Польша жестоко поплатилась за необдуманный шагъ своего короля: онъ привлекъ вниманіе турокъ на Дунай. Турецкія полчища, перейдя рѣку, испепелили безнаказанно и разорили южныя области Польши: кому было давать отпоръ? Цвѣтъ рыцарства polegъ въ лѣсу Буковинскомъ! Для Литвы послѣдствія были не менѣе бѣдственны. Молдавскій походъ доказалъ Ивану Васильевичу, что на Литву рассчитывать нечего; безъ помощи Менгли-Гирея обойтись нельзя, и надо дѣйствовать по старой программѣ.

Къ концу молдавскаго похода къ ноябрю 1497 года относится вышеприводимое посольство грека Микулы Ангелова отъ Ивана Васильевича и Софіи Ѳоминышны лично къ Еленѣ Ивановнѣ. Александръ находился тогда въ Винницахъ, а великая княгиня въ Вильнѣ. Иванъ Васильевичъ воспользовался отсутствіемъ мужа, дабы излить передъ дочерью накопившуюся желчь, высказать ей свои опасенія насчетъ ея твердости, перебрать всѣ обиды и грубости Александра съ просьбой не потакать мужу въ его выходкахъ. Къ счастью сохранился письменный отвѣтъ Елены Ивановны, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ, а именно: объ отцѣ Ѳомѣ, о боярыняхъ и павьяхъ, увѣренія отцу, что она его наказа не забываетъ и не забудетъ, и что ее тяготитъ тайная переписка. Это письмо чрезвычайно важно: оно показываетъ, что несмотря на трудность своего положенія, на усложняющіяся событія—Елена Ивановна рѣшила дѣйствовать самостоятельно и свое сужденіе имѣть.

Такимъ образомъ мы имѣемъ точную дату, когда великая княгиня освободилась отъ опеки отца.

На посольство Заболотскаго Александръ хвастливо и двусмысленно отвѣтилъ, что Стефанъ самъ виноватъ, ибо союзить съ турками; все же главная цѣль похода остается поганство: оно, видите, бѣжало отъ страха у Брацлава, а потому онъ, Александръ, удовольствовался и дальше Брацлава не пошелъ.

Вскорѣ факты доказали, что итальянскіе руководители Ягеллоновъ далеко еще не сложили оружія, и Иванъ Васильевичъ почувствовалъ, что объектомъ интриги становится уже онъ самъ лично. Молдавскій походъ лишь прологъ, а далѣе стала развертываться дѣйствіе за дѣйствіемъ драма, задуманная въ 1496 году и еще ранѣе въ Парчевѣ.

Съ февраля 1498 года начинается опять рядъ жалобъ на задержки пословъ въ Крымъ и изъ Крыма, а въ мартѣ уже слышимъ о задержкѣ пословъ изъ Молдавіи и въ Молдавію, а равно о грабежѣ и задержкѣ купцовъ. Для выясненія накопившихся обидъ были отправлены послами князь Ромодановскій и Кулешинъ, которые руководили Еленой Ивановной въ первые мѣсяцы послѣ свадьбы. Такой составъ посольства доказываетъ, что Иванъ Васильевичъ серьезно и искренно желалъ упорядочить свои отношенія съ Литвой. Между прочимъ онъ напомнилъ Александру его необдуманнѣйшій походъ на Стефана; напомнилъ, что предостереженіе тестя спасло его отъ катастрофы и гибели, и прибавилъ: опять слухи носятя, будто Янъ Альбрехтъ намѣревается вторично напасть на Стефана и ты вызвался ему

помогать... правы Менгли Гирей и Стефанъ, когда мнѣ говорятъ, что не они виновны въ пролитіи крови, а ты самъ не хочешь съ ними миръ держать; мало того, мнѣ вѣдомо, что ты сносишься съ моими врагами... Съ тѣми же жалобами обратился онъ къ дочери, прибавивъ: князья ордынскіе дали мнѣ знать, что твой мужъ наводитъ ихъ на меня, на отца на твоего, и мнѣ вѣдомо съ чѣмъ посылалъ твой мужъ пословъ къ Стенъ-Стуру въ Швецію; если ты не вѣришь моимъ словамъ и тебѣ надобны тѣ грамоты ордынскія и отецъ твой къ тебѣ ихъ пришлетъ и сообщить, о чемъ сносился Александръ со Стенъ-Стуромъ. Вотъ какъ дѣло обстоитъ, а я тебя, дочь, выдалъ за него замужъ, дабы жить съ нимъ въ любви и единачествѣ по dokonчанію. «И язъ къ тебѣ дочи то приказываю, того дѣла, что ти велѣлъ Богъ отъ насъ родитися, ино бо промежи насъ любовь и свойство не рушилося и впередъ далъ бы Богъ промежи насъ добро было».

Но и это чрезвычайное посольство осталось безъ послѣдствій. Александръ отдался съ головой Яну Альбрехту и полонофиламъ. Еленѣ Ивановнѣ было то вѣдомо отлично: ей осторожной, вдумчивой подобно отцу, оставалось лишь присматриваться къ мужу, выжидать и помнить крѣпко наказъ отца о вѣрѣ.

А что же оставалось дѣлать Ивану Васильевичу? Не въ его характерѣ было отступить ради интересовъ дочери или зятя... Интересъ государства выше всего!.. Не могъ же въ самомъ дѣлѣ московскій государь поступить въ служилые люди къ литовскому и оберегать его границы отъ татаръ?... Но вѣрный

своему осторожному медлительному характеру, онъ не торопиль хода событій, выжидая ихъ дальнѣйшаго осложненія, развитія и удобнаго случая, чтобы выступить въ рѣшительную минуту. Несмотря на охлажденіе въ своихъ отношеніяхъ къ дочери онъ не прерывалъ сношеній, и его посольства, хотя значительно рѣже, продолжали появляться въ Вильнѣ; въ тайнѣ онъ готовился уже къ борьбѣ и развязывалъ Менгли-Гирею руки.

Со своей стороны Елена Ивановна, въ виду натянутыхъ отношеній между отцомъ и мужемъ, не могла продолжать задушевой переписки, въ которой она зачастую жаловалась на мужа или осуждала его дѣйствія. Сверхъ того подоспѣли и другія событія, которыя могли глубоко оскорбить ея дочернее чувство...

На Москвѣ не все обстояло благополучно. Защитникъ православія самъ велъ себя двусмысленно. Ея мать Софія Палеологъ находилась въ опалѣ и была удалена отъ двора; братъ Василій—тоже. Елена молдавская восторжествовала окончательно и первенствовала въ кремлевскомъ дворцѣ, а съ нею подняла высоко голову партія жидовствующихъ. Въ февралѣ 1498 года состоялось коронованіе внука Дмитрія и провозглашеніе его наслѣдникомъ престола. Казалось: дѣло Софіи Палеологъ рухнуло, ея вліянію и положенію нанесенъ окончательный ударъ!

Все это доходило до слуха Елены Ивановны медленно, но все же доходило и не могло не обидѣть и не встревожить. (Интересно, что впоследствии, уже въ 1503 г., Иванъ Васильевичъ, наложивъ опалу на

внука, старался скрыть о томъ отъ дочери и говорилъ посламъ: «а воспросить дочь,.. да гдѣ нынѣ внукъ... говорити: внукъ его, госпожа, и сноха живутъ нынѣ... потому жъ, какъ напередъ того жили»). И мы дѣйствительно видимъ, что ея послѣднія сношенія съ отцомъ помѣчены мартомъ 1498 года, а затѣмъ переписка круто обрывается на много лѣтъ. Изъ Москвы еще доходили вѣсти, но и онѣ вскорѣ пресѣклись. Послѣднее посольство отъ Ивана Васильевича было въ июлѣ 1498 года, ..затѣмъ наступило гробовое молчаніе.

Если за спиной отца Елена Ивановна была неуязвима, то теперь, всѣми покинутая, одинокая на чужбинѣ, она казалась заманчиво легкой добычей. Риму ли было упустить столь благоприятный случай! Какъ будто сама судьба давала ему возможность на Еленѣ Ивановнѣ наверстать свою неудачу съ Софіей Палеологъ и вознаградить себя сторицей!

Вотъ въ силу какихъ выгодно сложившихся обстоятельствъ католическому духовенству и литовскому правительству казалось, что пора уступокъ и нерѣшительности миновала и насталъ часъ нанести окончательный ударъ.

Александръ отбросилъ прежнія поблажки и колебанія: достигнутый имъ успѣхъ въ вопросахъ объ одеждѣ, свитѣ и прочее разжигали надежду достигъ большаго. Тогда-то, подъ давленіемъ папы, и онъ лично повелъ энергическую атаку на жену и по совѣту фанатиковъ окружилъ ее такой тѣсной стѣной католиковъ, что всякія ея сношенія съ Москвой прервались и великая княгиня очутилась, какъ бы въ осадѣ.

Мы уже видѣли, что со дня кончины Макарія, 1 мая 1497 года, по май 1498 длилось междуцарствіе. Повидимому Александръ еще колебался навязывать русскому населенію своего клеветы, и послѣднее не теряло надежды получить болѣе достойнаго пастыря; теперь же колебанія миновали, и великій князь утвердилъ на митрополіи смоленскаго епископа Іосифа, изъ фамиліи Болгариновичъ, родственника Ивана Сапѣги ³¹).

Новый митрополитъ давно уже пользовался милостями короля, и потому Александръ надѣялся, что онъ оправдаетъ его надежды; дѣйствительно, новоизбранный владыка началъ дѣйствовать въ духѣ, благопріятномъ политикѣ великаго князя. Тогда же, въ концѣ 1498 года, начались притѣсненія православнаго населенія, а главное—личное давленіе на Елену Ивановну. Въ чемъ заключались эти притѣсненія, мы подробно не знаемъ,—знаемъ одно: находившійся при Еленѣ Ивановнѣ подьячій Ѳедко Шестаковъ, изъ западно-русскихъ людей, не москвичъ, написалъ письмо князю Борису Оболенскому, жившему въ Вязьмѣ. Письмо это дошло черезъ третьи руки и содержаніе письма оправдало секретный способъ его доставки. Шестаковъ писалъ: «у насъ стала замятня велика между латыни и нашимъ христіанствомъ; дьяволъ вселился въ смоленскаго епископа и въ Ивана Сапѣгу. Великій князь неволилъ великую княгиню въ латынскую вѣру... да и все христіанство наше хотятъ отсхитить.... И государыню нашу Богъ научилъ, да попомнила науку государя отца своего. И государыня великая княгиня отказала такъ: язъ, государь, безъ воли осподаря отца не могу то учинить»...

Это письмо Шестаковъ просилъ переслать московскому государю, «самъ пойметъ отъ кого», а подробно писать отказывался за невозможностью пересылать. Эта знаменитая грамота, написанная на скорую руку, доставленная съ большимъ трудомъ и замедленіемъ, была получена въ Москвѣ 30 мая 1499 года, почти одновременно съ вѣстью о болѣзни Елены Ивановны.

Можно себѣ представить волненіе Ивана Васильевича! Въ тотъ же день онъ снарядилъ посла, боярина Мамонова, къ дочери. Онъ спрашивалъ дочь: дѣйствительно ли мужъ неволить ее въ римскій законъ? Дѣйствительно ли притѣсняетъ православныхъ людей въ своемъ государствѣ? Онъ строго наказывалъ дочери помнить его наказы. Слово въ слово повторяла рѣчь мужа и Софія Ѳомииншна. Елена Ивановна на это не отвѣчала ни слова. Въ то же время дьякъ великаго князя Ѳедоръ Васильевичъ просилъ тайно своего пріятеля, пана Шестакова, извѣстить его подробно о всемъ дѣлѣ.

Что же въ дѣйствительности происходило въ Литвѣ, въ Вильнѣ?

Елена Ивановна выдерживала осаду.

Мы видѣли выше, что Александръ только съ согласія папы подписалъ грамоту о свободѣ вѣроисповѣданія своей жены; однако папа разрѣшилъ съ условіемъ, что разъ бракъ состоится, Александръ старался бы обратить жену въ католичество, пользуясь подходящимъ случаемъ. Совѣщался Александръ и съ родственниками, и тѣ нашли возможнымъ отложить хлопоты объ обращеніи невѣсты въ католичество *ad calendas graecas*, дабы не повредить на-

чатоу сватовству. Зато стоило Еленѣ Ивановнѣ появиться въ Вильнѣ, какъ въ воздухѣ запахло порокомъ и въ средѣ католическаго духовенства возникъ вопросъ о перекрещиваніи схизматиковъ. Авторъ «Записокъ Миноритовъ» прямо говоритъ, что такъ какъ Елена Ивановна была греческаго обряда или что тоже—русскаго, то по этой то причинѣ между прелатами и докторами богословія, съ одной стороны, и миноритами, съ другой стороны, возникъ вопросъ и споръ о перекрещиваніи грековъ, къ обряду коихъ принадлежатъ русскіе, и о посѣщеніи ими богослуженія въ латинскихъ костелахъ. При этомъ спорѣ прелаты и богословы стояли за перекрещиваніе, а минориты и среди нихъ отецъ Іоаннъ утверждали противное, находя достаточнымъ одно признаніе главенства папы. Спорящія стороны ссылались на папскія бреве. Отъ частнаго спора перешли къ запросу самого папы. Александръ Борджіа, наслѣдовавшій Иннокентію въ 1492 году, наружно подтвердилъ бреве Иннокентія ³²⁾ братьямъ миноритамъ, то-есть рѣшилъ споръ въ смыслѣ благопріятномъ ихъ мнѣнію. Виленскому католическому епископу Войтеху ³³⁾ онъ писалъ въ томъ же духѣ, но уже гораздо позже, въ 1501 году, когда неудача обозначилась; ранѣе же того посылалъ ему указы въ самомъ нетерпимомъ духѣ. Опасаясь отца ея, Елену Ивановну въ первое время оставляли въ покоѣ, но церкви ей въ дворцѣ не выстроили и окружили ее плотной стѣной католиковъ и русскихъ—двусмысленнаго поведенія. Среди нихъ самый выдающійся былъ Иванъ Сапѣга, православный, что не помѣшало ему быть заодно съ митрополитомъ Іосифомъ Болгариничемъ, съ посланіемъ котораго Сапѣга былъ въ

Римѣ у папы и, конечно, если не призналъ открыто уніи, то въ душѣ вполне ей сочувствовалъ ³⁴). Недаромъ папа въ письмѣ къ королю польскому Яну Альбрехту называлъ Сапѣгу вѣрнымъ сыномъ церкви, отвергнувшимъ еретическія заблужденія. Интересно, что Сапѣга, при своемъ возвращеніи на родину, опасался своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, и папа, по сему случаю, поручилъ его охранѣ польскаго короля. Въ теченіе всей жизни Елены Ивановны Сапѣга служилъ ей и держалъ себя двулично; сочувствуя уніи, не разрывалъ связи съ православною церковью и очень часто дѣйствовалъ сообразно желаньямъ великой княгини (рѣчи въ Москвѣ). Есть предположеніе, что Иванъ Сапѣга, послѣ смерти Елены Ивановны, на старости лѣтъ перешелъ въ римское исповѣданіе ³⁵), но предположеніе это опровергается тѣмъ фактомъ, что погребенъ Иванъ Сапѣга въ православной церкви, откуда уже въ 1629 правнукъ перенесъ его прахъ въ костелъ ³⁶).

Но присяга? Присяга стѣсняла Александра.

Ради успѣха самого дѣла нельзя было нарушать ее открыто, грубо. Это могло смутить совѣсть жертвы и подорвать ея уваженіе и довѣріе къ самимъ апостоламъ... Надо было итти окольнымъ путемъ, склонить, напримѣръ, кого либо изъ самихъ русскихъ къ тому, чтобы сдѣлать первый шагъ и тѣмъ снять отвѣтственность въ клятвопреступленіи съ Александра. Согласіе Сапѣги было обезпечено, но онъ не былъ духовнымъ авторитетомъ въ глазахъ великой княгини. Другое дѣло, если бы митрополитъ, главный представитель православной церкви, сдѣлалъ этотъ первый шагъ! Но тогда, въ на-

чагѣ 1497 года, у кормила западно-русской церкви стоялъ Макарій—лицо неподкупное, неуязвимое съ нравственной стороны. Съ этимъ «чертомъ», какъ обзывали его враги, не сладишь!... уговорить его—и думать нечего!... И вдругъ это неудобное лицо... это препятствіе внезапно исчезаетъ со сцены, а на его мѣстѣ появляется давно уже подготовленное для своей роли лицо—Іосифъ, епископъ смоленскій!

Такъ было обойдено послѣднее препятствіе.

Кончина Макарія развязала руки Александру: авторитетный голосъ вождя западно-русской церкви обезпеченъ; сообщники изъ среды самихъ русскихъ набраны; сношенія съ Москвой прерваны...

И вотъ въ зиму 1498—1499 года среди населенія вдругъ пронесся слухъ, что митрополитъ Іосифъ и Иванъ Сапѣга являлись къ Еленѣ Ивановнѣ и лично склоняли ее къ уни. Дѣйствія митрополита развязали руки католическому духовенству. За нимъ выросли на смѣну монахи бернардины съ горячей проповѣдью и увѣщаніями; еще сильнѣе было давленіе грознаго епископа Войтеха, который получилъ отъ папы право меча на еретиковъ. Понятно, что и Александръ и его родня не оставались безучастными зрителями. Легко себѣ представить отчаянное положеніе несчастной жертвы апостольской ревности Рима? На всѣ увѣщанія ей оставалось одно—ссылаться на отца.

Цѣлые годы душевной борьбы и мучительнаго напряженія сломали, наконецъ, если не нравственные, то физическія силы великой княгини, и она въ первую половину 1499 года на столько опасно захворала, что встревоженный Александръ счелъ нужнымъ

*

15 мая 1499 года извѣстить объ ея болѣзни отца. Судя по этому надо предполагать, что она была близка къ смерти, но въ чемъ состояла ея болѣзнь, какъ долго она продолжалась, кто и чѣмъ ее лѣчилъ, намъ неизвѣстно.

Ранѣе, чѣмъ получить официально вѣсть о болѣзни дочери, Иванъ Васильевичъ, какъ мы видѣли, отлично былъ освѣдомленъ обо всемъ происходившемъ въ Литвѣ и понялъ причину болѣзни Елены Ивановны; но онъ не торопился отвѣтомъ, вѣроятно,—выжидалъ исхода болѣзни. На тревожную вѣсть о болѣзни дочери онъ ничего не отвѣчалъ и только, спустя дней десять, уже въ іюнѣ 13 числа 1499 года отправилъ официального посла къ Еленѣ Ивановнѣ отъ своего лица и отъ лица жены съ запросомъ о здоровьѣ, о характерѣ и причинѣ болѣзни и со строгимъ наказомъ: помнить Бога, держаться твердо греческаго закона; въ противномъ случаѣ грозимъ проклятіемъ! Отъ Елены Ивановны отвѣта не было.

Когда прибыло вторичное посольство Александра въ Москву, уже въ августѣ 1499 года, по поводу разныхъ политическихъ дѣлъ—Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ на все, но о притѣсненіяхъ, чинимыхъ дочери, выразился вскользь. Въ этомъ посольствѣ интересна попытка Александра добиться у тестя окончательнаго признанія за Литвой Кіева, въ замѣнъ чего онъ соглашался признать за тестемъ титулъ «всѣя Руси». Выходку зятя Иванъ Васильевичъ прямо «безлѣпницей» назвалъ. Затѣмъ шли взаимныя попреки на секретныя сношенія съ врагами: Иванъ Васильевичъ науськивалъ Менгли - Гирея

на Литву, Александръ же—Шигъ-Ахмата и его сыновей на Москву и Крымъ; но самое интересное для насъ то, что литовскій государь высокопарно извѣщалъ московскаго: онъ де Александръ заключилъ миръ съ Стефаномъ согласно желанію тестя, мало того, онъ вмѣстѣ съ Польшей и Венгріей обязался оборонять пріятеля своего Стефана и просить тестя вступить въ ихъ союзъ: «бо и самъ, братъ нашъ, можетъ разумѣти, ижъ Стефана панство всихъ христьянскихъ земель нашего острова есть ворота; Боже того не дай коли... панство его посядетъ тогда ни намъ, ни тебѣ покоя отъ турокъ не будетъ». Но спрашивается, зачѣмъ же было ломать эти ворота въ 1497 году?

Могъ ли Иванъ Васильевичъ вѣрить искренности этихъ пышныхъ фразъ, когда онъ хорошо зналъ, что противъ него самого задумана коалиція и нѣжная забота о Стефанѣ придумана для отвода глазъ? Онъ сухо отвѣтилъ, что самъ справится у Стефана, своего свата и союзника, дѣйствительно ли ему угрожаютъ турки и если да,—то поможетъ ему самъ по себѣ. Какъ зорко Иванъ Васильевичъ слѣдилъ за своими лукавыми западными сосѣдями видно изъ порученія его Мамонову, еще 30 мая 1499 года, доподлинно узнать: заключилъ ли Стефанъ миръ съ Литвой, Польшей и Венгріей? Турки и татары въ мирѣ ли съ Польшей, Литвой и Молдавией или нѣтъ? Воевали ли нынѣ турки польскую землю? «А про нарядъ (артиллерію) пытати: куда она будетъ направлена лѣтомъ: не на Кіевъ ли? а если не на Кіевъ то куда тогда?» Ясно что онъ былъ на чеку и боялся, чтобы его не предупредили и не застали бы врасплохъ.

Въ декабрѣ 1499 года, посылая вторично Мамонова въ Литву по поводу Крыма и союза съ нимъ, онъ промолчалъ о дочери, но тотъ же посолъ, отправившись къ Еленѣ Ивановнѣ, передалъ ей негодованіе отца на ея молчаніе и требовалъ извѣстить обо всемъ; негодовалъ отецъ и на то, что и въ первый разъ, лѣтомъ, ничего не отвѣчала. «Гораздо ли дѣлаешь?» Отъ Софіи Ѳомишишны было особое письмо къ дочери съ отдѣльнымъ посланцомъ; что писала, неизвѣстно; вѣроятно, что-либо по секрету отъ Ивана Васильевича; прежде же, напримѣръ, Микула Ангеловъ справлялъ порученіе отъ обоихъ. Видно отношенія мужа съ женой были натянуты и это было отчасти причиной упорнаго молчанія дочери. Иванъ Васильевичъ спрашивалъ насчетъ ея болѣзни: поправилась ли она? здорова ли? Софія Ѳомишишна тоже велѣла черезъ своего посланца спросить про болѣзнь и про здоровье, но наединѣ, по секрету отъ Александра, чтобы получить не официальные, ничего не говорящія свѣдѣнія, а болѣе точныя. Эти справки доказываютъ, что еще въ декабрѣ 1499 года, спустя болѣе полугода отъ начала болѣзни, Елена Ивановна далеко не оправилась вполне и была слаба.

Однако и на сей разъ Елена Ивановна ничего не отвѣчала отцу. Да и что ей было говорить? Обстоятельства сами громко говорили за себя.

Отецъ все медлилъ и ждалъ, не отзовется ли дочь?.. ждалъ, но такъ и не дождался...

Если такъ мало церемонились съ великой княгиней, тѣмъ менѣе падали остальное населеніе и православную церковь. Къ послѣдней литовскіе государи послѣ Ягайла относились вообще въ высшей степени

двойственно: то издавая неблагопріятные для церкви указы, то оставляя ихъ безъ движенія; въ связи съ этимъ у православной церкви ни въ чемъ не было твердой опоры и увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Великіе князья, отказываясь иногда отъ крайнихъ мѣръ и насильственныхъ дѣйствій, поощряли всегда все, что могло служить къ ея разложенію. Вотъ почему авторитетъ высшей церковной власти всегда легко подрывался и своевольный низшій клиръ могъ легко находить поощреніе у свѣтской власти. Съ другой стороны великіе князья неохотно давали свое согласіе на избраніе достойныхъ пастырей въ родѣ Макарія или Іоны, а предпочитали выдвигать своихъ покладистыхъ клеветовъ, что тоже не способствовало спокойствію и процвѣтанію православія.

Въ 1499 митрополитъ Іосифъ Болгариновичъ былъ еще нареченнымъ, какъ называлъ его самъ Александръ; слѣдовательно, утвержденіе константинопольскаго патріарха еще не пришло и долго медлило: какъ видно до патріарха доходили неблагопріятные для Іосифа слухи относительно его твердости въ православіи, и онъ не торопился утверждать его, что очень стѣсняло Іосифа. Дабы успокоить сомнѣніе патріарха и выказать себя ревностнымъ сыномъ православной церкви, Іосифъ и задумалъ обратиться въ Царьградъ съ грамотой, въ коей онъ выражалъ свою боязнь подвергнуться гоненію со стороны католическаго духовенства и предупреждалъ объ опасности для православной церкви оставаться безъ законнаго вождя въ виду происковъ римской куріи ввести унию. Если эта грамота и отвѣтъ патріарха достовѣрны, то ее надо относить къ этому именно вре-

мени. Этотъ ловкій шагъ Іосифа возымѣлъ свое дѣйствіе и ускорилъ его утвержденіе. Съ другой стороны, желая обѣлить себя передъ своими единовѣрцами, которые смотрѣли на него косо, какъ на тайнаго уніата, и желая на дѣлѣ выказать свою заботливость о нуждахъ и правахъ русской церкви, онъ, пользуясь расположеніемъ къ себѣ Александра, добился отъ него подтвержденія привилегіи духовенству по уставу Ярославову.

При составленіи этой грамоты свидѣтелемъ былъ охмистръ Елены Ивановны Войтехъ Яновичъ, что указываетъ на поддержку, оказанную митрополиту со стороны самой великой княгини. Въ грамотѣ особенно подчеркиваются слѣдующія положенія.

1) Въ дѣла митрополита и епископовъ не должна вмѣшиваться свѣтская власть. 2) Подаванья митрополита не должны отчуждаться. 3) При подаваньи частныхъ лицъ, люди римскаго закона не могутъ смѣщать православныхъ священниковъ и, 4) вообще за оскорбленіе духовнаго лица католики наравнѣ съ православными отвѣчаютъ передъ судомъ митрополита. Какъ видимъ, эта грамота дѣйствительно имѣла цѣлью оградить православный клиръ отъ своеволія и хозяйничанья пановъ римскаго закона; она какъ бы стоитъ въ разрѣзъ со всей дѣятельностью Іосифа, скорѣе враждебной православію, но, съ другой стороны, онъ отчасти и себя не забылъ: poradѣлъ и «pro domo suo»; ему не трудно было угодить великой княгинѣ. Еще вопросъ? не была ли эта грамота выговорена ею въ уплату за ея согласіе на избраніе Іосифа?

Безусловно утверждать мы не можемъ, но воз-

возможность факта тоже нельзя отвергать: не даромъ Александръ медлилъ цѣлый годъ.

Какъ бы то ни было, но этой грамотой, добытой въ самое тяжелое для нея время, Елена Ивановна оказала не малую услугу церкви. Какъ истинный политикъ и истая дочь и ученица своего отца, она не брезгала никакимъ матеріаломъ, бывшимъ у ней подъ рукой: у нея и Сапѣги и Іосифы шли въ прокъ, она и съ ними не ссорилась.

Самъ же Іосифъ, достигнувъ утвержденія въ своемъ санѣ и отвѣчая великому князю любезностью на любезность, въ 1500 году вошелъ въ прямыя сношенія съ Римомъ и сталъ подыскивать среди духовенства единомышленниковъ для подачи грамоты папѣ въ пользу введенія уніи.

Выдача за 1499 годъ привилегіи въ пользу православнаго клира была не единственной заслугой Елены Ивановны. Ея рука чувствуется и въ другомъ событіи. Въ 1500 году, въ маѣ мѣсяцѣ, происходило освященіе Супрасльскаго монастыря. Основанный еще въ концѣ XV вѣка Ходкевичемъ, монастырь былъ затѣмъ перенесенъ въ лѣсную пущу на берегъ рѣки Супрасли и игумень отецъ Пафнуцій, родомъ изъ Бѣльска, соорудилъ первую небольшую церковь во имя Іоанна Богослова и трапезу. Въ 1500 году, 10 мая, происходило освященіе церкви митрополитомъ Іосифомъ. Это церковное торжество не соотвѣтствовало указу Казимира, на который такъ часто ссылался Александръ, однако ходатайство Ходкевича возымѣло успѣхъ. Можетъ быть помогла сама великая княгиня, а еще болѣе—грозное движеніе въ самомъ русскомъ обществѣ: Александръ

въ виду наступившей войны съ Москвой боялся раздражить Ходкевича отказомъ.

Елена Ивановна, повидимому, и впоследствии не забывала монастыря: въ немъ сохранилась память о ней, и братія монастыря занесла ея имя въ свой субботникъ или поминникъ; тамъ значится: «Помяни Господи усопшихъ рабъ твоихъ... королевое Елены ⁸⁷⁾». Въ монастырѣ до сихъ поръ находится чудотворная икона Богородицы, въ богатомъ окладѣ. Икона эта—даръ Елены Ивановны. Сверхъ того въ описи книгъ Супрасльскаго монастыря на ряду съ даромъ митрополита Юсифа II Солтана «Псалтирь» въ десть; на ряду съ даромъ Сапѣги «Книга Θεодора Студита» встрѣчаемъ книги: «Царственникъ (?) съ лѣтописцемъ», «Книга Асафъ съ житіемъ святаго Сергія Чудотворца русскаго», книга «Асафъ съ хожденіемъ Данила» ⁸⁸⁾. Послѣднія могли быть или даромъ великой княгини или же выписаны ею изъ Москвы. Иванъ Васильевичъ и его дочь, конечно, не замедлили познакомить западную Русь съ подвигами святыхъ мужей, подвизавшихся въ Московской Руси и ставшихъ ея покровителями, и тѣмъ самымъ распространить почитаніе ихъ памяти и въ Литвѣ. Нѣкоторыя данныя въ перепискѣ отца съ дочерью какъ бы подтверждаютъ эту мысль и митрополитъ Макарій такъ думаетъ въ своей Исторіи. Повидимому въ православной церкви все обстояло благополучно: за 1499—1501 годы великимъ княземъ была дана даже привилегія, благоприятная православному клиру, и даны послабленія въ постройкѣ церквей и монастырей. Дѣло въ томъ, что имѣлось въ виду вовсе упразднить православіе, на-

неся ему ударъ присоединеніемъ великой княгини къ римскому закону, что способствовало бы введенію униі съ помощью подобранныхъ клеветовъ, въ лицѣ Іосифа и Сапѣги. Привилегія, имѣя всего болѣе въ виду самого Іосифа, была ему наградой за услуги, а послабленія въ постройкѣ монастырей и церквей были вырваны у великаго князя страхомъ передъ усилившейся эмиграціей и желаніемъ утишить ропотъ и негодованіе населенія. Положеніе православной церкви, снаружи благоприятное, на самомъ дѣлѣ было трагическое: кормило ея было въ рукахъ чело-вѣка, отъ котораго можно было ожидать лишь наихудшаго. Православіе было спасено въ это время твердостью великой княгини, вліяніе коей обуздывало самыя двоедушныя личности, и взрывомъ негодованія русскаго общества; остальное dokonчили сильная рука Ивана III и блестящій исходъ войны.

Теперь посмотримъ, коснулась ли наставшая буря остальнаго населенія страны и ея высшаго слоя?

За первые три года послѣ брака настало затишье и въ душѣ русскаго населенія блеснулъ лучъ надежды на лучшія времена и на возможность сговориться съ католиками насчетъ совмѣстной мирной жизни. Римская курія поспѣшила разсѣять эти иллюзіи. Вслѣдъ за вѣстью о тяжкомъ положеніи дочери до слуха Ивана Васильевича дошли свѣдѣнія о притѣсненіяхъ, чинимыхъ не только дочери, но и всему православному населенію. По словамъ московскаго государя, которыя подтверждаются другими свидѣтельствами, католическій епископъ Войтехъ и отечникъ епископъ Іосифъ навязывались со своею проповѣдью не къ одной Еленѣ Ивановнѣ, но

и къ князьямъ и панамъ греческаго закона, къ виленскимъ жителямъ и прочему населенію; говорили имъ, отъ имени великаго князя, чтобы приступали къ римскому закону. Эти рѣчи лично слышалъ князь Семень Бѣльскій, отъѣхавшій изъ-за того въ Москву. Белѣгъ также Александръ строить божницы римскаго закона по русскимъ городамъ и въ Полоцкѣ. Стали отнимать женъ отъ мужей, дѣтей отъ отцовъ и силою «покщати» въ римскій законъ. Николѣ еще не испытывали русскіе люди такихъ притѣсненій и Иванъ Васильевичъ увидѣлъ себя вынужденнымъ вмѣшаться въ дѣла западной Руси ³⁹).

Такими характерными штрихами описываетъ московскій государь притѣсненія западно-русскаго населенія и его свидѣтельства подтверждаются католическими источниками. Въ папскихъ булазахъ позднѣйшихъ годовъ косвенно подтверждаются эти притѣсненія предыдущихъ лѣтъ. Папа говоритъ Александру, что знаетъ о напрасныхъ, то-есть тщетныхъ, бесплодныхъ увѣщаніяхъ великой княгини свѣтскими и духовными лицами ⁴⁰); говоритъ, что ради болѣе успѣшнаго обращенія схизматиковъ можно понизить требованія и не перекрещивать ⁴¹). Выразилъ папа радость, что еретики озаряются свѣтомъ истины и для вящаго распространенія уніи присылалъ мощи святыхъ.

Авторъ «Записокъ мноритовъ», о которомъ мы упоминали выше, проводитъ ясно мысль, что братья были призваны въ Литву и жили тамъ для апостольской проповѣди. Онъ пишетъ, что въ 1492 году Александръ, благодѣтель братіи, далъ мѣсто въ Полоцкѣ и средства для возведенія зданій и храмовъ;

устроилъ тамъ же XXIII отдѣленіе ордена; пишетъ, что черезъ дѣятельность отцовъ отдѣленія многія тысячи схизматиковъ, литовцевъ и другихъ, до того времени пребывающихъ язычниками, обратились къ истинѣ; не отрицаетъ также авторъ, что братія дѣйствовала черезъ женщинъ, устраивала разводы ⁴²). Если же обратимся за справками къ обиженной сторонѣ—самому русскому населенію—то найдемъ въ литовской метрицѣ ⁴³), цѣлый рядъ жалобъ на бискупа Адальберта - Войтеха, подтверждающихъ тѣ факты, на которые ссылаясь Иванъ Васильевичъ, а онъ слышалъ ихъ отъ передавшихся къ нему князей. Послы великаго князя, проѣзжая по западной Руси, слышали ихъ изъ устъ самихъ пострадавшихъ. Позднѣе, во время переговоровъ о мирѣ, мы встрѣтимся и съ другими доказательствами о существованіи въ описываемое время религіозныхъ притѣсненій; мы прочтемъ слова самого Александра папѣ, прочтемъ рѣчи Елены Ивановны и цѣлый рядъ другихъ интересныхъ указаній. Конечно Иванъ Васильевичъ сохранилъ достаточно красокъ въ своихъ посольскихъ рѣчахъ великому князю литовскому, а оттуда онѣ перешли и на страницы русскихъ лѣтописей ⁴⁴).

Въ наше время долго считали донесенія московскихъ пословъ преувеличенными и относились къ нимъ черезъ-чуръ скептически ⁴⁵); въ настоящее же время «Записки миноритовъ» заставили признать справедливость всѣхъ словъ Ивана Васильевича ⁴⁶). Въ этихъ «Запискахъ миноритовъ» мы находимъ подтвержденіе его словъ и о Полоцкѣ, и о костелахъ, и о женахъ и дѣтяхъ.

Польскіе историки, какъ Нарбутъ, смягчали рассказъ о притѣсненіяхъ русскаго населенія; Крашевскій признавалъ ихъ открыто, а Бартошевичъ въ своей «Исторіи русскаго, то-есть унитскаго костела» выражаетъ сожалѣніе о томъ, что дѣятельность на пользу уніи не достигла желаемыхъ результатовъ и считаетъ виновницей неудачи Елену Ивановну, а ея дѣятельность на пользу православной церкви несчастіемъ для Литвы. Слова Бартошевича ⁴⁷⁾ лучшая похвала Еленѣ Ивановнѣ! Дѣйствительно, она на 100 лѣтъ отсрочила унію! Болгариновичи и Сапѣги ни въ чемъ не уступятъ Терлецкимъ и Потѣямъ,—но на бѣду и на помѣху замысламъ папъ къ концу XV вѣка и къ началу XVI въ Литвѣ была характерная женщина, а на Москвѣ княжилъ ея отецъ—геніальный политикъ. Сто лѣтъ спустя—къ концу XVI вѣка, въ Литвѣ уже нѣтъ никого, а на Москвѣ послѣдніе годы царствованія Грознаго распатали Русское государство и подготовили почву для смуты!

Видя бѣдственное положеніе родины и отеческой вѣры, напуганные примѣромъ великой княгини, которая, дочь Ивана III, не была гарантирована отъ фанатизма Рима, многіе и многіе находили одинъ исходъ—отъѣздъ въ Москву; между тѣмъ удѣльнымъ князьямъ и всему вообще высшему классу западно-русскаго народа жизнь въ Литвѣ, казалось, должна была быть болѣе привлекательной. Литовское государство давало больше простора личности, создало сословныя привилегіи, не давало чувствовать тяжести государственной опеки. Въ Москвѣ,—наоборотъ, власть государя желѣзнымъ

кольцомъ охватывала всё проявленія жизни, и боярину жилось не свободнѣе крестьянина; и тѣмъ не менѣе, несмотря на эту разницу, многіе бояре и князья западной Руси, съ конца 80 годовъ XV вѣка, начинаютъ переходить на московскую службу.

Въ первое нашествіе римской куріи на Литву, въ началѣ княженія Александра, до брака его съ Еленой Ивановной, въ Москву отъѣхали слѣдующіе князья: первымъ былъ Иванъ Михайловичъ Воротынский и Александръ Перемышльскій; въ 1490 году—Дмитрій Ѳедоровичъ Воротынский; въ 1492 году Семень Ѳедоровичъ Воротынский съ племянникомъ Иваномъ Михайловичемъ; далѣе князь Иванъ Васильевичъ Бѣльскій съ братомъ, а позднѣе—Андрей Васильевичъ; старшій изъ князей Одоевскихъ Иванъ Семеновичъ; князь Мезецкій Михайло Романовичъ, силою приведшій въ Москву и своихъ двухъ братьевъ; наконецъ, князь Андрей Юрьевичъ Вяземскій съ братьями. Въ 1495 году, бракъ Александра съ Еленой Ивановной сразу приостановилъ отъѣзды: русскіе люди передохнули свободно, стали надѣяться на лучшія времена, и дѣйствительно, 4 года послѣ брака царило спокойствіе и относительное довольство. Казалось бы чего желать лучшаго литовскому правительству? Простой здравый смыслъ, прошлый опытъ и настоящее указывали ясно чего держаться если не на всегда, то хотя бы временно, пока не окрѣпнетъ государство. На гибель Литвы и на счастье Москвы второе нашествіе римской куріи на Литву въ 1499 году опять ввергло несчастную страну въ хаотическое состояніе и тотчасъ, съ 1499 года, отъѣзды возобновились: первымъ отъѣхалъ въ Москву князь

Семень Бѣльскій, за нимъ князья Масальскіе, Хатѣтовскіе, а тамъ повалили уже бояре Мценскіе, Серпейскіе, князья Трубчевскіе; наконецъ, заклятые враги Москвы: князь Можайскій Семень и князь Шемячичъ Василій завели переговоры о переходѣ ихъ въ Москву. Объ этихъ лицахъ мы нашли прямыя указанія въ актахъ, а сколько еще подразумѣвается людей средняго и боярскаго круга подъ словами и «многіе другіе». Сколько бояръ и слугъ передавшихся князей оставило въ это время Литву. Случайно, напримѣръ, узнаемъ мы, что нѣкій бояринъ Граборуковъ ⁴⁸⁾ бѣжалъ въ Москву вмѣстѣ съ княземъ Шемячичемъ, оставивъ свой дворець Рошскаго повѣта.

Въ Москвѣ обращались съ князьями отъѣздчиками довольно бережно и на первыхъ порахъ ставили ихъ въ льготное положеніе, старались даже умиротворять ихъ между собой. Большею частью ихъ употребляли на пограничную службу, и князья усердно оберегали границы по рубежамъ татарскому и литовскому; особенно выдѣлялся среди нихъ своими подвигами князь Воротынскій. Нѣкоторые изъ нихъ получили свои волости, отошедшія къ Москвѣ; въ большинствѣ же московскіе государи оставляли эти волости за собой, давая въ обмѣнъ другія на сѣверо-востокѣ, конечно, изъ предосторожности ⁴⁹⁾.

Московскій государь думалъ свою крѣпкую думу, а князья отъѣздчики теряли мало-по-малу свои удѣлы и сливались съ московскимъ боярствомъ и, несмотря на суровую руку Ивана Васильевича, не смотря на то, что князья не могли рассчитывать на

сохраненіе своего исключительнаго положенія, никто не отъѣхалъ обратно изъ Москвы въ Литву. Что за причина тому? Что привлекало ихъ къ Москвѣ? Что заставляло ихъ бросать литовскую службу? Москва привлекала къ себѣ западно-русскихъ людей тѣмъ, что нравственно связывало московскаго государя съ его народомъ: яснымъ сознаніемъ и твердымъ, послѣдовательнымъ проведеніемъ въ жизнь національной идеи. Московскіе великіе князья сумѣли явиться выразителями народнаго стремленія къ единству, порядку и силѣ, сумѣли угадать историческія задачи русскаго народа и вѣрнымъ путемъ шли къ намѣченной цѣли. Каждому, кто выставялъ свои личные, себялюбивые интересы, московскій государь могъ сказать то же, что онъ сказалъ разобитвенному боярину Юрію Захарьевичу, предку и родоначальнику Романовыхъ: «Ты говоришь: тебѣ не пригоже стеречь князя Данила?! *Меня и мое дѣло!*»

Въ этихъ словахъ Ивана III хранятся уже слова Петра Великаго въ его знаменитомъ приказѣ на канунѣ Полтавской битвы; только мысль Рюриковича, въ своемъ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи, выражена Петромъ I еще отчетливѣе и возвышеннѣе.

И вотъ участіе въ служеніи этому родному «дѣлу» заставляло многихъ западно-русскихъ людей перемѣнить своевольную жизнь въ Литвѣ на страдную въ Москвѣ! Справедливы прекрасныя слова г. Карпова: ⁵⁰⁾ «не за деньги и вотчины продавали свое старое положеніе князья и бояре, не за блестящій дворъ, не за улыбку московскаго деспота согласились они служить ему, а за то, что этотъ деспотъ руко-

водилъ великимъ дѣломъ»... введеніе внутренняго порядка въ государствѣ, сверженіе татарскаго ига, стремленіе истребить степняковъ степняками, колонизація востока, наконецъ, великая идея народнаго единства, выраженная въ самой простой формѣ, въ титулѣ: «Государя всея Руси». Со времени же своего брака съ Софіей Палеологъ, раздвинувъ кругозоръ русскаго народа, Іоаннъ III поднялъ знамя еще выше и указалъ ему манящую цѣль впереди. У себя же на родинѣ западно-русскіе люди, составляя громадное большинство въ государствѣ, чувствовали себя какъ бы на чужбинѣ, пасынками, а не сынами; видѣли, какъ ихъ силы, кровь и потъ растрчивались безсмысленно и безцѣльно; они уже извѣрились въ государственныя способности Ягеллоновъ, провидя въ нихъ жалкія орудія иноземной интриги; они извѣрились въ самую возможность сохранить свою національную личность и вѣру, а разъ это сознание закралось въ душу, явилось разочарованіе и упадокъ духа. Что тутъ дѣлать? Нельзя стоять на распутьи... И вотъ, одни намѣтили себѣ дорогу въ Римъ, а другіе повалили толпами въ Москву. Кстати замѣтимъ, чтобы не ввести читателя въ заблужденіе, что волненіе активное охватывало въ эту пору преимущественно высшій классъ—князей и бояръ; несмотря на весь ропоть и недовольство народныхъ массъ, князья и бояре отъѣздики, сами отпадая, не могли увлечь за собой народныя массы: послѣднія все еще оставались вѣрны Литвѣ и хранили искреннюю привязанность къ Гедиминову роду. Надо было все безуміе и презрѣніе къ малымъ симъ со стороны Сигизмунда III Вазы, его ксендзовъ и пановъ, все

самообольщеніе римской курии, чтобы введеніемъ униі, раздражить въ послѣдствіи эти массы. Когда первый пылъ пропаганды прошелъ и грозные его результаты обозначились, Александръ струсилъ не на шутку и сталъ употреблять всѣ усилія ослабить эмиграцію: тутъ, какъ изъ рога изобилія, посыпались милости на русскихъ людей: Магдебургское право городамъ,—получили Минскъ и Полоцкъ; земли боярамъ и князьямъ,—получили Глинскіе Василий и Иванъ и Масальскій; города князьямъ,—получилъ Можайскій въ 1497 году Черниговъ, а въ 1499 году Гомель и Стародубъ; разрѣшеніе строить новые и возобновлять старые церкви и монастыри,—самый яркій примѣръ чему основаніе Супрасльскаго монастыря въ 1500 году. Пришлось снять осаду и съ Елены Ивановны и воспользоваться ея услугами, дабы усовѣстить непокорныхъ, успокоить напуганныхъ, вдохнуть довѣріе, поколебленное ложью, двоедушіемъ и клятвопреступленіемъ. Дѣйствительно, за это время подписью охмистра великой княгини Войтеха Яновича ⁵¹⁾ скрѣплены: привилегія Полоцка, дарственная грамота Масальскому, судная грамота князю пинскому,—но все тщетно!

Подарки брали, а бѣжать все-таки бѣжали! Первый въ 1500 году сбѣжалъ Семень Бѣльскій, а тамъ потянулись и другіе: Стародубо-Можайскій, Масальскіе, а когда, наконецъ, явились въ Москву ея заклятые враги, герои молдавскаго похода, Шемячичи, Иванъ Васильевичъ, съ торжествомъ извѣщая зятя о семъ знаменательномъ событіи, прибавилъ, что гоненія православныхъ людей въ Литвѣ превзошли всякую мѣру и вынуждаютъ его явиться ихъ защитникомъ и покровителемъ.

Желая смягчить гнѣвъ своего тестя, встревоженный Александръ, въ апрѣлѣ 1500 года, прислалъ посольство въ Москву: впервые опять назвалъ его «государемъ всея Руси», оправдывался во взведенныхъ на него обвиненіяхъ и просилъ выдать эмигрантовъ. Но Иванъ III счелъ настоящую минуту наиболѣе удобной, чтобы отмстить зятю за прошлыя обиды, свести съ нимъ окончательно счеты и порѣшить дѣло оружіемъ. Иванъ III гордо отвѣтилъ, что титулъ написанъ по докончанью; что ни Бѣльскаго, ни кого другого не выдастъ; что на всѣ притѣсненія и обиды, чинимыя его дочери и прочему православному люду, у него есть неопровержимыя доказательства. Вскорѣ затѣмъ отправилъ въ Литву складную грамоту съ объявленіемъ войны: «за христіанство хочеть стоять, доколѣ Богъ ему поможетъ!» и двинулъ войска на границу. •

Для составленія этой главы послужили слѣдующіе источники и пособія:

Сборникъ Императ. Русскаго Историч. общества т. 35 (1882); Акты, относ. къ исторіи Зап. Россіи т. I и II, Акты, относ. и исторіи Южн. и Зап. Россіи, т. I и II; Археограф. сборникъ; Theiner, Vetera monumenta Poloniae 1861: т. II; Monumenta Poloniae historica (pomniki dziejowe polski) т. V. Lwow. 1888; Карповъ, «Исторія борьбы Московск. госуд. съ Польско-Литовскимъ М. 1867; Макарій, «Исторія русской церкви т. IX; Филаретъ, то же; Чистовичъ, то же; Bartoszewicz, Szkic dziejow Kosciola ruskiego w Polsce К. 1880; Ярушевичъ, Ревнитель православія кн. К. И. Острожскій. Смоленскъ. 1897 г.; Нарбутъ, Dzieje narodu litewskiego т. 8; Encyklopedia powszechna; Вобжинскій, Очеркъ исторіи Польши т. II. СПб. 1888; Sapiehowe т. I. СПб. 1890; Рождественскій, Служилое землевладѣніе въ Моск. госуд. СПб. 1897 г.; Елагинъ, В. кн. Е. И. въ Ж. М. Н. Пр. 1841 г.

XI.

Война. Избраніе въ польскіе короли. Замиреніе. 1500—1503.

Александръ былъ застигнутъ врасплохъ объявленіемъ войны, и его военныя силы не были въ состояніи удержать напора русскихъ. Войско ихъ перешло границу и, захватывая волости и города отъѣхавшихъ князей, двинулось двумя отрядами: одинъ дошелъ вплоть до Путивля, другой сталъ у Смоленска и взялъ Дорогобужъ. Отрядами начальствовали знакомые уже намъ даровитые братья: бояре Яковъ и Юрій Захарыны.

Въ Литвѣ враги московскаго государя, раздраженные тѣмъ, что имъ не удалось протянуть время и подготовиться вполне, съ досады утопили русскаго гонца Аванасія Вязмитина, привезшаго складную грамоту.

Ко времени вторженія русскихъ, передъ Смоленскомъ стоялъ лучшій полководецъ Литвы князь Константинъ Ивановичъ Острожскій съ войскомъ, а на соединеніе съ нимъ отъ Борисова на Березинѣ спѣшилъ Александръ.

Главный воевода всего войска Московской Руси, князь Данилъ Щеня, одинъ изъ стаи русскихъ орловъ XV вѣка, зная о раздѣленіи силъ противника

и пользуясь его оплошностью, обрушился всей массой силъ на князя Константина и, въ блестящей битвѣ при рѣкѣ Ведроши 14 іюля 1500 г., близъ Доробужа, разбилъ Острожскаго на голову, взявъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ Хрептовичемъ и князьями Друцкими. Извѣстіе о побѣдѣ дошло до Ивана Васильевича на третій день, 17 іюля 1500 года, и привело его самого и всю Москву въ полный восторгъ. И понятно! Сраженіе при Ведрошѣ—одна изъ тѣхъ битвъ, которыми обозначаются поворотные пункты въ исторіи, отъ исхода которыхъ зависитъ судьба государствъ.

Ранняя осень и затѣмъ снѣжная зима пріостановила успѣшныя дѣйствія русскихъ. Очувившись въ безвыходномъ положеніи, Александръ искалъ средства помириться съ тестемъ, искалъ посредниковъ для начатія переговоровъ. Онъ отправилъ посольство къ своему брату, королю Венгерскому, съ просьбой содѣйствовать перемирію. Въ письмѣ ⁵²⁾ къ королю онъ самъ подтверждаетъ жалобы русскихъ на гоненія; онъ проситъ брата помочь ему ради святой христіанской вѣры, вкорененной въ Литвѣ Владиславомъ Ягайло; онъ жалуется, что не только якобы, Москва, но и его подданные на Руси и Литвѣ пытаются эту вѣру «сказити и сгладити»; что, узнавъ такія намѣренія нѣкоторыхъ князей, онъ покаралъ ихъ, а они бѣжали къ московскому государю. Эта просьба о посредничествѣ не осталась безъ отвѣта. Венгерское и литовское посольства съѣхались зимой 1501 года въ Москвѣ для переговоровъ о мирѣ, но переговоры кончились ничѣмъ, и послы уѣхали въ мартѣ 1501 года, ничего не добившись, какъ ничего.

не добился и панъ Заберезенскій своей особой секретной перепиской съ бояриномъ Яковомъ Захарьевичемъ¹³⁾. Иванъ Васильевичъ даже не подалъ руки посламъ, отпуская ихъ. При всемъ своемъ недовольствѣ великій князь не позабылъ однако послать поклонъ дочери: «и къ дочери своей, къ великой княгинѣ Оленѣ, приказалъ князь велики поклонъ». Это была первая вѣсточка изъ дому послѣ долгаго молчанія!

Съ начала весны 1501 года военныя дѣйствія возобновились. На сей разъ они усложнились. Желая обезопасить южную крайну Литвы отъ вторженія Менгли-Гирея, Александръ успѣлъ науськать на Крымъ степную орду хана Шигъ-Ахмата. Въ то же время онъ нашель союзника противъ Ивана Васильевича въ лицѣ Плеттенберга, магистра Ливонскаго ордена. Силы русскихъ такимъ образомъ раздвоились, и на первыхъ порахъ Москва терпѣла неудачи съ ливонцами. Тѣмъ не менѣе и въ это лѣто, 1501 года, война ознаменовалась для Литвы потерей города Мстиславля.

Опасное положеніе, въ коемъ находилось Литовское государство, не помѣшало однако усиленной дѣятельности римской курии.

Мы уже говорили выше, что митрополитъ Іосифъ, добившись утвержденія своего въ санѣ, поворотилъ тотчасъ въ сторону Рима и сталъ готовить грамоту къ папѣ, которая достигла по назначенію 20 августа 1500 года. Эта грамота представляетъ собой сколокъ съ грамоты митрополита Мисаила, посланной въ Римъ въ 1476 году, но только гораздо короче ея. Признается исхожденіе Св. Духа и «отъ Сына»; признается главенство папы; онъ восхва-

ляется, как лучший пастырь. и его просят принять въ свое лоно русскую церковь ⁵³). Посломъ отправился въ Римъ Иванъ Сапѣга, а въ то же время его престарѣлая мать удалась въ православный монастырь въ Полоцкѣ.

Что отвѣчалъ папа Сапѣгѣ словесно—мы не знаемъ, но повидимому онъ не торопился письменнымъ отвѣтомъ, потому что на него произвело впечатлѣніе сочиненіе краковскаго каноника Сакрана 1500 года: «Истолкователь заблужденій русской вѣры». Каноникъ, современникъ и человѣкъ близко знавшій дѣло, даетъ много интересныхъ свѣдѣній. Онъ отмѣчаетъ прежде всего приверженность русскихъ къ своей вѣрѣ, «ихъ непреклонность: они убѣгаютъ даже мужей своего обряда и ненавидятъ ихъ ученіе» ⁵⁴). Онъ указываетъ на тщетность всѣхъ усилій великаго князя литовскаго, который едва началъ обращать русскихъ къ единству съ римскою церковью, какъ лишился многихъ князей и вождей народа, поспѣвшихъ передаться съ яростью московскому государю. Сакранъ также жалуется лукаво, что якобы русскіе хотятъ искоренить католичество. Перечисляя заблужденія русской церкви, Сакранъ подмѣтилъ нѣкоторыя особенности, но вмѣстѣ съ тѣмъ записалъ и много несообразностей.

Что папа внимательно прочиталъ это сочиненіе, видно изъ того, что онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по полученіи грамоты Іосифа, отвѣчая не ему, а Войтеху-Адальберту, епископу виленскому, 28 апрѣля 1501 года, пишетъ: «Какъ ни пріятно было получить извѣстія о ревности епископа Войтеха къ приведенію въ римскую церковь народовъ русской митрополіи,

но онъ, папа, отнесся съ осторожностью къ выраженной покорности самого Іосифа; о дозволеніи ему строить церкви — нечего и думать». Далѣе идетъ слово въ слово мнѣніе Сакрана о русскихъ, объ ихъ вѣрѣ и упорствѣ въ заблужденіяхъ. Въ томъ же духѣ, 7 мая 1501 года, папа писалъ Александру, напоминая ему, что русскіе неоднократно соглашались на унію, но унія тѣмъ не менѣе прерывалась⁵⁵⁾.

Тѣмъ не менѣе посланіе Іосифа настроило папу воинственно и въ іюлѣ 1501 года онъ пишетъ рядъ буллъ: къ Александру, епископу Войтеху, къ кардиналу Фридриху, касающіяся прямо Елены Ивановны. Въ буллѣ къ Александру папа пишетъ осторожно, хвалить его за старанія привести жену въ римскій законъ, при чемъ обращалъ де ее не лично, помня клятву данную московскому государю; но въ настоящее время, при ея упорствѣ, папа разрѣшаетъ великаго князя отъ клятвы и даже больше того — онъ требуетъ, чтобы Александръ употребилъ всѣ усилія къ обращенію жены въ католичество; если же Елена Ивановна и затѣмъ будетъ упорствовать, великій князь долженъ удалить ее и отвергнуть ее, какъ жену.

Въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ пишетъ папа къ епископу Войтеху и кардиналу Фридриху⁵⁶⁾, указываетъ на опасность заблужденій жены для спасенія души самого Александра и многихъ другихъ лицъ, желавшихъ бы возвратиться въ лоно римской церкви, но удерживаемыхъ отъ этого шага примѣромъ упорства великой княгини, — а потому совѣтуетъ употребить самыя строгія мѣры: подвергнуть виновную (и виновныхъ) церковному суду, отлучить,

удалить ее изъ дворца и конфисковать имущество. Для большаго подтвержденія своихъ словъ папа даровалъ епископу Войтеху право меча на еретиковъ. Въ то же время онъ поселилъ въ Вильнѣ братьевъ св. Доминика, игравшихъ роль іезуитовъ до возникновенія въ римской церкви этого ордена. (Братья минориты ихъ не любили и видимо пикировались съ ними).

Но Александръ потерялъ уже терпѣніе и не слушалъ папскихъ угрозъ; время шло, а онъ не могъ и не хотѣлъ привести папскую буллу въ исполненіе: онъ искренно любилъ и жалѣлъ свою жену. Со времени ея болѣзни въ немъ совершился крутой переворотъ: онъ правда не могъ уже остановить грознаго хода событій—его несло по теченію—но онъ видимо жалѣлъ, что, внявъ подстрекательству римской куріи, такъ легкомысленно рискнулъ миромъ и согласіемъ съ Москвою и со своими подданными русскаго племени и вѣры, миромъ, добытымъ столь тяжкою цѣною и столькими усиліями. Папскія буллы ему ни единого солдата не добыли. Сами братья, короли польскій и венгерскій, оставались безучастными зрителями.

Такъ-то безцѣльно, безсмысленно лилась русская и литовская кровь, разорялась и истощалась несчастная страна въ угоду иноземныхъ происковъ. Не даромъ западно-русскіе люди теряли терпѣніе и громко роптали; а тутъ еще митрополитъ Іосифъ внезапно скончался и въ его смерти православные люди усмотрѣли наказаніе Божіе. Иванъ Васильевичъ оказался Литвѣ не подъ силу, а союзники Литвы Шигъ-Ахмать и Плеттенбергъ плохо помогали.

Въ сентябрѣ 1501 года, когда уже обозначился неблагоприятный исходъ войны, папа сильно понизилъ тонъ и вновь прислалъ буллу, но въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ: онъ разрѣшалъ, ради ускоренія дѣла проповѣди, не перекрещивать схизматиковъ (эта булла и есть та самая, о которой упоминаетъ авторъ «Записокъ миноритовъ» и о которой мы говорили въ предыдущей главѣ).

Зима 1501—1502 года прошла безъ переговоровъ о мирѣ; можетъ-быть потому, что Александръ увлекся польскими дѣлами.

8-го іюня 1501 года умеръ польскій король Янъ Альбрехтъ, ознаменовавшій свое короткое царствованіе широкими планами; въ Польшѣ настала избирательная агитація. Выгоды Польши и римской куріи требовали скрѣпленія связи между Литвой и Польшей, и потому польскіе магнаты стали склоняться на сторону Александра, минуя любимаго всѣми Сигизмунда. Тѣснимый Москвой Александръ, съ своей стороны, желалъ избранія своего въ короли польскіе, хотя оно усложняло его и безъ того трудное положеніе. Онъ надѣялся съ соединенными силами обоихъ государствъ одолѣть врага. На сторонѣ литовскаго великаго князя была и мать Ягеллоновъ престарѣлая вдовствующая королева Елизавета: она не только удержала Сигизмунда отъ протеста, но и способствовала къ скорѣйшему избранію сына въ короли, «несмотря на свою нелюбовь къ невѣсткѣ»⁵⁷).

Въ декабрѣ 1501 года Александръ Казиміровичъ пріѣхалъ въ Краковъ и былъ коронованъ своимъ братомъ кардиналомъ Фридрихомъ. На торжествѣ, между прочими, присутствовала и мать короля, вдов-

ствующая королева Елизавета, и Конрадъ мазовецкій, когда-то претендентъ на руку Елены Ивановны, и епископъ виленскій Адальбертъ-Войтехъ; только супруга короля, Елена Ивановна, отсутствовала на коронаціи. Слишкомъ враждебно было римское духовенство къ православной королевѣ, чтобы допустить коронованіе ея. Еще недавно писались грозныя папскія буллы, а Краковскій капитулъ негодовалъ на самого Александра за его женитьбу, какъ увидимъ то ниже. Современники постарались запечатлѣть въ народной памяти, что Елена Ивановна не была коронована изъ-за приверженности своей къ греческому закону, изъ-за своего упорства. Отмѣчаютъ это минориты, говоря, что она не была коронована, ибо отвергла возсоединеніе съ римскою церковью; отмѣчаетъ Sarnicki «*diadema denegatum est*»; въ роскошно изданномъ описаніи коронованіи Александра имя Елены пропущено, равно какъ и въ молитвахъ, среди многочисленныхъ изображеній отсутствуетъ портретъ королевы. Елена Ивановна и не добивалась коронованія ⁵⁸). Не ранѣе 4-го февраля 1502 года, когда коронаціонныя торжества были уже на исходѣ, пріѣхала она въ Краковъ провѣдать мужа, въ чаду празднествъ позабывшаго и про Литву, и про войну. Пріѣхала она, конечно, со своимъ придворнымъ штатомъ и придворнымъ духовенствомъ, которое въ церкви, построенной четвертой женой Ягайла—Сонкой (Софія Андреевна, княжна кievская), совершало безпрепятственно православное богослуженіе. Такъ, въ виду всей Польши, въ самомъ ея центрѣ, отстояла Елена Ивановна свое право свободаго вѣроисповѣданія ⁵⁹).

Въ довершеніе всего она стала фактически королевой польской. Братья минориты отмѣчаютъ этотъ фактъ, говоря, что ее всѣ называютъ королевой, хотя она, какъ схизматичка, не была таковою.

Александръ доказалъ свою любовь къ женѣ на дѣлѣ: ни папскія буллы, ни увѣщанія кардинала-брата, епископа Войтеха, всей родни не заставили его измѣнить женѣ. Наоборотъ—въ Краковѣ, судя по словамъ польскаго историка и по ряду жалованныхъ грамотъ, Елена Ивановна была осыпана милостями мужа.

Коронаціонныя торжества ⁶⁰⁾ продолжались: устраивались турниры, всякаго рода развлеченія, наконецъ, пиръ для пановъ и ученаго сословія.

Наступила весна, а съ нею и военныя дѣйствія, сборы и тревоги, о которыхъ безпечный Александръ позабылъ въ чадѣ удовольствій, но не забыла Елена Ивановна: ей удалось уговорить мужа разстаться съ краковскими соблазнами и вернуться въ Литву, гдѣ война была уже на чеку, и гдѣ вскорѣ по ихъ пріѣздѣ, весной 1502 года, открылись военныя дѣйствія. Нарбутъ, на основаніи Стрыйковскаго, характерно описываетъ энергичный поступокъ королевы: она поспѣшила въ Краковъ не ради осмотра пышной столицы, а чтобы отправить своего коронованнаго супруга въ Литву... Ей лучше другихъ извѣстны были намѣренія великаго князя Ивана Васильевича *).

*) Skwapliwie Helena pospieszyła do Krakowa nie tak z ciekawości oglądania tej pysznej stolicy królestwa swego, jako raczej, aby swego ukoronowanego małżonka sprowadzić do Litwy, gdzie zbieg okoliczności pobytu jego wymagał nieodzwonie: jej bowiem najlepiej wiadome były zamiary W. X. Jana i ona najprędzej się o tem dowiedzieć była w stanie (страница 413).

Отмѣченный Нарбутомъ поступокъ Елены Ивановны характеризуетъ какъ ее, такъ и Александра, и говорить о многомъ. Пребываніе въ Краковѣ съ его соблазнами распатало и безъ того слабое здоровье короля и подготовило тотъ кризисъ, который ускорило его кончину. Осыпанная милостями короля, Елена Ивановна не забыла русскихъ людей, которые выносили всѣ тягости войны; она была ихъ ходатайницей предъ мужемъ и многія жалованныя грамоты въ ихъ пользу помѣчены Краковомъ. Отнынѣ вліяніе ея на короля идетъ въ восходящей линіи, а твердое мужественное поведеніе ея заставило умолкнуть враговъ.

Покинувъ Краковъ, Александръ не прямо направился въ Литву, а предварительно, вмѣстѣ съ женой, объѣхалъ Польшу, вездѣ принимая присягу на вѣрность и возбуждая польскій народъ прійти на помощь Литвѣ. Это путешествіе дало Еленѣ Ивановнѣ случай познакомиться съ новой страной и съ новыми подданными своего супруга. Однако на призывы короля поляки откликнулись вяло, и надежды Александра не оправдались. Счастье опять улыбнулось Московской Руси. Плеттенбергъ, магистръ ливонскаго ордена, былъ разбитъ русскими, а Менгли-Гирей извѣстилъ своего закадычнаго союзника, что покончилъ со степной ордой хана Шигъ-Ахмата и руки у него развязаны; князь Дмитрій, по прозванію Жилка, второй сынъ Ивана III, осадилъ Смоленскъ и, если не могъ его взять, то разорилъ окрестности, взялъ Оршу, выжегъ посадъ Витебска и угрожалъ самому Полоцку.

Александръ, убѣдился окончательно, что ему не справиться съ московскимъ государемъ даже въ сою-

зѣ съ Польшей, отъ папскихъ же буллъ помощи было мало. Единственнымъ средствомъ къ спасенію государства оставалось—перемиріе и вотъ зима 1502—1503 годовъ вся проходитъ въ переговорахъ ⁶¹).

Въ январѣ 1503 года пріѣхалъ въ Москву посолъ Сигизмундъ Сантай, но не отъ имени Александра, а отъ имени венгерскаго короля Владислава Казиміровича и римскаго папы, какъ посредниковъ. Привезенныя имъ грамоты (отъ римскаго папы 1501 года, венгерскаго короля отъ 1502 года и кардинала Регнуса отъ 1502 года) трактовали одно и то же: христіанству де грозитъ бѣда отъ турокъ и по сей то причинѣ неудобны и прискорбны ссора и междоусобная война Москвы съ Литвой. Ни въ одной изъ грамотъ не упоминалось о причинѣ войны и посолъ Сантай, только въ своей рѣчи слегка коснулся положенія Елены Ивановны, замѣтивъ, что онъ, «вещественными очами» видѣлъ великую княгиню, которая находится въ должной чести и уроженнаго обычая «держится».

Широковѣщательныя и риторическія грамоты и рѣчи не произвели впечатлѣнія на московскаго государя. Ясно и точно формулировалъ онъ въ своемъ отвѣтѣ послу Сантаю сущность этихъ грамотъ (послѣ чтенія послѣднихъ, сильно отзывающихся риторичностью подлинника и его плохимъ переводомъ, ясность отвѣтовъ Ивана Васильевича дѣйствуетъ особенно пріятно). На трескучія фразы объ опасности христіанству отъ ислама—Иванъ Васильевичъ съ гордостью отвѣчалъ. «Мы съ Божіей помощью и волей какъ напередъ того за христіанство противу поганства стояли, такъ и нынѣ стоимъ и будемъ стоять».

Громкими фразами о войнѣ съ полумѣсяцемъ нельзя было подкупить московскаго государя, предки коего вынесли безъ громкихъ фразъ и рѣчей всю тяжесть татарскаго ига и довели до паденія Золотую Орду.

Перейдя къ дѣлу, великій князь разъяснилъ причину войны съ зятемъ и, мало того, открыто заявилъ венгерскому королю Владиславу и папѣ, а въ ихъ лицѣ какъ бы всему западу Европы, то, что не однажды говорилъ зятю: «короли Владиславъ и Александръ—отчичи Польскаго королевства и Литовской земли отъ своихъ предковъ, а Руская земля отъ нашихъ предковъ наша отчина». Эту де отчину онъ переступилъ «свойства дѣля», а теперь, въ виду вѣроломства зятя, «за свою отчину будетъ стоять».

Переговоры на томъ и кончились. Сантай добился одного: литовскимъ посламъ было разрѣшено пріѣхать въ Москву для переговоровъ о мирѣ.

4 марта 1503 года въ Москву прибыло великое литовское посольство. Въ числѣ его мы встрѣчаемъ королевскаго писаря и канцлера Елены Ивановны—Ивана Сапѣгу, а также ея охмистра Войтеха Яновича. Сверхъ того прибыли посолъ венгерскаго короля и послы ливонскаго ордена. Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ заручился грамотами отъ епископовъ краковскаго и виленскаго, отъ рады польской и литовской, а главное—письмами жены своей. Послѣднія для насъ особенно важны и интересны, но о нихъ поговоримъ подробнѣе послѣ; предварительно же посмотримъ на общій ходъ переговоровъ.

Заявленіе пословъ было очень смѣло: московскій великій князь нарушилъ мирное окончанье съ зятемъ; незаконно захватилъ города и волости; началъ вой-

ну, благодаря коей льется христіанская кровь и радуется поганство. Александръ Казиміровичъ и его братъ Владиславъ желаютъ прекращенія кровопролитія и возвращенія городовъ и волостей, захваченныхъ московскими войсками. Иванъ Васильевичъ молча выслушалъ рѣчи пословъ; выслушала ихъ и великая княгиня Софія Ѳомишишна; оба приняли грамоты отъ дочери на ихъ имя, и только спустя недѣлю было приказано посламъ быть на государевомъ дворѣ, гдѣ бояре, и во главѣ ихъ Яковъ Захаровичъ, сообщили посламъ отвѣтъ государя. Иванъ III сдержанно объявлялъ, что докончанье нарушилъ не онъ, а зять, и привелъ длинный перечень проступковъ литовскаго государя. Заключение въ отвѣтъ было столь же смѣло, что и требованіе Александра: Русская земля его «отчина» и «не то одно наша отчина, кои города и волости нынѣ за нами, а вся русская земля Божіей волей, изъ старины, отъ нашихъ предковъ и прародителей наша отчина». Такимъ образомъ обѣ стороны заявили такія требованія, что о мирѣ нечего было и думать.

Тѣмъ временемъ между московскими боярами и послами, уже не отъ имени короля, но отъ имени польской и литовской рады, шли болѣе интимные переговоры, а посредникомъ ихъ являлся венгерскій посоль... Но Иванъ Васильевичъ стоялъ на своемъ и требовалъ всей русской земли. Изъ этой невозможной дилеммы нашли, наконецъ, приличный выходъ: 17 марта 1503 года послы подали записку уже не о мирѣ, а только о перемиріи. Переговоры о послѣднемъ тянулись нѣсколько дней: спорили о волостяхъ, наконецъ, столковались, и перемирная грамота была

написана. Перемиріе заключили на 6 лѣтъ, и Иванъ Васильевичъ получилъ всѣ волости, имѣ занятыя во время войны, не добился одного Смоленска. 28 марта 1503 года грамота была скрѣплена крестнымъ цѣлованьемъ со стороны великаго князя, но передъ отпускомъ пословъ Иванъ Васильевичъ вспомнилъ о дочери, и послы были принуждены сознаться, что папа дѣйствительно неоднократно требовалъ отъ Александра — привести жену въ послушаніе римскому престолу; послы сознались, что и по сіе время ватскій посолъ находится въ Польшѣ и спрашивали: не желаетъ ли московскій государь снестись съ папой? Такъ дипломатично постарались послы выгородить своего государя отъ отвѣтственности и поставить Ивана III лицомъ къ лицу съ римскою куріей, настоящей виновницей всей смуты и войны. Московскій государь отвѣтилъ гордо, что до папы ему дѣла нѣтъ, и напомнилъ Александру свои прежнія требованія о непринужденіи Елены Ивановны къ переходу въ римскій законъ, о церкви и такъ далѣе.

Ивану же Сапѣгѣ великій князь передалъ отвѣтную грамоту на имя дочери, о коей мы скажемъ далѣе.

Для составленія этой главы послужили слѣдующіе источники и пособія: Акты, относ. къ исторіи Зап. Россіи т. I; Сборникъ Императ. Русскаго Историч. общества т. 35. 1882; Theiner, Vetera monumenta Poloniae. т. I, 1861 г.; Стрыйковскій, Chronica (польское изданіе); Карамзинъ т. 6, изд. Смирдина 1852; Соловьевъ Ист. Россіи; Иловайскій, ист. Россіи т. II; Макарій Исторія русской церкви т. IX; Чистовичъ, Исторія западно-русской церкви; Ярушевичъ, Ревнитель православія кв. К. И. Острожскій 1897 г.; Карповъ, Исторія борьбы Моск. госуд. съ Польско-Литовскимъ 1867 г.; Encyklopedia powszch.; Нарбутъ—т. 8; Gołębiowski, Dzieje polski. W. 1848 т. III.

XII.

Участіе Елены Ивановны въ политическихъ событіяхъ. Письмо ея.

Въ настоящей главѣ мы постараемся отмѣтить долю участія Елены Ивановны въ политическихъ событіяхъ и надѣемся доказать значеніе ея дѣятельности.

Но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о политическихъ событіяхъ въ Польшѣ и Литвѣ со дня смерти польскаго короля Яна Альбрехта, 8 іюня 1501 года, по январь того же года.

Голембiовскій въ своей исторіи Польши за время царствованія Ягеллоновъ ссылается на рядъ интересныхъ документовъ изъ библіотеки Радзивилловъ въ Несвижѣ и изъ архива короля Станислава Августа; въ примѣчаніяхъ къ исторіи эти документы приводятся имъ частью сокращенно въ переводѣ на польскій языкъ, частью въ подлинныхъ выраженіяхъ по-латыни. Изъ этихъ документовъ видно, что тотчасъ же по смерти Яна Альбрехта у Александра завязалась дѣятельная переписка съ его братомъ, кардиналомъ Фридрихомъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ, примасомъ польскаго духовенства въ королевствѣ. Главнымъ предметомъ переписки было—

избраніе Александра въ польскіе короли, при чемъ кардиналъ обѣщаль ему свое содѣйствіе и дѣйстви- тельно исполнилъ свое обѣщаніе. Такъ 4 августа 1501 года ⁶¹⁾ Фридрихъ пишетъ Александру: «читаль твое письмо матери. Мы оба увѣрены, что ты будешь домогаться короны польской приличнымъ способомъ, а не силой и оружіемъ, какъ о томъ ходитъ о тебѣ молва». Александръ поспѣшилъ оправдаться и уже въ половинѣ августа 1501 года пишетъ отвѣтное письмо кардиналу и проситъ его быть посредникомъ между имъ и матерью: смягчить нерасположеніе къ нему матери (изъ-за жены) и постараться снять съ нихъ обоихъ незаслуженныя обиды и оскорбленія; они оба де съ женой желаютъ выказать матери покорность. Приводимъ въ переводѣ подлинныя любопытныя выраженія. «Да соблаговолитъ Ваша Свѣтлость успокоитъ раздраженіе Ея Величества (т.-е. Елизаветы) и да соблаговолитъ умягчить ее, увѣряя отъ нашего имени, что мы, согласно нашему обычаю, желаемъ поступать согласно волѣ Ея Величества вмѣстѣ съ супругой нашей, которая предоставляетъ себя въ полное распоряженіе Ея Королевскаго Величества и желаетъ не менѣе, чѣмъ послѣдняя раба, служить Ея Величеству и все, что ни соблаговолитъ Ея Величество, все то исполнить она съ полной радостью и покорностью. И да не думаетъ Ея Величество, что обычай и настроеніе моей супруги таковы, каковыми усматриваетъ ихъ Ея Величество и каковые, быть можетъ, въ моей супругѣ Ея Величеству не понравились. Въ настоящее время ея обычай и настроеніе таковы, что не возбудятъ неудовольствія

Ея Величества, а что должно будетъ ей не понравиться, все то будетъ измѣнено согласно волѣ и желанію Ея Величества. Такимъ образомъ какъ мы, такъ и наша супруга желаемъ и общаемъ служить Ея Величеству и повиноваться во всемъ, согласно нашему обычаю»⁶²). (Ex. M. S. Bibl. Rad. Nesvis 1501).

Письмо это, написанное, конечно, не безъ вѣдома и не безъ участія Елены Ивановны, подтверждаетъ нашу мысль, что ею было сдѣлано все возможное, чтобы не быть помѣхой мужу и пособствовать его избранію. Въ силу этой переписки кардиналъ Фридрихъ черезъ посредство Яна Ласоцкаго, далъ знать своему брату Владиславу, королю венгерскому, что хотя онъ лично былъ на сторонѣ Владислава и дѣйствовалъ въ его пользу, но въ Польшѣ желали самостоятельнаго отъ Венгріи короля и болѣе тѣснаго союза съ Литвой, и это желаніе перетянуло всѣхъ на сторону Александра⁶³).

Такъ сильно было стремленіе римской куріи и католической партіи въ Польшѣ и Литвѣ во что бы то ни стало сохранить и скрѣпить связь Литвы съ Польшей, что несмотря на то, что Елена Ивановна своимъ упорствомъ нанесла имъ чувствительный ударъ и пораженіе, они все это проглядѣли сквозь пальцы и, въ концѣ-концевъ, настояли таки на избраніи Александра въ короли. Изъ двухъ зогъ выбирали меньшее: тяжело имъ было видѣть схизматичку на тронѣ Польскомъ, еще тяжелѣе было бы имъ потерять Литву навѣки.

Покорившись силѣ судьбы, папа римскій и польское духовенство тѣмъ не менѣе были въ высшей степени раздражены и съ трудомъ выносили посрам-

леніе. Легко понять поэтому, что прїездъ Елены Ивановны въ Краковъ послѣ коронованія мужа переполнилъ чашу ихъ терпѣнія и возбудилъ ропотъ и негодованіе въ клерикальномъ мірѣ и въ средѣ краковского соборнаго капитула. Члены послѣдняго открыто и громко заявляли, что договоръ о бракосочетаніи московской княжны съ великимъ княземъ литовскимъ есть дѣло легкомыслія Александра; онъ де плохой христіанинъ, и самое присутствіе его оскорбляетъ Бога.

Желая обуздать дерзкія выходки, Александръ при отъѣздѣ своемъ изъ Кракова, приблизительно около марта или апрѣля 1502 года, написалъ кардиналу Фридриху письмо, гдѣ рѣзко осуждалъ поведеніе краковского капитула⁶⁴). Перечисливъ всѣ вышеприведенныя выходки, онъ прибавляетъ далѣе: «между тѣмъ въ дѣлѣ о бракосочетаніи мы дѣйствовали лишь съ согласія папы и съ содѣйствія кардинала Фридриха. Какъ бы то ни было, краковскому капитулу не подобаетъ въ это вмѣшиваться: это соблазнъ и худой примѣръ для младшихъ. Другое дѣло, если бы лица высшія по своему положенію и по своему посвященію выразили бы намъ свои мысли письменно и подъ секретомъ... мы были бы имъ благодарны даже, но мы не допустимъ выходокъ, подобныхъ вышеприведеннымъ». Это рѣзкое письмо короля показываетъ уже, насколько онъ успѣлъ эмансипироваться изъ подъ ферулы Рима; онъ чувствовалъ, что не столько онъ нуждается въ католической партіи, сколько она въ немъ, а потому и набрался смѣлости.

Стараясь смягчить гнѣвъ короля и выгородить

капитулъ, кардиналъ Фридрихъ бралъ отчасти вину на себя. Онъ отвѣчалъ: «Поводомъ къ неудовольствію на краковскій капитулъ можетъ-быть послужило то, что хотя, дѣйствительно, мнѣ еще въ Римѣ былъ довѣренъ интересъ бракосочетанія Вашего Величества, но я нашелъ нужнымъ посоветоваться и съ другими лицами, болѣе меня свѣдующими и просвѣщенными»... отчего и вышелъ де весь шумъ⁶⁵).

Нельзя не отмѣтить перемены въ тонѣ Александра при введеніи теперь переговоровъ. Онъ осторожно пишетъ брату, съ достоинствомъ держитъ себя по отношенію къ римскому духовенству, онъ иначе ведетъ переговоры и съ Московскимъ государемъ. Во время же Молдавскаго похода и передъ войной рѣчи его были задорны, легкомысленны. Теперь Александръ измѣнился подъ вліяніемъ ударовъ судьбы и, думая, подъ вліяніемъ жены, которая умѣла вести переговоры и съ отцомъ и съ панами.

Мы уже говорили выше, что надежды Александра на удачный исходъ войны при помощи Польши не оправдались и государство оказалось на краю гибели,—и вотъ сами гордые польскіе прелаты, съ кардиналомъ Фридрихомъ во главѣ, были вынуждены обратиться къ Еленѣ Ивановнѣ съ смиренной мольбой о посредничествѣ передъ ея грознымъ отцомъ. Самое содержаніе этого посланія намъ неизвѣстно, знаемъ только заглавіе рукописи; оно гласитъ: *Fredericus Cardinalis caeterique Episcopi Regni Poloniae, Elenae Reginae, Conjugi Regis Alexandri O rośrednictwo*⁶⁶), то-есть: кардинала Фридриха и прочихъ епископовъ королевства Польскаго, Еленѣ королевѣ, супругѣ короля Александра. О посредни-

чествѣ. (M. S. Bibl. Rad. Nesvis). Въ той же библиотекѣ Радивиловъ въ Несвижѣ значится полный достоинства отвѣтъ Елены Ивановны, а именно: (M. S. Bibl. Rad. Nesvis. 1502 d. 28 7-bris, то есть 28 сентября). List Heleny krolowéj do Fryderyka kardynała i biskupow polskich, z Minska pisanu. Приводимъ переводъ съ польскаго: Письмо королевы Елены къ кардиналу Фридриху и польскимъ епископамъ въ Минскѣ писанное ⁶⁷). «Получила я письмо ваше, въ которомъ вы высказываете вашу печаль по поводу войны между моимъ мужемъ и отцомъ и не скрываете удивленія вашего, что я, столь близко имъ обоимъ родственная, не дѣлаю усилій прервать ее, что доставило бы мнѣ великую славу. Мои чувства были тождественны съ вашими: скорбѣла о томъ, но покорная мужу, ничего не смѣла предпринять безъ его воли, а разъ вы меня вызвали, примусь за дѣло охотно, лишь только получу разрѣшеніе на то отъ короля».

Письмо Елены Ивановны писано по польски; между тѣмъ вся переписка Александра ведется на латинскомъ языкѣ. Фактъ интересный, онъ показываетъ намъ, что королева знала польскій языкъ и вела переписку самостоятельно. Латинскій языкъ, какъ ей неизвѣстный, не былъ пригоденъ.

Это письмо Елены Ивановны несомнѣнно доказываетъ, что она не иначе согласилась вмѣшаться лично въ политику и взять на себя хлопоты о посредничествѣ, какъ только заручившись письменнымъ на то согласіемъ Рима и его сторонниковъ въ Польшѣ и Литвѣ. Краковскія событія послужили ей хорошимъ предостереженіемъ, а она, подобно отцу, всегда

осторожная и осмотрительная, воспользовалась первымъ представившимся ей случаемъ. Александръ, отнынѣ дѣйствуя въ полномъ согласіи съ женой, оказалъ ей сильную поддержку. Вскорѣ послѣ того, приблизительно около ноября 1502 года, Александръ пишетъ венгерскому королю: «О мирѣ съ великимъ княземъ московскимъ хлопочетъ наша жена и литовскіе сенаторы; тѣмъ не менѣе благодаримъ за отправку туда же Сигизмунда Сантая». Въ томъ же Архивѣ ⁶⁸⁾, королевской метрики встрѣчаемъ любопытный отвѣтъ Сантая Ивану Васильевичу. «На вопросъ великаго князя русскаго сообщилъ ему, что не имѣю никакихъ свѣдѣній насчетъ костела въ Вильнѣ, но въ лагерѣ видѣлъ королеву и ея дворъ въ святынѣ русской».

Таковы были предварительныя хлопоты и переговоры о мирѣ въ самой Литвѣ и Польшѣ, прежде чѣмъ великое посольство 4 марта 1503 года прибыло въ Москву. Мы видимъ, что великая княгиня принимала въ нихъ самое живое личное участіе. Столь же дѣятельное участіе принимала она и въ Москвѣ черезъ посредство своихъ личныхъ представителей: Войтеха Яновича Ключко, и Ивана Семеновича Сапѣги, ея канцлера. Всѣ они, конечно, имѣли отъ нея наказы, но еще большее историческое значеніе имѣютъ ея письма на имя отца, матери и братьевъ, которыя она прислала въ Москву вмѣстѣ съ посольствомъ, и тѣ изустныя рѣчи, которыя Сапѣга держалъ отъ ея имени и согласно ея наказу ⁶⁹⁾.

Прошло пять лѣтъ съ 1498 года, какъ прервалась ея переписка съ отцомъ, и только теперь, въ

1503 году, она впервые возобновилась. Но какая перемена! Тогда писала неопытная робкая ученица, тренетавшая передъ своимъ строгимъ учителемъ-отцомъ, не смѣвшая шагу ступить, платье переменить безъ его согласія; нынѣ это пишетъ королева польская, побѣдоносно выдержавшая борьбу съ римскимъ престоломъ; искусная въ обхожденіи съ кардиналами и прелатами, черезъ Краковъ заглянувшая и въ Западную Европу. Возможно ли, чтобы въ письмахъ женщины, прошедшей такую школу и выучку не сказалась бы эта перемена и въ тонѣ, и въ оборотахъ рѣчи, и въ самой манерѣ выражаться, и въ самомъ ея языкѣ русскомъ?

Письма Елены Ивановны извѣстны съ давнихъ поръ и приводятся цѣликомъ въ большинствѣ историческихъ трудовъ; не говоря уже объ издашіяхъ актовъ того времени. Польскіе писатели нѣсколько разъ переводили ихъ и пользовались ими, какъ матеріаломъ для характеристики великой княгини. Они видятъ въ этихъ письмахъ памятникъ такта и сердечнаго участія Елены Ивановны въ политическихъ дѣлахъ ея новаго отечества; во ихъ словамъ, въ нихъ сказался «весь умъ, все сердце княгини».

Другіе историки, особенно русскіе, относятся къ письмамъ презрительно, приравнивая ихъ къ обыкновеннымъ посольскимъ рѣчамъ; отрицаютъ въ нихъ личное участіе Елены Ивановны и называютъ ихъ «воплемъ несостоятельной литовско-польской брачной политики».

Посмотримъ чей взглядъ справедливѣе?

Письмо Елены Ивановны пространно. По общему своему тону оно, дѣйствительно, подходитъ

къ тону посольскихъ рѣчей и недаромъ Иванъ Васильевичъ упрекалъ дочь въ неискренности. Да иначе и быть не могло: это письмо было официальное, известное литовско-польскому правительству; въ немъ великая княгиня и королева являлась представительницей интересовъ своего мужа и государства, а цѣль письма была—способствовать заключенію мира,—поэтому дико было бы съ ея стороны противорѣчить посланью. По нашему мнѣнію официальная часть письма составлена въ канцеляріи великой княгини ея канцлеромъ Иваномъ Семеновичемъ Сапѣгой, была просмотрѣна Еленой Ивановной и одобрена литовскимъ правительствомъ, но средняя часть письма—ярическая несомнѣнно продиктована ею Сапѣгѣ и записана имъ съ ея словъ. Здѣсь она имѣла въ виду не только своего отца, но и подданныхъ своего мужа; это былъ какъ бы ея оправдательный манифестъ во всеуслышаніе русскихъ, литвиновъ и поляковъ. Здѣсь Еленѣ Ивановнѣ представился удобный случай оправдаться въ глазахъ послѣднихъ во взводимыхъ на нее нареканіяхъ со стороны родственниковъ Александра, его пановъ и католическаго духовенства, налить всю душу и всю горечь, накопившуюся за столько лѣтъ молчаливыхъ страданій. Умная и дальновидная, могла ли она унестить подобный случай? Она имъ воспользовалась вполне и достигла своей цѣли. Ея письмо имѣло огромный успѣхъ у современниковъ, да и впоследствии всегда читалось и комментировалось съ интересомъ. Мѣстами очень ярко и драматично рисуется положеніе самой княгини и слышится сдерживаемое горькое чувство и потому, несмотря на

искусственное построение рѣчи, на неискренность, которая поражаетъ всякаго знакомаго съ истиннымъ ходомъ политическихъ дѣлъ, задушевность иныхъ строкъ и глубокая скорбь, просвѣчивая порой, подкупаютъ невольно читателя. Польскіе писатели правы, когда придаютъ письму важное значеніе для характеристики самой княгини: оно дѣйствительно является важнымъ вещественнымъ памятникомъ ея дѣятельности тѣмъ болѣе, что онъ не единственный, а подкрѣпляется другими подобными же. Въ ея перепискѣ съ отцомъ, веденой внѣ всякаго вліянія литовской канцеляріи, мы уже встрѣчали выраженія, не менѣе сильныя по своей задушевности; ловкость съ какою она, еще неопытная, умѣла отвѣчать отцу и выпутываться изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ ее зачастую ставилъ, подтверждаетъ то, что она была вполне способна продиктовать и свое письмо кардиналу Фридриху.

Письмо Елены Ивановны къ отцу заслуживаетъ полнаго вниманія и каждый, кто прочтетъ внимательно, можетъ замѣтить двойственный, такъ сказать, характеръ его. Начинается оно обычнымъ вступленіемъ: «Государю отцу моему Ивану, Божіею милостью государю всея Русіи (Елена Ивановна всегда признавала за отцомъ этотъ титулъ)... Елена, Божіею милостью королеваа Полская и великая княгини Литовскаа, Рускаа... дочи твоя, челомъ біетъ», за которымъ слѣдуетъ, въ спокойномъ дѣловомъ тонѣ, официальная часть письма. Королева всецѣло стоитъ за интересы Литвы; она знаетъ, что мужъ ея послалъ своихъ великихъ пословъ потолковать объ обид-

ныхъ дѣлахъ, чинимыхъ его государству отъ Москвы. Описывая бѣдствія войны,—«кровь христіанская пролилась»,—Елена Ивановна винить отца и оправдываетъ мужа. Она указываетъ, что отецъ выдалъ ее за такого же брата, какъ онъ самъ, и что за нею ничего не далъ, а мужъ держитъ ее тѣмъ не менѣе въ чести и въ любви. О религіозныхъ притѣсненіяхъ она умалчиваетъ, но это умолчаніе есть уже краснорѣчивое доказательство. Будь малѣйшая возможность, Елена Ивановна постаралась бы опровергнуть обвиненія въ притѣсненіяхъ: упомянула же она, что ходитъ въ церковь, что въ Краковѣ и по всѣмъ польскимъ городамъ правила службу на дворѣ своемъ по уставу св. греческой церкви. Наконецъ, королева напоминаетъ отцу, что мужъ неоднократно пробовалъ завести переговоры о мирѣ, но тщетно. Тяжелое положеніе Литовскаго государства заставляетъ родню Александра и пановъ разочароваться въ бракѣ великаго князя... «Матка его, и братья его короли, и зятя его и сестры и панове рада его... всѣ надѣялися чтобы со мною зъ Москвы на Литву пришло все доброе»... а между тѣмъ они «видятъ, что со мною все лихо къ нимъ вышло». Упомянутое о роднѣ мужа вызываетъ скорбный вопль Елены Ивановны: «Помысль, государю отче... и умилосердись!» Вслѣдъ затѣмъ начинается наиболѣе картинная и душевная часть письма: здѣсь говорить уже не королева, не жена Александра Казиміровича, здѣсь дочь съ глубокою скорбью рисуетъ отцу тяжелую картину своего состоянія: «Я, служебница и дѣвка твоя, и подножье твое, Господа Бога со слезами молила, чтобы тебе Господь Богъ держалъ на

многіе гѣта здороваго, счастливаго, веселаго...» а его здоровіемъ и ей «мирное пребываніе въ государствѣ, а отъ государя моего любовь, а отъ нашихъ земель подданныхъ дары и служба, пно, господине, твоимъ нежалованіемъ все то мнѣ обернулось въ горькія слезы». Слова «какъ ми очи свои указати свекрови своей, и которымъ потѣшеніемъ имать обоглати и невидѣти мене дѣверъ мой...» звучатъ на образецъ народныхъ причитаній и плачей, примѣръ которыхъ можно встрѣтить и на страницахъ летописей. Достигнувъ высшей точки своей въ словахъ: «Лучше ми было подъ ногами твоими, государя своего, въ твоей землѣ умерети, нежели тую славу о себѣ чюти», плачь Елены Ивановны обрывается: она отъ скорби своей не можетъ «шире» писать и переходитъ на дѣловой тонъ. Она проситъ отца согласиться на миръ, проситъ милостиво выслушать пословъ ея мужа, проситъ ради ея тяжелаго положенія; указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на ту пользу, какую принесетъ заключеніе мира для церкви и для людей греческаго закона, а ей «великое въ вѣрѣ подтверженіе». И снова вырывается изъ устъ ея лирическое отступленіе: «вся вселенная... толко на мене вопіеть,—коли бы де и она хотѣла, николи бы де и того лиха не было».

Лирическія отступленія и придаютъ письму Елены Ивановны особый интересъ. Помимо историческаго своего значенія, оно пріобрѣтаетъ значеніе литературнаго памятника. Въ нашей древней литературѣ мало произведеній этого рода, а письму Елены Ивановны, сверхъ того, нельзя отказать въ художествен-

ныхъ достоинствахъ, въ задумчивости и въ производимомъ на читателя впечатлѣніи *).

Таково письмо, которое Иванъ Салтѣга подастъ отцу и братьямъ, и сверхъ того правиль челобитье Елены Ивановны, то-есть говоритъ рѣчь отъ ея имени къ отцу. Это происходило въ день официальнаго приѣма посольства, но въ отсутствіе пословъ, удалившихся на половину Софіи Ѳоминышны; Салтѣга же носилъ къ ней — Софіи — письмо дочери, но также наединѣ отъ пословъ.

Челобитье Елены Ивановны къ отцу по существу своему не отличается отъ письма. Въ немъ великая княгиня сообщаетъ отцу, что ей вѣдома цѣль посольства, и она проситъ отца утолить гнѣвъ свой на зятя и прекратить войну, изъ-за которой льется христіанская кровь и радуется поганство. Въ заключеніе рѣчи Елена Ивановна повторяетъ о своемъ тяжеломъ положеніи: отовсюду слышитъ она упреки, что война ведется изъ-за нея; что будь желаніе Елены Ивановны иное, отецъ изъ любви къ дочери послушался бы ея. Проситъ, подѣ конецъ, великая княгиня отца не сердиться на то, что въ письмѣ своемъ *широко* пишетъ, другими словами, извиняется, что можетъ быть написала что лишнее, отступивъ отъ московскаго образца; выражалась витіевато, а не въ московскомъ дѣловитомъ трезвомъ духѣ.

Въ письмахъ къ матери и братьямъ выпущена политическая часть; сохранены многія лирическія мѣста въ сжатомъ видѣ и просьбы о заступничествѣ.

Иванъ Васильевичъ оцѣнилъ письмо дочери по

*) Интересный вопросъ представляетъ самый языкъ письма, какъ языкъ смѣшанный.

своему. Въ политическихъ дѣлахъ онъ руководился одними государственными соображеніями. Въ письмѣ Елены Ивановны онъ обратилъ вниманіе только на религіозный вопросъ, и сверхъ того замѣтилъ: «не пригоже тебѣ дочка не по дѣлу намъ писати». Онъ негодуетъ, что она обманула его: скрыла религіозныя притѣсненія въ то время, когда послы ея мужа сами сознались въ папскихъ насиліяхъ. Тяжелое положеніе дочери обезпокоило Ивана Васильевича только въ одномъ отношеніи: не учинила бы нечести роду своему и закону греческому, не соблазнилась бы въ латинство—и поэтому оба, отецъ и мать, строго-на-строго наказываютъ дочери блюсти вѣру православную «и хоти будетъ тебѣ, дочка, про то и до крови пострадати и ты бы пострадала, а того бы еси не учинила». Такъ онъ учитъ ее сурово, безъ тѣни какой либо чувствительности, потому что и самъ бы такъ поступилъ при случаѣ: не пожалѣлъ бы и самого себя. Москва въ ту пору не научилась еще играть словами: слово соотвѣтствовало мысли, а дѣло—слову. Если же, продолжаетъ онъ, она покривитъ душою,—отецъ и мать лишатъ ее благословенія, а съ зятемъ Иванъ Васильевичъ будетъ вести рать безъ конца.

Этотъ наказъ—отвѣтъ на челобитье, а не на письмо—Иванъ Васильевичъ сообщилъ Сапѣгѣ 4 апрѣля 1503 года.

7-го числа апрѣля посольство тронулось въ обратный путь. Въ тотъ же день, 7 числа, въ девятомъ часу утра, скончалась Софія Палеологъ.

Семейныя тревоги и несогласія, государственныя заботы и труды, смерть жены подорвали здоровье Ивана Васильевича: онъ сталъ хворать.

Къ этому времени, то-есть ко времени пребыванія пословъ въ Москвѣ, относится любопытный фактъ: Елена Ивановна посылала къ греку Юрію Малому на Москву порученіе купить ей чернаго соболя на шапку. Намъ думается, что врядъ ли Елена Ивановна, покупавшая мѣха сотнями и тысячами, посылала на Москву ради одного соболя на шапку. Грекъ Юрій Малый былъ близкое липо къ Софіи Ѳомиинишнѣ и ея сыну Василю Ивановичу, который одно время даже имѣлъ намѣреніе жениться на родственницѣ Юрія. Намъ сдается, что соболь былъ лишь предлогомъ; на самомъ дѣлѣ за нимъ скрывалась секретная переписка Елены Ивановны съ матерью и братомъ, при чемъ Малый служилъ посредникомъ. Ей естественно было желать объясниться съ матерью по душѣ и примириться съ нею и отцомъ, а также узнать всѣ семейныя новости за пятилѣтній періодъ времени, когда столько трагическаго случилось на Москвѣ и касалось самыхъ близкихъ ей лицъ. Сапѣгѣ нельзя было довѣриться, и ему бы не довѣрили въ Москвѣ; грекъ Юрій былъ самое подходящее для того лицо. Судя по отвѣту Ивана Васильевича, о чемъ скажемъ далѣе, Еленѣ Ивановнѣ удалось вполне помириться и возстановить прежнія дружескія отношенія со своей семьей.

Похоронивъ жену, отпраздновавъ Пасху—16 апрѣля 1503 года—Иванъ Васильевичъ снарядилъ отвѣтное посольство въ Литву для присутствованія при крестномъ цѣлованіи со стороны Александра и по поводу другихъ дѣлъ. Для Литвы условія перемирія были очень тяжелы, и Александръ медлилъ скрѣпить

грамоту крестнымъ цѣлованіемъ; произошли къ тому же и другія довольно крупныя недоразумѣнія, повлекшія за собой даже арестъ пословъ. Такимъ образомъ московское посольство пребыло въ Литвѣ до сентября 1503 года.

Просматривая статейные списки этого посольства, нельзя не замѣтить, что сношенія съ Еленой Ивановной составляютъ главную ихъ сущность и значеніе.

Побывавъ у короля, послы отправились къ королеві, гдѣ состоялся офиціальныи пріемъ въ присутствіи ея свиты и канцлера Ивана Сапѣги. Послы передали поклоны и подарки отъ отца и братьевъ, и королева приказала имъ сѣсть. Посидѣвъ немного, главный посолъ Петръ Плещеевъ всталъ и сообщилъ Еленѣ Ивановнѣ, что, волею Божіею, ея мать, великая княгиня Софія Ѳоминишна, скончалась и, отходя со свѣта, приказала передать дочери ея прощеніе и благословеніе и послала ей золотой крестъ съ животворящимъ древомъ и съ мощами. Съ этими словами Плещеевъ и передалъ ей завѣщанныи даръ. Нѣсколько времени длилось молчаніе. Молчаніе прервалъ Губа Маклаковъ. Передавая великой княгини изъ рукъ въ руки три черныхъ соболя, онъ сказалъ: «ты приказывала къ Юрію Малому къ греку, а велѣла себѣ купити соболь черный на шапку, и отецъ твой, госпоже, послалъ тебѣ три соболя черныхъ». Такъ любезно отвѣтилъ Иванъ Васильевичъ на просьбу дочери и вмѣсто одного прислалъ ей цѣлыхъ три. Замѣтимъ еще, что офиціально недовольный дочерью, онъ относился къ ней частнымъ образомъ привѣтливо, ибо секретная переписка разсѣяла тучи. Затѣмъ

послы перешли къ очереднымъ дѣламъ и сообщили официальный отвѣтъ Ивана Васильевича на известное уже намъ официальное письмо Елены Ивановны. Приводимъ письмо Ивана Васильевича или скорѣе его наказы, ибо послы не читали, а передали его изустно, какъ то было въ обычаѣ того времени.

«Ты говоришь, что въ Литвѣ надѣялись получить съ тобой все доброе: миръ и любовь, а вышло иначе; изъ-за тебя де вышла ссора и кровопролитіе, благодаря кознямъ князей отъѣздчиковъ: Стародубовскаго, Шемячича, Бѣльскаго и иныхъ, но то неправда: не на тебѣ вина и не на князьяхъ: послѣдніе отстаивали свою вѣру, и ты сама подверглась вмѣстѣ съ князьями насильственной проповѣди и понужденію перейти въ латинство; и къ тебѣ, и къ князьямъ мужъ твой подсылалъ отметника смоленскаго епископа Іосифа, бискупа Виленскаго, чернецовъ бернардиновъ. Мало того, послы твоего мужа сами сознались, что папа не разъ писалъ твоему мужу, чтобы нудилъ тебя въ латинство, и предлагали мнѣ свестись о томъ съ папой, но я отказался, потому что мнѣ до папы дѣла нѣтъ: у меня было дѣло не съ папой, а съ твоимъ мужемъ,—онъ и въ отвѣтъ. Я чаялъ, дочка, черезъ тебя видѣть укрѣпленіе греческаго закона на Литвѣ, а вышло обратное и такія притѣсненія, какихъ прежде не бывало, отчего князья и бѣжали, обороняя вѣру. Я чаялъ, дочка, что ты, ради родства и спасенія души своей, будешь говорить правду намъ, а не ложь, а ты дочка гораздо ли дѣлаешь, что къ намъ неправду приказываешь, будто тебѣ о вѣрѣ насилія не было, а намъ, дочка, гораздо вѣдомо, что тебѣ о вѣрѣ насилія

были». Отвѣтъ заканчивается наказомъ держаться твердо греческаго закона, хлопотать о церкви, и прочее. Затѣмъ слѣдуютъ наставленія отъ своего лица и отъ имени усопшей матери;—благословеніе, если пребудетъ тверда въ вѣрѣ,—проклятiе, если отступитъ и посрамитъ свой родъ, и неизмѣнное суровое *memento mori*: «а хоти будетъ, дочка, про то тебѣ и до крови пострадати и ты бы пострадала, а того бы еси не учинила».

Приемъ кончился, но тутъ канцлеръ Иванъ Семеновичъ Сапѣга обратился къ посламъ и тихо спросилъ ихъ: «Есть ли у нихъ наказъ Ивана Васильевича противъ тѣхъ рѣчей, что онъ говорилъ отъ имени княгини-королевы отцу ея въ бытность его, Сапѣги, въ Москвѣ еще въ мартѣ мѣсяцѣ?» Послы также тихо отвѣтили: «Есть! Но будутъ де говорить Еленѣ Ивановнѣ наединѣ, когда то будетъ удобно», при чемъ прибавили, что привезли грамоту и самому Сапѣгѣ.

Передъ нами происходитъ нѣчто интересное, что приподымаетъ завѣсу и бросаетъ свѣтъ на многое. Статейные списки вполне подтверждаютъ существованіе, кромѣ официальной переписки, другой, полуофициальной, съ вѣдома Александра, но въ секретѣ отъ пановъ-рады и духовенства; посредникомъ здѣсь былъ Сапѣга. Но тамъ же, въ спискахъ, есть намекъ на существованіе третьей переписки, еще болѣе секретной, помимо Сапѣги, которому не довѣряли, и черезъ посредство близкихъ лицъ къ Еленѣ Ивановнѣ на Литвѣ и на Москвѣ. Для такихъ сношеній Юрій Грекъ былъ самое подходящее лицо.

Статейные списки сообщаютъ намъ содержаніе

тѣхъ наказовъ Елены Ивановны къ отцу, которые въ мартѣ мѣсяцѣ Иванъ Семеновичъ передалъ Ивану III.

Елена Ивановна объяснила отцу, что держится нерушимо греческаго закона и что отъ мужа своего мало терпитъ притѣсненія. Она указала на настоящихъ главныхъ виновниковъ несчастія: на кардинала Фридриха, епископа Войтеха и литовскихъ пановъ, которые много говорятъ хулы про греческій законъ и про нея самоё,—называютъ ее некрещеной. Благодаря этимъ лицамъ (о свекрови она умалчиваетъ), папа сталъ настаивать на ея обращеніи въ латинство. Таково было тяжелое положеніе Елены Ивановны по словамъ ея самой. Не легче приходилось Александру, и жена, понимая его щекотливое положеніе, жалѣла его, не въ силахъ была его обвинять и выгораживала отъ отвѣтственности. Кромѣ того она выражала опасеніе, что по смерти мужа ей придется плохо, потому что мужъ ея единственная опора на чужбинѣ. Она просила отца добыть у Александра новую грамоту, скрѣпленную подписью не только короля, но и кардинала Фридриха и бискупа Войтеха Табора. Тогда же въ мартѣ 1503 года, въ Москвѣ, Сапѣга представилъ проектъ грамоты, составленный имъ со словъ Елены Ивановны.

Всѣ эти указы были извѣстны Александру и Сапѣгѣ и, тѣмъ не менѣе, послы отказывались сообщить отвѣтъ Ивана Васильевича въ присутствіи Сапѣги—значить въ инструкціяхъ находились отвѣты на такіе вопросы Елены Ивановны, которые получились черезъ посредство другого лица, а не Сапѣги.

Иванъ Васильевичъ могъ вполнѣ остаться доволенъ

сообщеніями Елены Ивановны; онъ узналъ на дѣлѣ характеръ дочери: ея твердость и дальновидность, ея умѣнье пользоваться обстоятельствами и ковать же-лѣзо пока оно горячо, и восхищеніе грознаго отца сказалось въ словахъ: «ино то, дочка, дѣлаешь го-раздо (хорошо), что своей души бережешь, да и имени своего; нашъ наказъ памятуешь и имени на-шего бережешь».

Послы привезли съ собой также грамоту о под-твержденіи свободы вѣроисповѣданія. Она была на-писана отъ имени отца и согласно желанію Елены Ивановны со словъ ея проекта грамоты. Посламъ было приказано предварительно представить эту гра-моту на просмотръ королевѣ и затѣмъ уже подать королю для подписи. Вотъ еще доказательство, что Елена Ивановна лично руководила своей канцеляріей и Сапѣга никогда бы не осмѣлился написать что-либо безъ ея вѣдома.

Эта грамота почти тождественна съ первой; въ ней только одна, но очень важная прибавка: Александръ обязуется не только не нудить, но даже не давать воли, если она сама захочетъ приступить къ рим-скому закону. Вотъ какой стѣной огораживала себя королева отъ какихъ бы то ни было назойливыхъ увѣщаній и проповѣдей! Повидимому Елена Ивановна желала рѣшеніе вопроса о вѣроисповѣданіи соеди-нить за одно съ политическими переговорами, что было выгоднѣе и ручалось болѣе за успѣхъ, но Иванъ Васильевичъ, держась прежняго своего взгляда не смѣшивать государственныхъ вопросовъ съ семейны-ми, и здѣсь поступилъ также; сначала рѣшилъ споръ о границахъ и о перемиріи, тогда уже заговорилъ объ

интересахъ дочери. На Литвѣ—то же самое: московскіе послы сначала добились крестнаго цѣлованія отъ Александра и только тогда подали грамоту, подтверждающую вновь свободу совѣсти Елены Ивановны. Иванъ Васильевичъ хорошо зналъ, что если соединить эти вопросы воедино, то интересы дочери не иначе обезопасишь, какъ только уступкой какого либо города или волости.

На ряду съ вопросами о вѣрѣ, Елену Ивановну занимали финансовыя и экономическія соображенія. И здѣсь она не упустила изъ вида случая и времени похлопотать въ свою пользу. По ея приказанію Иванъ Семеновичъ Сапѣга предупреждалъ великаго князя московскаго, что свекровь, то-есть Елизавета австрійская, уже стара и въ случаѣ ея смерти великая княгиня проситъ отца похлопотать за нея у мужа, дабы ей, Еленѣ Ивановнѣ, отдали бы въ Польшѣ тѣ города, которые шли въ удѣлъ польскимъ королевамъ. Отецъ обѣщалъ не забывать ее и беречь ея дѣло, обѣщалъ не только за себя, но и за своихъ сыновей-преемниковъ.

Вспомнивъ теперь, какою пріѣхала Елена Ивановна въ Литву и какою теперь стала,—видимъ въ ней большую перемѣну. Правда, основныя черты характера не измѣнились, но обозначились рѣзче: годы испытаній закалили ее. Она дѣйствуетъ самостоятельно и смѣло; дѣйствуетъ по очень опредѣленной программѣ. Она не хуже отца отдаетъ приказы, руководитъ своей канцеляріей, блюдетъ зорко свои интересы; знаетъ, когда смолчать, когда слово вымолвить; въ секретныхъ сношеніяхъ строго блю-

дѣть черту, перейдя которую легко впасть въ измѣну. Она осталась вѣрной дочерью православной церкви и на этой почвѣ сближалась съ отцомъ; съ другой стороны, какъ великая княгиня литовская, помнила интересы мужа—государя своего и своей страны.

Источниками для этой главы послужили: переписка Елены Ивановны съ отцомъ и посольскія рѣчи въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 35, 1882 г.; ссылки на рукописный материалъ библиотеки Радзивилловъ у Голембiovскаго, *Dzieje polski*, т. III. W. 1848.

ХІІІ.

Хозяйственная дѣятельность Елены Ивановны.

Война и послѣдующія событія отвлекли наше вниманіе отъ внутренней дѣятельности Елены Ивановны. Мы видѣли уже, какое тяжелое время она переживала за 1499 годъ, видѣли что къ 1501 году въ положеніи ея совершился поворотъ къ лучшему. Съ 1495 по 1499 годъ великая княгиня тщетно била мужу челомъ о волостяхъ; единственное имѣніе Жагоры, упоминаемое за это время, какъ ей принадлежащее, было ею куплено на собственныя деньги; въ промежутокъ же времени съ 1501 по 1506 года идетъ цѣлый рядъ жалованныхъ грамотъ Александра женѣ; про многія земли извѣстно, что онѣ пожалованы ей именно въ 1501 году.

Составить полную карту владѣній великой княгини нельзя. Извѣстны лишь тѣ земли, которыя упоминаются въ изданіяхъ актовъ, а сколько свѣдѣній о хозяйствѣ Елены Ивановны хранить, быть можетъ, литовская метрика! Только при полномъ перечнѣ владѣній можно будетъ рѣшить и другой интересный вопросъ, была ли у великаго князя руководящая мысль при пожалованіи той или другой волости или же это пожалованіе носило характеръ простой случайности.

Воспользуемся однако наличными данными и прослѣдимъ земли Елены Ивановны по картѣ. Владѣнія ея были расположены, по большей части, въ воеводствахъ Виленскомъ и Трокскомъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Вильны лежалъ дворъ Коняжинъ (съ 1501) и у самой границы Литовскаго государства волости Укольская и Друская, примыкавшія къ городу Бреславию, и самъ городъ Бреславль. Къ сѣверо-западу отъ Вильны были расположены на рѣкѣ Свентѣ имѣнія Оникшты, на Нѣманѣ—крупный изъ господскихъ дворовъ Вилькея и наконецъ, волости Жмудская и Дирванская. На восточной границѣ обширнаго Виленскаго воеводства находились имѣнія Княжичи и Тетеринъ (1501) и замокъ—городъ Могилевъ, бывшее вѣно Ядвиги (съ 1503).

Въ воеводствѣ Трокскомъ владѣнія были не столь разбросаны: въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга вдоль по Нѣману находились Ездненскій дворъ, Стеклишки, крупное имѣніе Бирштаны и волость Жлжморы. Не былъ ли также въ пользованіи княгини г. Ковно, этотъ оплотъ Литвы отъ нѣмцевъ? Охмистръ Елены Ивановны Войтехъ Яновичъ былъ и намѣстникомъ ковенскимъ.

На восточной московской границѣ Елена Ивановна владѣла въ Мглинскомъ повѣтѣ дворами Носово и Лосично (1501), волостью Городище (1501); близъ города Мстиславля—замкомъ Попова Гора: впоследствии отошедшимъ къ Москвѣ, и сильнымъ замкомъ Чечерскомъ; близъ Орши въ Витебской землѣ ей достались имѣнія князя Шемячича Обольцы и Смольняны (1501) и дворъ Городище Ново-

городскаго повѣта, бывшій за отъѣхавшимъ въ Москову княземъ Бѣльскимъ (1501).—Сверхъ того ей принадлежало нѣсколько имѣній въ разныхъ мѣстахъ, Тростенець близъ Минска, замокъ Гора подлѣ Вильны, городъ Городно на берегу Нѣмана ⁷⁰).

Наконецъ, преданіе говоритъ, что подлѣ Вильны въ живописной мѣстности Маркуци, находился загородной дворецъ великой княгини, ея любимое лѣтнее мѣстопробываніе. «Немудрено, что великая княгиня любила проводить здѣсь лѣтніе мѣсяцы. Берегъ Вилейки представляетъ въ томъ мѣстѣ крутой обрывъ, поросшій деревьями и кустарниками; внизу шумитъ рѣзвая Вилейка, прыгая по камнямъ и дѣлая причудливые повороты; противоположный, низменный берегъ, весь утопающій въ роскошной зелени, лежитъ совершенно у вашихъ ногъ... Однимъ словомъ, трудно оторваться отъ картины, представляющейся глазамъ съ высокаго крутого обрыва ⁷¹»). Маркуци были подарены Александромъ Казиміровичемъ женѣ и принадлежали повидимому къ такимъ же загороднымъ дворцамъ, какъ и Мѣдники. Послѣднія за Остробрамскими воротами были окружены густою лѣсною пущею, гдѣ великіе князья любили охотиться ⁷²). Елена Ивановна вѣроятно часто жила въ этихъ дворцахъ, а Маркуци заслужили ея особенную любовь вѣроятно своимъ видомъ, напоминавшимъ видъ на Москву рѣку.

Благодаря всѣмъ этимъ пожалованіямъ мужа Елена Ивановна могла испытывать нѣкотораго рода удовлетвореніе, могла успокоиться при мысли, что она, подобно московскимъ княгинямъ, подобно своимъ литовскимъ предшественницамъ, владѣла соб-

ственными волостями. Она могла примѣнить и дѣйствительно примѣнила на дѣлѣ свои хозяйственные способности, свое скопидомство, наслѣдственное въ родѣ Калиты. Недвижимая собственность да еще при условіяхъ землевладѣнія того времени придавала великой княгинѣ больше вѣса и значенія, расширила сферу ея дѣятельности. Елена Ивановна недаромъ воспиталась въ московской великокняжеской обстановкѣ XV вѣка: она хорошо понимала значеніе земельной собственности и упорно добивалась волостей не изъ за однѣхъ матеріальныхъ выгодъ,—однѣ деньги ее не удовлетворяли. Нѣкоторыя изъ владѣній Елены Ивановны были ей даны только въ пожизненное пользованіе; сюда относятся, конечно, города, напримѣръ: Могилевъ былъ данъ пожизненно, имѣнье Оболицы перешло впоследствии къ королевѣ Бонѣ. Большинство же земель было даровано королевѣ на полную ея волю, и она щедрою рукою раздавала эти земли на церкви, награждала ими своихъ приближенныхъ. Условія землевладѣнія въ XV и XVI вѣкахъ были таковы, что великая княгиня на ряду съ правами частнаго землевладѣльца пользовалась въ своихъ волостяхъ и правами государственными. Управление и судъ лежали всецѣло на землевладѣльцѣ. Послѣдній былъ обязанъ слѣдить за отбываніемъ государственныхъ повинностей со своего имѣнія; повинности же сводились — къ городской т. е. къ починкѣ укрѣпленій, къ дорожной—исправленіе мостовъ и дорогъ, къ военной. Послѣднюю несли на себѣ бояре и слуги данной волости. Надзоръ за точнымъ исполненіемъ этихъ повинностей и лежалъ на землевладѣльцѣ. Въ волостяхъ, особенно

столь обширныхъ и разнообразныхъ, каковы быв-
 шія во владѣніи Елены Ивановны, встрѣчались всѣ
 классы общества: отъ самыхъ высшихъ—бояръ до са-
 мыхъ низшихъ—рабовъ и подневольной челяди. За-
 бота объ охранѣ ихъ личности и имущества, над-
 зоръ за ихъ взаимными общественными отношені-
 ями тоже было въ вѣдѣніи землевладѣльца волости.
 Наконецъ и право суда надъ населеніемъ, жившимъ
 въ волости, принадлежало землевладѣльцу. Въ по-
 добнаго рода имѣніяхъ великій князь отрекался отъ
 всѣхъ своихъ правъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ,
 которыя онъ имѣлъ на всѣ имѣнія въ государствѣ
 въ качествѣ представителя верховной политической
 власти ⁷³). т. е. право войны и мира, право чекан-
 ки монеты, уголовный и гражданскій судъ при
 спорѣ владѣльцевъ волостей между собой, съ цер-
 ковью или въ случаѣ жалобъ на нихъ подвласт-
 ныхъ имъ лицъ. Надзоръ великскняжескихъ намѣ-
 стниковъ надъ подобными имѣніями былъ самый
 поверхностный. Такимъ образомъ Елена Ивановна
 въ своихъ обширныхъ, разбросанныхъ и разнохарак-
 терныхъ владѣніяхъ являлась не только въ роли
 простаго хозяина — эксплуататора земли, но и въ
 роли государственнаго дѣятеля. У нея были города
 или замки, дворы, дворцы и волости. Подъ во-
 лостью разумѣлась вообще совокупность земель-
 ныхъ участковъ, населеніе которыхъ составляло
 одну служило-тяглую и податную общественную
 единицу. Въ составъ волости входили города, и дво-
 ры съ ихъ угодьями и землями. Величина, богатство,
 заселенность подобныхъ волостей была, конечно, раз-
 лична.

Подъ дворомъ разумѣлась, собственно говоря, усадьба, гдѣ находились хоромы и клѣтки для должностныхъ лицъ и челяди, а также хозяйственныя постройки какъ-то: погребя, подклѣтки, свирни (амбары), клуны, стайни (хлѣва) и пр. пр. Лишь въ нѣкоторыхъ дворахъ находились помѣщенія для велико-княжеской семьи и ея свиты. Понятно, что ко двору-усадьбѣ примыкали дворныя земли и угодья. Хозяйственныя статьи были разнообразны: тутъ были и поля, и сѣножати, и ловы, и хмѣльники и мельницы; на примѣръ, въ инвентарѣ двора Смольняны значатся большія сѣножати, ловы, дани—медовыя, куничныя, бобровыя; при рѣкѣ стояла мельница; во дворѣ Ездненскомъ былъ хмѣльникъ. Инвентарь имѣнія Бирштаны, за время управленія его Еленою Ивановною, даетъ реальное представленіе объ одномъ изъ такихъ дворовъ.

«На память, съ чимъ дворъ Бирштаны королевой ее милости ся досталъ, а увязывалъ ее милость кн. Василій Полубанскій. Животины дворное знашолъ есми коровъ двѣ съ теляты, а чотыре безъ телятъ, воловъ десять, телятъ лонскихъ девятеро, а клячь семь, а свиной шесть, поросятъ девятеро... а жита чотыры стирты великіи, а пятая околоту... а пшеницы стожокъ. Челяди невольное сто и осмеро душъ подъ Юркеловою рукою; осочниковъ двадцать и чотыри; подъ волостнымъ приставомъ Петромъ осмдесять служобъ, подъ приставомъ посольскимъ Мацкомъ девеносто и тры службы, подъ Римошомъ сто служобъ, а пустовщинъ тридцать и чотыри, подъ Меркусомъ шестидесять и семь служобъ, а пустовщинъ одинадцать...»⁷⁴). Въ грамотѣ, жалованной Микитичу, подробно перечисляются границы владѣнія съ

большой точностью «Ганусовскому дворцу: почонши отъ озера Колниноса, рѣчкою Недрисною у Болю рѣчку, а Болею у рѣчку Першайку; а съ другое стороны съ того же озера—рѣчкою Аринкгисъ у рѣчку у Першайку жъ, а Першайкою до Немна» ⁷⁶). Такой дворъ могъ находиться въ городѣ, селѣ, могъ существовать отдѣльно, въ видѣ хутора; въ послѣднемъ случаѣ онъ, большею частью, назывался дворцомъ. Если дворъ находился въ городѣ или близъ него, то ко двору примыкали еще поселенія торгово-промышленнаго люда и мѣщанъ; если дворъ находился въ селѣ, то къ нему тянули земли крестьянскаго общества и мелкихъ землевладѣльцевъ.

Обширныя дворныя земли и угодья обрабатывались отчасти челядью т. е. рабами, жившими на продовольствіи хозяина, отчасти крестьянами, поселенными на дворныхъ земляхъ. Послѣдніе находились въ различнаго рода зависимомъ положеніи: одни—тяглые—обрабатывали земли и платили подати натурой; другіе служили по угодьямъ (какъ бортники и т. п.) или какъ ремесленники, третьи—данники—платили извѣстную сумму податей. Городовые мѣщане обязаны были также повинностями и иногда участвовали въ хозяйственныхъ работахъ. Наконецъ, были зажиточные крестьяне и мелкіе свободные землевладѣльцы, которые несли службу то военную (панцѣрные), то административную. Изъ ихъ числа выбирались слуги, которые иной разъ дослуживались до боярства.

Сложное хозяйство и смѣшанное населеніе требовало много заботъ и строгаго надзора. Цѣлый рядъ крестьянскихъ властей—приставовъ, сотскихъ и др. слѣдили за тѣмъ, чтобы челядь и крестьяне выхо-

дили на работу, чтобы во время собирались подати. Направлять ходъ работъ должны были тиуны, намѣстники и его помощники; высшія должностныя лица приводили въ извѣстность доходы имѣнія. Всѣ повинности и подати шли обыкновенно натурой, и на обязанности намѣстника лежало отдѣлить 10-ю часть доходовъ церкви, оставить и убрать необходимое для продовольствія, а излишекъ выгодно продать. Намѣстникъ же слѣдилъ за исправностью построекъ, за цѣлостью инвентаря. Елена Ивановна, какъ владѣлица цѣлаго ряда угодій, вѣдало не малое число такихъ должностныхъ лицъ. Отъ нихъ она получала росписи доходовъ, донесенія а ходъ работъ. Для контроля посылался обыкновенно писарь. Такимъ писаремъ у Елены Ивановны былъ Иванъ Сапѣга, который провѣрялъ отчеты намѣстниковъ и составлялъ инвентари имѣній.

И вотъ Елена Ивановна лично посѣщала свои имѣнія и эти разъѣзды имѣлъ, повидимому, въ виду Иванъ Васильевичъ, когда въ февралѣ 1505 года говорилъ своимъ посламъ «а только не будетъ королевы и великой княгини Олены съ королемъ вмѣстѣ, и гдѣ ее ни скажутъ и Рахманину у короля къ ней проситься». Нѣсколько грамотъ Елены Ивановны, дошедшія до насъ, даны ею то въ Городнѣ, то въ Бѣльскѣ, то въ Оникштахъ, гдѣ она прожила около мѣсяца ⁷⁶⁾.

Насколько интересовало королеву хозяйство, на сколько входила она въ разныя мелочи—можно судить по ея перепискѣ съ отцомъ. Въ 1503 году Иванъ Сапѣга передавалъ ея просьбу прислать ей 500 горностаевъ и 1¹/₂ тысячи подпалей, что и было исполнено Иваномъ Васильевичемъ. Въ 1504 г. ей понадо-

билось 300 бѣлокъ. Врядъ ли такое количество мѣховъ шло на одну только личную потребу королевы. Она еще отыскивала себѣ болѣе цѣнныя вещи: такъ она спрашивала у отца кречетовъ и особыхъ «черныхъ соболей съ неотрѣзанными передними и задними ногами и съ ноготками», (послѣднее, можетъ быть, для набивки чучелъ). Эта просьба, видимо, привела въ смущеніе Ивана Васильевича, который отвѣчалъ, что приказалъ отыскать такого соболя, но что въ продажѣ ихъ не имѣется. Выписывала Елена Ивановна изъ Москвы рыбу, при чемъ вмѣсто свѣжей Иванъ Васильевичъ выслалъ сухую, потому что время стояло весеннее (мартъ 1504). На всѣ хозяйственныя распоряженія и просьбы дочери Московскій государь отзывался съ большою предупредительностью и удовольствіемъ; онъ былъ готовъ отправить мѣха и рыбу на собственныхъ подводахъ до Вильны и до Кракова въ случаѣ, если послы не получатъ подводу отъ литовскаго правительства. Въ свою очередь и Елена Ивановна исполняла любезно просьбы отца. Когда въ 1503 онъ просилъ отпустить въ Москву, изъ имѣнія Смольяны, сына того серебряныхъ дѣлъ мастера Лапши, который проживалъ въ Москвѣ — Елена Ивановна въ скорости отвѣтила, что послала уже грамоту Смольянскому намѣстнику Гагарѣ, чтобы онъ немедленно отпустилъ Игната съ имуществомъ въ Москву къ отцу ⁷⁾).

Но не однѣ хозяйственныя хлопоты занимали Елену Ивановну. Владѣніе землями поставило ее лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ должностныхъ людей. Она слѣдила за ними и разбираала жалобы населенія на своихъ тиуновъ. Такъ тиунамъ жмудскихъ

волостей она приказала разобрать дѣло о насиліи, учиненномъ нѣкому боярину. Она оберегала неприкосновенность своего имущества и судилась въ 1502 г. съ паномъ Юріемъ Ильиничномъ о захватѣ послѣднимъ земель и пущь Контежинскаго двора. Всѣ классы населенія соприкасались съ королевой и постоянно обращались къ ней съ просьбами о льготахъ, объ освобожденіи отъ податей, о пожалованіи за службу. Въ числѣ ихъ мы видимъ и бояръ, и мѣщанъ и крестьянъ. Елена Ивановна награждала щедро рукой и почти всѣ извѣстныя намъ грамоты ея — грамоты жалованныя. Въ 1505 г. она освобождаетъ могилевскихъ бояръ отъ всѣхъ повинностей, кромѣ панцырной службы; другимъ она даруетъ въ вѣчное владѣніе земли, дворы; третьимъ и земли и людей; наконецъ, награждаетъ однѣми службами т. е. домами челяди или крестьянскими. Для примѣра укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ пожалованій: своему намѣстнику Матвѣю Микитиничу жалуетъ она въ потомственное владѣніе дворъ Ездно и дворцы Ганусовскій и Шлегеровскій (1507 г.); боярину Вербилу двѣ службы людей въ Стеклишкахъ; дворянину Тарновскому дворець Гринковскій «съ челядью невольною, съ людьми путными, данными и тяглыми» *).

*) Все это—по Любавскому. Смотри его ссылки на Литовскую Метрику. Остальныя жалованныя грамоты: въ Вильнѣ бояринъ Словикъ получаетъ людей, въ Дирванской волости намѣстникъ Станковичъ—20 людей; въ Оникштахъ, Крашинской волости, людей и земли получаетъ бояринъ Ивашко Яцковичъ, а въ Бреславлѣ бояринъ Пашко Ильиничъ—человѣка Михайлу Кушменковича изъ Укольской волости и сверхъ того путныя земли. (Акты зап. Россіи, II, № 81).

Раскрывается передъ нами постепенно и составъ лицъ, приближенныхъ къ Еленѣ Ивановнѣ. О канцлерѣ ея и писарѣ Иванѣ Сапѣгѣ—онъ же намѣстникъ Жижеморскій и Бреславскій—мы уже знаемъ, равно какъ и объ охмистрѣ и намѣстникѣ ковенскомъ Войтехѣ Яновичѣ, съ 1507 г. ставшемъ маршалкомъ. Ключникомъ королевы былъ бояринъ Митя Ивановичъ, намѣстникъ Оболецкій. Про него говорится, что онъ родомъ былъ изъ Москвы (можетъ быть бѣжалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ Шемяичемъ и остался въ Литвѣ); женатъ онъ былъ на Гальцевской (послѣднiе изъ рода Одинцевичей, а слѣдовательно, изъ рода князей Друцкихъ) ⁷⁶⁾ и пользовался покровительствомъ князя К. Острожскаго ⁷⁹⁾. Любимымъ намѣстникомъ Елены Ивановны былъ служившій ей съ молодыхъ лѣтъ и пользовавшійся благосклонностью самаго Александра Казиміровича князь Матвѣй Микитиничъ Головчинскій. Онъ намѣстничалъ къ Княжичахъ, Тетеринѣ, Бирштанахъ, Опикштахъ и Могилевѣ. Онъ былъ настолько богатъ, что ссудилъ королю Сигизмунду 200 тысячъ копъ грошей ⁸⁰⁾. Кравчимъ королевы былъ Юрій Алексѣевичъ Гольшанскій. Наконецъ, извѣстны намѣстники Смольнянскій Гагара и Дирванской волости Станковичъ, но только по имени. О Федкѣ Шестаковѣ мы говорили выше.

Иванъ Васильевичъ и послѣ войны продолжалъ укорять, что штатъ Елены Ивановны состоялъ изъ людей римскаго закона, что Александръ Казиміровичъ отослалъ въ Москву и тѣхъ малыхъ людей, которыхъ онъ оставилъ при дочери, вѣроятно, хлѣбниковъ и поваровъ. По его словамъ у дочери его

*

осталась только одна женка греческаго закона, пріѣхавшая съ нею въ Литву ⁸¹). Вполнѣ провѣрить сѣтованія Ивана Васильевича нельзя, но, въ числѣ поименованныхъ лицъ, нѣкоторые были завѣдомо православные люди. Не принадлежалъ ли къ штату Елены Ивановны и тотъ Григорій Унковскій, по прозванію Москвитинъ, который послѣ смерти Елены Ивановны владѣлъ ея дворцомъ въ Горахъ и затѣмъ бѣжалъ въ Москву ⁸²).

Географическое положеніе Литвы и въ частности Вильны дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ свѣдѣнія о живомъ торговомъ движеніи. Въ Вильнѣ проживали и селились многіе купцы нѣмецкіе, голландскіе, англійскіе и среди нихъ видное значеніе имѣли купцы русскіе. Благодаря послѣднимъ литовская столица славилась своими мѣхами. Война съ Москвою прервала торговыя сношенія, но они возобновились при первыхъ толкахъ о перемиріи. Уже въ ноябрѣ 1503 г. ѣдутъ виленскіе купцы въ Москву. Александръ Казиміровичъ, видя быстрый ростъ торговли, опасаясь за интересы туземнаго населенія, позаботился урегулировать торговыя сношенія. Обыкновенно русскіе купцы проживали въ гостиномъ дворѣ, ими же построенномъ, или на частныхъ квартирахъ. Въ 1503 году литовскій князь рѣшился построить гостиный дворъ, куда и перешла торговля. Дворъ этотъ на Замковой улицѣ занималъ большое пространство и по красотѣ постройки принадлежалъ къ лучшимъ зданіямъ города. Сюда-то и пріѣзжали во множествѣ гости изъ Москвы, Новгорода, Твери; здѣсь то восхищались иностранцы дорогими и обильными мѣхами. Сама великая княгиня принимала уча-

стіе въ этой торговлѣ, что доказывается слѣдующими соображеніями.

Сокровища Елены Ивановны, отданныя на храненіе миноритамъ, называются «нѣкоторою» частью ея казны, а между тѣмъ эта часть оказывается очень существенною. Однихъ сундуковъ съ золотомъ и серебромъ было 14; въ одномъ изъ нихъ было, напр. 16 тысячъ грошей, 2000 флориновъ; содержимое сундуковъ три человѣка не могли описать въ цѣлый день ⁸³).

Извѣстно затѣмъ, что королева щедро одаривала приближенныхъ, не малые вклады положила она въ монастыри и церкви, не малыхъ денегъ стоили ей постройка и украшеніе церквей. Очень можетъ быть, что она оставила деньги на поддержаніе церквей послѣ своей смерти. Извѣстно, что въ Пречистенскомъ соборѣ было два сундука съ драгоценностями, похищенные миноритами ⁸⁴).

Начало богатству Елены Ивановны положило данное Иваномъ Васильевичемъ приданое, на счетъ котораго она прожила первые годы, когда мужъ не давалъ ей волостей. Но ни это приданое, ни волости, доставшіяся далеко не въ отличномъ видѣ, ни щедрость Александра Казиміровича, казна котораго была въ разстройствѣ—не могли быть единственными источниками для пополненія крупной казны Елены Ивановны. Такимъ источникомъ и была торговля. Занятіе торговлей было въ обычаѣ того времени: торговали и знатные русскіе люди, напр. кн. Острожскій, торговали, имѣли мельницы и другія доходныя статьи знатные паны; на Москвѣ велъ торговлю самъ великій князь. Что же удивительнаго,

если и Елена Ивановна приняла къ ней участіе съ помощью московскихъ и западно-русскихъ гостей.

Посольскія книги даютъ намекъ на торговые обороты великой княгини. Въ ноябрѣ 1503 г. Иванъ Васильевичъ исполняетъ просьбу дочери, посылаетъ ей 500 горностаевъ и 1500 бѣлокъ-подпалей «и язъ къ тебѣ послалъ—а что еси приказывала ко мнѣ, чтобы ми прислати къ тебѣ соболь чернъ съ ногами—и мы къ тебѣ соболи черные пошлемъ». Обѣщалъ прислать и кречетовъ «что еси приказывала ко мнѣ». Елена Ивановна была отцу челомъ на великомъ его жалованьи, но прибавила, что подъячій ошибся: ей нужно не подпалей, а бѣлки-сибирки» поддѣчій омылился о сибиркѣ, да написалъ о подпали».

Въ мартѣ 1504 г. Иванъ Васильевичъ исполняетъ и эту просьбу дочери и другія; онъ высылаетъ 300 бѣлокъ, кречетовъ и рыбы сухой, объясняя при этомъ, что свѣжую рыбу вышлетъ попозже.

Дочь Ивана III могла проявить не однѣ только практическія способности въ хозяйственной дѣятельности: новое поле дѣйствія представила ей Вильна, для украшенія и расширенія которой много было сдѣлано въ княженіе Александра. Къ прїѣзду невѣсты великій князь озаботился украсить великокняжескій замокъ новыми каменными и деревянными постройками; но привыкшая къ роскоши двора Софіи Ѳомишны, выросшая въ московскомъ Кремлѣ Елена Ивановна скептически относилась къ новой столицѣ. Изъ нижняго замка не было того чуднаго вида, что раскрывался передъ взоромъ изъ оконъ Кремлевскаго дворца: высокая замковая гора была въ развалинахъ, въ нижнемъ замкѣ ютились дома

частныхъ лицъ. Еленѣ Ивановнѣ показалось пѣсно и грязно. Самостоятельно распоряжаться въ замкѣ она не могла, но при первой же возможности позаботилась о своихъ землякахъ: на собственные деньги купила она плацъ нѣкоего ксендза Филиповичаи выстроила здѣсь посольскій дворъ для московскихъ пословъ и бояръ. Быть можетъ, по совѣту жены Александръ Казиміровичъ обратилъ вниманіе на верхній замокъ и сталъ устраивать арсеналъ, мастерскія для выдѣлки оружія, богатое собраніе котораго удивляло уже въ половинѣ XVI вѣка иностранцевъ. Но, конечно, Елена Ивановна не могла достигнуть многого въ Вильнѣ и удовольствовалась для себя лично тѣмъ, что въ Маркуци, на берегу Вилейки, построила загородный дворецъ, откуда могла наслаждаться видомъ, напоминавшимъ ей московскій просторъ.

Александръ Казиміровичъ болѣе другихъ государей Литвы любилъ Вильну и сдѣлалъ этотъ городъ своимъ постояннымъ мѣстопробываніемъ. Легко понять, что и Еленѣ Ивановнѣ жилось здѣсь, въ кругу прославно-русскаго населенія, лучше, чѣмъ въ литовскихъ Трокахъ. Пребываніе великокняжескаго двора способствовало росту города: привлекло въ Вильну пановъ, оживило и безъ того обширную торговлю, потянуло къ городу населеніе страны. Вильна стала застраиваться дворцами вельможъ, стала богатѣть и всецѣло заняла положеніе перваго города въ Литовскомъ государствѣ. Мы говорили, что Александръ выстроилъ гостинный дворъ на Замковой улицѣ, отличавшійся красотою постройки.

Строительная дѣятельность Александра Казиміровича пошла дальше. Въ то время, какъ Москву опоясывала стѣна, въ Вильнѣ Елена Ивановна застала обломки послѣдней, тынъ, валы. Между тѣмъ набѣги крымцевъ были часты и Вильна легко могла подвергнуться опустошенію. Въ 1498 году въ тотъ самый годъ, когда Александръ Казиміровичъ сталъ опасаться воинственнаго настроенія Крымскаго хана, было обращено вниманіе на охрану столицы. Великій князь рѣшается заложить каменную стѣну. «Торжественно состоялась закладка. Крестный ходъ, сопровождаемый всѣмъ населеніемъ города, различные цехи со своими значками, высшія духовныя и гражданскія власти, великій князь литовскій, сопутствующій своею свитою (и, конечно, великая княгиня) обходили мѣсто, назначенное для возведенія стѣны, при чемъ вилевскій епископъ Войтехъ окроплялъ святой водою». На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагались башни, епископъ благословлялъ камни. Въ торжествѣ принимала участіе, хотя и косвенное, православная церковь. Съ 14 православныхъ храмовъ раздавался колокольный звонъ, у церкви св. Пятницы время отъ времени стрѣляли изъ старой Витовтовой пушки. Съ особенной торжественностью заложены были Остробрамскія ворота (тогда Мѣдникскія). Самъ Александръ положилъ здѣсь первый камень. На воротахъ была воздвигнута чудотворная икона Божіей Матери, а недалеко построена церковь св. Петра. Заложённая въ 1498 году стѣна была закончена черезъ пять лѣтъ, къ 1503 году⁸⁵).

Такъ годы жизни Елены Ивановны въ Вильнѣ

совпали съ оживленной строительной дѣятельностью, подобно тому какъ годы ея дѣтства въ Москвѣ были годами расцвѣта, можно сказать, архитектурнаго искусства на Руси.

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ:

Акты Зап. Россіи т. I.; Акты Южн. и Запад. Россіи т. I.; Сборникъ Императ. Историч. Общества т. 35; Архивъ Сангушекъ; Любавскій «Областное дѣленіе Литовско-Русскаго государства». (Чтенія въ Императ. Обществѣ исторіи и древн. М. 1892—1893); Елагинъ, Ж. М. Н. Пр. 1842; Акты изд. Виленскою Археогр. комиссіей т. XX—статья о Вильнѣ; *Więski Roczet rodow.*; Вильна и окрестности 1883.

XIV.

Участіе Елены Ивановны въ дѣлахъ церкви съ 1501 по 1507 г.

Переживая тяжелую борьбу, Елена Ивановна своею личностью дала уже оплотъ и примѣръ православнымъ людямъ. При первой же возможности она приняла и прямое участіе въ событіяхъ, переживаемыхъ западно-русскою церковью. Наше дѣло, конечно, писать не исторію церковную за данный періодъ времени, а выяснить роль и значеніе Елены Ивановны въ дѣлахъ церкви.

Мы видѣли выше положеніе западно-русской церкви съ 1495 года, положеніе трудное, исполненное внѣшняго давленія, внутреннихъ неурядицъ; видѣли и первые робкіе шаги великой княгини на пользу православія: то жалуется она имѣніе Пречистенскому собору, то приобрѣтаетъ для церкви крестъ, то замолвить слово за православныхъ жителей разореннаго города, то выписываетъ книги изъ Москвы. Измѣнилось къ лучшему около 1501 года общественное положеніе великой княгини, усилилось и ея значеніе въ дѣлахъ церкви.

Чѣмъ же характеризуется для западно-русской церкви это время съ 1501 по 1507 годы? На чемъ отразилось участіе и вліяніе королевы?

Главною опасностью для православія во время митрополита Іосифа Болгариневича была возможность уніи. Не даромъ митрополитъ заискивалъ въ Римѣ, распространялъ мысли объ уніи среди православныхъ, допускалъ римскую пропаганду; онъ умеръ, въ 1501 году, а политическія обстоятельства измѣнились къ лучшему, и тогда дѣлу уніи были нанесены ударъ за ударомъ.

Первымъ ударомъ были стойкость и побѣда самой королевы въ ея личной борьбѣ, а затѣмъ началась въ церкви дальнѣйшая работа по внутреннему ея переустройству. Для этого прежде всего надо было поднять авторитетъ высшей духовной власти, выбравъ достойнаго владыку.

Елена Ивавовна намѣтила среди знакомыхъ ей духовныхъ лицъ такого человѣка, который соотвѣтствовалъ бы данной минутѣ... То былъ архимандритъ минскаго Вознесенскаго монастыря—Іона. Покровительствуя минскому монастырю, Елена Ивановна была въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ архимандритомъ, а нѣкоторыя данныя говорятъ и за то, что Іона былъ извѣстенъ великой княгинѣ съ давнихъ поръ, будучи еще священникомъ въ Вильнѣ; существуетъ даже предположеніе, что онъ и былъ тѣмъ священникомъ «добре добрымъ изъ Вильны», о которомъ она упоминала въ своей перепискѣ съ отцомъ. Будущій митрополитъ былъ изъ среды блага духовенства, былъ вдовъ, имѣлъ дѣтей и сынъ его, Семенъ Кривой, участвовалъ въ московской войнѣ и находился въ плѣну въ Москвѣ. Есть еще предположеніе, что Іона былъ москвичъ родомъ.

Фактических свѣдѣній объ этой личности, какъ видимъ, очень мало, но за то въ отзывахъ объ его дѣятельности нѣтъ недостатка. Дубовичъ называетъ его человѣкомъ «благочестивымъ, но простымъ», Коссовъ—«весьма набожнымъ», а іезуитъ Кулѣшъ добавляетъ, что «при немъ схизма подняла голову»⁸⁶).

Именно такого строго православнаго, высококонраваственнаго человѣка, чуждаго іезуитизма и двоедушія и нужно было для западно-русской митрополіи. Елена Ивановна поняла это и, благодаря ея ходатайству, о чемъ единогласно говорятъ и современники и историки нашего времени, Іона, послѣ смерти Іосифа Болгариновича, былъ избранъ въ митрополиты, но оставался нареченнымъ до 1503—1504 года, когда воспослѣдовало утверженіе его въ санѣ отъ константинопольскаго патріарха.

Насколько новыи митрополитъ оправдалъ довѣріе королевы можно судить по тѣмъ же отзывамъ: «при немъ схизма» подняла голову: не только простые, «но и благородные ею заразились...» говоритъ Кулѣшъ. Историки русской церкви единогласно называютъ Іону «достойнымъ пастыремъ», считаютъ, что благодаря ему русская церковь и народность достигли такихъ результатовъ, что устрашили польско-католическую партію, а польскій историкъ Бартошевичъ обвиняетъ въ безпечности Александра Казиміровича, который не долженъ былъ де допускать подобнаго владыку, москвича, кроткаго какъ овечку, но коварнаго, къ управленію церковью. Іона погубилъ де дѣло уніи, повернулъ церковь къ схизмѣ⁸⁷).

Дальнѣйшія событія покажутъ насколько эти отзывы справедливы. Дѣло уніи погибло... схизма

подняла голову, говорятъ современники католики, и что же мы видимъ?

По смерти Александра VI Барджіа на папскій престолъ вскорѣ вступилъ Юлій II, de la Rovere, врагъ семейства Борджіа. Пользуясь столь благоприятнымъ обстоятельствомъ, Александръ Казиміровичъ въ 1504 — 1505 году обратился къ новому папѣ съ просьбой снять съ него запрещеніе, наложенное на него папой Александромъ VI. Онъ ссылаясь на опасность отъ тестя, разорившаго его государство, ссылаясь на невозможность продолжать давленіе на жену.

Видя безуспѣшность борьбы, въ пылу которой главари польско-католической партіи на Литвѣ епископъ Войтехъ Таборъ, Николай Радивилъ и другіе своими крайностями и увлеченіями пошатнули даже положеніе своей партіи на Литвѣ, папа Юлій II нашелъ болѣе приличнымъ и благоразумнымъ пріостановить на время пропаганду и потому онъ отнесся снисходительно къ просьбѣ короля. Въ 1505 году онъ прислалъ буллу, въ которой разрѣшалъ Александру жить съ Еленой Ивановной, какъ съ супругой, не принуждать въ римскій законъ: «если» добавляетъ онъ «Елена будетъ» содержать декреты Флорентійскаго собора» ⁸⁸). Но конечно, эти слова только прикрываютъ собой отступленіе римской курии!

Около того же времени великій князь литовскій и король польскій входятъ въ сношеніе... и съ кѣмъ же?.. съ константинопольскимъ патріархомъ. Онъ послалъ патріарху Іоакиму письмо по поводу основанія Супрасльскаго монастыря извѣстнымъ благоотво-

рителемъ Ходкевичемъ. Почему счелъ нужнымъ писать великій князь? что за вынужденная необходимость?.. А между тѣмъ въ письмѣ Александръ Казиміровичъ не задумался назвать своего маршалка «правовѣрнымъ», выхвалять его за то, что основалъ «славный монастырь» на свое иждивеніе ⁸⁹). Всего вѣроятнѣе, что письмо было составлено и подписано Александромъ по просьбѣ Елены Ивановны.

Отвѣта патріарха мы не знаемъ да врядъ ли онъ и былъ когда, потому что патріархъ могъ стѣсняться вопросомъ: кому отвѣчать? Еленѣ Ивановнѣ отвѣчать было нельзя, ибо письмо получено не отъ нея имени, а Александрова подпись не ручалась за то, что ему полюбится получить отвѣтъ, на виду епископа Табора, Радивиля и другихъ? Извѣстенъ намъ только отвѣтъ патріарха Ходкевичу. Въ 1505 году Іоакимъ писалъ, что посылаетъ свое благословеніе Ходкевичу и епископу смоленскому Іосифу Солтану за ихъ пожертвованія, давалъ рядъ наставленій братіи и повелѣвалъ, чтобы имена благотворителей были вѣчно поминаемы въ монастырѣ. И братія дѣйствительно записала ихъ въ свой субботникъ, но на ряду съ ними поставила и королеву Елену ⁹⁰).

Конечно, поводъ къ персипскѣ Александра съ константинопольскимъ патріархомъ былъ маловажный... но фактъ этотъ имѣлъ громадное значеніе, удовлетворяя религиозному чувству православнаго населенія. Врядъ ли это могло быть пріятно римскому клиру. И кто внушилъ Александру мысль о письмѣ? Скажутъ: Ходкевичъ, епископъ Солтанъ, русская партія? Конечно и Ходкевичъ, и Солтанъ, и получившій вліяніе Глинскій могли повліять, но не ближе ли

была къ Александру Казиміровичу королева, благодаря которой сама русская партія могла сформироваться и окрѣпнуть?

Приведенные факты показали намъ, что Римъ отказался отъ попытокъ къ униі, что литовскій великій князь пересталъ игнорировать константинопольскаго патріарха, признавая косвенно его вліяніе на дѣла западно-русской церкви, признавая за патріархомъ право награждать за службу на пользу православнаго исповѣданія. Не справедливы ли слова, что униа погибла и православіе подняло голову?

Торжествуя побѣду нельзя было однако закрывать глаза на будущее: надо было найти въ самой церкви оружіе для борьбы въ случаѣ новаго натиска Рима. Высшее духовенство далеко не всегда было на высотѣ своего призванія; примѣръ Болгариновича былъ заразителенъ и историкъ церкви вынужденъ сказать, что большинство владыкъ «не заботилось объ интересахъ вѣры и церкви», а только о личныхъ и имущественныхъ благахъ. Являлся потому вопросъ о привлеченіи свѣтскихъ людей къ интересамъ церкви, объ участіи въ церковныхъ дѣлахъ самой паствы.

Стремленіе прихожанъ къ вмѣшательству въ церковныя дѣла, возникновеніе братствъ, патронатство частныхъ лицъ—все это однако мѣропріятія обоюдоострыя. Съ одной стороны, активное участіе населенія въ церковныхъ дѣлахъ сдерживало недостойныхъ пастырей, поддерживало ревность къ вѣрѣ, съ другой—вносило иногда вредные и чуждые элементы.

Митрополитъ Іона, повидимому, былъ склоненъ ввести въ церковную практику свѣтскій элементъ. Мы

не встрѣчаемъ за время его управленія церковью ссоръ съ подчиненнымъ ему духовенствомъ или паствою; мы находимъ, напротивъ, нѣсколько случаевъ добровольнаго отказа митрополита отъ своихъ правъ въ пользу частныхъ лицъ. Ярушевичъ ⁹¹⁾ отмѣчаетъ, что по вопросу о патронатствѣ митрополитъ Іона держался иного мнѣнія, чѣмъ его предшественники. Супрасльскій монастырь получилъ патрономъ Ходкевича, Коложскій гродненскій—Богуша Боговитиновича. Въ послѣднемъ случаѣ замѣчательна грамота ⁹²⁾ 1506 года: митрополитъ отказывается отъ всѣхъ доходовъ съ монастыря и даруетъ ктитору Боговитиновичу право избирать игумена.

Этотъ взглядъ владыки раздѣляла и королева. Она взяла въ патронатство минскій Вознесенскій монастырь.

Одобреніемъ патронатства митрополитъ Іона способствовалъ усиленію русской партіи, и знатные русскіе люди оправдали довѣріе къ нимъ и помогли владыкѣ въ дѣлѣ уничтоженія попытокъ къ уніи. Нечего и говорить, что права, пріобрѣтенныя вышеупомянутыми лицами, были употреблены ими на пользу церкви, но тѣмъ не менѣе является вопросъ: полезенъ ли этотъ прецедентъ? Безусловно вредны были «наданья церковей и монастырей», исходившія отъ враждебнаго правительства въ видахъ «кормленія», ибо такимъ путемъ патронами православныхъ храмовъ являлись лица римскаго исповѣданія, но патронатства, возникавшія по инициативѣ владыкъ, должны были служить только на пользу церкви. Что касается до братствъ, то послѣднія хотя и начинаютъ возникать въ описываемое время, но дѣятельность ихъ еще не оформилась.

Но если интересъ дня требовалъ привлеченія свѣтскихъ лицъ, то, съ другой стороны, выработанныя традиціи заставляли Елену Ивановну склоняться къ поднятію духовнаго авторитета владыкъ не только тѣмъ, что она способствовала избранію достойныхъ лицъ во епископы, но и тѣмъ, что дѣятельно ограждала ихъ власть и имущественныя права отъ посягательствъ, какъ со стороны враждебнаго имъ правительства, такъ и со стороны корыстныхъ лицъ въ самой паствѣ. Такія соображенія относительно королевы приходятъ на умъ на основаніи слѣдующаго факта.

Въ 1503 году измѣнилось отношеніе правительства къ епископу полоцкому Лукѣ. Въ 1499 году у епископа были отняты архіерейскія вотчины по спору съ крылошапами, а въ 1503 году эти вотчины были ему возвращены. Мало того, въ тотъ же самый день ему выдается грамота, подтверждающая права духовенства, та самая, что была дава нѣкогда Іосифу Болгариновичу ⁹²). При составленіи столь благопріятныхъ для владыки грамотъ, присутствовалъ охмистръ королевы Войтехъ Яновичъ Ключко, тогда какъ въ 1499 году въ грамотахъ, враждебныхъ епископу Лукѣ, мы его подписи не встречаемъ.

Участіе Елены Ивановны въ дѣлахъ церкви отразилось и на усилившейся въ это время благотворительности въ пользу церквей и монастырей.

Первыми церквями, на которыя обратила вниманіе Елена Ивановна, были церкви Вильны. Пожаловавъ въ даръ Пречистенскому собору имѣніе Жагоры, великая княгиня озаботилась украшеніемъ церкви Покровской. Послѣдняя, благодаря своему

мѣстоположенію—она примыкала къ нижнему (кривому) замку, была даже сооружена въ стѣнѣ, окружавшей послѣдній, на мѣстѣ одной изъ башенъ,—сдѣлалась дворцовой церковью, и великая княгиня обновила и украсила ее. Вблизи Пречистенскаго собора Елена Ивановна построила Спасскую церковь, просуществовавшую многія столѣтія, построила она ее въ честь нерукотворнаго образа Спасителя, который получила въ благословеніе отъ родителей своихъ. Этотъ образъ Спасителя, поставленный ею въ сооруженной церкви, былъ нѣкогда привезенъ Софіей Омиинишной въ Москву вмѣстѣ съ чудотворной иконой Божіей Матери. Эти иконы, достояніе рода Палеологовъ, вывезенныя изъ Византіи, сопутствовали и отъѣзжавшую на Литву дочь Софіи Омиинишны.

Еленѣ Ивановнѣ приписываютъ и устройство Св. Духовскаго монастыря на мѣстѣ деревянной церкви, построенной первою супругой Ольгерда Маріей Ярославной. Къ концу XV в. относятъ возобновленіе деревянной Св. Духовской церкви иждивеніемъ великой княгини. При этомъ интересно отмѣтить, что, годъ спустя послѣ смерти Елены Ивановны, въ 1514 г., кв. Острожскій перестроилъ эту церковь въ каменную ⁹⁴).

Но, устраивая новый монастырь, не могла Елена Ивановна оставить безъ вниманія обитель Св. Троицкую, тѣмъ болѣе что тамъ находился образъ Корсунской Божіей Матери (нынѣ Островоротной или Остробрамской). Въ концѣ города, у такъ называемаго Остраго конца, по дорогѣ въ Мѣдники, находилась часовня, въ которой и помѣщалась св. икона. Когда при постройкѣ стѣны, особенно торжественно заложенной на этомъ мѣстѣ, воздвигнуты

были ворота, св. икона помѣщена была надъ ними съ южной стороны. Охрана города какъ бы поручалась заступничеству Божіей Матери ⁹⁵). Помѣщеніе иконъ на воротахъ было въ обычай Руси: вспомнимъ ворота Кіева, а въ особенности Москвы. Легко можно предположить, что Елена Ивановнѣ и принадлежитъ мысль поставить на вратахъ св. икону. Невдалекѣ была построена церковь во имя св. Петра, но когда именно — въ точности неизвѣстно. Церковь во имя свв. апостоловъ Петра и Павла существовала уже въ Вильнѣ и можно полагать, что вышеупомянутая при Острыхъ воротахъ была сооружена въ память св. митрополита московскаго.

Если въ Вильнѣ благотворительность Елены Ивановны могла встрѣчать препятствіе со стороны латинскаго духовенства и епископа Войтеха, то въ Вильнѣ великая княгиня была свободна.

И вотъ она обращаетъ вниманіе на Минскъ: ей приписывается, если не основаніе, какъ думаетъ, напримѣръ, Дубовичъ, то устройство минскаго Вознесенскаго монастыря и возстановленіе кафедральной церкви города. Церковь Рождества Богородицы въ замкѣ дѣлается извѣстной только съ 1500 года по поводу слѣдующаго чудеснаго случая. Во время одного изъ татарскихъ набѣговъ на южную Русь чудотворная икона была въ Кіевѣ выброшена въ Днѣпръ, поднялась вверхъ по Днѣпру и по рѣкѣ Свислочи доплыла до Минска, гдѣ остановилась и гдѣ была 13 августа 1500 года внесена въ церковь Рождества Богородицы ⁹⁶). Чудесное событіе должно было еще болѣе расположить Елену Ивановну къ Минску, гдѣ она почасту жила. Въ Минскѣ, осенью 1502

года, получила она знаменательное письмо кардинала Фридриха и польскихъ прелатовъ съ мольбой о посредничествѣ. Изъ Минска, 28 сентября 1502 года, помѣченъ ея отвѣтъ на это посланіе. Тогда же, въ 1502 году, она жалуетъ имѣніе Тростенець Вознесенскому монастырю и это пожалованье подтвердилъ самъ великій князь. Вплоть до XVII вѣка сохранилась въ Минскѣ память о королевѣ и ея имя упоминалось во многихъ королевскихъ грамотахъ монастырю ⁹⁷).

Примѣру королевы слѣдовали и знатные русскіе люди.

Князь Мстиславскій жалуетъ въ 1505 году два имѣнія монастырю въ Пустыницѣ. Великій князь подтверждаетъ купли братіи Кіевскаго Пустынскаго монастыря ⁹⁸). Супрасльскій монастырь, освященный въ 1500 году, расширялся, богатѣлъ. Ходкевичъ и епископъ Солтанъ не переставали жертвовать на монастырь угодыя, имѣнія, а въ 1503 году совершилось освященіе великой церкви во имя Благовѣщенья съ двумя придѣлами. Богушъ Боговитинovichъ щедро надѣлилъ гродненскій Коложскій Борисоглѣбскій монастырь. Лучшимъ же памятникомъ дѣятельности русскихъ людей этого времени является завѣщаніе кіевскаго воеводы Дмитрія Путятича ⁹⁹). Душеприказчикомъ былъ князь Михаилъ Глинскій, при утвержденіи завѣщанія присутствовалъ охмистръ и канцлеръ королевы. Путятичъ все свое состояніе завѣщалъ церквамъ и монастырямъ, перечисляя ихъ по порядку. Одинаково щедро надѣлилъ онъ родной Кіево-Печерскій монастырь и Пречистенскій соборъ въ Вильнѣ. Не позабылъ также монастырей виленакаго Святой Троицы и Вознесенскаго минскаго.

Въ связи съ успѣхами западно-русской церкви стоитъ и усиленіе русской партіи. Молдавскій походъ, гдѣ русскіе поддержали Александра и спасли Яна Альбрехта отъ конечной гибели, Московская война, которую Литва и Русь вынесли на своихъ плечахъ, примѣромъ чему служить мужественная оборона Смоленска съ епископомъ Солтаномъ во главѣ, наконецъ, борьба съ польскимъ можновладствомъ должны были способствовать перемѣнѣ во взглядахъ и отношеніяхъ Александра Казиміровича къ русскимъ. Елена Ивановна, при возрастающемъ влияніи своемъ на мужа, поддержала и усилила въ немъ эти чувства, а затѣмъ ей помогли и такіе дѣятели, какъ Глинскій и, впоследствии, князь Константинъ Острожскій. Но не забудемъ, что въ давнее время, съ 1500 по 1507 годъ, знаменитый, впоследствии, ревнитель православія находился въ плѣну и дѣйствовать не могъ, а князь Михаилъ Глинскій дѣлается «собиннымъ другомъ» Александра Казиміровича къ концу царствованія. Неужели онъ болѣе, чѣмъ Елена Ивановна, одушевлялъ короля въ эти послѣдніе годы? Не вѣрнѣ ли предположить, что именно благодаря королевѣ русскіе люди сами стали ближе къ Александру и получили на него влияніе? Умный и способный, европейски образованный и бывалый князь Глинскій ¹⁰⁰⁾ участвовалъ въ избраніи Александра на престолъ литовскій, но значеніе получилъ только въ послѣдніе годы его царствованія. Стоитъ взглянуть на то, какъ выдвигала Елена Ивановна своими личными пожалованіями русскихъ людей и какъ интересовалась отношеніемъ къ нимъ Александра ¹⁰¹⁾. Уже въ 1502 году отличила она князя Матвѣя Микитинича Головчинскаго; въ

присутствіи ея охмистра Войтеха Яновича Ключко, ея кравчаго князя Юрія Александровича Гольшанскаго, ея капцлера Ивана Сапѣги (который былъ у великаго князя «на росказанье» этого дѣла) король выдалъ князю Головчинскому въ Краковѣ дарственную грамоту на дворъ Струну въ Виленскомъ повѣтѣ, и впослѣдствіи сама Елена Ивановна щедро надѣляла этого «скромнаго и религіознаго человѣка». Охмистръ королевы присутствуетъ и при дачѣ имѣнія князю Чарторыйскому ¹⁰²). Въ 1505 и 1506 годахъ князья Глинскіе получаютъ отъ короля жалованныя грамоты и на одной изъ нихъ встрѣчаемъ подпись охмистра Войтеха Ключко. Сильно выдвинулся и епископъ смоленскій Іосифъ Солтанъ, какъ своими пожертвованіями на пользу церкви, такъ и своей службой во время московской войны при осадѣ Смоленска. Не мало грамотъ получилъ онъ отъ великаго князя, а въ 1505 году, по его просьбѣ и по просьбѣ бояръ и жителей Смоленска, король даровалъ городу особую грамоту. Въ ней знаменательны слова: «намъ христіанство греческаго закона не рушити, налога имъ на вѣру не чинити, въ церковныя земли и воды и въ монастыри не вступатися» ¹⁰³). На ряду съ поддержкой частныхъ лицъ мы должны отмѣтить и отношеніе къ рускимъ городамъ. Если въ 1501 году дарственныхъ грамотъ мы не встрѣаемъ (кромѣ грамоты Бельзской землѣ), то въ 1502 и 1503 находимъ цѣлый рядъ: мѣщанамъ городенскимъ, землѣ Волынской, мѣщанамъ смоленскимъ, кievскимъ. Послѣднія, равно какъ и чрезвычайно важная уставная грамота Витебску, заключены въ присутствіи ¹⁰⁴) охмистра Елены Ивановны Ключко и капцлера ея Сапѣги. Ясно;

что королева зорко присматривалась къ нуждамъ православнаго населенія и вліяла въ его интересахъ на мужа и на литовско-польское правительство. Жители Витебска тоже, подобно Смоленску, за вѣрную службу во время войны получили по упомянутой грамотѣ чрезвычайныя права: великій князь не долженъ вмѣшиваться въ дѣла церковныя, въ дѣла семейныя и наслѣдственныя. Каждый житель Витебска воленъ отъѣхать изъ земли своей, но только въ Литву; каждый ляхъ или русинъ, перешедшій въ Витебскъ въ православное исповѣданіе, не долженъ терпѣть притѣсненій отъ правительства. Уже приведенные пункты показываютъ намъ воочію, какъ оберегали русскіе люди судьбу своей народности и своей церкви, и доказываютъ тѣмъ самымъ основательность обвиненій въ притѣсненіяхъ въ предыдущіе годы. Если бы ихъ не существовало, то нечего бы было ограждаться такими грамотами. При датѣ этой грамоты Витебску даже присутствовали епископъ Войтехъ Таборъ и Радивилъ, главари католическо-польской партіи; вспомнимъ, что и Елена Ивановна требовала подписи кардинала Фридриха, епископа Войтеха и пановъ рады подъ грамотой о своемъ свободномъ вѣроисповѣданіи.

Подобное милостивое отношеніе къ русскимъ городамъ и награда имъ за службу зависѣли всецѣло отъ личной воли Александра, если обратимъ вниманіе на то, что даже Вильна не получила столь щедрыхъ льготъ ¹⁰⁵).

Итакъ мы видимъ, чѣмъ ознаменовался періодъ съ 1500—1507 годъ и на чемъ отразилось вліяніе королевы,—но мы имѣемъ еще данныя, по которымъ можемъ предположить, что вопросъ объ устрой-

ствѣ церкви интересовалъ Елену Ивановну, и вѣроятно, самого митрополита Іону глубже, чѣмъ кажется, что у нихъ мелькала уже мысль о церковныхъ реформахъ, и они исподволь готовились къ нимъ.

Въ 1505 году Елена Ивановна переписывалась съ московскимъ митрополитомъ Симономъ и просила у него «Уставъ церковный». Ея просьба была обращена прямо къ митрополиту Симону, но стала извѣстна Ивану Васильевичу. Великій князь прислалъ «Уставъ церковный» и потомъ видимо интересовался дѣятельностью дочери, посылая ей тайныя рѣчи. Не около ли этого времени послала Елена Ивановна даръ свой родной Москвѣ—колоколъ на одну изъ московскихъ церквей, ибо врядъ ли Сапѣга, Иванъ Семеновичъ, привезшій этотъ колоколъ на Москву, при королѣ Александрѣ, привезъ его въ даръ отъ себя? Колоколъ оставался на своемъ мѣстѣ еще въ царствованіе Михаила Феодоровича, когда послужилъ поводомъ къ разговору между боярами и панами, въ числѣ коихъ былъ Левъ Сапѣга, въ 1635 году ¹⁰⁶).

Въ это же время, то-есть въ 1505 году, митрополитъ Іона обратился съ письмомъ къ московскому владыкѣ Симону по случаю нахождения въ плѣну на Москвѣ сына его Семена Кривого; можетъ быть это письмо было лишь поводомъ завязать сношенія съ московскимъ митрополитомъ и обмѣняться съ нимъ мыслями по церковному управленію. Не забудемъ, что м. Симонъ былъ однимъ изъ духовныхъ писателей своего времени, авторъ прекраснаго поученія священнослужителямъ, а Іона, если и не былъ родомъ москвичъ, то свое прозваніе получилъ за дѣятельность въ московскомъ духѣ.

Дѣйствительно, Иона былъ владыка въ духѣ строго православномъ, въ духѣ московскихъ Ионы, Петра Алексѣя и другихъ. Онъ былъ по душѣ Еленѣ Ивановнѣ, какъ противоположность типу епископа-феодала, преобладавшаго въ римской церкви этого времени. Подражаніе этому римскому типу стало уже закрадываться и въ западно-русскую церковь, а въ послѣдствіи этотъ типъ сталъ ея язвой растлѣнія.

Послѣдній штрихъ къ облику митрополита Ионы даетъ его завѣщаніе ¹⁰⁷). Въ своемъ завѣщаніи первосвятитель оставляетъ большую часть имущества церквамъ и монастырямъ; оставляетъ сыну своему, пріятелямъ и слугамъ; оставляетъ и своему государю. Нужды нѣтъ, что въ 1507 году короля Александра уже не было въ живыхъ и престолъ занималъ Сигизмундъ I: владыка оставлялъ не тому или другому Ягеллону, а государю своей страны!

Въ 1507 году митрополитъ Иона скончался; еще раньше умеръ король Александръ. Наступили годы вдовства Елены Ивановны; наступило новое царствованіе; наступила при новомъ владыкѣ Іосифѣ Солтанѣ пора устройства умиротворенной, восторжествовавшей западно-русской церкви.

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ:

Акты Зап. Россіи т. I; Сборникъ Императ. русск. историч. общества т. 35; Тейнеръ, *Vetera monumenta Poloniae* т. II 1861; Акты Южн. и Зап. Россіи т. I; Акты Минской губ.; Сборникъ Муханова; Археографич. сборникъ т. IV; Макарій, *Исторія церкви* т. IV; Филаретъ, *Исторія церкви*; Чистовичъ, *Исторія западно-русской церкви*; Ярушевичъ, кн. К. И. *Острожскій. Смоленскъ 1897 г.*; Вартошевичъ *Szkic dziejow kosciola ruskiego w Polsce Krakow 1880.*

Послѣдніе годы замужества. Смерть Александра 1503—1506.

Изъ предыдущихъ главъ мы видѣли, что Еленѣ Ивановнѣ удалось примириться съ отцомъ и возстановить съ нимъ прежнія дружескія сношенія; вмѣстѣ съ тѣмъ возобновилась прерванная переписка отца съ дочерью и обмѣнъ между ними мыслей, чувствъ, надеждъ и предположеній, но уже на равной ногѣ. Старикъ-отецъ отказался отъ мелочного вмѣшательства и руководства дочерью, предоставивъ ей полную свободу дѣйствій, иногда только прося ея содѣйствія. Такой случай представился по вопросу о женитьбѣ ея брата Василя. Въ 1503 г. въ маѣ Иванъ Васильевичъ сообщалъ дочери, что хочетъ женить сыновей своихъ и поручаетъ ей разузнать: «у которыхъ государей греческаго закона или римскаго закона будутъ дочери, гдѣ бы пригоже сына женити». Самъ онъ интересовался судьбою дѣтей сербскаго деспота Стефана, проживавшихъ въ Уграхъ.

Пріѣхавшій въ ноябрѣ посолъ дьякъ Никита Губа-Моклаковъ явился къ Еленѣ Ивановнѣ за отвѣтомъ. Иванъ Васильевичъ приказалъ дьяку разспросить обо всемъ королеву и хлопотать, чтобы она послала уз-

нать о судьбѣ деспотовъ сербскихъ; дьяку велѣно было дожидаться въ Вильнѣ точныхъ извѣстій. Любопытенъ отвѣтъ Елены Ивановны; по словамъ посольской книги «королева сама говорила». Приведемъ слова ея; «А у макрабіа (т. е. у маркграфа Бранденбургскаго, женатаго на сестрѣ Александра Софіи) повѣдаютъ пять дочерей; большая осминадцати лѣтъ, хрома, нехороша; подъ большею четырехнадцати лѣтъ, а парсуною еѣ повѣдаютъ хорошу. А у баварскаго князя, у королева зятя, дочери повѣдаютъ же, а того не вѣдаютъ, колкихъ лѣтъ, а матери у нихъ не стало (т.-е. Ядвиги). А у щетинскаго князя, у королева же зятя, повѣдаютъ же дочери, а того же не вѣдаютъ колкихъ лѣтъ, а матери у нихъ не стало жъ, а слава про мать (сестру Александра Анну + 1504) и про нихъ добра. А у фрянскаго короля сестра, а угорскому королю своякина, а заручена была за Олбрехта короля (сестра Франциска I принцесса Ангулемская); парсуною повѣдаютъ хорошу да хрома, да нынѣ деи на себя чепецъ положила, пошла на клаштарь»¹⁰⁸). Про дочь же датскаго короля, Иванъ Васильевичъ «самъ де вѣдаетъ болѣе меня». Въ этомъ перечнѣ невѣсть, какъ видимъ, большинство государей въ родствѣ съ Александромъ. Елена Ивановна передавала слухи, ходившіе при ея дворѣ, и нельзя не удивиться, что о многихъ племянницахъ своихъ король зналъ очень мало (напр. про дочерей штетинскаго князя). Но дьякъ Моклаковъ особенно интересовался дѣтьми Стефана, деспота сербскаго; королева, хотя и «пытала», по словамъ ея, но «допытатися ихъ» не могла. Между тѣмъ Ивану Васильевичу всего желательнѣе было

породниться съ государемъ православнымъ и Губа-Моклаковъ сталъ настаивать, чтобы королева послала въ Угры узнать о деспотовыхъ дѣтяхъ. «И ты, госпоже, пошли опытати, а язъ, госпоже, долготѣ лежу». Но энергичное заявленіе дьяка осталось безъ результата. Елена Ивановна отказалась наотрѣзъ посылать въ Угры, равно какъ и къ другимъ государямъ. «Какъ ми посылати? чтобы былъ отецъ мой съ королемъ въ миру, иво бы то пришло, чтобъ язъ послала поотвѣдати»; теперь же пусть великій государь самъ посылаетъ пословъ своихъ. Въ концѣ отвѣта своего Елена Ивановна передала отцу и соображенія свои относительно возможности сватовства и совѣты, какъ повести это дѣло. «А за такова бы государя за великаго; кто не хотѣлъ дати!» говорила она, но затрудненіе великое составляетъ вопросъ о вѣрѣ: «да у нихъ такъ въ латынѣ крѣпко, что у нихъ безъ папина вѣдома никакоже не дадутъ въ греческій законъ; а насъ укоряютъ безпрестанно, а зовутъ насъ некрестьми». Эти слова Елены Ивановны весьма знаменательны; эти свѣдѣнія добыты ею на собственномъ опытѣ.

Видя, что изъ перечисленныхъ невѣсть Иванъ Васильевичъ скорѣе всего можетъ остановиться на дочери маркграфа Бранденбургскаго, и зная, что эта невѣста — внучка Елизаветы австрійской; королева прибавила «ничто къ маркрабю пошлетъ, и онъ бы ся велѣлъ старыя королевы тайти; занже она всѣхъ пуци греческой законъ укоряетъ». Какъ извѣстно, дѣло это о женитьбѣ Василя Ивановича вскорѣ замолкло, и Ивану Васильевичу не удалось породниться ни съ кѣмъ изъ иностранныхъ государей.

Иванъ Васильевичъ, продолжая наблюдать за направлениемъ вѣдшей политики Польско-Литовскаго государства, заинтересовался вмѣстѣ съ тѣмъ и событіями его внутренней жизни. «Гдѣ нынѣ король? въ Литовской ли землѣ или въ Лясѣхъ? и въ какомъ мѣстѣ? и королева съ нимъ ли вмѣстѣ? и что ихъ дѣло въ Литовской землѣ?» вотъ что желалъ знать московскій государь въ 1503 году, отправляя своихъ пословъ. *Дѣло ихъ* то-есть Александра и Елены въ Польшѣ и Литвѣ дѣйствительно заслуживаетъ полнаго вниманія. Литовскій великій князь—одинъ изъ тѣхъ польскихъ королей, кратковременное царствование которыхъ изобиловало богатыми послѣдствіями для Польши ¹⁰⁹): онъ сталъ королемъ преобразователемъ и законодателемъ. Странная судьба, странная, какъ и вся дѣятельность рода Ягеллоновъ! Подобно всѣмъ Ягеллонамъ и Александръ въ теченіе своей жизни былъ окованъ тою роковою цѣпью, которую сковалъ для своихъ потомковъ Ягайло. Вспомнимъ, что даже великій Витовтъ не уяснилъ себѣ и не сумѣлъ провести въ жизнь и выполнить государственныхъ задачъ своей родины. Подобно всѣмъ Ягеллонамъ Александръ въ теченіе своей жизни находился въ двойственномъ положеніи, среди двухъ и больше огней, старался примирять непримиримое, соединять не соединимое. Точно такъ же теперь, когда дѣятельность рода Ягеллоновъ отошла въ область исторіи, оцѣнка ихъ разнообразна и противорѣчива. Историки Польши, Литвы и Западной Руси смотрятъ и оцѣниваютъ эту дѣятельность съ различныхъ точекъ зрѣнія, и сколько надо поработать, чтобы когда-нибудь въ будущемъ создался бы безпристрастный взглядъ, все охватывающій и все уясняющій!

На первыхъ порахъ Александръ Казиміровичъ дорого заплатилъ польскимъ магнатамъ за свое избраніе: онъ подтвердилъ передъ коронаціей Мельницкую привилегію и уничтожилъ такимъ образомъ плоды реформъ Яна Альбрехта. Магнаты подняли голову. Согласно Мельницкой привилегіи 1501 года паны—члены сената вѣдали всю сумму верховной власти въ государствѣ; король былъ только президентомъ этого сената. Понятно насколько ослабло значеніе королевской власти и насколько поднялось значеніе олигархіи. Открывшіяся военныя дѣйствія весной 1502 года отозвали Александра въ Литву; онъ предоставилъ сенату управленіе Польшей, а президентомъ сената назначилъ своего брата кардинала Фридриха, который, впрочемъ, вскорѣ умеръ, въ 1503 году.

Грозная война съ Москвой на долго отвлекла вниманіе Александра Казиміровича отъ его новаго государства, и Литовское правительство вынуждено было добиваться мира съ Иваномъ Васильевичемъ. Мы видѣли уже въ предыдущихъ главахъ, что вся зима 1503 года прошла въ переговорахъ.

Въ эти годы опасности для государства польскій сенатъ изъ рукъ вонъ плохо распоряжался дѣлами страны: войска не получали жалованья во время; подати собирались туго; набѣги татаръ оставались безнаказанными; въ странѣ свирѣпствовали разбойничьи шайки пановъ и въ нихъ участвовали даже женщины. У братьевъ миноритовъ отмѣчено смутное настроеніе умовъ, распри жителей и ропотъ на безначаліе ¹¹⁰). Народъ сталъ призывать короля и звать о помощи.

Александръ Казиміровичъ, заключивъ перемиріе съ тестемъ, поспѣшилъ въ Польшу и здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ онъ проявилъ большую энергію. Первымъ дѣломъ его было очистить Польшу отъ разбойничьихъ шаякъ и наѣздовъ. Онъ казнилъ смертною казнію нѣкоторыхъ пановъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, повѣсилъ даже женщину, ихъ соучастницу. Минориты говорятъ, что въ то время, въ 1504 году, пострадали многія лица среди магнатовъ, богачей и даже духовенства ¹¹¹). Закончивъ со смутьянами въ Польшѣ, Александръ, унаслѣдовавъ планы своего брата Яна Альбрехта, вступилъ въ борьбу съ можновладствомъ. Не мѣсто здѣсь входить въ подробности этой борьбы. Достаточно сказать, что «король собралъ въ 1504 и 1505 году два большихъ сейма, уничтожилъ Мельницкую привилегію и законодательнымъ путемъ опредѣлялъ новую форму правительства». Королю не удалось, правда, проложить дорогу къ абсолютному правленію, къ чему стремился Янъ Альбрехтъ, но ему удалось ослабить можновладство допущеніемъ шляхты къ участию въ дѣлахъ правленія, удалось освободить изъ подъ власти севата исполнительную и судебную власть. Въ борьбѣ съ магнатами Александръ имѣлъ сподвижникомъ бывалаго канцлера своего брата, выдающагося польскаго патріота того времени, каноника Яна Ласкаго, который сохранилъ вліяніе на дѣла и въ правленіе Александра. Послѣдній отыскивалъ и выдвигалъ новыхъ людей въ Польшѣ въ противоборствѣ магнатству, а въ Литвѣ выдвинулъ русскаго человѣка Михаила Львовича Глинскаго. Ласкій вполне сочувствовалъ стремленіямъ обоихъ братьевъ

усилить королевскую власть; имъ кодифицированы польскіе законы предыдущихъ царствованій въ одинъ статутъ, извѣстный подъ именемъ статута короля Александра. Для созыва сейма, для проведенія финансовыхъ мѣръ и прочихъ реформъ король подолгу проживалъ въ Польшѣ; между тѣмъ въ Литвѣ вспыхнули смуты. Александру скоро стала ясна причина смуть. Какимъ довѣріемъ короля пользовался въ Польшѣ «*Ното новис*» канцлеръ Янъ Ласкій, такимъ довѣріемъ Александра облеченъ былъ «его собинный другъ» князь Михаилъ Глинскій на Литвѣ. Глинскій былъ русскій человѣкъ, ради карьеры перешедшій въ католичество, заполучившій въ Итали европейское классическое образованіе, прослужившій довольно долго въ войскахъ Германской имперіи. Онъ зналъ хорошо себѣ цѣну, заимствовалъ у западно-европейцевъ ихъ гордость, самомнѣніе, неразборчивость въ средствахъ къ достиженію цѣли, тотъ чувственный скептицизмъ, который характеризуетъ Европу XVI столѣтія, благодаря итальянскимъ наставникамъ и воспитателямъ. Глинскій не могъ примириться съ тѣмъ униженнымъ и оскорбительнымъ положеніемъ, какое выпадало на долю русскаго человѣка въ Литовско-Русскомъ государствѣ того времени. Въ борьбѣ съ магнатами-соперниками онъ не разбиралъ средствъ и ни предъ чѣмъ не останавливался. На такого человѣка, конечно, нельзя было положить и потому Глинскій не пользовался расположеніемъ Елены Ивановны и не могъ стоять во главѣ русской партіи; послѣдняя чуждалась его, какъ ренегата, а католики-паны завидовали ему, видя въ немъ соперника.

Влеченіе Александра къ Глинскому, помимо личныхъ свойствъ послѣдняго, можно объяснить и общностью образованія: оба получили образованіе въ итальянскомъ духѣ. Въ сообществѣ Глинскаго Александръ Казиміровичъ часто вдавался въ кутежи, которые разстраивали здоровье короля. Не потому ли Елена Ивановна не любила Глинскаго и считала его однимъ изъ виновниковъ смерти короля? Это довѣріе короля къ русскому человѣку возбудило страшную зависть въ литовскихъ магнатахъ, а необузданный характеръ Глинскаго поддавалъ еще жару этой враждѣ. Симвъ обстоятельствомъ воспользовались польскіе магнаты. Обузданные королемъ въ Польшѣ, они отмстили ему, войдя въ тайныя сношенія съ литовскими панами-католиками, и подстрекнули ихъ къ смутамъ. Въ этой борьбѣ съ Глинскимъ были замѣшаны, между прочимъ, извѣстный уже намъ панъ Янъ Заберезинскій и Войтехъ Таборъ епископъ виленскій. Разгнѣванный король лишилъ Заберезинскаго воеводства Трокскаго, Войтеха исключилъ изъ сената и со всей энергіей сталъ на защиту Глинскаго, а въ Польшѣ продолжалъ свои реформы. Вотъ эта борьба Александра съ панами и интересовала его геніальнаго тестя!

Еленѣ Ивановнѣ, воспитанной въ Москвѣ Ивана III, въ традиціяхъ единства и сосредоточенія силъ, это стремленіе мужа къ централизацію власти было понятно и сочувственно; раздѣлялъ его и канцлеръ Ласкій, что повело къ согласію королевы съ канцлеромъ; по крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ повода заподозрѣть противное, а есть нѣкоторыя данныя заключать, что она во многихъ случаяхъ дѣйствовала съ нимъ въ полномъ согласіи.

Сочувствуя мужу и Ласкому въ ихъ стремленіяхъ, королева однако держала себя вдали отъ польскихъ дѣлъ. Судьба Литовско-Русскаго государства интересовала ее гораздо больше и она проявила не-разъ свою личность въ тѣхъ случаяхъ, когда Литвѣ угрожала опасность. Но выказавъ не разъ мужество и твердость въ критическіе моменты, выручая не разъ мужа, она не вмѣшивалась въ политическія интриги, въ которыхъ не было недостатка; она держалась нейтральной позиціи; она не походила на королеву Бону, которая любила пользоваться смутами и интригами для пополненія своихъ денежныхъ средствъ, отчего Бона и получила отъ многихъ названіе «алогогенія Польши и Литвы». Этою тактичностью и сдержанностью Елена Ивановна приобрѣла уваженіе и добрый о себѣ отзывъ подьскаго народа: не коронованная, не признанная официально королевой, она носила этотъ титулъ «de facto» и его признавали за нею всѣ. Братья минориты, какъ мы видѣли выше, съ удивленіемъ отмѣчаютъ этотъ фактъ.

Борьба съ польскимъ можновладствомъ и литовскими панами дорого обошлась королю: на съѣздѣ въ Радомѣ 1505 года по дѣлу Глинскаго, Александръ почувствовалъ первый приступъ болѣзни, первый ударъ паралича. Оправившись, онъ послѣшилъ въ Краковъ продолжать начатыя, какъ мы знаемъ, реформы, — но не таково было положеніе Польско-Литовскаго государства, чтобы король могъ всецѣло отдаться заботамъ внутренней политики. Иванъ Васильевичъ мѣтко охарактеризовалъ положеніе въ словахъ: «а какъ Менгли Гирей съ литовскимъ? и какъ литовскій съ нимъ? въ перемирьѣ или нѣтъ? А турецкой? Ту-

рецкой съ угорскимъ и съ ляхи въ перемирьѣ ли или нѣтъ, и коли въ перемирьѣ на колко лѣтъ» ¹¹²)? Дѣйствительно, почти со всѣми сосѣдями Польша и Литва были въ ненадежныхъ отношеніяхъ временнаго перемирія. Съ Москвою перемиріе поддерживалось и послѣ смерти великаго государя, послѣдовавшей осенью 1505 года. Духъ Ивана Васильевича жилъ еще въ Москвѣ и задирать ее было страшно: она была по-прежнему грозна; но съ пріятелемъ Ивана Васильевича, Менгли Гиреемъ, дѣло обстояло иначе. Татары, пользуясь смутами и крамолой литовскихъ пановъ, безнаказанно вторгнулись осенью въ 1505 году въ Литву и русскую Украину, опустошая все огнемъ и мечомъ и уводя за собой 100.000 плѣнныхъ, кромѣ убитыхъ и раненыхъ. Паны и сенаторы, собираясь на сеймики, шумѣли противъ Глинскаго и короля и постыдно бѣжали за Нѣманъ при первомъ крикѣ: «татары!» Татарскія полчища, не дойдя до Вильны 10 верстъ, повернули на Слуцкъ и осадили его. Осада Слуцка интересна тѣмъ, что ее выдержала, отбивъ всѣ штурмы, вдова князя Симеона Юрьевича Слуцкаго, княгиня Анастасія, которую Нарбутъ называетъ «bohaterka swego wieku», богатыремъ своего вѣка. Александръ находился въ то время въ Краковѣ. Въ началѣ 1506 года умерла мать его, вдовствующая королева Елисавета. Похоронивъ мать въ Краковѣ, король въ маѣ 1506 г. вернулся въ Вильну совсѣмъ больной. Его стали усиленно лѣчить. На смѣну Матвѣя Блонья, каноника гнѣзненскаго, лѣчение коего надоѣло королю, былъ призыванъ, по его желанію и по совѣту Глинскаго, нѣкій алхимикъ Александръ

Балинскій. Его странное гѣченіе ослабило короля еще болѣе, а дозволеніе пить вино ускорило новый ударъ. Видя, что дѣло плохо, Ласкій и Елена Ивановна рѣшились вмѣшаться лично и на свой страхъ и отвѣтственность прогнали шарлатана-доктора. Между тѣмъ какъ больной король лежалъ въ Вильнѣ, а несчастныя Литва и Русь не успѣли еще опомниться отъ прошлогодняго разоренія, въ Іюль мѣсяцѣ 1506 года пронесся слухъ, что сыновья Менгли Гирея съ громадными полчищами появились за Днѣпромъ. Король издалъ указъ о посполитомъ рушенѣ, но и въ дни горя и бѣдствія отечества крамольная шляхта и паны съ мѣста не двигались, крича и требуя, пусть самъ король станетъ во главѣ войска. Въ эту страшную минуту крамолы и измѣны Елена Ивановна не растерялась. По совѣту Глинскаго, съ помощію Ласкаго она подняла больного мужа на ноги и въ сопровожденіи епископа Войтеха, Яна Заберезинскаго, Ласкаго и свиты двинулась съ нимъ, преодолевая всѣ препятствія и трудности въ Лиду на сборной пунктъ ополченія. Въ Лидѣ находился великокняжескій замокъ, построенный Гедиминомъ въ 1223 — 1230 годахъ. Окруженный крѣпкими стѣнами, онъ представлялъ надежное мѣсто для пребывания короля. Въ одной изъ башенъ въ верхнемъ этажѣ находились зала и внутренніе цокои, а въ нижнемъ—архивъ и судебная изба¹¹³). Много вѣковъ до конца прошлаго столѣтія просуществовалъ этотъ замокъ, свидѣтель послѣднихъ дней жизни Александра Казиміровича, свидѣтель его волненія, безпокойства, томленія и мученій, увеличивавшихся по мѣрѣ того, какъ доходили извѣстія о приближеніи татаръ,

о томъ, что ихъ передовые отряды показали въ виду самой Лиды. Король мучился сознаниемъ невозможности сѣсть на коня, мучился медленнымъ сборомъ войска! А что пришлось пережить русской православной великой княгинѣ, одинокой, съ больнымъ умирающимъ мужемъ на рукахъ, среди крамольныхъ пановъ и изувѣрныхъ фанатиковъ въ родѣ Войтеха Табора? Не она ли писала отцу нѣкогда, что не боится притѣсненій, пока живъ мужъ, а со смертью его и за жизнь свою не ручается. Теперь суровый защитникъ правъ и вѣры русскаго племени давно уже—въ могилѣ, и дни мужа ея сочтены! Однако мужественный подвигъ умирающаго короля и его вѣрной жены пристыдилъ, наконецъ, крамольниковъ; собрались наконецъ подъ стѣнами Лиды передовые отряды ополченія, которые отогнали отъ стѣнъ Лиды шайки татаръ и принесли съ собой трофеями татарскія головы на пикахъ. Первый успѣхъ подѣйствовалъ ободряющимъ образомъ. Ополченіе стало рости числомъ, крамольное волненіе начало стихать. Однако Александру становилось все хуже и хуже, хотя сознание не покидало его. Онъ приготовился къ смерти, причастился святыхъ Таинъ и озаботился составленіемъ завѣщанія, по которому предоставилъ все брату Сигизмунду и ему же поручилъ охрану и защиту своей жены Елены Ивановны. Михаилу Глинскому поручилъ онъ начальство надъ собравшимся ополченіемъ, которое и двинулось противъ татаръ. Такимъ образомъ, благодаря мужеству, находчивости и присутствію духа Елены Ивановны цѣль была достигнута, ополченіе собрано и двинуто на врага; оставаться теперь въ опустѣломъ

замкъ было бездѣльно, да и опасно. Налетѣвшая шайка татаръ могла осадить замокъ и, если не взять штурмомъ, выморить голодомъ. Рѣшено было перевезти короля въ Вильну. Не легко было совершить этотъ переѣздъ. Устроили вѣчто въ родѣ гамака, повѣсивъ и укрѣпивъ его между двухъ лошадей, на которыхъ верхомъ сидѣли два пана изъ свиты, стараясь уравнять ходъ лошадей. Елена Ивановна ѣхала всю дорогу подлѣ мужа. Медленно, шагъ за шагомъ, двигался поѣздъ и, наконецъ, достигъ Вильны. Александръ Казиміровичъ лишился уже языка.

Глинскій оправдалъ довѣріе короля: онъ одержалъ подлѣ Клецкомъ блестящую побѣду надъ татарами, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Татары бѣжали, побросавъ обозъ, всю добычу и всѣхъ плѣнныхъ, а подлѣ Копылемъ и Петроковомъ нанесла имъ ударъ княгиня Анастасія Слуцкая во главѣ своего отряда.

Извѣстіе о побѣдѣ быстро достигло Вильны и застало Александра Казиміровича еще въ живыхъ; онъ былъ въ сознаніи, понялъ радостную вѣсть о побѣдѣ, жалъ руки окружающимъ и знаками выражалъ свою радость и благодарность Богу за побѣду. Въ ночь на 20 августа 1506 г. Александръ Казиміровичъ скончался въ нижнемъ Вилевскомъ замкѣ и былъ похороненъ тамъ же, въ костолѣ св. Станислава. Литовскіе паны не согласились отдать его тѣло для погребенія въ Краковѣ, не хотѣла, вѣроятно, этого и королева. Такимъ образомъ могила Александра Казиміровича сохранилась до нашихъ дней въ той самой Вильнѣ, которую онъ, по преданію, любилъ и для украшенія которой много сдѣлалъ.

Бракъ Елены Ивановны, заключенный по поли-

тическимъ разсчетомъ, не былъ однако изъ несчастливыхъ, несмотря на всѣ происки Рима, пановъ и родни Александра. Мы не имѣемъ данныхъ о семейной жизни королевы, но ни свекровь, ни многочисленные враги не могли найти повода къ злословію, и польскіе историки, со словъ современниковъ, говорятъ о согласной жизни супруговъ, видя въ томъ заслугу Елены Ивановны. Можетъ быть, нѣкоторыя русскія черты въ характерѣ Александра, сходство во вкусахъ послужили къ сближенію супруговъ.

Глава составлена по слѣдующимъ книгамъ: Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. 35; Нарбутъ, *Dzieje narodu litowskiego* т. VIII; Бобжинскій, Очеркъ исторіи Польши т. II; Карповъ, «Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ».

Вдовство. 1506—1513.

Прибывшій въ Вильну Сигизмундъ I былъ торжественно встрѣченъ литовскими и русскими людьми и занялъ великокняжескій престолъ. Новый государь заслужилъ у историковъ западно-русскихъ и литовскихъ эпитеты дальновиднаго, вѣротерпимаго; время его разсматривается, какъ одно изъ благопріятныхъ для жизни православной церкви и народностей русской и литовской; народы рускій и литовскій сохранили о Сигизмундѣ Старомъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Онъ же и законодатель Литвы, какъ Александръ въ Польшѣ: при Сигизмундѣ I составленъ Литовскій Статутъ на русскомъ языкѣ. Но Сигизмундъ не былъ инициаторомъ этого направленія. Мы видѣли уже, что жаркій полонофиль Александръ разочаровался въ своей мечтѣ, испытавъ всѣ крайности папизма, крамолу и измѣну католическихъ пановъ Польши и Литвы. Къ концу своего бурнаго царствованія, опираясь на жену и въ согласіи съ нею онъ повернулъ руль государственнаго корабля въ противоположную сторону. Сигизмундъ, молчаливый свидѣтель, себѣ на умѣ, всѣхъ потрясеній и послѣдствій крайняго полонофильства, не рѣшился поворачивать корабль обрат-

но, а предоставилъ ему плыть въ данномъ Александромъ направленіи. Иначе смотря на этого государя польскіе историки и въ томъ числѣ Бобжинскій, но насъ уже не должны удивлять разнорѣчивые взгляды на дѣятельность государей изъ дома Ягеллоновъ.

Елена Ивановна при новомъ царствованіи оказалась въ положеніи вдовствующей королевы. Нѣкогда, еще при жизни отца, она съ трепетомъ представляла себѣ это положеніе, считала, что можетъ жить спокойно только при жизни мужа, «а когда, по грѣхамъ, мужа въ животѣ не станетъ, ино тогда архіепискупъ и панове о греческомъ законѣ силу учинять». Эти мрачныя предчувствія на первыхъ порахъ не сбылись. Александръ Казиміровичъ въ своемъ завѣщаніи просилъ брата беречь Елену Ивановну: просилъ о сохраненіи въ почетѣ и уваженіи своей любимой жены ¹¹⁴). Василий Ивановичъ едва узналъ официально о вступленіи на престолъ Сигизмунда I, какъ первымъ долгомъ напомнилъ ему обязательство, данное Александромъ о вѣроисповѣданіи жены, напомнилъ, чтобы сестру берегъ... и къ римскому закону не нудилъ ¹¹⁵). Наконецъ, благоразуміе подсказывало Сигизмунду, что необходимо привлечь къ себѣ русскихъ знатныхъ людей и населеніе, а для этого надо было оказывать почетъ и уваженіе любимой всѣми королевѣ. Ко всему вышесказанному надо прибавить, что сама Елена Ивановна очень доброжелательно относилась къ брату своего мужа, продолжая стоять за интересы Польско-Литовскаго государства. Когда Василий Іоанновичъ узналъ по слухамъ о смерти Але-

ксандра и, зная вліяніе своей сестры, писалъ, чтобы она «похотѣла и говорила бы бискупу и паномъ и всей радѣ и земскимъ людямъ, чтобы похотѣли его государства ¹¹⁶⁾», Елена Ивановна очень рѣшительно и холодно отвѣчала: «государство свое Александръ король поступилъ брату своему Жидимонту». Отказъ сестры неприятно подѣйствовалъ на Василя III и былъ причиною временнаго охлажденія между братомъ и сестрою. Тѣмъ не менѣе она не упустила случая похлопотать за плѣнныхъ литовско-русскихъ людей на Москвѣ; она просила, чтобы братъ отпустилъ, по крайней мѣрѣ, пана Григорія. Интересно, что это былъ тотъ Григорій Остиковичъ, родомъ православный жмудинъ, о которомъ рѣчь наша еще впереди.

Повятно теперь, почему Сигизмундъ Казиміровичъ, исполняя волю брата, оказывалъ вниманіе невѣсткѣ. Въ январѣ 1507 года онъ пожаловалъ ей городъ Бѣльскъ съ Саряжемъ и Брянскомъ и со всѣми угодьями, данями и сборами, и эту дарственную грамоту скрѣпляли епископъ Войтехъ и папикатолики ¹¹⁷⁾. Но, насколько можно судить по печатнымъ изданіямъ, это пожалованіе Сигизмунда I было и единственное. Впоследствии онъ подтвердилъ не мало грамотъ Елены Ивановны, но то были ея личныя распоряженія.

Елена Ивановна продолжала и послѣ смерти своего мужа свою хозяйственную дѣятельность: объѣзжала свои имѣнія. Такъ въ 1512 году была въ Оникштахъ, гдѣ выдала двѣ грамоты; бывала въ Бѣльскѣ и Бреславлѣ. Двѣ грамоты являются памятникомъ ея управленія: въ одной она разбирала

жалобу о грабежѣ, въ другой вводила во владѣніе людьми пожалованное ею лицо ¹¹⁸). Не имѣя наслѣдниковъ, Елена Ивановна не дорожила своими землями и щедрою рукою раздавала ихъ приближеннымъ русскимъ людямъ. Можетъ быть, къ этому времени относится не имѣющее даты пожалованье Демидовичу имѣнія Кашперешки ¹²⁰). Но главное что должно интересоватъ насъ—это дѣятельность Елены Ивановны на пользу русскаго населенія и церкви.

И при Сигизмундѣ I, какъ и при жизни мужа, русско-литовская великая княгиня, чуждая мелкаго тщеславія, дѣйствовала осторожно, лишь въ крайнихъ случаяхъ выступая лично, большею частію скрываясь за спиной выдающихся русскихъ дѣятелей того времени: одного направляла, другого вдохновляла, третьему помогала. Скоро обозначились результаты.

Въ Бреславлѣ вдовствующая королева построила женскій монастырь. Янушевичъ, еще отъ короля Александра получившій разрѣшеніе, выстроилъ или обновилъ въ Вильнѣ церковь Рождества Богородицы, а Елена Ивановна оказала ему помощь: по ея просьбѣ князь Головчинскій, ея любимый намѣстникъ, свадилъ Янушевича 100 золотыхъ. Обрушившійся въ 1506 году Пречистенскій соборъ лежалъ въ развалинахъ до 1511 года, когда было разрѣшено перестроить его гетману Константину Ивановичу Острожскому. Храмъ былъ воздвигнутъ въ византийскомъ стилѣ, пятиглавый. Самъ князь Константинъ Ивановичъ не находился въ это время въ Вильнѣ, ибо его отвлекали военныя дѣйствія противъ

татаръ, слѣдовательно другое лицо наблюдало за постройкой и, конечно послѣдняя, не обошлась безъ поддержки и помощи Елены Ивановны. Самая архитектура византійскаго типа о пяти главахъ напоминаетъ храмы восточной Руси. Что считали невозможнымъ разрѣшить изъ политическихъ соображеній вдовствующей королевы явно, разрѣшено было славяному гетману послѣ Оршанской переправы. И кромѣ Пречистенскаго собора Константину Ивановичу приписывается возстановленіе и украшеніе церковей Вильны: Никольской, Покровской—домовая церковь королевы не далеко отъ нижняго замка—а вполнѣ Троицкой.

Послѣднее, чего добилась Елена Ивановна, это право патронатства на Свято-Троицкій монастырь въ Вильнѣ. Нарбутъ говорить, что она его возстановила изъ развалинъ. Въ грамотѣ отъ 1510 года января мѣсяца Сигизмундъ пишетъ, что онъ снизошелъ на просьбу невѣстки своей и передаетъ ей право на монастырь до ея смерти: «она маєть обирати архимандрита». Дана грамота «въ Краковѣ ¹²⁰⁾», что даетъ поводъ предполагать о присутствіи тамъ же въ то время самой вдовствующей королевы. Этою грамотою Елена Ивановна получила возможность дѣйствовать уже въ самой Вильнѣ открыто, не скрываясь за другими личностями, благотворить церквамъ столицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ получила нравственное удовлетвореніе. Стоитъ вспомнить борьбу изъ-за постройки дворцовой церкви!

Въ 1507 году митрополитъ Іона умеръ и очень скоро на мѣсто его былъ избранъ епископъ смоленскій Іосифъ Солтанъ ¹²¹⁾, аристократъ по рожденію, къ 1509 году

получившій уже утвержденіе отъ Константинопольскаго патріарха. Еще будучи смоленскимъ епископомъ Іосифъ Солтанъ выдвинулся изъ среды западно-русскаго духовенства, какъ своими родственными связями—онъ былъ въ родствѣ съ Тышкевичами, Горностояями, князьями Чарторыйскими, Буйническими, Четвертинскими—такъ и своею дѣятельностью. Крупными пожертвованіями на монастыри и церкви, особенно на Супрасльскій, епископъ смоленскій сталъ извѣстенъ константинопольскому патріарху, а искусной защитой Смоленска отъ московскихъ войскъ обратилъ на себя милостивое вниманіе правительства. Несомнѣнно, что Іосифъ Солтанъ былъ хорошо извѣстенъ Еленѣ Ивановнѣ и, весьма вѣроятно, что королева вмѣстѣ съ княземъ Константиномъ Острожскимъ содѣйствовала его скорому избранію въ митрополиты. Новый выборъ былъ чрезвычайно удаченъ и энергія Солтана поставила его въ рядъ замѣчательныхъ пастырей западно русскої церкви.

Получивъ утвержденіе въ своемъ санѣ, митрополитъ къ 25 декабря 1509 года созвалъ въ Вильнѣ соборъ западно-русскаго духовенства. Составъ его былъ многочисленъ, и представительство духовенства было полное, всѣхъ степеней: 7 епископовъ, архимандриты, игумены, протопопы, священники. Среди нихъ отиѣтитъ архимандрита минскаго Вознесенскаго и Свято-Тропецкаго виленскаго монастырей, которые находились подъ покровительствомъ Елены Ивановны, и отца Матвѣя, протоіерея Русскої церкви святого Юрія въ Вильнѣ, извѣстнаго своимъ завѣщаніемъ ¹²²).

Результатомъ дѣятельности собора явились такъ на-

зывается «Дѣянія» собора, помѣченныя 18 январемъ 1510 года. Этотъ интересный и важный памятникъ рисуесть картину жизни западно-русской церкви и возбуждаетъ не мало вопросовъ.

Послѣ краснорѣчиваго вступленія, напоминающаго собой старинныя поученія, слѣдуетъ рядъ постановленій, направленныхъ противъ тѣхъ безпорядковъ въ церкви, которые, говорится во вступленіи: «видѣхъ видѣніемъ и слышахъ слышаніемъ» и которые заставляютъ и соборъ, подобно апостолу Павлу, «скорбѣти и болѣти о справахъ церковныхъ¹²³)». Нѣкоторыя изъ постановленій касаются недостатковъ духовенства, а частью мірянъ, недостатковъ, свойственныхъ различнымъ временамъ и мѣстностямъ, какъ то: о самовольствѣ чернецовъ, объ исключеніи изъ сана священническаго лицъ недостойныхъ, о попахъ вдовцахъ и такъ далѣе. Но есть и такія постановленія, которыя отмѣчаютъ характерныя недостатки и особенности въ церковной практикѣ собственно Западной Руси XVI вѣка, какъ напри- мѣръ: о стремленіи духовенства изъ корыстныхъ расчетовъ добиваться себѣ мѣсть въ кормленіе при жизни еще своихъ предшественниковъ, о злоупотребленіяхъ пановъ-патроновъ, о происходящихъ отсюда небреженіяхъ церковей. Наконецъ, послѣднее постановленіе собора прямо указываетъ на взаимныя отношенія церкви и правительства. «Если отъ господаря или отъ вельможъ и властителей будетъ присыланіе въ этихъ соборныхъ правилахъ, хотъ единое нарушити... намъ ни единому не дерзнути и непоколебимо стати». Изъ этихъ словъ ясно видно, что западно-русское духовенство сознало необходи-

мость сплотиться и дѣйствовать соборно противъ давленія иновѣрной партіи, руководившей правительствомъ; ясно видно, что несмотря на благую временную перемину, соборъ 1509 года не считалъ западно-русскую церковь застрахованною отъ дѣйствій, могущихъ клониться къ вреду церкви. Впрочемъ не эта мысль—дѣйствовать дружно при натискѣ правительства—есть главная мысль «Дѣяній». Духовенство озабочивалось еще болѣе отношеніемъ свѣтскихъ людей къ церкви.

Дѣятельность собора подробно разобрана митрополитомъ Макаріемъ въ его «Исторіи церкви», но въ недавнее время чрезвычайно интересный взглядъ встрѣчаемъ въ книгѣ Ярушевича: «Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій». «Соборъ, пишетъ онъ, имѣлъ цѣлью упорядочить церковную дисциплину чрезъ возвышеніе власти митрополита и епископовъ въ ущербъ бѣлому духовенству, съ одной стороны, и чрезъ возможно большее оградиченіе мірскаго участія въ дѣлахъ церкви, съ другой. Этотъ ошибочный, въ данномъ случаѣ, путь, выдвинутый Іосифомъ Болгариничемъ, въ испрошенной у Александра грамотѣ 1499 года, не могъ быть приятенъ панамъ, патронамъ, благодаря которымъ, по всей вѣроятности, и состоялся самый соборъ...» а далѣе: «для самой же церкви постановленія собора не принесли пользы, скорѣе наоборотъ, успѣхъ введенія уніи 1596 года весьма много зависѣлъ именно отъ сравнительно большого усиленія высшей іерархіи». «Вотъ почему, заключаетъ Ярушевичъ, такое необычайное явленіе въ западно-русской церковной жизни, какъ соборъ 1509 — 1510 годовъ прошелъ для нея почти

незамѣтно». Приведенный взглядъ Ярушевича поднимаетъ очень интересный вопросъ о значеніи патронатства и братствъ въ Западной Руси и о томъ какіе взгляды существовали на это въ средѣ самихъ современниковъ. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что митрополитъ Іосифъ Солтанъ держался иного направленія въ своей дѣятельности, чѣмъ митрополитъ Іона. Почему Іона, демократъ по происхожденію, прозванный Москвичомъ, покровительствовалъ патронатству и братствамъ, а аристократъ Іосифъ Солтанъ былъ имъ враждебенъ? Все это вопросы, требующіе особаго тщательнаго историческаго изслѣдованія.

Въ связи съ дѣятельностью собора и въ связи съ желаніемъ поднять авторитетъ духовной власти стоитъ и грамота 1511 года, въ которой Сигизмундъ I, по просьбѣ митрополита Іосифа, Константина Острожскаго и другихъ пановъ греческаго закона, подтвердилъ привилегіи православнаго духовенства. Если въ 1509—1510 годахъ, то-есть во время собора, можно предполагать участіе Елены Ивановны, — если не прямое, то косвенное, — то въ данномъ случаѣ, въ 1511 году его не замѣтно, и Ивашко Сапѣга, подписавшійся подъ грамотою былъ уже маршалокъ и секретарь короля, а не королевы Елены.

Крупными пожертвованіями на монастыри и церкви, разрѣшеніемъ строить и поддерживать храмы, усилившимся значеніемъ русскихъ людей, — вотъ чѣмъ знаменуется время архіерейства митрополита Іосифа Солтана.

Западная Русь выставила за этотъ періодъ много замѣчательныхъ людей: на ряду съ княземъ Острож-

скимъ, Ходкевичемъ, Жеславскимъ, митрополитомъ Иосифомъ стоягъ: протоіерей отецъ Матвѣй, глубоко начитанный человекъ своего времени, оставившій среди своего имущества не мало книгъ, и Давидъ Переяславскій, подвижникъ начала XVI вѣка, основатель Троицкой обители, любитель и благотворитель странныхъ. Возможность строить, возстановлять и украшать церкви и монастыри, которой воспользовались многіе русскіе люди въ первой половинѣ XVI вѣка, стремленіе къ упорядоченію внутренней жизни церкви свидѣтельствуетъ о справедливости словъ, что первая половина XVI вѣка—лучшій періодъ въ исторіи западно-русскаго народа и его церкви сравнительно съ предыдущими и послѣдующими и, конечно, подобное спокойное состояніе ихъ послѣ недавней борьбы объясняется, главнымъ образомъ, личною дѣятельностью Елены Ивановны и ея главныхъ сподвижниковъ: князя Константина Ивановича Острожскаго, митрополитовъ—Іоны и Іосифа Солтана и цѣлаго ряда другихъ русскихъ людей, которыхъ Елена Ивановна умѣла отличать и поощрять. Относительно великой княгини вполнѣ можно сказать, что она вдохнула душу живу въ замиравшую жизнь Западной Руси и Литвы, раздула искру, готовую погаснуть, внесла лучъ надежды въ среду, гдѣ царили отчаяніе и уныніе. Она принесла пользу и самой Литвѣ не только тѣмъ, что поддержала православныхъ среди собственно литвиновъ, а ихъ не мало было въ то время, какъ среди аристократіи, такъ и въ средѣ народа, но и тѣмъ, что пробудила народное чувство даже въ средѣ католической партіи.

Для главарей католической партіи королева и была тѣмъ опасна, что приходила въ частыя сношенія съ простымъ народомъ, проживая въ своихъ имѣніяхъ и повсемѣстно поддерживая православный элементъ. По словамъ Стебельскаго она усиленно охраняла людей греческаго закона и старалась селить ихъ по многимъ мѣстамъ¹²³). Опасаясь популярности Елены Ивановны, магнаты вступили въ борьбу: наѣздами и грабежомъ стали беспокоить еѣ и тѣмъ самымъ пыталась подорвать ея положеніе въ Литвѣ. Имъ это было тѣмъ легче, что хотя Елена Ивановна хозяйничала попрежнему, благотворила церквамъ и монастырямъ, оказывала, по силамъ, поддержку русско-литовскому люду, но ясно было, что королева отходила уже на задній планъ и положеніе ея было шатко. Новое царствованіе выдвигало на первый планъ новыхъ людей; новые дѣятели какъ, на примѣръ, князь Острожскій становились во главѣ русской партіи, а вдовствующая королева, конечно, не имѣла и не могла имѣть прежняго прямого вліянія на ходъ политической жизни, не могла оказывать и прежней сильной поддержки, какъ то было при мужѣ. Сигизмундъ, положимъ, хорошо относился къ невѣсткѣ; даже, въ благодарность за поддержку, оказанную ему при восшествіи на престолъ и при заключеніи мира, расширилъ сферу ея благотворительной дѣятельности въ самой Вильнѣ, но большой заботы о ней у него не было и жила королева вдали отъ двора. На всѣ запросы московскаго государя, не притѣсняетъ ли Сигизмундъ его сестры, послѣдній могъ по справедливости сказать, что онъ ее въ чести держитъ, но подобно тому какъ при жизни мужа Елена Ивановна

терпѣла не столько отъ него самого, сколько отъ окружающихъ лицъ, такъ и теперь не отъ Сигизмунда могла она ожидать и опасаться притѣсненій, а отъ тѣхъ же представителей полонофильской католической партіи, противъ которыхъ теперь защиты у ней не было. Какъ ни была благоприятно обставлена Елена Ивановна въ первые годы вдовства, пока нуждались въ ея помощи,—лишь только необходимость въ ея услугахъ миновала, положеніе ея мало-по-малу стало измѣняться къ худшему, и отъ ея прозорливости не укрылись первые признаки осуществленія ея бывшихъ предчувствій: мысль объ отъѣздѣ изъ Литвы на родину стала тогда закрадываться въ ея душу.

Положеніе королевы мы можемъ прослѣдить по выпискамъ изъ посольскихъ книгъ, по отрывкамъ изъ Литовской Метрики и по запискамъ Яна Коморовскаго, монаха ордена миноритовъ¹²⁴). Къ величайшему сожалѣнію не отыскались до сихъ поръ посольскія книги за 1505—1514 годы и мы должны довольствоваться краткой выпиской, составленной при Іоаннѣ Грозномъ, выпиской, въ которой постоянно встрѣчаются досадныя слова: «что королева отвѣтъ чинила—того въ книгахъ не написано».

Какъ мы выше говорили, Елена Ивановна въ 1506 году отказала въ просьбѣ брату помогать ему въ достиженіи имъ польско-литовской короны и подтвердила волю мужа своего, чтобы престоль перешелъ Сигизмунду, но она не хотѣла, повидимому, прерывать дружескихъ сношеній съ братомъ Василіемъ и съ слѣдующимъ же посольствомъ Сигизмунда въ 1507 году послала ему челобитые. Тѣмъ

не менѣе переписка между братомъ и сестрой вскорѣ прекратилась и до половины 1508 года Василій Іоанновичъ не получалъ извѣстій отъ сестры: «отъ Жидимонта у насъ не разъ бывали послы, а отъ тебя не бывало никакой вѣсти». Натянутыя отношенія Литвы съ Москвою, закончившіяся открытой войной, были, конечно, причиной молчанія королевы. Стоитъ лишь вспомнить подобное же молчаніе ея въ первые годы жизни въ Литвѣ, наступившее тотчасъ же, какъ только отношенія ея отца съ мужемъ приняли угрожающій характеръ. Она и теперь, при Сигизмундѣ I, держалась прежняго образа дѣйствій, занимая нейтральную позицію: не желая повредить русской партіи какимъ либо опрометчивымъ словомъ или поступкомъ, она не совалась безъ спроса впередъ, но лишь только откровенно обращались къ ней за содѣйствіемъ, охотно шла на помощь.

Сигизмундъ I непрочь былъ отъ войны въ надеждѣ теперь, со смертію великаго государя, вернуть удачной войной потерянные завоеванія Витовта. Его первыя посольскія рѣчи были задорны. Въ Москвѣ войны не боялись и на требованія литовско-польскаго правительства отвѣчали не меньшими требованіями. При такомъ воинственномъ настроеніи обоихъ правительствъ немудрено было разыграться войнѣ, и война вслыхнула, но одновременно съ войной въ Литвѣ разразился бунтъ князя Михаила Львовича Глинскаго.

Мы не станемъ вдаваться въ подробности этого бунта: онъ бы завлекли насъ слишкомъ далеко въ сторону, но не можемъ не сказать нѣсколько словъ о двухъ самыхъ выдающихся дѣятеляхъ того време-

ни, изъ которыхъ одному суждено было стать премникомъ Елены Ивановны.

Лавры побѣдителя подъ Клецкомъ на давали спать панамъ-сенаторамъ: они опасались, какъ бы онъ не возымѣлъ надъ Сигизмундомъ того-же вліянія, что и надъ Александромъ; и вотъ стоило новому государю появиться въ Вильнѣ, какъ началась ожесточенная травля князя Глинскаго. Ему приписывались всевозможныя дьявольскія комбинаціи и планы: то онъ предавалъ Литву Владиславу венгерскому, то московскому государю, то самъ хотѣлъ занять великокняжескій престолъ.

Борьба кончилась, наконецъ, гибелью личнаго врага Глинскаго — пана Яна Заберезинскаго. Послѣдній былъ когда то сватомъ Елены Ивановны; повидимому она находилась съ нимъ въ такихъ же хорошихъ отношеніяхъ, что и съ Ласкимъ. Кровавая расправа Глинскаго была на руку его противникамъ: она отшатнула отъ него всѣхъ русскихъ людей и королеву, лишила его ея поддержки; ему не оставалось другого выхода, какъ бѣгство въ Москву.

Взамѣнъ Глинскаго русская партія вызвала князя Острожскаго и облегчила ему возможность бѣжать изъ плѣна. Этотъ обмѣнъ оказался выгоднымъ для обѣихъ сторонъ. Глинскій далъ пріятіямъ Москвы энергическій толчокъ, а князь Острожскій оказался наиболѣе подходящимъ лицомъ, чтобы поддержать при жизни Елену Ивановну, а затѣмъ замѣнить ее послѣ ея смерти. Семилѣтній плѣнъ на Москвѣ сослужилъ великую службу знаменитому князю, послужилъ ему превосходной школой. Іоаннъ III, воспитавшій свою дочь для дѣятельности на Литвѣ и западной Руси, самъ того не

зная, подготовилъ въ лицѣ Острожскаго ей преемника. Если Іоаннъ III сурово, даже жестоко обошелся на первыхъ порахъ съ литовскимъ плѣнникомъ, то на русское общество Константинъ Ивановичъ не могъ пожаловаться: оно его жалѣло и чѣмъ могло помогало. Въ Москвѣ русско-литовскій богатырь обновилъ и освѣжилъ свои понятія и чувства къ вѣрѣ—вѣрѣ предковъ, научился понимать глубину ея идеи и сущность борьбы съ папизмомъ. Въ Москвѣ онъ почерпнулъ много свѣдѣній и знаній по военному дѣлу и техникѣ, которыя въ то время, при Іоаннѣ III, стояли на Москвѣ куда выше, чѣмъ въ Литвѣ и Польшѣ, что сознавали сами литвины.

Тамъ же присмотрѣлся онъ и привыкъ къ сторожевой службѣ по татарскому рубежу, приглядѣлся къ механизму военной администраціи— и то и другое онъ усвоилъ и впослѣдствіи съ успѣхомъ примѣнилъ у себя на родинѣ. Въ Москвѣ же усвоилъ онъ чувство дисциплины и самоотверженія. Многому и другому хорошему научился нашъ богатырь въ Москвѣ, хотя и пришлось ему, волею судьбы, не разъ бороться со своей наставницей и учительницей. Но, какъ аристократъ, онъ былъ враждебенъ ея демократическому духу. Сознаніе одолженности во многомъ Москвѣ жило въ душѣ князя Острожскаго. Онъ свято чтить память о святомъ Дмитріи Прилудкомъ, у мощей котораго получилъ исцѣленіе, и способствовалъ распространенію памяти о немъ въ южной Руси, а послѣ Оршинской битвы, которая возстановила его поколебленный престижъ военный, онъ выказалъ русскимъ плѣннымъ большое участіе, посѣщалъ ихъ въ мѣстахъ заключенія, утѣшалъ и помогалъ во многомъ ¹²⁵).

Вернемся однако ко вспыхнувшей войнѣ Литвы съ Москвой.

Какъ часто случалось съ литовскимъ правительствомъ, оно оказалось неготовымъ къ войнѣ и потому неудивительно, что военныя дѣйствія то оттягивались, то прерывались дипломатическими переговорами. Одновременно съ войною шла попытка Сигизмунда устроить междоусобіе въ Москвѣ между Васи́лемъ и его братомъ Юріемъ ¹²⁶), но дѣло это не удалось и кончилось ничѣмъ. Въ общемъ военное счастье клонилось на сторону московской Руси. Не мудрено, что литовско-польскій государь былъ вскорѣ вынужденъ завязать мирныя переговоры, и въ 1508 году снаряжаетъ онъ въ Москву посольство и обращается за посредничествомъ къ невѣсткѣ. Ясное доказательство, что война и бунтъ Глинскаго были главными причинами того, что королева Елена воздерживалась отъ сношеній съ братомъ, теперь же, по просьбѣ Сигизмунда, она отплатила брату письмо со своимъ человѣкомъ Ондреемъ Держкой. Этого письма у насъ нѣтъ, но существуетъ отвѣтъ на него Васи́лія Іоанновича. Судя по этому отвѣту, мы можемъ видѣть, что Елена Ивановна просила брата прекратить войну, быть въ мирѣ съ Сигизмундомъ и обвиняла Глинскаго въ измѣнѣ. Точно такъ же смотрѣла она прежде на князей отъѣздчиковъ, и ея приближенные люди присутствовали при постановленіи о конфискаціи имущества всѣхъ отъѣзжихъ князей. Былъ ли такой взглядъ ея личнымъ взглядомъ или то было одно официальное, вынужденное ея положеніемъ отношеніе—рѣшить трудно; одно можно утвердительно сказать, что лично она была

раздражена на Глинскаго. Вмѣстѣ съ отвѣтомъ московскаго государя, что онъ мира хочеть, письмо Елены Ивановны вызвало его упрекъ въ томъ, что она скрываетъ трудное свое положеніе, которое подтверждается тѣмъ, что она вѣстей о себѣ не даетъ, не шлетъ. Подобно отцу Василій Іоанновичъ напоминаетъ сестрѣ наказъ о вѣрѣ: «не нанести укоризны греческому закону». Наконецъ, осенью 1508 года былъ заключенъ «вѣчный» миръ между Москвой и Литвой.

Однако этотъ *вѣчный миръ* не былъ даже *доловѣчнымъ*. Пять лѣтъ съ 1508 по 1513 годы еще кое-какъ протянули мирныя отношенія, а въ 1513 году война возобновилась. Въ Литвѣ не могли примириться съ отъѣздомъ Глинскаго и требовали его выдачи, а московскій государь старался извлечь политическую выгоду изъ заботъ о положеніи сестры своей. Если мы не можемъ принять за чистую монету заботу Василя Іоанновича о сестрѣ, то, съ другой стороны, не можемъ совершенно отвергать основательности его нареканій.

Къ разсмотрѣнію положенія королевы и послѣднихъ годовъ ея жизни мы теперь и переходимъ.

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ и пособіямъ: Акты западной Россіи т. II; Акты историческіе т. I; Сборникъ Императ. русск. истор. общества т. 35; Monumenta Poloniae... т. V Lwow 1888 г.; Лѣтописи т. II, VI, VII, VIII; Археографическій сборникъ т. VI; Макарій, Исторія церкви т. IX; Чистовичъ, Исторія западно-русской церкви; М. Евгенія, Описаніе Соф. собора; Карповъ, Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ; Ярушевичъ, Кн. К. И. Острожскій. Смоленскъ. 1897 г.; Нарбуць, Dzieje narodu litewskiego т. IX; Вобжвинскій, Очеркъ исторія Польши. т. II.

XVII.

Кончина Елены Ивановны. (1513).

Въ 1508—1509 годахъ миръ былъ заключенъ, а Василій Іоанновичъ по-прежнему не получалъ извѣстій отъ сестры и въ 1509 году былъ снова вынужденъ дать знать Еленѣ Ивановнѣ: «чтобы она безъ вѣсти государя ни о чемъ не держала».

Наконецъ, королева сообщила, повидимому, что-то неладное насчетъ своего положенія боярину Григорію Ѳедоровичу, одному изъ членовъ официальнаго посольства къ Сигизмунду, потому что Василій III счелъ нужнымъ снарядить особое посольство къ сестрѣ. Во главѣ его стоялъ печатникъ Микула Ангеловъ, тотъ самый, что ѣздилъ съ интимнымъ порученіемъ къ Еленѣ Ивановнѣ отъ Ивана Васильевича и Софіи Ѳомишишны въ 1497 году. Этотъ Микула Ангеловъ «человѣкъ свой добрый» имѣлъ порученіе переговорить откровенно съ королевой обо всемъ, о чемъ намекала Елена Ивановна боярину Григорію Ѳедоровичу, а именно: «что Жигимонтъ се не въ чти... держитъ, да и сила отъ короля и пановъ-рады ей королевѣ чинитца великая; города и волости выпустошили (разорили), а воевода виленскій Радивиль земли отымасть».

Обида отъ пановъ—дѣло вполне правдоподобное:

вспомнимъ, что королева уже судилась однажды за нарушение ея поземельной собственности. Она отлично знала недоброжелательное отношеніе къ ней пановъ-рады, усилившееся за послѣдніе годы царствованія Алекса ндра, во время столкновенія Глинскаго съ Заберезинскимъ. Затихшая не на долго ненависть вспыхнула съ новой силой, когда Сигизмундъ выказалъ уваженіе вдовѣ брата и снизошелъ на просьбы ея въ пользу русскаго населенія и церкви. Королева стала опасаться и за себя лично и за свою казну.

По смерти мужа она очистила нижній замокъ и вывезла свои вещи и казну, но куда ей было дѣвать ее? Гдѣ найти безопасное мѣсто отъ грабежа пановъ? Дома православныхъ людей и монастырей очень часто бывали въ Польшѣ и Литвѣ жертвою наѣзда и грабежа. Въ виду этого, а также того факта, что католическіе монастыри пользовались большей безопасностью, королева отдала нѣкоторыя изъ своихъ драгоценностей на сохраненіе ордену миноритовъ. Сокровища Елены Ивановны были очень велики: 14 сундуковъ съ золотомъ и серебромъ, большія и малыя блюда, драгоценныя вещи, дорогіе камни, золотыя чаши и шитыя золотомъ одежды (около 350 *). Не въ это ли время отдала королева

*) Мы не могли воспользоваться статьею проф. Березкова «Елена Ивановна...» въ трудахъ IX археологическаго съѣзда, полученной въ Петербургъ уже тогда, когда послѣдніе листы книги были прокорректированы. Тѣмъ не менѣе постараемся воспользоваться слѣдующими данными. Перечисленіе имущества Елены Ивановны у миноритовъ совпадаетъ съ росписью приданого, даннаго Иваномъ Васильевичемъ.

Авторъ статьи имѣлъ подъ руками эту роспись приданого

Пречистенскому собору два сундука съ громаднымъ числомъ золота, серебра, драгоценностей и драгоценныхъ камней! Янъ Коморовскій зналъ о томъ, и послѣ смерти королевы паны особенно внимательно занялись описаніемъ именно этихъ двухъ сундуковъ, приказавъ принести ихъ изъ церкви Пречистой. Случайное указаніе на пожертвованіе Пречистенскому собору, слова Миноритовъ, что королева довѣрила имъ только часть своего имущества—заставляетъ думать, что Елена Ивановна, не имѣя наслѣдниковъ, не скупилась на вклады въ церкви и монастыри и снабдила деньгами для церковной благотворительности такихъ довѣренныхъ лицъ, какъ кн. Головчинскій или кн. Острожскій. Интересно, что послѣдній строилъ не мало церквей не только у себя на югѣ, но и въ Вильнѣ, строилъ тогда, когда еще не разбогатѣлъ. (Первое время по возвращеніи изъ Москвы денежныя дѣла его были въ разстройствѣ и поправились только къ 1518 году).

(Дѣло Гл. Архива М. И. Д. въ Москвѣ въ портфеляхъ Малиновскаго), которое состояло изъ серебряной и золоченой посуды, изъ шелковой рухляди—бархата, камокъ, атласовъ, тафты; изъ мѣховъ и денегъ, изъ дорожныхъ экипажей и лошадей. Перечисляются подарки матери и отца. Великій князь благословилъ дочь иконой Божіей Матери «на сязу, обложена золотомъ, а въ ней 8 червцовъ и 8 зеренъ гурмыскихъ». Софія Ѳоминовна благословила иконой Спасителя «на дашъ, а въ ней 4 дала, да два яхонта, да 8 зеренъ гурмыскихъ». Въ Дорогомиловѣ отецъ подарилъ «рогъ изъ новыхъ роговъ, окованъ серебромъ, поволоченъ, да горшокъ серебрянъ, вѣнецъ у него писанъ и золоченъ...», а мать «дала дочери... жиковину золоту, а въ ней яхонтъ да 7 зеренъ гурмыскаго». Въ этой то росписи приданого Пописана тапкана, въ коей ѣхала Елена Ивановна изъ Москвы.

(См. Труды IX Археологическаго Съѣзда ст. М. Бережкова стр. 12, 13а, также стр. 3).

Итакъ, отдавъ свою казну на храненіе миноритамъ, королева разсчитывала, повидимому, на преданность братьевъ ордена. Почему она обратилась именно къ миноритамъ—объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что братья ордена мягче другихъ лицъ католическаго духовенства относились къ ней и были даже противъ ея перекрещиванья. Александръ Казиміровичъ былъ къ тому же благотворителемъ ордена, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ синодикъ. Въ память мужа сама Елена Ивановна благотворила ордену и оказывала ему поддержку, которой братьямъ чувствительно было лишиться. Все это вмѣстѣ объясняетъ намъ тотъ фактъ, что королева безъ опасенія вручила свои сокровища *guardianus*'у ордена Яну Комаровскому. Но она жестоко ошиблась!

Свѣдѣній о посольствѣ Микулы Ангелова у насъ нѣтъ. По всей вѣроятности Василій III предлагалъ сестрѣ помощь и средства выйти изъ невыносимаго положенія, но, повидимому, она колебалась и не рѣшалась сдѣлать шагъ, могущій вызвать войну между только что примирившимися сторонами. Это можно заключить изъ того, что сношенія опять прерываются на долго и ограничиваются одними поклонами и челобитьями. Только въ 1511 году мы встрѣчаемся съ двумя посольствами къ ней. Первое было въ связи съ официальнымъ посольствомъ къ Сигизмунду. Дьякъ Третьякъ Далматовъ и сынъ боярина и воеводы Юрія Захарьина Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ были отправлены толковать о порубежныхъ дѣлахъ и, по исполненіи этого порученія, дьякъ Далматовъ долженъ былъ ѣхать къ королевѣ. Ему поручалось узнать ея мысли о

государевыхъ дѣлахъ и о своихъ собственныхъ, и каковъ ея прожитокъ, и нѣтъ ли которыя «нечти отъ короля и отъ пановъ и какъ къ ней впередъ посылать государю людей своихъ». Эти слова доказываютъ, что переговоры Елены Ивановны съ братомъ опять приняли серьезный характеръ. Вѣроятно снова дошли неблагоприятные слухи до Василя, и онъ воспользовался случаемъ повторить свои предложенія, а сестра, понимая, что братомъ руководятъ не столько родственныя чувства, сколько политическіе расчеты, и опасаясь стать орудіемъ интригъ князя Глинскаго, все еще не рѣшалась и колебалась; малѣйшая перемѣна къ лучшему, малѣйшее вниманіе къ ея жалобамъ и просьбамъ охлаждали ея порывъ. Досадное молчаніе посольской книги не даетъ намъ возможности узнать, что же слышала Далматовъ отъ королевы. «Были у королевы, а что имъ королева отвѣтъ чинила, того въ книгахъ не написано». Какъ бы то ни было, но въ томъ же году Василій Юанновичъ снарядилъ второе, уже отдѣльное посольство съ Загряжскимъ и подьячимъ Космыниномъ. Единственною его цѣлью было якобы посылка бѣлокъ и соболей. «А какъ пріѣхалъ посолъ назадъ то не написано». Упорное отрицаніе приказной выписки заставляеть, наконецъ, думать, что и въ посольской книгѣ были пропуски и пропуски съ тенденціей *). Остается предполагать — либо Елена Ивановна не отвѣчала брату, либо московское пра-

*) Повидимому переписку великаго князя съ дочерью вѣдалъ особый дьякъ Мамыревъ (см. стр. 227 и указатель Сб. И. И. общ.), а потому надо предполагать, что письма Елены Ивановны хранились отдѣльно, не въ посольскихъ книгахъ.

вительство держало въ тайнѣ эти отвѣты. Обыкновенно предполагали первое и Василю III приписывали придирки то изъ политическихъ расчетовъ, то подъ вліяніемъ Глинскаго, но записки миноритовъ раскрываютъ другое: онѣ доказываютъ, что у Елены Ивановны шли секретные переговоры съ братомъ объ отъѣздѣ на родину.

Изъ записокъ братьевъ миноритовъ мы узнаемъ, что однажды послы московскаго государя, побывавъ въ Краковѣ у Сигизмунда, просили разрѣшенія на обратномъ пути заѣхать въ Бѣльскъ къ вдовствующей королевѣ. Последняя приняла ихъ съ торжествомъ и съ радостью. И вотъ въ загородной церкви состоялась совѣщаніе ея съ послами, результатомъ котораго было рѣшеніе королевы оставить Литву навсегда. Она собиралась со всей казной своей уѣхать въ Бреславль, городъ, пограничный съ Московскимъ государствомъ, и оттуда передаться подъ покровительство московскаго государя со всѣми своими землями (которыя находятся въ окрестностяхъ Полоцка). Для успѣха своего предпріятія она требовала отъ брата присылки войска.

Точное воспроизведеніе рѣчи Елены Ивановны конечно на душѣ Яна Коморовскаго, но думается—трудно сомнѣваться въ намѣреніи королевы вернуться на родину и, конечно, увезти съ собой казну. Является вопросъ относительно передачи волостей. Хотя практика князей отъѣздчиковъ могла навести на эту мысль Елену Ивановну, хотя Василій III безъ сомнѣнія добивался этого въ переговорахъ съ сестрой, но устроила ли это дѣло Елена Ивановна—вопросъ сомнительный. Интересно, что минориты

только вскользь упомянули о волостях и всё заботы их направлены на сохранение казны; интересно, что королеву отпустили въ Бреславль! Съ другой стороны обращаетъ на себя вниманіе движеніе къ Бреславию, московскаго войска, которое удалилось при вѣсти о смерти королевы. Къ какому времени приурочить это посольство въ Бѣльскъ? Къ посольству ли Далматова или Загряжскаго? Въ 1512-мъ году неизвѣстно было ли таковое. Думается, что скорѣе можно приурочить къ посольству Далматова, которое дѣйствительно было у Сигизмунда и, возвращаясь, могло захватить въ Бѣльскъ къ королевѣ.

Къ концу 1512 года намѣреніе Елены Ивановны отъѣхать на Москву окрѣпло, а послѣдовавшія событія и нанесенныя ей оскорбленія ускорили кризисъ, катастрофу и смерть.

Сопоставляя рассказъ приказной выписи съ записками миноритовъ, мы можемъ убѣдиться въ ихъ полной тождественности.

Переговоры Елены Ивановны съ московскими послами стали извѣстны одной изъ приближенныхъ паней—охмистринѣ, которая не пользовалась расположеніемъ королевы (не она ли пани восорка)? Она успѣшила сообщить обо всемъ происшедшемъ гродненскому старостѣ *), а послѣдній предупредилъ гвардіана ордена не возвращать королевѣ ея

*) Кто былъ гродненскимъ старостой? Янъ Коморовскій называетъ кн. Александра т.-е. Гольшанскаго, но онъ не былъ съ 1508 г. старостою, а былъ Станиславъ Кишеа до 1513 и Радивиль съ 1514 (см. Ярушевича).

имущества. За содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ Янъ Коморовскій обратился тогда къ виленскому воеводѣ Радзивилу. Этотъ магнатъ стоялъ, можно сказать, во главѣ католической партіи, которая враждебно относилась къ схизматичкѣ-королевѣ, негодовала на Александра за поддержку Глинскаго, недовольна была возвышеніемъ русскихъ людей, была въ претензіи на Сигизмунда и роптала на него за то, что послѣдній не оправдалъ ихъ надеждъ при возведеніи его на престолъ и, подобно Александру, продолжалъ опираться на русскихъ, замѣнивъ только Глинскаго Острожскимъ. Это былъ тотъ самый виленскій воевода, на котораго жаловалась Елена Ивановна, что онъ отнималъ у нея земли, и отношеніе котораго къ православному населенію отлично характеризуется пѣснью, что сложилъ про него православный людъ на Литвѣ и Руси.

Былъ на Руси Черный богъ... (описаніе введенія христіанства).

* * *

Ажъ отъ ксенца Радзивилла
 повайшла нечиста сила,
 русску вѣру поглумила...
 Не было къ намъ (въ Нѣсвижѣ), а ни слова
 ни изъ Слуцка, ни с Турова...
 Мы предъ Юріемъ (церковь въ Нѣсвижѣ)
 заклечемъ...

Щобъ его святая сила
 Поконала Радзивилла ¹²⁷).

Радзивиль, подобно большинству современниковъ Елены Ивановны, не могъ себѣ представить громаднаго богатства королевы, и слова его Яну Коморовскому рельефно рисуютъ намъ тѣ чувства презрѣнія и высокомерія, которыя питалъ знатный

пань къ вдовствующей королевѣ. «Отецъ guardianus, говорилъ улыбаясь Радивиль, говоря по русски—она обманываетъ васъ и смѣется надъ вами, я же думаю, что тамъ въ ящикахъ она положила камни, обернула соломой и сказала, что тамъ де сокровища». Однако насмѣшливое отношеніе Радивила смѣнилось удивленіемъ, когда pater Янъ сообщилъ, что собственными глазами видѣлъ несказанное богатство королевы. Обомлѣвъ Радивиль отъ неожиданности и рѣшилъ онъ лишить Елену Ивановну этихъ сокровищъ, столь полезныхъ, могъ, для государя и для государства. Пять дней спустя послѣ совѣщанія Коморовскаго съ Радивилломъ, королева пріѣхала въ Вильну и потребовала у миноритовъ возвращенія своей казны. Можетъ быть и до нея дошелъ, въ свою очередь, слухъ объ интригахъ и планахъ насчетъ захвата ея казны панами. Собираясь въ Бреславль, она заѣхала въ Пречистенскій соборъ помолиться и тутъ узнала, что имущество ея задержано. Воевода виленскій Радивиль собралъ четырехъ пановъ, явился къ собору и именемъ короля воспретилъ Еленѣ Ивановнѣ отъѣздъ въ Бреславль. Въ Москвѣ же рассказывали, что королеву задержали силой, вывели за рукава и повезли въ Троки, о чемъ умалчиваетъ монахъ-миноритъ. Но онъ передаетъ картину гнѣва. «Воспламененная женскимъ гнѣвомъ, королева начала негодовать на пановъ, говоря: по какому это праву вы меня удерживаете, не допуская исполнить того, что я хочу?» И паны, испуганные гнѣвомъ королевы, поспѣшили свалить всю вину на гвардіана и на братію ордена. Елена Ивановна до самой смерти своей не могла позабыть

оскорбленія, говоритъ авторъ записокъ, и лишила орденъ той поддержки, которую раньше оказывала. Кто же были паны, собранные Радивиломъ? Московскій государь зналъ ихъ, а Янъ Коморовскій, умалчивая въ данномъ случаѣ, выставляетъ ихъ дѣйствующими лицами при описаніи и пересмотрѣ имущества королевы послѣ ея смерти. То были Григорій Остиковичъ, воевода троцкій, тотъ самый, о которомъ хлопотала Елена Ивановна, Войтехъ Ключко, ея бывшій охмистръ, подскарбій Абрамъ Езофовичъ и вѣроятно Гаштольдъ (см. въ приложеніи; его роль при описаніи сокровищъ); былъ тиунъ Бутримъ (?). Вскорѣ послѣ событія въ Вильнѣ Елена Ивановна находилась въ Бирштанахъ (по словамъ москвичей въ невогѣ), потомъ въ Стеклишкахъ—имѣніи подлѣ Трокъ, а въ ноябрѣ-декабрѣ 1512 г.— въ Оникштахъ.

Нахожденіе близъ Трокъ даетъ поводъ вѣрить московскому разсказу о заключеніи въ Трокахъ и Бирштанахъ.

Изъ того же источника (посольской книги) мы знаемъ, что Елена Ивановна посылала съ жалобой на пановъ къ Сигизмунду (человѣка своего—Петелю), но что послѣдній отвѣта не учинилъ. Однако въ Оникштахъ Елена Ивановна выдала двѣ хозяйственныя грамоты, а вслѣдъ затѣмъ 6 января 1513 г. выѣхала въ Бреславль. Последнее заставляетъ думать, что Сигизмундъ дѣйствовалъ не за одно съ панами; быть можетъ король и не противился отъѣзду Елены Ивановны въ Москву. Единственное, что беспокоило короля — это имущество королевы. Богатство Елены Ивановны было на руку королю,

казна котораго была въ разстройствѣ, было приманкой и для пановъ.

Въ Москвѣ поздно узнали о случившемся, не раньше прибытія въ Литву посла Замыцкаго; значить Елена Ивановна не рѣшилась послать въ Москву нарочнаго и спѣшила съ жалобой не къ брату, а сперва къ Сигизмунду.

Василій Іоанновичъ, узнавъ отъ пословъ о случившемся, потребовалъ объясненія у литовскаго правительства, и пункты посольскихъ рѣчей составляютъ резюме разсказа миноритовъ: почему помѣшали силою поѣздкѣ королевы? почему удержали казну? почему отымають земли? Литовское правительство медлило отвѣтомъ, ссылалось на небезопасность границъ.

То обстоятельство, что въ Москвѣ узнали поздно и не отъ Елены Ивановны, доказываетъ, что если у нея и была мысль уѣхать изъ Литвы, то эта мысль еще не оформилась окончательно. Колебанія Елены Ивановны понятны, если вспомнимъ, что она сама осуждала когда-то князей отъѣздчиковъ, а теперь ей самой приходилось рѣшать тотъ же жгучій вопросъ. Но послѣ дерзкой выходки пановъ ждать было нечего, и Елена Ивановна твердо порѣшила выѣхать въ Москву. Она уѣхала въ Бреславль, а московское войско, по словамъ миноритовъ, несмотря на зимнюю пору уже приближалось къ нему.

Могли ли допустить отъѣздъ королевы паны? Конечно нѣтъ. Они слишкомъ далеко зашли въ своемъ самоуправствѣ, да и жадность ихъ разыгралась не на шутку. Изъ разсказа Яна Комаровскаго о судь-

*

бѣ имущества Елены Ивановны можно видѣть, какъ хозяйничали паны, да и самъ о. гвардіанъ надъ сундуками королевы. Янъ Коморовскій не на шутку опасался, что братія погибнетъ изъ за сокровищъ во время грабежа, опасался корыстныхъ стремленій пановъ и требовалъ, чтобы имущество было описано и запечатано. Многіе были непрочъ поживиться, и поживились!

И вотъ страхъ за послѣдствія учиненнаго насилія, корыстныя намѣренія—все вмѣстѣ заставило кое кого подумать объ иномъ исходѣ изъ этого положенія.

Въ январѣ 1513 г. Елена Ивановна праздновала въ Бреславлѣ свадьбу «нѣкоторыхъ» изъ своихъ приближенныхъ. Ей потребовалась для пира золотая посуда и она сдѣлала снова попытку достать имущество изъ рукъ миноритовъ. Но королевѣ выдали только 40 кубковъ. Московское войско межъ тѣмъ приближалось.

И вотъ на пиру ли, или попозже, но только въ концѣ января, Елена Ивановна заболѣла и скончалась 24 числа. Русское войско, узнавъ о смерти королевы, удалилось. Невольно является вопросъ, почему смерть Елены Ивановны заставила русское войско удалиться. Если оно было послано для занятія волостей королевы, то смерть ея не могла послужить помѣхой къ тому. Остается предположить, что войско было малочисленно, что то было не войско, а простой отрядъ, посланный для охраны Елены Ивановны при переѣздѣ въ Литву.

Въ Москвѣ не замедлили обвинить литовское правительство въ отравленіи королевы; въ Литвѣ отрицали это.

Но Янъ Коморовскій прямо приписываетъ смерть Елены Ивановны яду. «Она скончалась отъ яда, погубленная, потому что паны боялись измѣны». Лѣтописи, глухо говорятъ о смерти Елены Ивановны: она умерла «Богъ вѣсть которыми дѣлы», но въ посольскихъ рѣчахъ московскаго государя найдемъ подробное описаніе этого темнаго дѣла. Паны Радивилъ, Остиковичъ, Ключко, Абрамъ Езофовичъ написали грамоту къ человѣку Ивана Сапѣги — Митькѣ Оедорову и къ ключнику Елены Ивановны Митькѣ Иванову и послали въ Бреславль вмѣстѣ съ нѣкіемъ «Грѣтофтомъ Волинцемъ». Эти три лица и были уполномочены отравить королеву. Въ четвергъ на всеядной недѣлѣ они и поднесли ей ядъ въ меду. Къ вечеру Елены Ивановны не стало. Вѣрить истинѣ словъ посольской книги можно вполне послѣ того, какъ въ запискахъ католическаго ордена находимъ подтвержденіе даже именъ дѣйствующихъ лицъ.

Долго сомнѣвались въ исторической литературѣ относительно насильственной смерти Елены Ивановны, не давали вѣры ни московскимъ извѣстіямъ ни, конечно, глухимъ указаніямъ литовско-польскихъ писателей. Историки хуже знали польско-католическое общество, чѣмъ знала его Москва и въ частности князь Глинскій, упорно утверждавшій это. Слова миноритовъ подтвердили и посольскія рѣчи Василя Ивановича и глухіе намеки лѣтописей, да и нѣтъ здѣсь ничего удивительнаго, если вспомнимъ, что то былъ вѣкъ Борджіа, тотъ вѣкъ, разсказами о чудовищныхъ преступленіяхъ котораго полны венеціанскіе архивы ¹²⁸).

Предатель Елены Ивановны, ея же ключникъ Митька Ивановъ, сообщилъ Радивилу о смерти королевы и получилъ свои 30 сребренниковъ: «и далъ ему Радивиль имѣніе». Не этотъ ли Митька въ качествѣ русскаго писца описывалъ въ послѣдствіи имущество королевы и не онъ ли передалъ списокъ казны Елены Ивановны, составленный передъ ея свадьбою. (Это роспись приданого, данная Ивановъ III Кулешину). Прошло два года, и въ 1515 году самъ Радивиль, въ разгаръ войны съ Москвою, получилъ отъ Максимилиана I титулъ князя Священной Римской Имперіи, а отъ Польши титулъ *Amor Poloniae*.

Паны-рада извѣстили Сигизмунда о кончинѣ королевы. Тѣло ея съ большею торжественностью было перевезено изъ Бреславля въ Вильну для погребенія въ Пречистенскомъ соборѣ. Тотъ самый храмъ, въ которомъ она впервые молилась въ Вильнѣ, который она, можно сказать, возстановила изъ развалинъ, послужилъ ей мѣстомъ вѣчнаго успокоенія! Въ этомъ соборѣ долгіе годы хранилась и та святая чудотворная икона Божіей Матери, которую привезла Елена Ивановна изъ Москвы, какъ благословеніе родительское. Пока великая княгиня была жива, она не разставалась съ этой иконой и держала ее у себя въ нижнемъ замкѣ. Послѣ смерти Елены Ивановны, по завѣщанію ея, эта икона передана въ даръ Пречистенскому собору, а нынѣ находится въ Троицкомъ монастырѣ въ Вильнѣ.

Такъ оправдались предчувствія Елены Ивановны, такъ и не удалось ей увидать Москвы! Тяжкою смертію закончила она свою историческую миссію на Западной Руси и Литвѣ!

Миновали столѣтія, миновало время уни, время войнъ—въ Пречистенскомъ соборѣ сохранялась не-вредимо гробница великой княгини литовско-русской и королевы польской, а надъ гробницей была при-бита серебряная доска съ надписью на славянскомъ языкѣ и съ тремя выгравированными гербами: мо-сковскимъ, литовскимъ и польскимъ. Наступилъ просвѣщенный XIX вѣкъ. Въ царствованіе Але-ксандра I и въ попечительство пресловутаго князя Адама Чарторыйскаго, отъ 1802 по 1816 годъ, Пречистенскій соборъ былъ превращенъ въ зданіе анатомическаго театра и въ алтарѣ его выварива-лись трупы! Гробница была заброшена, а въ 1810 году ректоръ Виленскаго университета, членъ обще-ства филоматовъ, Францъ Малевскій снялъ се-ребрянную доску съ гробницы и перелилъ ее себѣ въ серебряную посуду ¹²⁹). Оставалась еще каменная плита, но и эта плита исчезла сравнительно недавно. То, что пощадило время и житейскія бури, не спа-лось отъ фанатизма и невѣжества въ наши про-свѣщенные дни!

Глава составлена по слѣдующимъ источникамъ: Сборникъ Императ. Русскаго Истор. Общ. т. 35. 1882; Monumenta Poloniae historica (Pomniki dziejowe polski) т. V. Lwow 1888; Лѣтописи, т. VII, VIII.

XVIII.

Заключеніе.

Хотя нашъ очеркъ жизни великой княгини Елены Іоанновны далеко не полонъ и надо надѣяться, что найдутся новыя свѣдѣнія изъ неизвѣстнаго рукописнаго матеріала, тѣмъ не менѣе изъ имѣющихся на лицо данныхъ можно сдѣлать общій выводъ о дѣятельности дочери Ивана III.

Бракъ ея былъ однимъ изъ политическихъ браковъ, примѣры коихъ часто встрѣчаемъ въ исторіи; но, вступивъ по волѣ случая на историческую сцену, Елена Ивановна сумѣла выполнить доставшуюся на ея долю историческую задачу.

Выросшая и воспитанная въ московскихъ традиціяхъ, сохранившая до конца двей привязанность въ родимой землѣ, Елена Ивановна стала государыней той страшы, съ которой московскіе государи вели постоянную борьбу. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ сверхъ того были точки соприкосновенія съ Москвой: православная вѣра и русская народность, испытывавшія давленіе со стороны католическаго правительства. Намъ не легко разобратъся въ запутанныхъ отношеніяхъ этой эпохи, — каково же было современникамъ! Однако Елена Ивановна не сдѣлалась ни пассивной зрительницей происходящаго, ни покорной жерт-

вой чужого вліянiя. Она служила вѣрой и правдой своему мужу и государю, и подданныхъ заставляла служить также. Она отстаивала интересы Литовско-Русскаго государства, какъ его государыня, и тѣмъ не менѣе ея дѣятельность принесла впоследствии пользу ея прежнему отечеству, и не Москвѣ одной, но всему русскому народу.

Съ непоколебимой твердостью она отстояла свою религіозную свободу и, не скрывая передъ собою опасности борьбы съ римскимъ духовенствомъ и панами-католиками, выступила на защиту угнетенной церкви. Благодаря ея дѣятельности, Юго-Западная русская церковь вступила въ болѣе счастливый періодъ существованiя. Послѣ митрополитовъ Іоны и Іосифа Солтана попытка къ униі была невозможна и униа отсрочилась на сто лѣтъ. Отсрочить унию значило ослабить ея вредное вліянiе. Польскій писатель Бартошевичъ понялъ это и замѣчаетъ о дѣятельности великой княгини, что Александръ поручилъ ей управленіе церковью и это управленіе было таково, что погубило дѣло Флорентійской униі. Нѣсколько лѣтъ такого управленiя измѣнило церковь до неузнаваемости.

Поддержка православной церкви шла рука объ руку съ поддержкой и оживленіемъ русской народности. Въ польскихъ источникахъ встрѣчается замѣтка, что во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ только были русскіе люди, Елена Ивановна поддерживала ихъ сильною рукою.

До времени Елены Ивановны, собственно говоря, не было русской партіи. Острожскіе и другіе стали дѣйствовать уже въ XVI вѣкѣ; были только раз-

розенные матеріалы для созданія партіи, но не было организатора. Эта созидательная сила пришла изъ Москвы въ лицѣ великой княгини. Время Казимира и первые годы Александра не выдвигаютъ дѣятелей и ревнителей православія. Въ XV вѣкѣ лучшіе люди уходили въ Москву; отъѣздами князей и бояръ изобилуютъ годы княженія Казимира и Александра. Со времени дѣятельности Елены Ивановны, несмотря на возобновлявшіяся притѣсненія въ вѣрѣ, въ началѣ XVI вѣка, отъѣзды ослабѣваютъ. Русскіе люди Юго-Западной Руси стали дѣйствовать на пользу своей народности и вѣры у себя дома. Ярушевичъ вѣрно замѣчаетъ, что отъѣзды были вредны, ибо ослабляли культурные слои, которые въ то время вели борьбу. Народныя массы составляли резервъ и выступили на борьбу много позже.

Что касается до побѣды подъ Клецкомъ, то побѣда эта, {одержанная Глинскимъ, но подготовленная благодаря мужеству Елены Ивановны остановила татарскія нашествія, а впоследствии подвиги Константина Острожскаго противъ татаръ и турокъ еще болѣе обезопасили Литву и Русь. Эта же побѣда осадилъ католическихъ агитаторовъ, дала возможность Сигизмунду спокойно вступить въ управленіе страной, продолжила дѣятельность Елены Ивановны еще на семь лѣтъ и поддержала русско-литовскій православный элементъ, а этотъ элементъ и былъ самой устойчивой силой на Литвѣ.

Религіозная и національная борьба, вынесенная Еленой Иоанновной, совпадаетъ съ религіозной борьбой на западѣ Европы. И тамъ въ XV вѣкѣ началось движеніе противъ римскаго папства и его представи-

тельницы—римской курии, а въ началѣ XVI вѣка, около времени трагической кончины великой княгини литовской, католическая Европа раскололась на двое.

Ближайшая оцѣнка дѣятельности Елены Ивановны принадлежитъ близкимъ къ ней людямъ—мужу и отцу.

Въ отношеніяхъ Александра Казиміровича къ своей женѣ замѣтны два періода. Въ теченіе перваго періода съ 1495 по 1499 годъ онъ видѣлъ въ женѣ только красивую женщину, уживчиваго характера, добраго сердца. Не насилуя религіозной свободы ея, онъ пассивно относился къ натиску римскаго духовенства. Въ 1499 году выдержанная ею борьба изъ-за религіозныхъ убѣжденій и была той волной, которая ее захлеснула и втянула въ политическій водоворотъ, къ удовольствію Ивана Васильевича, который четыре года сгоралъ отъ нетерпѣнія и досады. Эта борьба раскрыла Александру глаза на настоящій характеръ жены, на твердость, силу и сознательность ея убѣжденій, ея умъ и дарованія и на политическую выгоду ему, литовскому государю, имѣть православную жену, а не католичку, въ борьбѣ съ Москвой. Съ тѣхъ поръ онъ отнесся къ ней съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, съ тѣхъ поръ онъ возвысилъ голосъ въ ея защиту, а во внутренней его политикѣ, по отношенію къ православію и русской народности, обозначился поворотъ къ лучшему. Этотъ поворотъ не укрылся отъ зоркихъ глазъ Ивана Васильевича и онъ въ самый разгаръ войны посылаетъ дочери поклонъ.

Правда, стойкость великой княгини въ религіозномъ вопросѣ доставила Александру Казиміровичу

не мало неприятностей со стороны римской церкви; пановъ и родни. «Зацѣпки» тестя и война съ послѣднимъ создали ему рядъ политическихъ затрудненій, но несмотря на все это Александръ Казиміровичъ относился къ женѣ съ любовью и уваженіемъ и доказалъ, что не только не приписывалъ ей трудности своего положенія, но вполне оцѣнилъ ея образъ дѣйствій. Онъ добился уступокъ со стороны римскаго папы; онъ съ негодованіемъ отзывался въ письмѣ къ брату о проискахъ римскаго духовенства; онъ энергично защищалъ жену отъ нападокъ матери и торжественно заявилъ, что вполне солидаренъ съ ней. Участіе Елены Ивановны въ политическихъ переговорахъ съ тѣхъ поръ встрѣчало его полное сочувствіе, о чемъ извѣщалъ пановъ, бискуповъ и брата, короля венгерскаго.

Александръ Казиміровичъ, русскій литвинъ, воспитанный Длугошемъ, Калимахомъ и своей матерью Елизаветой Австрійской въ католической нетерпимости и въ презрѣніи ко всему русскому, къ православію и русской народности,—за послѣдніе годы своей жизни научился болѣе прежняго цѣнить и уважать своихъ русскихъ подданныхъ: фактическое доказательство вліянія выдающейся личности великой княгини на своего мужа.

Со своей стороны Иванъ Васильевичъ въ одной изъ посольскихъ рѣчей высказалъ одобреніе поведенію своей дочери: «ино то дочка дѣлаешь гораздо (хорошо), что своей души бережешь, да и имени своего и нашего (честь) бережешь». Эти слова, послѣдующая дружеская переписка, обмѣнъ подарковъ, предсмертное благословеніе золотымъ крестомъ съ

мощами указываютъ намъ на то, что великій государь, раздраженный вначалѣ самостоятельностью дочери, убѣдился въ концѣ-концовъ въ пользѣ избраннаго ею образа дѣйствій. Правда, если смотрѣть съ узкой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія Московской того времени—Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ ошибку, выдавая дочь замужъ за Литовскаго государя. Отъѣзды на Москву продолжались бы и въ XVI вѣкѣ, какъ то было въ вѣкѣ XV, Москва съ большимъ успѣхомъ и съ болѣею легкостью захватила бы области и города Западной Руси и населеніе послѣдней не оказывало бы того сопротивленія, какое видимъ въ войнахъ съ Москвою XVI в. Но, зная послѣдующія историческія событія — конецъ царствованія Грознаго, смутное время — нельзя не признать, что для русской народности несравненно выгоднѣе было то, что Западная Русь окрѣпла, русский элементъ и православная церковь, благодаря дѣятельности Елены Ивановны, получили поддержку, которая дала имъ возможность пережить время уни и сохранить свою вѣру и національность до той поры, когда Восточная Русь могла вернуть и удержать области Руси Западной. Московскій государь, не упускавшій изъ виду прямой выгоды, ясно созналъ задачи будущаго. Онъ понялъ значеніе дѣятельности своей дочери. Хотя Елена Ивановна не сдѣлалась послушнымъ орудіемъ его воли, хотя она очень часто отмалчивалась или замалчивала многое, но властный Иванъ Васильевичъ отдалъ справедливость умѣнью великой княгини и душу свою сохранить, то-есть соблюсти греческій законъ, и поддержать безупречною жизнью и дѣятельностью

честь своего и русскаго имени. Слова великаго политика суть какъ бы резюме всей дѣятельности Елены Ивановны и высшая ей похвала.

Современники не отнеслись къ ней безучастно. Ни одна московская лѣтопись не прошла ея смерти молчаніемъ: всѣ ее отмѣтили и всѣ выразили подозрѣніе по поводу ея внезапной кончины.

Сами политическіе противники Елены Ивановны не могли найти повода къ злословію. Янъ Коморовскій нигдѣ не относится къ ней съ фанатизмомъ и не забываетъ сказать, что она помогала ихъ ордену. Сарницкій отмѣчаетъ въ ней единственное зло, что она римскій законъ ненавидѣла, имѣла къ нему отвращеніе.

Отзывы Сарницкаго, Кояловича, Бѣльскаго и другихъ послужили основаніемъ для характеристики польскихъ и литовскихъ писателей.

Беремъ для примѣра нѣсколько выдержекъ. Нарбутъ удивляется умѣнью Елены Ивановны выйти побѣдительницей изъ труднаго положенія между мужемъ и отцомъ, говоря: «По истинѣ Елена должна была быть очень разумна и добродѣтельна, если въ жизни (супруговъ) не примѣчаемъ столкновеній». «Набожная, продолжаетъ онъ, исполненная высокихъ добродѣтелей, разума, твердаго характера, будучи привязана къ новой своей отчизнѣ, и не желая зла своей родимой землѣ, она старалась объ утвержденіи мира между обоими государствами».

Въ томъ же духѣ говоритъ Крашевскій: «Эта достойная и умная королева, мягкаго характера и добрая сердцемъ, умерла вѣрною своей религіи и

родинѣ, всю жизнь будучи преслѣдуема и несчастна». Отвергая извѣстіе объ отравленіи, авторъ продолжаетъ: «Отдаленіе отъ родины, жизнь среди людей неблагожелательныхъ... обиды отъ пановъ, невозможность возврата въ Москву, съ которой простилась навсегда—все это могло и должно было ускорить ея кончину».

Эти отзывы закончимъ слѣдующими словами: «Это—чудное созданіе, блиставшее въ свое время, по словамъ историковъ, полнымъ блескомъ молодости, здоровья и красоты, а также высокими добродѣтелями дочери, жены, гражданки и христіанки».

Въ русской исторической литературѣ, по большей части, вскользь упоминается о великой княгинѣ литовской и русской. Посмотримъ, напр., что говоритъ въ своей исторіи Бестужевъ-Рюминъ. «Такъ сошла въ могилу эта жертва политическаго разчета! Сама по себѣ Елена Іоанновна, насколько мы знаемъ ее по перепискѣ съ отцомъ и братомъ, отличалась и тактомъ и достаточной энергіей».

Историки церкви, ближе соприкасавшіеся съ полемъ дѣйствія великой княгини, подобно митрополиту Макарію, посвящаютъ ея дѣятельности больше вниманія, равно какъ и авторы отдѣльныхъ статей.

Напрасно о. Пирлингъ (въ своемъ соч. «Mariage d'un tzar au Vatican»), называетъ Елену Ивановну теремной затворницей и выражаетъ удивленіе по поводу брака ея съ государемъ, воспитанномъ гуманистами. Эта теремная затворница исколесила Литву, Русь и Польшу вдоль и поперекъ; жила въ Вильнѣ и въ Краковѣ; жила съ му-

жемъ въ лагерѣ, гдѣ ее видѣлъ Сантай; она была отличной хозяйкой; и нажила состояніе не тѣми про-
 нскими и постыдными путями, какими наживала
 королева Бона, а своимъ умомъ и трудомъ. Взаим-
 ная привязанность связывала супруговъ, вліяніе ко-
 ролевы на мужа несомнѣнно, а стойкость убѣжде-
 ній, энергія и тактичность Елены Ивановны обри-
 совываютъ въ ней личность замѣчательную. На-
 шлись въ Западной Руси люди, которые продолжили
 дѣятельность Елены Ивановны, а когда выступили
 на историческое поле дѣйствія церковныя братства,
 они всѣ оказались богаты благотворительными учре-
 жденіями въ пользу бѣдныхъ, убогихъ и пр., а изъ
 всѣхъ братствъ наилучше были снабжены виленскія,
 изъ виленскихъ же находящееся при церкви Спаса,
 которую Елена Ивановна выстроила и куда внесла
 въ даръ икону нерукотвореннаго Спаса. Нѣтъ со-
 мнѣнія, что начало этой благотворительности поло-
 жено великой княгиней въ управленіе церковью ми-
 трополита Іоны, ея alter ego.

Многія женщины Западной Руси дѣйствуютъ послѣ
 смерти великой княгини въ ея духѣ на пользу пра-
 вославія и русской народности. Лучшій примѣръ
 тому даетъ намъ любимая племянница князя Кон-
 стантина Острожскаго Елена Острожская; она за-
 служила благодарную память въ 60 годахъ XVI вѣ-
 ка.

Долго сохранялась на Западной Руси память о
 королевѣ Еленѣ въ монастыряхъ, ею поддержан-
 ныхъ; имя ея значилось въ синодикахъ и дарствен-
 ныхъ грамотахъ. Но и родная Москва не забыла
 оказать ей должную честь. Въ недѣлю Православія

въ Успенскомъ соборѣ Московскаго Кремля на ряду съ другими ревнителями православія возглашалась вѣчная память «благовѣрной и христіолюбивой великой княгини Еленѣ королевѣ» (изъ Синодика).

Сколько потребовалось отъ великой княгини Елены Іоанновны такта, выдающихся способностей, умѣнья дѣйствовать и энергіи, чтобы самостоятельно выполнить политическую задачу — спасти русскую народность и православіе и при всемъ томъ сохранить возвышенную чистоту въ образѣ дѣйствій, избѣжать интригъ, не покривить душою, — за то, судя по отзывамъ идущимъ изъ враждебнаго лагеря эта русская женщина 400 лѣтъ тому назадъ оставила глубокое впечатлѣніе въ умахъ современниковъ.

И если Литва и даже Польша могутъ помянуть Елену Іоанновну добрымъ словомъ за ея попытки успокоить разоренный войною край, если память великой княгини должна быть безконечно дорога и священна для православныхъ людей Западной Руси, то Москва, въ свою очередь, можетъ гордиться тѣмъ, что умѣла создавать національный идеалъ и внушать его выросавшимъ на ея нивѣ людямъ.

Замѣтка.

Бракъ Елены Ивановны и Александра Казиміровича считается бездѣтнымъ; но историкъ Голембiewскій, на основаніи свидѣтельства Сарницкаго (Dzieje polski т. III стр. 535 прим. 93. Sarnicki), говорить о дочери. Самый фактъ существованія дочери — фактъ, не имѣющій значенія и не возбуждающій интереса. Но дальнѣйшіе сообщеніе Сарницкаго чрезвычайно важно: онъ говоритъ, что дочь эта была воспитана въ православной вѣрѣ.

«*Helenaе vero uxori eius diadema denegatum est, quod mordicus Graecorum religioni adhaereret, nec filia meliorem spem de se dabat, ab institutisque Romanae ecclesiae prorsus abhorrebat.*»

На основаніи этихъ словъ мы должны признать слѣдующее:

Если свидѣтельство достоверно и дочь Елены Ивановны воспитана была въ ненависти къ римскому закону, то мы должны видѣть доказательство сильнѣйшаго вліянія великой княгини на мужа, крупную побѣду ея надъ римской куріей въ разгаръ религіозной борьбы.

Если свидѣтельство ложно и дочери у Елены Ивановны не было, то возникшее преданіе доказываетъ полную возможность подобнаго вліянія. Сарницкій не удивляется тому, что дочь католическаго государя воспитывалась въ православіи.

При Гедиминѣ, Ольгердѣ, даже при Ягайлѣ подобные случаи бывали постоянно, но возможность того же въ XVI в. фактъ чрезвычайно знаменательный. Онъ показываетъ, какъ живучи были православно-русскія традиціи при самомъ дворѣ Ягеллоновъ.

Понятно, какъ непріятенъ былъ подобный случай для римскаго клира, и нѣтъ ничего удивительнаго, что рожденіе у Александра дочери, воспитанной въ православіи, стало замалчиваться. Кто знаетъ, быть можетъ, та королева Елизавета, дочь Елизаветы Австрійской, умершая въ младенчествѣ и бывшая 13-лѣт ея ребенкомъ была въ дѣйствительности ея внучкой. Недаромъ сама королева въ своемъ сочиненіи считала себя матерью 12 человѣкъ: 6 сыновей и 6 дочерей, и забывчивостью своей приводила въ смущеніе историка Шайноху.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Переводъ *) отрывка изъ Monumenta Poloniae Historica (Pomniki dziejowe polski) т. V, Lwow. 1888. Memoriale ordinis fratrum Minorum a fr. Ioanne de Komorowe compilatum (стр. 305—308).

«Княгиня Елена, схизматичка, родная сестра московскаго князя Ивана, была въ супружествѣ за великимъ княземъ литовскимъ Александромъ. Послѣ смерти Яна Альбрехта, короля польскаго, былъ коронованъ Александръ, его родной братъ, въ королѣ Польши.

«Сама же Елена, схизматичка, несмотря на свое супружество съ королемъ осталась не коронованной, такъ какъ, по упорству своему, не пожелала признать воссоединенія съ римской церковью. По смерти же Александра и погребеніи его въ Вильнѣ, Сигизмундъ, братъ ихъ (Яна Альбрехта и Александра), былъ помазанъ въ королѣ Польши. Упомянутая Елена всѣми звалась королевой. Она нѣкоторыя свои сокровища помѣстила у нашей братіи, а именно: 14 большихъ сундуковъ съ золотомъ и серебромъ въ видѣ большихъ и малыхъ блюдь, драгоценностей и камней, золотыхъ чашъ и подбитыхъ (подкладкой или мѣхомъ) одеждъ, шитыхъ золотомъ, а также опашней или мантій, числомъ до 350.

«Это бремя сокровищъ, принятыхъ другими гвардіанами, братъ Янъ Коморовскій принялъ безъ особой радости вмѣстѣ съ о. гвардіаномъ отъ Ловничскаго капитула. Между тѣмъ отъ царя москов-

*) Приношу благодарность И. И. Холодняку за редакцію перевода.

скаго Ивана къ королю Польши Сигизмунду присланы были послы, которые и прибыли въ Краковъ. Они, исполнивъ свои посольскія обязанности (данныя имъ порученія), при отъздѣ испросили у его королевскаго величества разрѣшеніе навѣстить королеву, вдову Александра, въ Вѣльскѣ. Король имъ разрѣшилъ; они прибыли въ Вѣльскъ къ королевѣ-схиматичкѣ, которая приняла ихъ съ почетомъ, съ весельемъ и съ радостью. И тамъ же въ русской церкви внѣ города, дабы ихъ разговоры не слышали какіе либо придворные обоего пола, она имѣла коварное совѣщаніе съ послами московскими о томъ, что она со всѣми сокровищами своими хочетъ удалиться въ Московію, и что сперва она пріѣдетъ въ городъ Бреславль, а тамъ пусть (братъ) приметъ ее съ сокровищами и всѣми городами подъ свое покровительство на нижеслѣдующихъ условіяхъ: пусть онъ, великій князь московскій, братъ мой, пришлетъ вѣсколько тысячъ воиновъ, дабы они доставили меня въ Московію, а города мои, которые находятся на границахъ Московіи, около Полоцка, передаваемые мной, пусть онъ охраняетъ и укрѣпляетъ, ибо я горячо люблю моего брата.

Съ этимъ порученіемъ послы московскіе, исполненные радости, удалились. Но какая то госпожа, хотя и княгиня-схиматичка, но вѣрноподаяная, занимавшая должность охмистрины (ее королева мало уважала), все это слышала и потомъ рассказала все упомянутое князю Александру Гродненскому; князь же Гродненскій чрезъ братьевъ, которые къ ней были присланы, сообщилъ это по секрету брату гвардіану Яну и указалъ день, въ который должна была королева пріѣхать въ Вильну за полученіемъ сокровищъ, чтобы гвардіанъ, предупрежденный, зналъ заранее, какъ поступить въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что его королевское величество былъ тогда въ отсутствіи, а именно въ Познани, и потому не могъ быть освѣдомленъ объ этомъ и, если бы гвардіанъ не сказалъ о происшедшемъ никому изъ магнатовъ, то королева сама свои сокровища, какъ по собственной волѣ положила, такъ по собственной волѣ и взяла бы обратно и, такимъ образомъ, навнесла бы неописуемый убытокъ и ущербъ княжеству. Поэтому гвардіанъ пришелъ къ ясновельможному пану Николаю Радзивиллу, въ то время палатину виленскому и канцлеру княжества, и доложилъ ему по порядку обо всемъ, а именно, что есть сокровища королевы, положенныя ею на храненіе у него въ церкви, и такъ какъ она черезъ 4 дня пріѣдетъ въ Вильну для обратнаго полученія сокровищъ, то пусть онъ, какъ намѣстникъ, позаботится о нихъ, дабы королевское вели-

чество не имѣло ущерба, а княжество значительнаго убытка Тотъ же, улыбаясь, сказалъ: отецъ гвардіанъ говоря по-русски— *Szydzy wamy* (?)—иначе, она обманываетъ и смѣется надъ вами; я же думаю, что тамъ въ ящикахъ она положила камни, обернула соломою и сказала, что тамъ де сокровища. Гвардіанъ сказалъ на это: «что мы видѣли, о томъ свидѣтельствуемъ; я самъ своими собственными глазами видѣлъ многочисленныя сокровища, положенныя въ упомянутые сундуки, а потому да позаботится о нихъ ваша ясновельможность». Палатинъ, пораженный и удивленный, сказалъ: «Что мнѣ дѣлать, когда король въ отсутствіи, а пановъ-рады теперь около Вильны не находится. Откуда вы знаете, что (королева со свитой) должна прибыть черезъ 4 дня и кто вамъ разсказалъ объ этомъ, и почему я о томъ не знаю»? Гвардіанъ отвѣчалъ: «Кто мнѣ разсказалъ, тотъ навѣрняка узналъ и объ этомъ, и о днѣ; пусть же ваша ясновельможность удовольствуется тѣмъ, что я это разсказалъ ради общей пользы и чтобы впослѣдствіи паны не говорили королю: гвардіанъ зналъ объ этомъ и не сообщилъ намъ. А потому ваша ясновельможность пусть созоветъ пановъ, что по близости, чтобы именемъ королевскаго величества вы могли удержать ее отъ удаленія къ границамъ москововъ, заявивъ: хотя онъ тебѣ и родной братъ, но паны и король боятся, что твое королевское величество поступаетъ нѣсколько легкомысленно». (Палатинъ) поступилъ сообразно этому: онъ собралъ четырехъ пановъ и они именемъ королевскаго величества остановили королеву. Она, воспламененная женскимъ гнѣвомъ, начала негодовать на пановъ, говоря: «По какому это праву вы меня удерживаете, не допуская исполнить того, что я хочу!» Паны же, желая расположить ее къ себѣ, выдали гвардіана, какъ виновника и причину всего этого, и потому королева до самой своей смерти гнѣбалась на гвардіана и братію и отдала руку помощи отъ нуждъ братіи, чего раньше не дѣлала. И все же королева, такимъ образомъ удержанная, не умыслила отъѣзда къ границамъ Московіи и сокровищъ не тронула. Гвардіанъ же настоялъ передъ паномъ палатиномъ, чтобы это было письменно донесено его королевскому величеству, «такъ какъ, сказалъ гвардіанъ, я по неизмѣннѣю вѣрныхъ мнѣ пословъ лично ничего написать не могу». Въ томъ же году князь московскій Иванъ осадилъ городъ Смоленскъ, но послѣ 8 или 10 недѣль снялъ осаду и удалился съ большимъ урономъ. А королева-схизматичка праздновала свадьбу нѣкоторыхъ изъ своихъ придворныхъ и послала своего казначея въ церковь для полученія серебра, а именно бокаловъ для питья и

получила ихъ только 40 и все это гвардіанъ, безъ его вѣдома, съ самой (большой) радостью переписалъ, а затѣмъ панъ палатинъ разрѣшилъ королевѣ отъѣхать въ Бреславль. И тамъ, спустя нѣсколько недѣль, она скончалась отъ яда, погубленная, потому что паны боялись измѣны. Уже пришло нѣсколько тысячъ москочковъ къ Бреславию, но узнавъ, что королева умерла, быстро удалились въ Московію. А похоронятъ королева въ церкви Пречистой».

Продолженіе (стр. 308 — 311) приводимъ въ краткомъ пересказѣ.

Гвардіанъ, обративъ вниманіе на тотъ фактъ, что паны не сообщили королю Сигизмунду о сокровищахъ преждевременно умершей королевы и опасаясь, чтобы кто либо изъ нихъ не пожелалъ присвоить себѣ богатство, по праву принадлежащее королю, явился къ панамъ-радѣ и заявилъ о необходимости пересмотрѣть, переписать и взять подъ охрану сокровища въ виду удачныхъ наступательныхъ движеній московскаго государя, взявшаго Смоленскъ послѣ нерадивой защиты. Самъ гвардіанъ ссылался на недостатокъ средствъ ордена вооруженной рукой защищать сокровища, грозившія стать причиной гибели для братіи. А такъ какъ въ Вильнѣ находились въ то время приближенные короля Сигизмунда, то гвардіанъ, призвавъ къ себѣ постельничаго короля, сообщилъ ему, подѣ клятвой сохранять тайну, о сокровищахъ королевы и передалъ письмо королю, въ которомъ просилъ взять сокровища подѣ свою охрану. Король благодарилъ за вѣрность и приказалъ ждать своего пріѣзда.

Между тѣмъ слухъ о приближеніи москвичей распространялся все больше и больше; вслѣдствіе этого гвардіанъ снова явился къ панамъ съ просьбой пересмотрѣть сокровища, переписать и взять на сохраненіе въ замокъ. Паны согласились съ предложеніемъ гвардіана, который настоялъ и на томъ, чтобы паны взломали печати королевы и наложили свои для избѣжанія возможности разнаго рода инсинуацій противъ братіи. Просьба же гвардіана, чтобы сокровища были перевезены въ замокъ, была исполнена панами лишь впоследствии, по требованію короля. Въ 1514 г., въ день празднованія памяти св. Агнессы, паны собрались въ монастырь и, выслушавъ обѣдню, вошли вмѣстѣ съ гвардіаномъ и братомъ ризничимъ въ ризницу, гдѣ по ихъ приказанію были открыты два сундука, принесенные изъ ц. Пречистой. (Интересный фактъ). Въ одномъ было 16600 грошей и 2000 золотыхъ флоринговъ, а въ другомъ разнаго рода золотыя вещи, и именно много золотыхъ цѣпей, 16 поясовъ золотыхъ, 400 ко-

лецъ, 4 пары башмаковъ *) шитыхъ жемчугомъ и драгоценными камнями, стоющія 7000 флориновъ по словамъ пановъ. Въ томъ же ящикѣ находилось 30 маленькихъ ящиковъ: одни — съ золотомъ, другіе — съ серебромъ, третьи — съ бирюлами, четвертые — съ другими драгоценными камнями и металлами. На описаніе этихъ сундуковъ два писца-поляка и одинъ писецъ русскій (не Митька ли Ивановъ?) потратили цѣлый день. Время клонилось къ вечеру, когда гвардіанъ убѣдилъ открыть всѣ остальные сундуки, пересмотрѣть и переписать ихъ. Паны такъ и сдѣлали: сложили печати королевы и приложили свои. Затѣмъ, въ виду того, что паны сильно проголодались, имъ было предложено тутъ же въ ризницѣ, на сундукахъ съ сокровищами, обильное угощеніе съ виномъ и пивомъ. Угощеніе настолько понравилось панамъ, что Гаштольдъ, а за нимъ и другіе обѣщали прислать разнаго рода припасы, что и исполнили впоследствии. При уходѣ пановъ гвардіанъ просилъ вывезти сокровища, но затѣмъ согласился оставить ихъ у себя до пріѣзда короля съ тѣмъ условіемъ, что паны распространять слухъ, что сокровища вывезены. Въ день празднованія Іоанна Крестителя прибылъ король со своей супругой Варварой. Гвардіанъ не разъ просилъ королеву повліять на мужа и доказать необходимость перевоза сокровищъ.

Въ виду этихъ настояній король послалъ Гаштольда и казначея (подскарбія) Абрама (Езофовича) для пріема сокровищъ, которыя и были привезены въ двухъ повозкахъ запряженныхъ 16 лошадьми, при чемъ гвардіанъ съ панами шелъ пѣшкомъ до замка. Паны Гаштольдъ и Абрамъ выставили передъ королемъ заслуги гвардіана и король обѣщалъ благотворить братіи. Онъ не исполнилъ однако своего обѣщанія, такъ какъ вскорѣ распространились слухи и клеветы на братіевъ, будто они воспользовались значительною частью сокровищъ. Число денегъ, по словамъ пановъ, доходило до 400.000 (неизвѣстно чего) и вмѣстѣ съ казной гвардіанъ передалъ списокъ имущества королевы, составленный передъ ея свадьбой. (Не есть ли этотъ списокъ роспись приданого, даннаго Иваномъ Васильевичемъ)?

*) Эти шитые башмачки не были ли царской обувью Палеологовъ? По обуви узнали трупъ послѣдняго греческаго императора. Такую же царскую обувь имѣла, конечно, Софія Омишна и могла передать дочери.

II.

Письмо великой княгини къ отцу.

(Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ. т., 35, 1882 г.) 1503 годъ
стр. 368—372.

«Государю отцу моему Ивану, Божіею милостію государю всеа Русіи и великому князю Володимирскому, Московскому, Новгородскому, Псковскому, Тферскому, Югорскому, Пермскому, Волгарскому и иныхъ, Олена, Божіею милостію королеваа Полская и великая княгини Литовская, Руская, Пруская, Жомотская и иныхъ, дочи твоа, тобѣ государю и отцу своему челомъ біеть. Тыми разы государь и мужъ мой, король его милость и великій князь Александръ, послалъ до твоей милости своимъ великимъ пословъ съ коруны Полское и великаго княжества Литовскаго о тыхъ обидныхъ дѣлѣхъ, которыи жь ея землямъ его и многимъ городомъ и волостемъ сстали отъ твоихъ людей: зъ Божьего допущенія, а зъ лихихъ людей причины, кровь христіанская многаа пролилась, а и теперь еще проліется, жены и дѣти въ полонъ въ неволю поведены, а иныхъ и сѣми часы еще ведутъ, и такъ безвинно вѣра христіанская гинеть и церкви Божьи пустѣють, черезъ ваше государей христіанскихъ докончаніе и крестное цѣлованіе, и любвекровное звязаніе. Ино, господине и государю отче, вспомяни, что жь еси служебница и дѣвка твоа, а даль мя еси за такова жь брата своего, каковъ самъ еси; а вѣдаешъ ты, государь и отецъ мой, что еси ему по мнѣ даль и что пакъ еси ему съ собою принесла: а однакъ же государь и мужъ мой, король и великій князь Александръ, ничего того не жалючи, взялъ мя его милость отъ тебе отца моего съ доброю волею и держалъ мя по вся тые лѣта въ чести и въ жалованіи и въ той любви, которая жь залежить на доброго мужа къ подружью половници своей; и нынѣ мя его милость держитъ въ той же мѣрѣ, ни въ чемъ же не отпущаючи съ первое ласки и жалованія своего, до-

броводенство ми даючи въ законѣ моемъ свою вѣру христіанскую обычаа греческа содержать, и по церквамъ святымъ ходити, и священники, попы, діаконы, пѣвцы на своемъ дворѣ мѣти, литургію и иную службу Божью и правило подлѣ уставу допустилъ передо мною совершати, какъ тутъ въ Литовской земли, по тому жъ и во всей корунѣ Полской, въ Краковѣ и по всемъ городомъ полскимъ, вездѣ ми, жалованіемъ его милости, велика воля служити Господу Богу подлѣ обычаа и уставу, своее святое греческое церкви. А то ми государь и мужъ мой дѣлаеть, хотячи крѣпкому слову своему досытъ учинити, которое жъ тобѣ государю и отцу моему черезъ свои послы рекъ; и не толко въ томъ, но и въ иныхъ во всехъ дѣлѣхъ съ своего докончанія и крестного цѣлованія не видимъ въ чемъ бы выступилъ, тебѣ брату своему все правилъ подлѣ грамоты свое докончанное; а видячи еще передъ тымъ великій плачь и доуку украинныхъ людей своихъ, и многожды о томъ до тебѣ брата своего своихъ пословъ посылавалъ, а и твоими къ тебѣ наказывалъ; ино не толко управки, господине, никоторое людемъ его тогда не бывало, но еще и до конца рать пущена, города и волости безвинны побраны, а иные позжены. Государь мой король его милость, и matka его, и братья его короли, и зяти его и сестры, и панове рада его, и вся земля его, вси надѣялися, чтобы со мною зъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, любовь кровнаа, дружба, помочь на поганство: ино нынѣчи, государю отче, видять вси, что жъ со мною все лихо къ нимъ вышло, война, рать, засѣданіе и сженіе городомъ и волостемъ, крови христіанское разлитье, жоны вдовами, дѣти сиротами, полонъ, крикъ, плачь, вопль. Таково жалованіе и любовь твоя государя и отца моего ко мнѣ! Помысль и распомятуйся государю отче, и умилосердись. Я, служебница и дѣвка твоя и подножье твое, Господа Бога со слезами бичи ся молила, чтобы тебе Господь Богъ держалъ на многіе дѣта здорового, счастливого, веселого, и тепере молю, ажъ бы твоимъ здоровьемъ мнѣ мирное пребыванье на нашомъ государствѣ, а отъ государя моего любовь а отъ нашихъ земель поданныхъ дары и служба: ино, господине, твоимъ нежалованьемъ все то мнѣ обернулось въ горькія слезы, и въ бѣду, и въ соромоту, и въ жалость. Какъ ми очи свои указати свекрови своей? а любо которое сердце доброе иматъ справедливе ко мнѣ отворити король, его милость, государь и мужъ мой? и которымъ потѣшеніемъ иматъ обслати и навидѣти мене дѣверя мой, король угорскій и чешскій Владиславъ и иные дѣверія мои? а любо зяти и сестры государя моего князь баварскій и князь мышенскій, и

князь сошскій, и князь слунскій, и съ своими княгинями? вси дивятся дѣлу такому. Чего жъ и на всемъ свѣтѣ слыхомъ не слыхати, то намъ тепере дѣтемъ твоимъ отъ тебя государя христіанскаго подсолнечнаго дѣтса: бы государь мой у кого и индѣ понялъ, тогда отъ него дружба и житье доброе и вѣчный покой землямъ былъ. По всему свѣту, господине государю, поганство радуется, а христіанскіе государи не могутъ здивитись и тяжко жалуютъ: отъ вѣка, говорятъ, не слыхано, который бо отецъ своимъ дѣтемъ бѣду чинилъ. Коли государю отче, Богъ тобѣ не положилъ по сердцу мене дочери своей жаловати, чему ми еси изъ земли своей выпускалъ и за такого брата своего давалъ? и люди бы мене дѣла не гибли и кровь христіанская не лилась. Лучше ми было подъ ногами твоими, государя моего, въ твоей земли умерети, нежели тую славу о себѣ чюти; вси тое говорятъ: того дѣла деи далъ въ Литву дочь свою, что тымъ безпеченіе землю высмотривъ и посѣлъ; а коли деи Богъ не погубить, ото всеа вселенна запититъ. Писала быхъ до тебя государя и отца моего о томъ шире, ино зъ великое бѣды своее и жалости сердечное и ума къ тому не могу придумати, толко зъ горькими и великими своими слезами и со плачемъ тобѣ государю и отцу моему низко челомъ бѣю: розпамятуйся, Бога ради, помянись на мене служебницу свою и кровь свою, оставь гнѣвъ безвинный и нежитье съ сыномъ и братомъ своимъ и первую любовь и дружбу свою, которую жъ еси ему своимъ крѣпкимъ словомъ въ грамотахъ въ докончальныхъ записалъ, то ему и соблюди, абы въ томъ нежитьи и нелюбви вашей болши того кровь христіанская не лилась, а поганство бы не смѣялось; а измѣнники бы зрадци ваши не радовались, которыхъ же отци передкомъ нашимъ измѣнили тамъ на Москвѣ, а дѣти ихъ тутъ въ Литвѣ. А иного ми не мочно къ тебѣ государю и отцу моему писати. Дай Богъ имъ измѣнникамъ тое отъ Бога; что родителю нашему отъ ихъ отцовъ было! Тые жъ промежъ васъ государей замутили, и другіи Семенъ Вѣлскій Іюда съ ними, который будучи здѣсе въ Литвѣ, братью свою князя Михаила и князя Ивана переѣлъ, а князя Феодора на чужу сторону прогналъ: ино государю, самъ и посмотри, годно ли таковымъ вѣрять, которые государемъ своимъ измѣнили, а братью свою порѣзали и теперъ по шію въ крови ходятъ, вторые Каннове, а межи васъ государей мутятъ? Довѣдаешься ты, государь и отецъ мой, чтожъ король его милость во всемъ тебѣ подлѣ грамоты своее докончальныя правилъ и съ крестнаго цѣлованія ни въ чемъ не выступилъ; а для того его милость послалъ до тебѣ своихъ великихъ пословъ лядскихъ и

литовскихъ: выслушавши и поразумѣешь, чтожь онъ во всемъ справедливѣ тебе слово свое брату своему заховалъ; а который бы выступъ по немъ тебѣ государю и отцу моему видѣлся, онъ тебѣ то направить; а если бы выступу не было, и твоя милость, поразумѣвши правду государя моего, надо мною служебницею и дочерью, своею измилуйся: возми по старому первую любовь и дружбу съ братомъ и съ зятемъ своимъ, съ королемъ и великимъ княземъ Александромъ, и тые шкнды, которые сгасили ему и землямъ его оправъ такъ, какъ бы ему брату и сыну твоему не жалъ было. А въ томъ бы первая любовь ваша оновилася, а мое бы служебницы и дочери твоее скорбное сердце утѣшилось и плачь на радость премѣнился; и не толко государю отче, мнѣ веселье учинилъ бы еси, но и церквамъ Божьимъ благостованіе и святителемъ греческаго закона мирное совокупленіе, и на обѣ стороны за васъ государей богомолье, и всимъ греческаго и латинскаго закону радость и мнѣ великое въ вѣрѣ греческой потверженіе. Если пакъ ты, государь и отецъ мой, надо мною служебницею и дочерью своею не змилуешься, и любовью первой и прочною дружбою съ братомъ своимъ съ моимъ государемъ не свяжешься, и дѣла вашего на доброй мѣрѣ и въ конци пожиточномъ всего христіанства не поставишь: тогда ужъ сама уразумѣю, чтожь не ко государю моему нежитье твое, но по грѣхомъ ко мнѣ велиюбовъ твоя и нѣкоторый гнѣвъ свой великій пустилъ еси, не хотячи мене самъ слышати въ любви государя моего, и во чести отъ брата его, и у милости в свекрови своей, и въ службѣ отъ подданныхъ нашихъ коруны Польское и великаго княжества Литовскаго. Вся вселенная, господине государю, ни на кого, толко на мене вопіеть, чтожь тое кровопролитіе никимъ не точится, толко моимъ въ Литву приходомъ, а будто я къ тебѣ ко государю и отцу моему нишу, на тое тебя приводячи: коли бы деи она хотѣла, николи бы деи того лиха не было: мило деи отцу дяти; которой деи на свѣтѣ отецъ врагъ дѣтемъ своимъ? Ино, государю, и сама розумѣю, что такъ видячи по міру, чтожь всякій печалуется дѣтками своими и о всемъ добромъ ихъ промышляютъ: толко одну мене, по грѣхомъ моимъ, Богъ забылъ. Господине отче! слуги наши, будучи не по ихъ силѣ и неподобно вѣрити, какову казну по дочерѣхъ дають, и не толко тогда, что дають, но еще и напотомъ каждаго мѣсяца всимъ навѣждають и обсылають, и дають и тѣшать; и не одни панове, но и иные вси дѣтки свои тѣшать: толко на одну мене Господь Богъ разгнѣвался, что пришло твое нежалованіе. Я, господине государю, служебница твоя, ни въ одной тонцѣ не слышусь въ чемъ быхъ

тебѣ отцу своему згрубила, или передъ тобою согрѣшила и изъ твоего слова выступила, все еси слово твое правила по тому, какъ ми еси государь и отецъ мой приказалъ, а и напередъ зъ Божьею помощью буду правити. И если кто инакъ повѣдаетъ, ино, господине, своихъ пословъ, кому вѣришь, которыхъ къ намъ пришьлешъ, тымъ укажешъ, оны все испытно по ряду довѣдаются и тобѣ отнажугъ, чтожь еси передъ тобою, государемъ отцемъ моимъ, ни въ чемъ не выступила, а и до смерти моее не выступлю: если бы пакъ никто тобѣ отцу моему выступу моего не повѣдалъ, а ты бы государь и отецъ мой самъ безвинно гнѣвъ свой безъ моее проступки на мене не держалъ, и со государемъ моимъ въ нежити черезъ свое докончаніе былъ, ино Богъ и пречистаа Богородица разсудитъ межи тыми людьми, кто мене тебе государю и отцу моему обмолвяетъ, служебницу и дѣвку твою. Чтожь безвинное ради нелюби твоее, не мочно ми будетъ и лица своего передъ кровными государя моего явити; и того дѣля, со плачемъ тобѣ государю моему челомъ бію: змилуйся надо мною убогою дѣвкою своею, не оставь челобитья моего, не дай недругомъ моимъ радоватись о бѣдѣ моей и веселитись о плачи моемъ. Во господине государю, коли увидятъ твое жалованье на мнѣ служебницѣ твоей, ото всихъ буду честна и всимъ грозна; а не будетъ ласки твоее, самъ, государь и отецъ мой, можешъ разумѣти, чтожь вси мя отпустить прироженые и подданые государя моего. И для того послала еси до тебе, государя и отца моего, челомъ біючи, канцлера своего, намѣстника Брянскаго и Жижиурскаго пана Ивашка Солѣгу; и ты бы государь отецъ мой, пожаловалъ, выслушалъ его, и учинилъ на челобитье мое, и змиловался надо мною. А я, до моей смерти, богомолица и служебница твоя и подножье твое. Писанъ у Вилни генваря 2 день индик. 6.—Служебница и дѣвка твоя королеваа и великаа княгини Олена, со слезами тебѣ государю и отцу своему низко челомъ біеть».

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Библіотека иностранных писателей, т. I, см. Іовій. Слова Герасимова.

2) Или 19 мая 1476 года. Годъ рожденія Елены Ивановны до сихъ поръ считается различно. Въ статьѣ Елагина, напр. (Журналъ Минист. Народн. Просв. 1846 г.) помѣченъ 1474 г., а у Карамзина—1476 г.; Елена же, родившаяся въ 1474 г. считается рано умершей (см. Исторія Гос. Россійск. изд. Смирдина т. VI прим. 204), но, судя потому, что при сватовствѣ говорилось о двухъ дочеряхъ Еленѣ и Θεодосіи, родившейся въ 1475 г., и предпочтеніе оказано Еленѣ,—скорѣе надо предполагать, что она считалась старшей, а Θεодосія—младшей. Впрочемъ и 1474 г. и 1476 г.—собственно говоря—безразличны.

3) Памятникомъ этой колонизаціи служатъ Новгородскія писцовыя книги.

3*) «Въ прошлѣхъ годѣхъ были присланы въ сей монастырь великаго князя Ивана Васильевича великая княгиня Софія Римлинина со снохою своею... а въ то время игумень и вся братія высланы были вовъ». Житія святыхъ Филарета т. XII, декабрь. Житіе св. Кирилла Чельмскаго прим. 149. Составлено житіе св. Кирилла по мнѣнію Ключевскаго позже XVI в. Монастырь въ 50 верстахъ отъ Каргополя.

4) Объ ереси жидовствующихъ много разнорѣчивыхъ мнѣній въ литературѣ и вообще вопросъ этотъ, очень интересный, не разобранъ окончательно. (См. напр. Иловайскій, Ист. Россіи т. II и возраженіе ему проф. Павлова).

5) См. статью проф. Соболевскаго «Образованность Московской Руси XV—XVI вв.».

(Перепутаны примѣчанія; потому за № 5 слѣдуетъ № 8).

8) Акты Южн. и Западн. Россіи т. II, № 158. Рѣчь Ивана Мелешка каштеляна Смоленскаго на Варшавскомъ сеймѣ при королѣ Сигизмундѣ III въ 1589 г.

9) Макарій, *Исторія р. церкви т. IX*, стр. 141. Библиотека иностранных писателей т. I, Кампензе стр. 20.

10) Филаретъ (Гумилевскій), *Исторія церкви*, изд. 6-е, стр. 359.

11) Монастыри, возникшіе въ концѣ XV в.: Коложскій въ Гроднѣ 1486 г.; Жидичинскій-Николаевскій 1492 г.; Иоакимо-Анновскій въ Овручѣ 1496 г.; Вознесенскій въ Минскѣ; церкви Бреста 1485 г. См. Макарій, *Исторія р. церкви т. IX*, стр. 133, и Киприановичъ, *Истор. очеркъ православія...* В. 1895 г. стр. 28—36.

12) Сборникъ Археологическаго института кн. III, 1888 г. Статья Стасова съ рисунками.

13) Киприановичъ. *Истор. очеркъ православія...* стр. 32.

14) Обзорѣніе церквей Сѣдлецкой губ. епископомъ Флавіаномъ въ 1888 году.

15) Чистовичъ, *Исторія Западно-русской церкви*, стр. 121.

16) Макарій, *Исторія р. церкви*, т. IX, стр. 123. *Акты Западной Россіи*, т. I, № 174.

17) *Акты Западной Россіи*, т. I, № 174; т. II, № 55.

18) Изъ дневника посольства главнаго начальника гошпиталей тевтонскаго ордена графа Кибурга къ великому князю литовскому Витовту въ 1397 г. (Смирновъ «Ягелло-Яковъ-Владиславъ» прим., стр. 9—10).

19) Нарбутъ, *Dzieje narodu litewskiego*, т. VIII, стр. 1 и 259.

20) Голембиовскій, *Dzieje polski...* W. 1848, стр. 481. *Legatio praelatorum et Consilia Beg. Pol. ad Consiliarios. M. D, Lithuaniae 1503 г.*

«... wznieśliamy na tron Aleksandra. Ożenienie jego podziwieniem całej Europy». Ср. слова посла кардинала Фридриха. (Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. 35, стр. 384, 1503 г.) «во всемъ христіанствѣ великое удивленіе, что... помялъ въ супружницу дщерь» (Ивана III).

21) Съ конца XVI в., какъ можемъ прослѣдить изъ описанія свадебъ въ Вивлюонкѣ, къ кнѣзю и покрову стали прибавлять еще убрूसъ. (Вивлюоника, т. XIII, гл. I—XXIX).

22) Латинскій текстъ у Zeissberg'a, «*Kleinere Geschichtsquellen Polens*» 1877 г. Виратцъ передаетъ содержаніе Шайноха въ ст. «*Matka Jagellonow*».

23) Стрыйковскій, *Kronica* (польское изд.), 1846 г., стр. 292—339.

24) Карамзинъ, *Ист. Гос. Росс.*, изд. Смирдина, т. VII, прим. 346. «Въ дѣлѣ Максима Грека... Версень говорилъ... А отецъ его В. К. противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, во-

торыя противъ его говаривали.. Добрь де бытъ К. В. Иванъ и до людей ласковъ, и пошлетъ людей на которое дѣло, мно и Богъ съ ними»...

25) Макарій, Исторія р. церкви, т. IX, стр. 138—139.

26 и 24*) (по ошибкѣ). Тейнеръ *Vetera Monumenta Poloniae*. R. 1861 г., т. II, стр. 262. Булла къ Стань-Стуру.

Monumenta Poloniae historica (Pomniki dziejowe polski). Lwow, т. V, стр. 282, стр. 264—265.

27) Супрасльская лѣтопись «Собрались епископы и поставили архимандрита Макарія въ митрополиты Кіеву и всея Руси...» «Великій князь Александръ даде митрополию кіевскую и всея Руси Иосифу...»

28) Акты Западн. Россіи, т. I, стр. 173 (1497 г.).

29) Бартошевичъ, *Szkic dziejow kościoła ruskiego w Polsce*. 1880.

30) О молдавскомъ походѣ. Нарбутъ *Dziejé..* т. VIII, стр. 338—344. Ярушевичъ (Ревнитель православія кн. К. И. Острожскій. См. 1897 г., стр. 65) выясняетъ значеніе этого похода для усиленія русской партіи; Бобжинскій (Очеркъ ист. Польши, т. II, стр. 15—16) старается уяснить и оправдать походъ желаніемъ возстановить торговые пути по направленію къ Черному морю.

31) См. прим. 27. Макарій, Исторія р. церкви, т. IX, стр. 89.

32) *Monumenta Poloniae historica*. (Pomniki...). Lwow. 1888 г. т. V, стр. 264.

Этой буллы у Тейнера *Vetera monumenta*, т. II—нѣтъ.

33) Тейнеръ, *Vetera monumenta..* т. II, стр. 280.

34) Тейнеръ, т. II, стр. 268, № 296.

Макарій, *Ист. р. церкви*, т. IX, стр. 102.

35) *Jaroszewicz. Obraz Litwy*, II, 181—182.

36) «*Sapiehowie Materiaty...*» т. I, 1890 г., стр. 15.

О Салѣгѣ см. также у Ярушевича: Кн. К. И. Острожскій.

37) Археографическій сборникъ, т. IX, стр. 454 (приложеніе).

38) Археограф. сборн., т. IX, стр. 55. Опись Супрасльскаго монастыря 1557 г.

39) Сборникъ Императ. Русск. Истор. Общ., т. 35, 1882 г., стр. 298—300.

40) Тейнеръ, *Vetera monumenta*, т. II, № 310, стр. 288.

41) Макарій, Исторія р. церкви, т. IX, стр. 109.

42) *Monumenta Poloniae historica*. Lwow. 1888 г., т. V, стр. 282—283.

43) Филаретъ (Гумилевскій). Исторія церкви, изд. 6-е, стр. 343—351.

44) Лѣтописи Софійская, т. 6, стр. 45, 243; Воскресенская, т. 8, стр. 238—239.

45) Елагинъ въ статьѣ Журн. Мин. Народн. Просв., 1846 г.; Филаретъ (Гумилевскій), Исторія церкви, изд. 6-е, прим. 130 и др.

46) Макарій Исторія р. церкви, т. IX, гл. I—IV.

47) Тѣ же мысли высказываетъ Бартошевичъ и въ статьѣ «Нелена» Encyklopedia powszechna, т. XI, 1862 г.

48) Акты Западн. Россіи, т. I, стр. 356.

49) Изъ соч. Рождественскаго «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ госуд. XVI в.» (стр. 195—217) мы можемъ видѣть, что на первыхъ порахъ отбѣжавшіе князья получили названіе «служилыхъ», а не подданныхъ, оказались богатыми вотчинниками на своей новой родинѣ и по служебной карьерѣ были счастливые своихъ сѣверо-восточныхъ собратій. Но очень скоро князьямъ отбѣдчикамъ пришлось перейти въ разрядъ Московскаго боярства, а вотчины ихъ группировались преимущественно на сѣверо-востоки. Родовыя же земли и, главнымъ образомъ, центральные города были потеряны ими къ началу XVI в.

50) Карповъ, Ист. борьбы Московск. госуд. съ Польско-литовскимъ, 1867 г., ч. I, стр. 36.

51) Акты Западн. Россіи, т. I, стр. 208, 215, 227.

52) Акты Западн. Россіи, т. I, стр. 222. Письмо къ королю Венгерскому.

Стрыйковскій, Хроника (польское изд. 1836 г.), стр. 292—339.

Ярушевичъ, «Кн. К. И. Острожскій». См. 1897 г., стр. 84, 85. Получивъ извѣстіе о пораженіи, Александръ, стоявшій съ войскомъ въ Борисовѣ, двинулся къ Смоленску; укрѣпивъ Полоцкъ и Витебскъ, возвратился въ Вильну.

53) Сборн. Императ. Истор. Общ., т. 35, 1882 г., стр. 300—330.

53*) Тейнеръ, Vetera monumenta poloniae, т. II, стр. 267.

54) Макарій, Исторія р. церкви, т. IX, стр. 141. Авторъ видить въ этомъ намекъ на Юсифа Болгариновича. О Сакранѣ, стр. 140—148.

55) Макарій, Исторія р. церкви, т. IX, стр. 102—108; Тейнеръ, Vetera monum. poloniae, т. II, №№ 300 и 303.

56) Тейнеръ. Vetera monum. poloniae, т. II, №№ 310, 311, 312. См. также Макарій, Ист. р. церкви, т. IX, стр. 107—108.

57) Шайноха, Szkice historyczne, т. II, W. 1876 г.

58) Голембювскій, Dzieje polski. W. 1848 г., т. III, стр. 460,

прим. 18. Rekopism bibl. por. Ozdobna księga przepisująca obrządki k ścielne z biblioteki Erazma, biskupa plockiego, za Aleksandra króla: przy koronacji królów mieści piękny wizerunek wyobrażający te ceremonią przy modlitwach używanych kiedy namaszczano królowe polską, opruszcza imię Heleny i żadnego nie daje obrazu.

59) Чистовичъ, Исторія западно-русской церкви. стр. 18, (примѣчаніе); Бартошевичъ, Энциклопедія powszechna, т. XI, 1862 г., ст. Helena.

60) Голембювскій. См. выше, стр. 460, прим. 17. «Były półm biesiady dla panów i akademii, turneeje i inne zabawy». (Miechowita k. 364).

61) Сборн. Императ. Русск. Общ., т. 35, 1888 г., стр. 300—440.

61*) Голембювскій. Dzieje polski, т. III, стр. 453 прим. Ex. M. S. Arch. Stan. Aug. Regis 1501 d. 4 Aug. List Fryderyka kardynała do W. K. Litewskiego. List twój czytałem i matos.

62) Ex. M. S. Bibl. Rad. Nesvis 1501 w. połowie Sierpna z Grodna, list Aleksandra do Fryderyka kardynała.

63) Голембювскій стр. 454, примѣчаніе.

Ex. M. S. Bibl. Rad. Nesvis 1501. Instructio a Frider. Card. ad fratrem Vladislaum Regem Hungariae data Ioan Lasooki.

Usilowania moje były za wyborem króla węgierskiego, lecz żądano obecnego pana; a ściślejsze spojenie Litwy z koroną, przeciagnało na drugą stronę.

64) Голембювскій стр. 461, прим. 19.

Ex. M. S. Bibl. Rad. Nesv. 1502 in Mar. v. Apr. List Aleksandra króla do Fryder. kard.

65) Голембювскій стр. 461, прим. 19.

Ex. Bibl. Radiv, Nesvis. Literae Frid. Card. ad Regem pol.

66) Голембювскій, стр. 484.

67) Голембювскій, стр. 483, прим. 35.

68) Голембювскій, стр. 484. 1) Ex. Arch. Metr. Reg. Ad. Hung. Regem. 2) Responsum per D. Sigismundi.

69) Сборн. Импер. Истор. Общ., т. 35. 1882 г. Посольство 1503 г. и письма Елены Ив. оъ 364—412.

70) Свѣдѣнія о земляхъ Елены Ивановны взяты изъ слѣдующихъ источниковъ и пособій: Акты Западе. Россіи, Акты Ю. и З. Россіи, Акты Минской губ.; Любавскій, Областное дѣленіе... литовско-русского госуд. (Чтенія И. О. И. Д. 1892 и 1893 гг.) ссылки на Литовскую метрику; ст. Елагина В. К. Е. И. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г.); Архивъ Сангушекъ.

71) Вильна и окрестности, 1893 г., стр. 278.

72) Арх. Іосифъ. Островоротная или Остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. 1890 г., стр. 169, прим. 39.

73) Любавскій. «Областное дѣленіе... Литовско-Русское госуд.» Чтенія 1893 г., т. III.

74) Любавскій. См. выше. Чтенія И. О. И. Д. 1893 г., т. IV, стр. IV приложения.

75) Акты Ю. и З. Россіи, т. I, № 45.

76) Акты Зап. Р., т. I и II, №№ 219, 81. Акты Ю. и З. Россіи, т. I, № 45.

77) Изъ переписки съ отцомъ за ноябрь 1503 г. и февраль 1504 г. (Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 35).

78) Bonieski, *Poczet rodów w koronie W. ks. Litewskim XVI wieku*. W. 1887 г.

79) *Archiwum książąt Lubar. Sanguszków. 1887—1890 г.*, т. III, стр. 76—78.

80) Любавскій. Областное дѣленіе Литовско-Русскаго госуд. (Чтенія И. О. И. Д. 1892 и 1893 гг.), стр. 140, ссылка на Литовскую метрику.

81) Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ., т. 35, 1882 г., стр. 400.

82) Унковскій владѣль и помѣстьемъ Маркуци. См. Ярушевичъ, К. И. Остр. прим. 323. О немъ же въ грамотѣ Сигизмунда 1516 г. (*Archiwum Sanguszków*, т. III, стр. 145—146) и у Bonieski, *Poczet rodów*.

83 и 84) *Monumenta Poloniae historica*. т. V. Lwow, 1888 г., стр. 305—311.

85) Строительная дѣятельность въ Вильнѣ. См. XX. т. Актовъ изд. Виленской Археогр. Комиссіей.

86) Археограф. сборникъ, т. IX. Супральская лѣтопись стр. 37, 422. Филаретъ, *Исторія церкви*, изд. 6-е, прим. 331 также и у Макарія. *Исторія р. церкви*, т. IX.

87) Бартошевичъ, *Szkic dziejow kościoła guskiego w Polsce*, стр. 99.

88) Тейнеръ, *Vetera monumenta*, т. II, № 351, стр. 319.

89) Макарій, *Исторія церкви*, т. IX, стр. 155.

90) Макарій, *Исторія церкви*, т. IX, стр. 156.

91) Ярушевичъ, Кн. К. И. Острожскій, стр. 111.

92) Макарій, *Исторія церкви*, т. IX, стр. 158.

93) Акты Зап. Р., т. I, стр. 350; сборникъ Муханова, стр. 134.

94) Арх. Іосифъ, Островоротная икона Вожіей Матери, стр. 146, 175, 176, прим. 10, 59.

95) Арх. Іосифъ, Островоротная икона Божіей Матери, стр. 30—53.

96) Акты Минской губерніи, прим. XIII.

97) Можно прослѣдить по актамъ различныхъ вѣковъ въ нѣд. Акты Минской губ.

98) Акты Зап. Р. т. I, №№ 245, 247, 223.

99) Акты Зап. Р. т. I. № 224; Макарій, Ист. д., IX, стр. 160.

100) Характеристика кн. Глинскаго у Ярушевича кн. К. И. Острожскій, стр. 87—90 и др.

101) Ярушевичъ, Кн. К. И. Острожскій, стр. 129, прим. 323. «Елена содѣйствовала усиленію Западно-руссовъ». Отмѣнены: Головчинскій, Иванъ Сапѣга, Унковскій.

102) Акты Ю. и З. Р., т. I, №№ 37, 41; Акты З. Р., т. I, № 205—жалованная грамота кн. Мстиславскому.

103) Акты Западн. Россіи, т. I, стр. 347, 1502 г.

104) Акты З. Р., т. I, № 204.

105) Ярушевичъ, Кн. К. И. Острожскій, стр. 91.

106) Археологическій сборникъ, т. IV; стр. 158. 1635 г. Дневникъ посольства къ царю Михаилу Ѳеодоровичу.

Были у бояръ на отвѣтъ и потомъ «miedzy innymi prywatnie rozmowami powiedzial pieczatnik że ta do cerkwi za króla Alexandra dal Iwan Sapięha dzwon kosztowny, który y dotąd iest w cerkwi tu w stolicy».

107) Макарій, Исторія р. церкви, т. IX, стр. 158—159 и прим. 148.

108) Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ., т. 35, 1882 г., стр. 453.

109) Бобжинскій, Очеркъ исторіи Польши, т. II, стр. 20.

110) Monumenta Poloniae historica. Lwow, т. V, 1888 г. стр. 291.

111) Тамъ же.

112) Нарбутъ, Dzieje narodu litewskiego, т. VIII, стр. 477, прим. 1.

113) Ярушевичъ, Кн. К. И. Острожскій, стр. 91. Заувѣщаніе Александра у Danił. Skarb., II, № 3173.

114) Сборн. Императ. Русск. Истор. Общ., т. 35, стр. 483.

115) Тамъ же, стр. 487.

116) Акты Зап. Россіи, т. II, № 8; Балинскій, Starożytna polska, т. III, стр. 531.

117) Акты Западн. Россіи, т. II, № 81, 1512 г.

118) Акты Виленской Археограф. комиссіи, т. XXIV, № 16.

119) Акты Западн. Россіи, т. II, № 58.

- 120) Ярушевичъ, Кн. К. И. Острожскій, стр. 112, прим. 264.
 121) Археограф. сборникъ, т. VI. Духовная 1522.
 122) Историческіе акты, т. I, стр. 524.
 123) Голембювскій, т. III, стр. 535, прим. 93.
 124) Сборникъ Императ. Русск. Истор. Общ., т. 35, 1882 г. стр. 479—500; Акты Западн. Россіи, т. II, № 80; Monumenta Poloniae historica. Lwow, т. V, 1898 г. (См. приложеніе—переводъ).
 125) Характеристика кн. Острожскаго у Ярушевича: Кн. К. И. Острожскій, стр. 213—214.
 126) Акты Западн. Россіи, т. II, Сношеніи Сигизмунда съ Юріємъ Ивановичемъ № 19.
 127) Чистовичъ. Исторія Западно-русской церкви, 1862 г., ч. I, стр. 93. Народная пѣснь о Радзивилахъ.
 «Быль на Руси черный Богъ
 Предъ нимъ стоялъ туровъ рогъ
 Йонъ на Кіевъ поглядѣвъ
 Гомонъ вѣдмамъ подавалъ!
 А Владиміръ нашъ святыи
 Черна Бога сколотилъ;
 А мученица Варвара
 Усѣ вѣдмы разогнала,
 Вѣдмы, что у ночну пору
 Слеталися на Лысу гору.
 Святыи Юрій присекаеъ
 А въ Нѣсвижѣ церковей ставъ,
 Ажъ отъ ксенца Радзивилла
 Понайшла нечиста сила
 Русску вѣру поглумила
 Ватки въ церкви не служили,
 А ксенца мшу вопили,
 Не было а ни словечка
 Юрій ставъ блудна свечка
 Мы предъ Юріємъ закленчемъ
 Помогимся и заплачемъ
 Щобъ его святая сила
 Поконала Радзивила.
- 128) Ламанскій. Secrets d'Etat de Venise, 1894 г., стр. 762.
 129) Арх. Іосифъ. Островоротная икона Божіей Матери. В. 1890 г., стр. 251. Въ ст. Елагина см. также. (Журн. Мин. Народн. Пров. 1846 г.).

ВАЖНѢЙШЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	62 строка	8 снизу	Вмѣсто:	Читать:
»	114	» 16 »	Якова	Яна
»	164	» 5 »	скучный	скученный.
»	177	» 4 сверху	1499	1497.
»	183	» 9 снизу	niezszeszcie	nieeszszcie.
»	184	» 8 »	Малко	Майко
»	185	» 3 »	Юнѣ	Юлѣ.
»	231	» 9 сверху	Чертавицѣ	Черновицѣ.
»	260	» 14 снизу	перемѣры	перемѣны.
»	263	» 10 »	1503	1502.
»	idem	» » »	праславно-рус- скаго.	православно-рус- скаго.
»	269	» 4 сверху	постройка	постройки
»	291	» 8 снизу	de la Rovere	de la Rovere.
»	324	» 4 »	Въ началѣ 1506 года.	Въ июлѣ 1505 года.
			въ Литву	изъ Литвы.

МК-256603

Ленинград
МАГ № 48
60-

ЛК
Министерство
Л. 1985

[Handwritten signature]

[Handwritten mark]

5-
3883
Л. 1985

5

HR

[Faint stamp]

М. 09

Л

